

Григорий Анисимович Федосеев

Мы идем по Восточному Саяну

Изд: Новосибирское книжное издательство, 1956

OCR&Spellcheck: Arch Stanton, 15 jun 2001

СОДЕРЖАНИЕ:

- [СКВОЗЬ МЁРТВЫЙ ЛЕС](#)
- [ШТУРМ ПЕРВОЙ ВЕРШИНЫ](#)
- [x x x](#)
- [С НАРТАМИ НА КИЗИР](#)
- [x x x](#)
- [x x x](#)
- [НА РЕКЕ КИЗИРЕ](#)
- [x x x](#)
- [В ДЕНЬ ПЕРВОГО МАЯ](#)
- [x x x](#)
- [ЧЕРЕЗ ПРЕГРАДЫ К ЧЕБУЛАКУ](#)
- [x x x](#)
- [ПОД НАМИ ВЕРШИНА ЧЕБУЛАКА](#)
- [В ДАЛЁКИЙ ПУТЬ](#)
- [НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА](#)
- [x x x](#)
- [НА УСТЬЕ РЕКИ БЕЛОЙ](#)
- [x x x](#)
- [x x x](#)
- [НА ВЕРШИНЕ НАДПОРОЖНОГО БЕЛКА](#)
- [НА НИЧКУ](#)
- [КУБАРЬ ГНЕВАЕТСЯ](#)
- [ЗА ТРЕТЬИМ ПОРОГОМ](#)
- [НА ФИГУРИСТЫХ ГОЛЬЦАХ](#)
- [У ЛАБАЗА](#)
- [ЗВЕРИНОЙ ТРОПОЙ НА ПЕЗИНСКОЕ БЕЛОГОРЬЕ](#)
- [x x x](#)
- [x x x](#)
- [x x x](#)
- [x x x](#)
- [ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КИЗИРЕ](#)
- [x x x](#)
- [x x x](#)
- [ВО ВЛАСТИ ДИКИХ ГОР](#)
- [К ИСТОКАМ ПРЯМОГО КАЗЫРА](#)
- [МЫ НЕ УШЛИ ИЗ САЯНА](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)

"Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать".

И. Гончаров.

СКВОЗЬ МЁРТВЫЙ ЛЕС

Рассвет в пути. В плену завала. Мальчишка из Пензенской деревни. Ночной ураган. В гостях у деда Родиона.

Еще была ночь. Тайгу опутывала густая тьма, но уже кричали петухи и дымились избы. Узкая дорога змейкой обогнула Черемшанку, последний поселок на реке Казыр, и, перевалив через сопку, скрылась в лесу. Лошади, покачивая головами, шли дружно. Вел обоз Прокопий Днепровский. Слегка сгорбленная широкая спина, размашистые шаги придавали его фигуре особую силу и уверенность. Изредка, поворачивая голову и не останавливаясь, он покрикивал на переднего коня:

— Ну ты, Бурка, шевелись!..

Властный окрик оживлял усталых лошадей.

Днепровский, прекрасный охотник и хороший следопыт, уже много лет был членом экспедиции. Еще в 1934 году, когда мы вели работу в Забайкалье, скромному, трудолюбивому колхознику из поселка Харагун понравилась экспедиционная жизнь. Он понял, что может принести пользу родине своими знаниями природы, и остался на долгие годы с нами. Многолетний опыт развил у Днепровского "шестое чувство", благодаря которому он никогда не плутал в тайге и в горах, не раз выручал нас из беды. В присутствии Прокопия все чувствовали себя как-то увереннее, тверже.

"Этот не сдаст! Этот выручит!.." — думали мы, глядя на него.

Сегодня первый день нашего путешествия. Настроение у всех приподнятое, как это всегда бывает у людей, отправляющихся в далекий, давно желанный путь. Остались позади сборы, хлопоты, друзья, театры, городская суета, а впереди лежали лесные дебри, дикие хребты Восточного Саяна, вершины которого уже вырисовывались на далеком горизонте. Там, в первобытной тайге, среди гор и малоизвестных рек, мы проведем за работой все лето.

Экспедиция состояла из тринадцати человек, различных по возрасту, характеру, силе, но все мы одинаково любили скитальческую жизнь и были связаны одной общей целью. Мы должны были проникнуть в центральную часть Восточного Саяна, считавшуюся тогда малоисследованной горной страной. Природа нагромодила тысячи препятствий на пути человека, пытающегося проникнуть в этот сказочный, полный романтизма, край. Путь тогда преградили бурные порожистые реки, белогорья, заваленные руинами скал, чаща первобытного леса. Вот почему в центральную часть Восточного Саяна мало кто заглядывал из путешественников. Много смельчаков вернулось, не завершив маршрута, другие обошли стороной эту часть гор. Людям не суждено заглянуть и на минуту времени вперед. Мы не знали, какие удачи, какие разочарования ждут нас там, кто вернется и чьи могилы станут памятником человеческих дерзаний.

Имевшиеся до этого времени сведения, собранные геодезистами, географами, геологами и натуралистами, побывавшими в различных частях Восточного Саяна, не отличались ни полнотой, ни точностью, а в топографическом отношении эти горы представляли собою "белое пятно". Правда, на всю территорию имелась карта 1 : 1.000.000 масштаба, но она была составлена больше по рассказам бывалых людей да охотников-соболятников, проникавших в самые отдаленные уголки гор. И только совсем незначительная часть, главным образом, районы золотодобычи, были нанесены на ней более или менее точно.

Конечная задача экспедиции — создать высокоточную карту. Мы должны проложить геодезические ряды через Восточный Саян и нанести на "белые пятна" карт направления горных хребтов и отрогов, определить их высоты, распутать речную сеть, проследить границы и дать общее представление об этом большом горном районе. Для достижения цели нам придется проникнуть в места, куда, может быть, еще не ступала нога человека.

Всю техническую работу вели Трофим Васильевич Пугачев и я. Остальные одиннадцать человек были проводники, рабочие, охотники.

Обоз шел медленно. Со скрипом ползли по еле заметной дороге груженные сани. Далеко за холодным, синеем горизонтом занималась багряная зорька. Перед нами распахивался темный лес, из глубины его доносилась утренняя переключка дятлов. Становилось светлее и шире. Лучами восхода посеребрились вершины далеких гор. Появилось солнце и, не задерживаясь, тронулось навстречу нам по глубокому небу.

Несмотря на ясное, солнечное утро, окружающая нас картина была чрезвычайно мрачной. Мы пробирались сквозь погибший лес. Вековые пихты, еще недавно украшавшие густозеленой хвоей равнину, стояли ободранные, засохшие. Тяжелое впечатление производили эти мертвые великаны. У одних слетела кора, и они, обнаженные, напоминали скелеты, у других обломались вершины, а многие упали на землю и образовали завалы, преграждавшие путь нашему обозу.

Не было в этом лесу зверей и боровой птицы, и только изредка, нарушая тишину, доносился крик желны, да иногда слух улавливал стон падающей лесины. С тревожным чувством мы погружались в это обширное лесное кладбище. Путь становился все труднее и труднее.

Правда, то, что мы видели, не являлось для нас неожиданным. Местные промышленники рассказывали нам о мертвой тайге и причинах гибели леса.

Еще совсем недавно всхолмленную равнину, в клину слияния рек Кизира и Казыра, покрывал хвойный лес. Он был и на хребтах, оконтуривающих долины рек Амыла и Нички, и на отрогах, изрезанных многочисленными притоками этих рек. Вековая тайга хранила неисчислимы богатства. Не перечеть, сколько было в ней белки, птицы, какая масса кедровых орехов и ягод! А сколько городов, именно городов, можно было выстроить из столетних деревьев!

Но в 1931 году в лесу вдруг появились вредители: пихтовая пяденица, "монашенка" и непарный шелкопряд. Вредители нашли благоприятную почву для существования и размножения.

Очевидцы-промышленники, побывавшие в то время в тайге, говорили: "И откуда только взялась ее такая масса, негде ногою ступить, на ветках, на коре, на земле — всюду гусеницы. Они ползают, едят, точат". Слово густым туманом окутала паутина тайгу, поредела и пожелтела на деревьях хвоя. Лес заглох. К осени тайга покрылась пятнами погибшего леса.

На следующий год вредителя появилось во много раз больше. Шел он стеною, оставляя позади себя обреченные на смерть пихтовые деревья. За три года погибло более миллиона гектаров первобытной тайги.

Очевидцы были поражены тогда прилетом огромного количества птиц: кедровки, ронжи, кукши, а также появлением множества бурундуков. Эти благородные обитатели лесов противодействовали распространению вредителя. Птицы питались личинками бабочки пяденицы, бурундуки поедали усачей. Но спасти лес им не удалось.

Осыпавшаяся хвоя засохших деревьев заглушила жизнь на "полу". Растения, которые любили тень густого леса, погибли от солнца, влажная почва высохла, исчез моховой покров. И, как следствие исчезновения растений, вымерли муравьи, покинули родные места рябчики, глухари, ушли в глубь гор звери, и тайга стала мертвой.

Вредители дошли до границы пихтового леса и погибли от голода.

С тех пор прошло четыре года. С мертвых деревьев слетела кора, обломались сучья и уже успели подгнуть корни. От легкого ветра падали великаны, заваливали обломками стволов землю, превращали равнину в непроходимую пустыню.

Неохотно пропускала нас мертвая тайга. Путь оказался заваленным обломками упавших деревьев. Обоз все медленнее продвигался вперед. Люди расчищали проход, работали топорами. От губительных лучей мартовского солнца дорога мякла,

лошади чаще стали заваливаться. К четырем часам снег окончательно расплавился, и мы вынуждены были остановиться.

Предстояла первая, долгожданная, ночевка. Забыв про усталость и голод, мы с наслаждением принялись за устройство ночлега: расчищали поляну от снега, валежника, таскали дрова, готовили подстилку для постелей. Людской говор, стук топоров, грохот посуды сливались с ржанием коней. Но вот вспыхнул большой костер, на таганах повисли котлы, все в ожидании ужина притихли.

День заканчивался. За корявыми вершинами мертвых пихтачей багровел закат. Темнело небо. В просветах деревьев, освещенных костром, танцевали силуэты. После ужина лагерь угомонился. Съежившись от холода, у огня спали люди. У возов кормились лошади. Я подсел к костру и сделал первую запись.

"25 марта. 1-й лагерь. Как и надо было ожидать, начало оказалось ужасным. Проходы завалены погибшим лесом, толщина снега более метра. Только благодаря усилиям всего коллектива нам удалось продвинуться на 16 километров, но добраться сегодня до Можарских озер, как намечалось, не смогли. А ведь и люди, и лошади — при полной силе. Что же ждет нас дальше? Мы не должны щадить свой труд, но, чтобы не попасть впросак, не должны и пренебрегать осторожностью. Сегодняшний день для нас серьезное предупреждение. Но человек должен победить! Если мы не достигнем цели, на смену нам придут другие, третьи — они заставят Саяны покориться, открыть свои недра и отдать неисчерпаемые богатства и силы на службу советскому человеку.

Восточный край неба покрылся грязными тучами. Костер, развалившись на угли, напрасно пытался отпугнуть наседавшую темноту. Дремали уставшие лошади. Против меня сидя спал мой помощник Трофим Васильевич Пугачев. Обняв сцепленными руками согнутые в коленках ноги и уронив голову на грудь, он казался совсем маленьким. Его смуглое лицо еще не утратило юношеской свежести. Если бы не борода, которую он тогда отпустил ради солидности, ему ни за что не дать 27 лет. Я смотрел на него и не верил, что в этом свернувшемся в маленький комочек человеке билась неугомонная, полная отваги и дерзаний жизнь.

А кажется, совсем недавно (в 1930 году) юношей пришел он к нам за Полярный круг, в Хибинскую тундру. Тогда мы делали первую карту апатитового месторождения. Жили в палатках на берегу шумной речки Кукисвумчорр. Теперь там раскинулись просторнее улицы города Кировска, а тогда был выстроен только первый домик для экспедиции Академии наук; путейцы нащупывали трассу будущей дороги, а геологи горячо спорили, подсчитывая запасы апатитовой руды.

Помнится, как-то вечером, когда все спали, я сидел за работой. Это было в конце мая, в период распутицы в тундре. Порывы холодного ветра качали деревья. Шел дождь. Неожиданно раздвинулся вход и в образовавшееся отверстие просунулась голова юноши.

— Погреться можно зайти? — произнес он тихим, почти детским голосом и, не дожидаясь ответа, вошел внутрь.

С одежды стекала вода, он весь дрожал от холода. Я молча рассматривал его. Голову прикрывала старенькая, непомерно большая, ушанка, с узких плеч свисал зипун, разукрашенный латками. На ногах, завернутых в онучи, истоптанные лапти. Маленькое, круглое лицо, еще не обожженное северным ветром, хранило застенчивость.

Незнакомец устало осмотрел внутренность палатки, снял котомку, мокрый зипун и, подойдя к раскаленной печи, стал отогревать заочевшее тело.

— Ты откуда? — не выдержал я.

— Пензенский.

— А как попал сюда?

— Мать не пускала, да я уехал, охота лопарей (*Лопари — прежнее название народности саами) и северное сияние посмотреть.

— Один приехал?

Он, не отвечая, вскинул на меня светлые глаза, переполненные усталостью.

Пока я ходил в соседнюю палатку, чтобы принести ему поесть, он свернулся у печи да так, в мокрой одежде, и уснул.

Это был Трофим Пугачев. Начитавшись книг, он с детства стремился на Север, в глушь, в леса, которые не видя полюбил. И вот, убежав от матери, из далекой пензенской деревни, он добрался до Хибинской тундры.

Мы зачислили его рабочим в партию. Просторы тундры, жизнь в палатках и даже скучные горы Кукисвумчорр и Юкспарьек, окружавшие лагерь, стали дороги парню.

Так началась жизнь Пугачева, полная борьбы, тревог и трудовых успехов.

По окончании работы в Хибинах наша геодезическая партия переехала в Закавказье. Пугачев вернулся домой. В памяти он сохранил яркие впечатления о северном сиянии, о тундре, о своей работе.

В тундре Пугачев видел, как только что родившийся теленок оленя следовал за матерью по глубокому снегу и даже спал в снегу. Это удивило юношу. Он поделился своими впечатлениями со старым саами.

— Ты спрашиваешь, почему теленок оленя не замерзает? — сказал житель тундры.

— Говорят, есть на юге такая страна, где на солнце яйца птиц пекутся, вот там как могут жить люди?

В самом деле, как живут люди в жарких странах? Это заинтересовало любознательного юношу.

В апреле следующего года он приехал на юг, разыскал наши палатки в далекой Муганской степи Азербайджана. Трофим хотел познакомиться со страной жаркого солнца.

Затем у него зародилась дерзкая мысль побывать в далекой Сибири, там, "где золото роят в горах"; на побережье Охотского моря. Желаниям не было конца.

С тех пор прошло много лет. Жизнь Трофима Васильевича слилась неразрывно с жизнью нашей экспедиции. Быть первым на вершине пика, бродить бурные горные потоки, терпеливо переносить лишения, жить трудом и борьбой -- вот какими качествами отличался этот человек. В нем будто уживались два Трофима: в лагере он скромный, застенчивый, большой шутник, всегда готовый к услугам; в походе же беспощадный, верткий, волевой, способный удивить любого смельчака.

Сбылась мечта полуграмотного парнишки из пензенской деревни — он стал путешественником! Теперь Трофим Васильевич выполняет работу инженера. Он видел не только тундру и страну горячего солнца. За его плечами угрюмая приохотская тайга, суровые Баргузинские гольцы, узорчатые гребни Тункинских Альп, а впереди, как и всех нас, его ждут малоисследованные горы Восточного Саяна.

...Шальной ветер, прорвавшийся из темных дебрей мертвого леса, вернул меня к действительности. Окружив костер, крепко спали мои спутники. На краю подстилки лежал Шайсран Самбуев, отбросив голые ноги на снег. Добрый и покладистый характер бурята был хорошо известен нашим собакам Левке и Черне. Это они вытеснили его с постели и, растянувшись на ней, мирно спали.

Я подложил в огонь недогоревшие концы дров. Треск костра разбудил дремавшего дежурного. Он встал, громко зевнул и ушел к лошадям. Я залез в спальный мешок и, согревшись, уснул. Но спал не долго. Внезапно в лагере поднялась суета. Люди в панике хватили вещи и исчезали в темноте. Конюхи отвязывали лошадей и с криком гоняли их на середину поляны.

С востока надвигались черные тучи. Они ползли, касаясь вершин деревьев. Воздух переполнился невероятным шумом, в котором ясно слышались все усиливающиеся удары. Я бросился к людям, но не успел сказать и слова, как налетел ветер и деревья вдруг закачались, заскрипели, а некоторые стали с треском падать на землю. Лошади сбились в кучу и насторожились. Все молчали, а ветер крепчал и скоро перешел в ураган. От грохота и шума, царивших вокруг нас, создавалось впечатление, будто между бурей и мертвым лесом происходила последняя схватка. И, отступая, лес стонал, ломался, падал. Прошло всего несколько минут, как мощные порывы ветра пронеслись вперед, оставляя после себя качающуюся тайгу. И долго слышался удаляющийся треск падающих деревьев.

Мы не успели прийти в себя и достать из-под обломков леса оставшиеся у костра вещи, как в воздухе закружились пушинки снега. Они падали медленно, но все гуще и гуще.

К утру на небе не осталось ни одного облачка. Медленно появилось солнце, освещая безрадостную картину мертвой тайги. Выпавший снег прикрыл следы ночного урагана.

Мы тронулись в путь. Под ногами похрустывал скованный ночным морозом снег. Лошади, вытянувшись гуськом, шли навстречу наступающему дню, и снова мы слышали ободряющий голос Днепровского:

— Ну ты, Бурка, шевелись!

К полдню дорога снова размякла. Бедные лошади! Сколько мучений принес им этот день. Они беспрерывно проваливались в глубокий снег, то и дело приходилось вытаскивать их и переносить на себе вещи и сани. Можно представить себе нашу радость, когда еще задолго до захода солнца мы увидели ледяную гладь Можарского озера! На противоположной стороне, там, где протока соединяет два смежных водоема, показалась струйка дыма. Это была Можарская рыбацкая заимка. Лошади, выйдя на лед, прибавили шагу, и скоро послышался лай собак.

Нас встретил рослый старик с густой седой бородой. Он подошел к переднему коню, отстегнул повод и стал распрягать.

— Вот и к нам люди заглянули, — заговорил он, когда распряженные лошади стояли у забора. — Добро пожаловать, человеку всегда рады! -- Здороваясь, он поочередно подавал нам свою большую руку.

Дед Родион был рыбаком в Черемшанском колхозе.

Люди расположились в поставленных на берегу палатках, а вещи сложили под навес, где хранились рыбацкие снасти.

Хозяин предложил мне и Трофиму Васильевичу поселиться в избе. Это было старое зимовье, стоявшее на пригорке у самого обрыва. Когда мы вошли — уже вечерело. Тусклый свет, падающий из маленького окна, слабо освещал внутренность помещения. Зимовье разделено дощатой стеной на кухню и горницу. В первой стоял верстак, висели сети, починкой которых занимались жена и дочь рыбака. Горница содержалась в такой чистоте, будто в ней никто и не жил. Пол, столы, подоконники зимовья добела выскоблены, как это принято в Сибири. Все остальное носило отпечаток заботливой хозяйской руки.

Через полчаса горница была завалена чемоданами, свертками постелей и различными дорожными вещами. Нам предстояло прожить на зимовье несколько дней, перепаковать груз, приспособив его к дальнейшему пути, и обследовать район, прилегающий к Можарскому озеру.

Хозяйка подала ужин: на большой сковородке сочные, изжаренные на масле с луком, свежие сиги. Не обошлось без стопки водки — с дороги положено!

Сиг, как известно, рыба вкусная, а тут еще и приготовлен он был замечательно, по-таежному. Старик повеселел, стал разговорчивее, а хозяйка, видя, что ужин может затянуться, налаживала вторую сковородку рыбы.

ШТУРМ ПЕРВОЙ ВЕРШИНЫ

С нартами по тайге. Попытка выйти на вершину Козя. Обвал, Сон под кедром. Черня — верный друг Зудов делает надью. Белка предвещает погоду. Открылся Восточный Саян, Встреча с Павлом Назаровичем. Утро на глухаринном току.

Под тенью вековых пихтачей дремало Можарское озеро. Природе угодно было образовать его у подножья Саянских гор на самой границе с равниной. Оно состояло из трех водоемов, как близнецы, похожих друг на друга, и соединенных между собой неширокими протоками. Величавый голец Козя, круто спадая к озеру, питал его бесчисленными ручьями. Они зарождались по узким щелям гольца у снежных лавин и надувов и, переливаясь по камням, с шумом бежали все лето. А сам голец,

неподвижный, как страж, веками стоит у Можарского озера, охраняя его от восточных ветров и снежных буранов. На крутом берегу, там, где протока соединяет два южных водоема озера, с давних лет приютилась заимка из нескольких избушек, старых, сгорбленных и почерневших от времени. Жители заимки, колхозники-рыбаки, лето и зиму ловили на озере сига, щуку и окуни, осенью добывали кедровые орехи, весной занимались птичьим промыслом. Много в это время сбивается на озерах перелетных птиц.

Малоезженная дорога, по которой мы добрались до Можарской заимки, у озер кончается. Дальше, на сотни километров мы должны были сами прокладывать себе проход, вначале через мертвую тайгу, а дальше сквозь дебри первобытного леса, по диким ущельям и белогорьям. Первая задача — перебросить весь груз на реку Кизир, которая должна была служить нам главной магистралью для захода в центр Восточного Саяна. Но путь до реки завален глубоким снегом и переплетен буреломом, через который лошадям ни за что не пройти, даже без вьюков. Они пойдут на Кизир позже, когда растает снег и можно будет прорубить тропу. Груз же до реки мы должны были перебросить на нартах не иначе, как запрягшись в них сами. Другого выхода не было.

С утра Пугачев с товарищами приступил к поделке нарт. Они должны были перепаковать весь груз, приспособив его для переброски на узких нартах. Заимка оживилась людским говором да стуком топоров. Нужно было торопиться и до распутицы перебраться на реку.

Я с Днепровским и Лебедевым приступили к обследованию района озер и прилегающей к ним низины. На лыжах, с котомками за плечами, мы несколько дней бродили по мертвой тайге, сплошь покрывающей низину. Какая неизгладимая печаль лежала на погибших деревьях. Но жизнь уже делала робкую попытку изменить своим пробуждением мертвый пейзаж: кое-где сквозь завал пробивалась тонкая поросль лиственничного леса, пришедшего на смену хвойной тайге.

Помимо трех Можарских водоемов здесь расположена большая группа озер. Самое крупное из них озеро Тиберкуль, значительно меньше Спасское, Семеновское, Варлаама озеро, Малый Тиберкуль и множество безымянных озерцов. Нижняя часть озер окружена плоскими горами, покрытыми мертвым пихтовым лесом, и только вдоль берегов водоемов узкой полоской зеленели кедры да ели. Северная же группа озер расположена по заболоченной, малопроездимой всхолмленной низине.

По мнению геологов, вся эта группа крупных и мелких озер — ледникового происхождения. Большая часть из них образовалась в результате выпаивания ледником довольно глубоких впадин и подпруживания их моренами. Следы действия ледников, некогда сползавших с западных склонов гольца Козя, хорошо сохранились на озере Тиберкуль в виде обточенных валунов и торчащих на поверхности водоема "бараньих лбов" отшлифованных скал.

Вернувшись через несколько дней с обследования, мы застали своих товарищей готовыми идти дальше. Но прежде чем покинуть заимку, нужно было построить геодезический пункт на вершине гольца Козя. Днепровский с Кудрявцевым отправятся на поиски прохода к Кизиру, а остальные пойдут со мною на голец.

Итак, мы покидали избушку гостеприимного рыбака.

Нарты загружены цементом, песком, железом, продуктами, снаряжением. Светало яснее вырисовывались контуры гор границы леса и очертание водоемов. Слово выточенный из белого мрамора, за озером виднелся голец Козя. Его тупая вершина поднялась в небе, заслоняя собою свет наступающего дня.

Караван тронулся в путь. Грузные нарты легко сползали по отполированной поверхности озера. Теперь наше шествие представляло довольно странное зрелище. Часть людей была впряжена в длинные узкие сани, а другие помогали, подталкивали их сзади. Вытянувшись гуськом, мы перешли озера и углубились в лес. Впереди, радуясь теплоту дню, бежали собаки — Левка и Черня.

В тайге от солнца размяк снег. Хрустнула под лыжами настывшая за ночь корка — наст. Глубоко врезались в плечи лямки. Нарты стали проваливаться, мы шли все

медленнее.

К десяти часам подошли к Тагасуку. Река уже очистилась ото льда, и ее русло было заполнено мутной водою. Нечего было и думать перейти ее вброд. Мы дружно взялись за топоры. С грохотом стали валиться на воду высокие кедры. Немало их унесло течением, пока нам удалось, наконец, наладить переправу.

Миновал полдень, когда мы снова впряглись в нарты, но не прошли и полкилометра, как попали в бурелом. Пришлось делать обходы, лавируя между деревьями, валявшимися всюду с вывернутыми корнями. Иногда мы попадали в такую чащу, где каждый метр пути приходилось расчищать топором. А тут, как на грех, нарты стали еще больше грузнуть в размякшем снегу, цепляться за сучья упавших деревьев и ломаться. Вытаскивая нарты, мы рвали лямки, падали сами и скоро выбились из сил. А конца бурелому не видно! Самым разумным было — остановиться на ночевку и произвести разведку, но поблизости не было подходящего места. Вокруг нас лежал сплошным завалом мертвый лес, поросший пихтовой чащей. Мы продолжали медленно идти, надеясь, что вот-вот бурелом кончится, но только вечером вырвались из его плена.

Как только люди увидели группу зеленых деревьев, сиротливо стоящих среди сухостойного леса, сразу свернули к ним.

Все принялись таскать дрова, готовить хвою для постелей, и скоро на расчищенной от снега поляне затрещал костер. Пока варили суп, успели высушиться. Ужинали недолго и через час, прижавшись друг к другу, уснули. Но отдохнуть не удалось.

Те, кому приходилось, путешествуя по тайге, коротать ночи у костра, знают, что не у всякого костра можно Уснуть. Из всех пород леса пихтовые дрова пользуются самой плохой славой. В ту памятную ночь мы вынуждены были жечь именно пихту, за неимением других дров. Люди, боясь спалить одежду, ложились поодаль от костра. Но холод заставлял их придвигаться ближе к огню. Искры дождем осыпали спящих. Они то и дело вскакивали, чтобы затушить загоревшуюся от искры фуфайку, брюки или постель. Пришлось назначить дежурного, но времени для сна оставалось немного. Вот уже повар Алексей Лазарев загремел посудой. Это была верная примета наступающего утра.

Медленно багровел восток. Меркли звезды. На деревьях, окружавших бивак, на нартах, на постелях лежал густой серебристый иней. В величественном покое и тишине всходило солнце. Алмазным блеском вспыхивал снег. Где-то далеко-далеко одиноко токовал глухарь.

Бросив на месте ночевки нарты и нагрузившись котомками, мы сразу после завтрака покинули табор.

Путь наш начался с подъема на первый отрог гольца. Склоны отрога также были завалены упавшим лесом. Впереди неторопливым шагом шел на подъем Михаил Бурмакин. Этот невысокий, коренастый человек обладал огромной силой. Его голова почти вросла в широкие плечи. Длинные руки с сильными кистями и крепкие ноги не знали усталости.

Он пришел к нам из приангарской тайги.

Бурмакин отличался большой любознательностью, честностью и удивительной простотой.

Сейчас он не проявлял ни малейших признаков утомления. Под его собственной тяжестью и тридцатикилограммовым грузом, который он нес на спине, лыжи выгибались лучком, глубоко вязли в снег. Следом, уже по готовой, хорошо спрессованной лыжне, шел весь отряд.

А подъем становился чем дальше, тем круче. Правда, выбравшись на вершину отрога, мы сторицею были вознаграждены: перед нами расстилалась зеленая, живая тайга. Погибший лес остался позади.

Как же обрадовались мы этой перемене! Пространство, лежащее между нами и вершиной гольца, покрывало кедровое редколесье, мелкое и корявое. Но в нем была жизнь! В воздухе улавливался запах хвои.

У первых деревьев мы сели отдохнуть. Одни сейчас же принялись чинить лыжи, другие переобувались, а курящие достали кисеты и медленно крутили цыгарки. Вдруг мы услышали крик кедровки и насторожились. Каким приятным показался нам ее голос после длительного безмолвия. Признаться, тогда кедровка сошла у нас за певчую птицу, так соскучились мы о звуках в мертвой тайге. Даже повар Алексей, предпочитавший любой песне сопение своей трубки, и тот снял шапку и прислушался.

— Да-а-ак, да-а-ак, да-а-ак! — не умолкала кедровка.

— Эх ты, птаха-куропаха! — не выдержал Алексей. — Ишь что выделявает!

А кедровка вовсе не собиралась ничего "выделявать" и твердила свое однообразное:

— Да-а-ак, да-а-ак, да-а-ак...

Такова уж ее песня.

После короткого перерыва двинулись дальше и в два часа дня были под вершиной гольца. На границе леса лагерем расположились у трех кедров, выделявшихся своей высотой. Люди, освободившись от тяжелых поняжек, расселись на снегу.

Нас окружал обычный зимний пейзаж. Внизу виднелись чаши стылых озер. Мертвую тайгу пронизывали стрелы заледеневших ключей, убежавших в синь далекого горизонта. Снежный покров равнины грязнили пятна проталин и отогретых болот. Если там, внизу весна уже порвала зимний покров, то по отрогам гор лежал нетронутый снег. Апрельское солнце еще бессильно было пробудить природу от долгого сна. Но теплый южный ветер уже трубил по щелям и дуплам старых кедрочек о приближающемся переломе.

Пугачев, Лебедев, Самбуев и я остались под гольцом организовывать лагерь, а остальные спустились к нартам, чтобы утром вернуться к нам с грузом. До заката солнца времени оставалось много. Мы поручили Самбуеву наготовить дров и сварить ужин, а сами решили сделать пробное восхождение на голец Козя.

Покидая стоянку, я заметил далеко на севере над гольцом Чебулак тонкую полоску мутного тумана. Но разве могла она вызвать подозрение, когда вокруг нас царил тишина и небо было чистое, почти бирюзового цвета. Не подумав, что погода может измениться, мы покинули лагерь. Черня увязался с нами.

От лагеря метров через двести начинался крутой подъем. Двухметровой толщиной снег покрывал склоны гольца. Верхний слой был так спрессован ветрами, что мы легко передвигались без лыж. Но чем ближе к шапке гольца, тем круче становился подъем. Приходилось выбивать ступеньки и по ним взбираться наверх. Оставалось уже совсем немного до цели, когда на нашем пути выросли гигантские ступени надувного снега.

Мы разошлись в разные стороны искать проход. Лебедев и Пугачев свернули влево, намереваясь достигнуть вершины гольца по кромке, за которой виднелся глубокий цирк, а я снежными карнизами ушел вправо.

Около часа я лазил у вершины, и все безрезультатно, прохода не было. Размышляя, что делать дальше, я заглянул вниз — и поразился. Ни тайги, ни отрогов не видно. Туман, как огромное море, хлынувшее вдруг из ущелий гор, затопил все земные контуры. Темными островками торчали лишь вершины гор. Это было необычайное зрелище! Мне казалось, что мы остались одни, отрезанные от мира, что не существует больше ни нашего лагеря с Самбуевым, ни Можарского озера, ни Саяна. Все сметено белесоватым морем тумана.

Я испытывал неприятное состояние одиночества, оторванности.

Неожиданно на северном горизонте появились черные тучи. Они теснились над макушками гольцов, как бы ожидая сигнала, чтобы рвануться вперед. Потускневшее солнце, окаймленное оранжевым кругом, краем своим уже касалось горизонта.

Погода вдруг изменилась. Налетел ветер и яростно набросился на лежащий внизу туман. Всколыхнулось серое море. Оторванные клочья тумана вздымались высоко и там исчезали, растерзанные ветром. Зашевелились северные тучи и, хмурясь, заволкли небо.

Приближался буран. Нужно было немедленно возвращаться. Я начал спускаться вниз, но не своим следом, как следовало бы, а напрямик. Скоро снежный скат оборвался, и я оказался у края крутого откоса. Идти дальше по откосу казалось опасным, тем более, что не было видно, что же пряталось там, внизу, за туманом. А ветер крепчал. Холод все настойчивее проникал под одежду, стыло вспотевшее тело. Нужно было торопиться. Я шагнул вперед, но, поскользнувшись, сорвался с твердой поверхности надува и покатился вниз. С трудом задержался на небольшом выступе, стряхнул с себя снег и осмотрелся.

За выступом отвесной стеной уходил в туман снежный обрыв. Справа и слева чуть виднелись рубцы обнаженных скал, круто спадавших в черную бездну.

Куда идти? И тут только я понял, что попал впросак. А время бежало. Уже окончательно стемнело. Пошел снег. Разыгрался буран. Все вокруг меня взбудоражилось, завертелось, взревело. Но самым страшным был холод. Он сковывал руки и ноги. Нужно было двигаться, чтобы хоть немного согреться. Оставался один выход — вернуться на верх гольца и спуститься в лагерь своим следом. Я стал взбираться обратно по откосу. Ногам не на что было опереться, руки, впиваясь пальцами в крепкий снег, не в силах были удерживать тело. Я падал, карабкался, снова скатывался вниз, пока не выбился из сил.

А погода свирепела. Тревожные мысли не покидали меня.

И все-таки что же делать? Холод добрался до вспотевшего тела. Начинался озноб. Я пошел к краю площадки. В темноте не видно было даже кисти вытянутой руки. Мне ничего не оставалось, как прыгать с обрыва. Натягиваю на голову поплотнее шапку-ушанку, застегиваю телогрейку. Я хотел сделать последнее движение, чтобы оторваться от бровки этой маленькой площадки, как снег подо мною сдвинулся, пополз и, набирая скорость, потянул меня в пропасть.

"Обвал!" — мелькнуло в голове. Меня то бросало вперед, то с головой зарывало в снег. Я потерял сознание и не знаю, сколько времени был в забытьи.

Когда же пришел в себя, то оказалось, что я лежу в глубоком снегу. Стоило больших усилий выбраться наверх. Вокруг громоздились глыбы снега, скатившегося вместе со мною с гольца. Я, не задумываясь, шагнул вперед. Ноги с трудом передвигались. Тело коченело; казалось, что кровь стынет в жилах от холода. Я уже не чувствовал носа и щек — они омертвели. Странно стучали пальцы рук, будто на них не было мяса. Мысли обрывались. Наступило состояние безразличия. Не хотелось ни думать, ни двигаться. Каждый бугорок манил прилечь, и стоило больших усилий не поддаваться соблазну.

"Неужели конец?!" — мелькнуло в голове. Напрягаю силы, с трудом передвигаю онемевшие ноги по глубокому снегу.

Ветер, злой и холодный, бросает в лицо заледеневшие крупинки снега. Одежда застыла коробом. Пытался засунуть руки в карманы, но не смог. Где-то на грани еще билась жизнь, поддерживая во мне волю к сопротивлению.

С большим усилием я сделал еще несколько шагов вперед и... увидел раскидистый кедр. Он неожиданно вырос передо мною, чтобы укрыть от непогоды. Я раздвинул густую хвою и присел на мягкий мех. Сразу стало теплее: оттого ли, что тело действительно согрелось, или оттого, что оно окончательно онемело. Я плотнее прижимаюсь к корявому стволу кедра. Запускаю под кору руки — а там оказалась пустота. Пролажу туда сам. Внутри светло, просторно, ни ветра, ни холода. Приятная истома овладевает мною...

Прошло, видимо, несколько минут, как послышался шорох. Потом что-то теплое коснулось моего лица. Я открыл глаза и поразился: возле меня стоял Черня, никакого кедра поблизости не было. Я лежал под сугробом, полузасыпанный снегом. Темная ночь, снежное поле, да не в меру разгулявшийся буран — вот и все, что окружало меня. С трудом поднялся. Память вернула меня к действительности. Вспомнил все, что произошло, и стало страшно. Появилось желание бороться, жить. Я попытался схватить Черню, но руки не повиновались, пальцы не шевелились.

— Черня, милый Черня!.. — твердил я.

Собака разыскала меня по следу.

Умное животное, будто понимая мое бессилие, не стало дожидаться и направилось вниз. Я шел следом, снова теряя силы, спотыкаясь и падая.

У кромки леса послышались выстрелы, а затем и крик. Это товарищи, обеспокоенные моим отсутствием, подавали сигналы.

В лагере не было костра, что крайне меня удивило. Пугачев и Лебедев без приключений вернулись на стоянку своим следом. Увидев меня, они вдруг забеспокоились и, не спрашивая, стащили всю одежду, уложили на бурку и растерли снегом руки, ноги, лицо. Терли крепко, не жалея сил, пока не зашевелились пальцы на ногах и руках.

Через двадцать минут я уже лежал в спальном мешке. Выпитые сто граммов спирта живительной влагой разлились по организму, сильнее забилося сердце, стало тепло, и я погрузился в сладостный сон.

Проснувшись утром, я прежде всего ощупал лицо — оно зашершавело и сильно горело. Спальный мешок занесло снегом. В лагере попрежнему не было костра. Буран, не переставая, играл над гольцом. Три большие ямы, выжженные в снегу, свидетельствовали о том, что люди вели долгую борьбу за огонь, но им так и не удалось удержать его на поверхности двухметрового снега. Разгораясь, костер неизменно уходил вниз и гас, оставляя людей во власти холода. Чего только не делали мои спутники! Они забивали яму сырым лесом, сооружали поверх снега настил из толстых бревен и на них разводили костер, но все тщетно. Им ничего не оставалось, как взяться за топоры и заняться рубкой леса, чтобы согреться.

Я же не мог ничего делать — болели руки и ноги. Тогда мои товарищи решили везти меня на лыжах и ниже, под скалой или в более защищенном уголке леса, остановиться. Три широкие камусные лыжи уже были связаны, оставалось только переложить меня на них и тронуться в путь. Вдруг Черня и Левка поднялись со своих лежбищ и, насторожив уши, стали подозрительно посматривать вниз.

Потом они бросились вперед и исчезли в тумане.

— Однако кто-то есть, — сказал Самбуев, обращаясь ко всем. — Даром его ходи по холоду не будет.

И действительно, не прошло и нескольких минут, как из тумана показалась заиндевшая фигура старика. Будто привидение, появился перед нами настоящий дед Мороз с длинной обледенелой бородой.

— Да ведь это Зудов! — крикнул Пугачев, и все мы обрадовались.

Действительно, это был наш проводник Павел Назарович Зудов, известный саянский промышленник из поселка Можарка. Он был назначен к нам Ольховским райисполкомом, но задержался дома со сборами и сдачей колхозных жеребцов, за которыми ухаживал и о которых потом тосковал в течение всего нашего путешествия. За стариком показались рабочий Курсинов и повар Алексей Лазарев, тащившие тяжелые поняжки. Остальные товарищи шли где-то сзади.

Зудов приблизился к моей постели и очень удивился, увидев черное, уже покрывшееся струпьями мое лицо. Затем он долго рассматривал ямы, выжженные в снегу, сваленный лес и качал головою.

— Чудно, ведь в такую стужу и пропасть недолго! — процедил старик сквозь смерзшиеся усы. — Кто же, — продолжал он, — кладет костер на таком снегу?

Он сбросил с плеч ношу и стал торопить всех.

Через несколько минут люди с топорами ушли и скоро принесли два толстых сухих бревна. Одно из них положили рядом со мной на снег и по концам его, с верхней стороны вбили по шпонке. На шпонки положили второе бревно так, что между ними образовалась щель в два пальца. Пока закрепляли сложенные бревна, Зудов заполнил щель сухими щепками и поджег их.

Огонь разгорался быстро, и по мере того как сильнее обугливались бревна, тепла излучалось все больше. Надья (так называют промысловики это примитивное сооружение) горела не пламенем, а ровным жаром. Как мы были благодарны старику,

когда почувствовали, наконец, настоящее тепло! Через полчаса Пугачев, Самбуев и Лебедев уже спали под защитой огня.

Итак, попытка выйти на вершину гольца Козя закончилась неудачей.

Два дня еще гуляла непогода по Саяну, и только на третий, 15 апреля, ветер начал сдавать и туман заметно поредел. Мы безотлучно находились в лагере. Две большие надьи спасали от холода. Я все еще лежал в спальном мешке. Заметно наступило улучшение, опала опухоль на руках и ногах, стихла боль, только лицо покрывала грубая чешуя да тело болело, как от тяжелых побоев.

Лебедев решил, не ожидая полного перелома погоды, подняться на вершину Козя. Когда он, теряясь в тумане, шел на подъем, я долго смотрел ему вслед и думал: "Вот неугомонный человек! Что значит любить свое дело! Ведь он торопится потому, что боится: а вдруг не он первым поднимется на голец и тогда не придется ему пережить тех счастливых минут, которые испытывает человек, раньше других преодолевший такое препятствие".

Я его понимал и не стал удерживать. Остальные с Пугачевым ушли вниз за грузом. Только Зудов остался со мной в лагере.

Заря медленно окрашивала восток. Погода улучшилась, серый облачный свод рвался, обнажая купол темно-голубого неба. Ветер тоже стих. Изредка проносились его последние короткие порывы. Внизу, затаившись, лежал рыхлый туман.

— Погода будет! Слышишь? Белка заиграла, — сказал сидевший у костра Зудов.

Под вершиной кедра я заметил темный клубок. Это было гайно (гнездо), а рядом с ним вертелась белка. Она то исчезала в густой хвое, то спускалась и поднималась по стволу, то снова появлялась на сучке близ гайна. Зверек, не переставая, издавал свое характерное "цит-т-а, цит-т-а..." и подергивал пушистым хвостиком.

Все дни непогоды белка отсиживалась в теплом незатейливом гнезде. Она изрядно проголодалась и теперь, почуяв наступление тепла, покинула свой домик. Но прежде чем пуститься в поиски корма, ей нужно было поразмяться, привести себя в порядок, и она начала это утро с гимнастических упражнений, иначе нельзя объяснить ее беготню по стволу и веткам вокруг гайна. Затем белка принялась за туалет, усевшись на задние лапки, почистила о сучок носик и, как бы умываясь, протерла лапками глаза, почесала за ушками, а затем принялась за шубку, сильно слезавшуюся за эти дни. С ловкостью опытного мастера она расчесывала пушистый хвост, взбивала коготками шерсть на боках, спинке и под брюшком. Но это занятие часто прерывалось. В нарядной шубке белки, да и в гнезде, живут паразиты. Иногда их скапливается так много и они проявляют такую активность, что доводят зверька до истощения, а то и до гибели. Из-за них-то белка отрывается от утреннего туалета. Но вот она встряхнула шубкой. Снова послышалось "цит-т-а, цит-т-а...", и, спрыгнув на снег, горбатым комочком попрыгала вниз.

День тянулся скучно. Догорала надья. Плыли по горизонту все более редящие облака. Пусто и голо становилось на небе, только солнце блином висело над гольцом, покрыв нашу стоянку узорчатой тенью старого кедра.

Обстановка невольно заставляла задуматься о нашем положении. Мы только начали свое путешествие, но действительность уже внесла существенные поправки в наши планы. Мы запаздываем, и неважно, что этому были причины -- бури и завалы. Ведь запас продовольствия был рассчитан только для захода в глубь Саяна всего на три месяца. Остальное должны были доставить туда из Нижнеудинска наши работники Мошков и Козлов. Им было поручено перебросить груз в тафаларский поселок Гутары и далее вьючно на оленях в вершины рек Орзагая и Прямого Казыра и там разыскать нас. Покидая поселок Черемшанку, мы не получили от Мошкова известий о выезде в Гутары; не привез ничего утешительного и Зудов, выехавший неделей позднее.

А что, если, проникнув в глубь Саяна, мы не найдем там продовольствия? Эта мысль все чаще и чаще тревожила меня. Беспокойство усугублялось еще и тем, что мы уже не могли пополнить свои запасы: в низовьях началась распутица, и связь между

Можарским озером и Черемшанкой прекратилась. Оставалось только одно: верить, что в намеченном пункте мы встретимся с Мошковым и Козловым.

Х Х Х

Через два дня Лебедеву удалось разведать проход на вершину Козя. Готовились к подъему. Я еще не совсем поправился и поэтому пошел с Зудовым вперед без груза. День был на редкость приятный — ни облачка, ни ветра. Расплылась по горам теплынь. Из-под снега появилась россыпь. На север летели журавли.

Поднявшись на первый барьер, мы задержались. Далеко внизу, вытянувшись гуськом, шли с тяжелыми поняжками люди. Они несли инструменты, цемент, дрова, продукты. Еще ниже виднелся наш лагерь. Он был отмечен на снежном поле сиротливой струйкой дыма и казался совсем крошечным.

Ровно в полдень мы с Зудовым поднялись на вершину гольца Козя. Нас охватило чувство радостного удовлетворения. Это первый гонец, на котором мы должны были произвести геодезические работы.

На север и восток, как безбрежное море, раскинулись горы самых причудливых форм и очертаний, изрезанные глубокими лощинами и украшенные зубчатыми гребнями. Всюду, куда ни бросишь взгляд, ущелья, обрывы, мрачные цирки. На переднем плане, оберегая грудью подступы к Саяну, высились гольцы Москва, Чебулак, Окуневый. Подпирая вершинами небо, они стояли перед нами во всем своем величии.

Гонец Козя является последней и довольно значительной вершиной на западной оконечности хребта Крыжина. Южные склоны его несколько пологи и сглажены, тогда как северные обрываются скалами, образующими глубокий цирк. Ниже его крутой склон завален обломками разрушенных стен. От Козя на восток убегают с многочисленными вершинами изорванные цепи гор.

Вершина Козя покрыта серой угловатой россыпью, кое-где затянутой моховым покровом. Отсюда, с вершины Козя, мы впервые увидели предстоящий путь. Шел он через вершины гольцов, снежные поля и пропасти.

Вопреки моим прежним представлениям, горы Восточного Саяна состояли не из одного мощного хребта, а из отдельных массивов, беспорядочно скученных и отрезанных друг от друга глубокими долинами. Это обстоятельство несколько усложняло нашу работу, но мы не унывали.

Взглянув на запад, я был поражен контрастом. Как исполинская карта, лежала передо мной мрачная низина. Многочисленные озера у подножья Козя были отмечены на ней белыми пятнами, вправленными в темный ободок елового и кедрового леса. А все остальное к югу и западу — серо, неприветливо. Это мертвый лес.

Только теперь, поднявшись на тысячу метров над равниной, можно было представить, какой огромный ущерб нанесли пяденица, усач и другие вредители лесному хозяйству.

Один за другим поднимались на вершину гольца люди. Они сбрасывали с плеч котомки и, тяжело дыша, садились на снег.

Я долго делал зарисовки, намечая вершины гор, которые нам нужно было посетить в ближайшие дни, расспрашивал Зудова, хорошо знавшего здешние места. За это время мои спутники успели освободить из-под снега скалистый выступ вершины Козя, заложить на нем триангуляционную марку и приступить к литью бетонного тура. Так в Восточном Саяне появился первый геодезический пункт.

Пугачев остался с рабочими достраивать знак, а я с Зудовым и Лебедевым решил вернуться на заимку, к Можарскому озеру, чтобы подготовиться к дальнейшим переходам.

Солнце, краснея, торопилось к горизонту. Следом за ним бежали перистые облака. От лагеря мы спускались на лыжах. Зудов, подоткнув полы одnorядки за пояс и перевязав на груди ремешком лямки котомки, скатился первым. Взвихрился под

лыжами снег, завияял по склону стружкой след. Лавируя между деревьями, старик перепрыгивал через валежник, выемки и все дальше уходил от нас. Мы с Лебедевым скатывались его следом.

На дне ущелья Павел Назарович дождался нас.

— Глухарей сейчас спугнул и вспомнил: вон на той зеленой гриве ток, -- сказал он, показав пальцем на залесенный кедрачом гребень.

— Хороша похлебка с глухарем. Может, заночуем тут, а утром сбегает на ток, — сказал Лебедев, взглянув на закат. — Скоро ночь, — добавил он.

Мы без сговору прошли еще с километр и там остановились. В лесу было очень тихо и пусто. Слабый ветерок доносил шелест засохшей травы. На востоке за снежными гольцами сгущался темносиреневый сумрак вечера. Багровея, расплывалась даль. Заканчивалась дневная суэта. У закрайки леса дятел, провожая день, простучал последней очередью. Паучки и маленькие бескрылые насекомые, соблазнившиеся дневным теплом и покинувшие свои зимние убежища, теперь спешно искали приют от наступившего вместе с сумерками похолодания.

Мы еще не успели закончить устройство ночлега, как пришла ночь. Из-под толстых, грудой сложенных дров с треском вырывалось пламя. Оно ярко освещало поляну.

Вместе с Кириллом Лебедевым я хотел рано утром сходить на глухариный ток, поэтому сразу лег спать, а Зудов, подстелив под бока хвои и бросив в изголовье полено, спать не стал. Накинув на плечо одностволку, он пододвинулся поближе к костру и, наблюдая, как пламя пожирает головешки, погрузился в свои думы. Павлу Назаровичу было о чем погрузиться. Вероятно костер напомнил ему о былом, когда в поисках соболя или марала он бороздил широкими лыжами саянские белогорья. С костром он делил удачу и невзгоды промышленника. Ему он поведывал в последний час ночи свои думы. Судя по тому, с какой ловкостью он сегодня катился с гольца, можно поверить, что в молодости ни один зверь от него не уходил, не спасался и соболю, разве только ветер обгонял его. И теперь, несмотря на свои шестьдесят лет, он оставался ловким и сильным.

Помню нашу первую встречу. Я приехал к нему в поселок Можарка. Зудов был удивлен, узнав, что райисполком рекомендовал его проводником экспедиции.

— Они, наверное, забыли, что Павел Назарович уже не тот, что был прежде. Куда мне, старику, в Саяны идти? Ноги ненадежные, заболело — беды наживете. Не пойду! А кроме того, ведь у меня колхозные жеребцы, как их оставить? Нет! Не могу и не пойду... — упрямылся старик.

Но он пошел.

Ночью, когда вся деревня спала, в избе Зудова горел огонек. По моей просьбе Павел Назарович чертил план той части Саяна, куда мы собирались идти и где ему приходилось бывать. По мере того, как на листе бумаги появлялись реки, озера, перевалы, старик говорил мне о звериных тропах, о тайге, о порогах, пересыпая свое повествование небольшими рассказами из охотничьей жизни. Его жена, добрая, покорная старушка, с непонятной для меня тревогой прислушивалась к нашему разговору. Когда же Павел Назарович, покончив с планом, вышел из избы, она спокойно сказала:

— Растревожили вы своими расспросами старика. Боюсь, не выдержит, пойдет.

И, немного подождав, добавила:

— Видно, уж на роду у него написано закончить жизнь не дома, а где-нибудь в Березовом ключе или Паркиной речке. И что тянет его в эти горы?! — Она тяжело вздохнула, и я понял, что своей попыткой склонить Павла Назаровича идти с нами растревожил ее старые раны.

Вернувшись в избу, Зудов приказал жене к утру истопить баню.

Теперь это решение меня несколько не удивило.

Рано утром баня была готова. Старик достал из-под навеса два веника и позвал соседа, коренастого мужика.

— Руки слабые стали, париться не могу. Спасибо Игнату, не отказывает.

Раздевшись, Зудов надел шапку-ушанку, а Игнат длинные меховые рукавицы, и оба вошли в жарко натопленную баню.

— О-ой!.. Не могу!.. — кричал не своим голосом Павел Назарович. -- Ну, еще по лопаткам! Выше... ниже! Да поддай же, сделай милость... Игнат...

Игнат плескал на раскаленные камни воду и снова принимался хлестать старика распаренным веником, но через несколько минут не выдержал, выскочил из бани. За ним следом чуть живой выполз на четвереньках и сам Зудов.

После бани старик раскинул в избе на полу тулуп и долго лежал на нем блаженствуя.

— Ну, старуха, и натопила же ты нынче баню! — говорил он. — Уважила старика...

Жена Павла Назаровича возилась с приготовлением завтрака, и эти слова были, видимо, толчком, от которого нервы ее не выдержали. Она склонилась к печи и, спрятав голову в накрест сложенные руки, тихо заплакала.

Так все было решено.

Зудов попросил меня сходить с ним к председателю колхоза, чтобы отсрочить на несколько дней выезд.

Когда я прощался со стариками, Павел Назарович уже стащил в избу для ремонта свое охотничье снаряжение, а жена с грустным лицом заводила тесто для сухарей.

Все это вспомнил я, ночуя тогда под гольцом Козя.

Ранним утром, когда еще все живое спало, еще было мертво, пустынно в лесу, мы с Кириллом Лебедевым пробирались по гребню к глухариному току. Навстречу лениво струился лепет больших сонных кедрочей. Пахло сухим, старым дуплом. Ветерок-баловень, шумя и шелестя, бросал в лицо приятную прохладу. Было совсем темно, но уже чувствовалось, что скоро там, на востоке, за свинцовыми гольцами победным лучом блеснет румяная зорька.

Вдруг над головами треск сучьев, тяжелый взмах крыльев, и в темноту скользнула вспугнутая шорохом лыж| огромная птица,

— Глухарь! Тут и ток, — сказал, остановившись, Лебедев.

Мы молча разошлись. Метров через сто я наткнулся на валежник и там задержался. Лебедев ушел правее. Когда смолкли его шаги, в лесу снова наступила тишина.

Вершины толстых кедров сливались с темным небом, и я не знал, с чего начнется день. То ли заря встревожит ток, то ли песня разбудит утро. Воздух становился неподвижным, ни звука, крепко спал лес, но в эту весеннюю пору как-то ощущаешь его дыхание, чувствуешь, что молодеет он, наливая почки соком и пуская из своих старых корней свежие побеги. Точно стон вдруг прорывался из глубины леса и исчезал бесследно.

Вот позади, совсем близко, коротко и сонно щелкнуло раз, другой... Кто-то торопливо пробежал, шурша по насту, навстречу звуку и замер, будто затаившись. Я насторожился. Ожидание казалось невыносимым. А воздух еще больше посвежел, глотнешь его, не можешь насытиться и чувствуешь, как разливается он по телу бодрящей волной.

Снова защелкало дальше где-то под гриной, все ускореннее, громче, но вдруг перешло в какое-то бурное, страстное шипение и оборвалось. Опять в неподвижную дремоту погрузился лес.

Я жду. Стою долго. Тишина становилась болезненной. Без мыслей всматриваюсь в волшебную синеву неба, изузоренную густой кроной сомкнутых надо мною деревьев. Совсем неожиданно на моховом болоте прокудахтал куропат, и там же резко заржал заяц. "Близко рассвет", — мелькнуло в голове, и вдруг неясный шум: тяжелая птица низом пролетела мимо меня и с грохотом упала на измятую вершину соседнего кедра. "Ага, вот оно, счастье!" Но глухаря не видно, хотя я и чувствовал его близость: слышал, как он складывал крылья, как шуршала кора на сучке под его ногами.

Ток... ток... ток... тк-тк-тк-тк-пыши-пыши-шшиу-шшиу-шшиу!

Сразу послышалось четко, громко. Поползли звуки брачной песни сквозь резные узоры кедров, по замшелым болотам, по синей громаде лесов. Все громче, все страстнее пел краснобровый петух, спеша насладиться весенней зарею. Словно пробудившись, всюду запели глухари.

Где-то далеко-далеко предрассветный ветерок пробежал мимо и пропал бесследно в недрах старого леса. Что-то сверкнуло там далеко за гольцами на востоке. Начали меркнуть звезды. Тайга распаивала полы темной ночи, пропуская в просветы румянец холодной зари.

Мое присутствие не выдавал валежник. Я не стрелял, хотелось побольше насладиться ранним весенним утром. А песни ширились, слышались яснее, громче. Вдруг мой слух обжег выстрел и донесся треск сучьев, сломанных падающей птицей. Замерли певцы. Только где-то в стороне, захлебываясь и картавя, надрывался молодой самец. Я приподнялся из-за валежины. Немного присмотрелся, вижу угольно-черный силуэт токующего глухаря. Глухарь примостился на огромной, широкой ветке старого кедра. Распустив веером пестрый хвост, надув зоб и чуточку приподняв к небу красноватую голову, бросал в немое пространство капли горячей песни. Запели и остальные петухи, все страстнее, все громче.

В любовных песнях нарождалось утро. Дрожащими руками я приподнял малокалиберку и, не торопясь, "посадил" птицу на мушку. С мыслью, что вот сейчас рухнет на землю этот гордый певец, я нажал гашетку. Но ружье дало осечку. Глухарь мгновенно смолк и, повернув в мою сторону настороженно голову, сжался в продолговатый комок.

Мы оба, не шевелясь, следили друг за другом. А вершины кедров уже были политы светом разлившейся зари. Глухарь повернул голову в противоположную сторону, прислушался и снова:

— Ток... ток-тк-тк-тк-тк-пыши-пыши...

Я снова прижимаю к плечу малокалиберку, тяну гашетку, но ружье, как заколдованное, — молчит.

Видю, кто-то шевелится в чаще, это Кирилл. Он скрадывает моего глухаря. Я замер истуканом, проклиная ружье. Мне ничего не оставалось делать, как ждать развязки. А петух, разазартившись, пел, слегка покачиваясь на сучке и царапая его острыми зубцами крыльев. Вот он торопливо затокал и зашипел, теряя на секунду зрение и слух. Кирилл, дождавшись этого момента, сделал четыре-пять прыжков и вдруг замер горбатым пнем. Глухарь, не замечая его, снова и снова повторял песню, Шипел, а охотник все ближе и ближе подпрыгивал к нему. Я видел, как он медленно поднимал ружье, долго целил и как после выстрела глухарь, ломая ветки, свалился на "пол". Досада и чувство зависти на миг овладели мною.

— Чего же не стреляли? — крикнул Лебедев, поднимая убитую птицу.

— Осечка.

— Торопитесь, скоро день, — крикнул он, и след его лыж убежал по склону.

Патрон засел крепко, я торопился и сломал выбрасыватель. Охота сорвалась, какая досада! Возвращаться на бивак не хотелось. Разлившийся по лесу утренний свет гнал прочь поредевший мрак ночи.

Но вот близко послышался шорох; я приподнялся. Из-за старого упавшего кедра приближалась ко мне капалуха. Она, покачиваясь из стороны в сторону, нежно тянула: "к-о-о-т, к-о-о-т". Птица была совсем близко, я хорошо видел ее оперение, замечал, как ритмично шевелились перья, как тревожно скользили по пространству ее глаза. Она замолкла и, приподнимая голову, прислушивалась к песням. Их становилось все больше, глухари пели наперебой.

Справа от меня отчетливо и громко защелкал глухарь. Он бесшумно появился из-за молодых кедров, группой стоявших у скрадка. Каким крупным показался он мне в своем пышном наряде! Сколько гордости и силы было в его позе! Он, будто не замечая прижавшейся в снегу самки, распустил крылья и пошел кругами возле нее. Снова прогремел выстрел. Глухарь и капалуха насторожились и, захлопав крыльями, исчезли за ближними кедрями.

Я встал. На чистом небе лежал густой румянец зари. Казалось, вот-вот брызнут лучи восходящего солнца. Позади послышались шаги Кирилла.

На табор мы принесли трех глухарей. Павел Назарович успел вскипятить чай. Пришлось задержаться. Ведь это был первый день долгожданной охоты, и мы не

могли отказать себе в удовольствии отведать дичи. Правда, за это мы были наказаны. Пока варили суп да завтракали, настывшая за ночь снежная кора -- наст — под действием солнца успела размякнуть. Лыжи проваливались, цепляясь за сучья, ломались, и мы скоро совсем выбились из сил. На последнем километре к реке Тагасук пришлось добираться буквально на четвереньках.

Как только мы появились на берегу Тагасука, в воздух с шумом поднялась пара кряковых. Они набрали высоту и скрылись за вершинами леса. Это были самые надежные вестники желанной весны. Она была где-то близко и своей невидимой рукой уже коснулась крутых речных берегов. Сквозь прогретую корку земли успел пробиться пушок зеленой травы, вспухли почки на тонких ветвях тальника, повесенному шумела и сама река.

Продолжать путь невозможно. Солнце безжалостно плавало снег. Мы решили сделать плот, на нем спуститься до озера, а там по льду добраться до заимки.

Через два часа река несла нас по бесчисленным кривунам. Зимнее безмолвие оборвалось. Мы слышали робкий шум проснувшихся ручейков, плеск рыбы, шелест освободившейся из-под снега прошлогодней травы. Мимо нас пронеслась стая мелких птиц. Ветерок задорно пробежал по реке, награждая нас лаской и теплом. Но все эти признаки весны были уловимы только на реке, а вдали от нее еще лежала зима.

Мутная вода Тагасука медленно несла вперед наш плот, скрепленный тальниковыми прутьями. Павел Назарович и Лебедев дремали, пригретые солнцем. Я, стоя в корме, шестом управлял "суденышком". За большим поворотом открылось широкое поле разлива. Это было недалеко от озера. Вода, не поместившись в нем, выплеснулась из берегов, залила равнину и кусты.

Наконец, мы подплыли к кромке льда и по нему к концу дня добрались до заимки. Днепровский и Кудрявцев уже вернулись с разведки. Днем позже пришел Пугачев с товарищами, и мы начали готовиться к походу на Кизир.

С НАРТАМИ НА КИЗИР

Наш путь идет по завалам. Вынужденная ночевка. Собаки держат зверя. Удачный выстрел.

Рано-рано 18 апреля мы тронулись с заимки Можарской на реку Кизир. Утренними сумерками десять груженных нарт ползли по твердой снежной корке. Впереди попрежнему шел Днепровский, только теперь ему не на кого было покрикивать. Он сам впрягся в нарты, а Бурку со всеми остальными лошадьми оставили на заимке.

Двадцатикилометровое пространство, отделяющее Можарское озеро от Кизира, так завалено лесом, что без прорубки нельзя проташить даже нарты. Шли лыжной, проложенной от озера до Кизира Днепровским и Кудрявцевым.

Снова перед нами мертвая тайга: пни, обломки стволов, скелеты деревьев. На один километр пути затрачивалось около часа, а сколько усилий! Если вначале нередко слышались шутки, то с полудня шли молча и все чаще поглядывали на солнце, как бы поторапливая его к закату.

Павел Назарович расчищал путь, намечал обходы.

— Чего так стали?.. Трогай! — часто раздавалось то впереди, то сзади.

Дорога с каждым часом слабела: чем ярче светило солнце, тем чаще нарты проваливались в снег. Упряжки из веревочных лямок и тонких шестов, прикрепленных к нартам, ломались и рвались. Небольшая возвышенность, — в другое время ее и не заметили бы, — казалась горой, и после подъема на нее на плечах оставались красные рубцы. На крутых подъемах в нарты впрягались по два-три человека. Каждый бугорок, канава или валежник преодолевались с большими усилиями. А когда попадали в завал, через который нельзя было прорубиться, разгружались и перетаскивали на себе не только груз, но и нарты.

Ползли долго, тяжело. Казалось, будто солнце неподвижно застыло над нами. День — как вечность. А окружающая нас природа была мертвой, как пустыня. К вечеру

цепочка каравана разорвалась, люди с нартами растерялись по оцетинившимся холмам, по залитым вешней водою распадкам. А впереди лежал все тот же непролазный завал.

Так и не дошли мы в тот день до Кизира. Ночевали в ложе возле старых кедров, сиротливо стоявших среди моря погибшего леса. Тем, кто первыми добрались до ночевки, пришлось разгрузить свои нарты и с нами вернуться на помощь отставшим. Еще долго на нартовом следу слышался стук топоров, крик и проклятия.

Вечер вкрадчиво сходил с вершин гор. Все собрались у костра. Как оказалось, часть груза со сломанными нартами была брошена на местах аварий. Много нарт требовало ремонта, но после ужина никто и не думал браться за работу. Все, так устали, что сразу улеглись спать, причем, как всегда бывает после тяжелого дня, кто уснул прямо на земле у костра, кто успел бросить под себя что-нибудь из одежды и только Павел Назарович отдыхал по-настоящему. Он разжег отдельный небольшой костер под кедром, разделся и крепко уснул.

Ночь была холодная. Забылись в тяжелом сне. Ветерок, не переставая, гулял по тайге. Он то бросался на юг и возвращался оттуда с теплом, то вдруг, изменив направление, улетал вверх по реке и приносил с собой холод.

— Собаки лают, встаньте! — услышал я голос дежурного, но проснуться не мог.

— Да вы что, хлопцы, оглохли! Левка и Черня зверя держат, — повторил тот же голос. Я вскочил, торопливо натянул верхнюю одежду и, отойдя от костра, прислушался. Злобный лай доносился из соседнего ложка. Не было сомнения: Левка и Черня были возле зверя. Но какого? Порой до слуха доносился не лай, а рев и возня, и тогда казалось, что собаки схватились "врукопашную". Мы бросились к ружьям (*Экспедиция имела разрешение на отстрел пантачей, сохатых и сокожоев. Медведей, как хищников, отстреливали без разрешения). Прокопий заткнул за пояс топор, перекинул через плечо бердану и стал на лыжи.

Предутреннее небо чертили огнистые полосы падающих звезд. От костра в ночь убегали черные тени деревьев. Мы торопливо подвигались к ложку. За небольшой возвышенностью впереди показалось темное пятно. Это небольшим оазисом рос ельник среди погибшего леса. Оттуда-то и доносился лай, по-прежнему злобный и напряженный. Задержались на минуту, чтобы определить направление ветра. Не спугнуть бы зверя раньше, чем увидим! Потом правой вершиной обошли ложок и спустились к ельнику против ветра. Высоко над горизонтом повисла зарница, предвестница наступающего утра. Вокруг все больше и больше светлело.

Подвинулись еще вперед, к самому ельнику. Мысль, зрение и слух работали с невероятным напряжением. Зашатайся веточка, свались пушинка снега — все это не ускользнуло бы от нашего внимания. Пожалуй, в зверовой охоте минуты скрадывания самые сильные. Их всегда вспоминаешь с наслаждением.

Делаем еще несколько шагов. Вот и край небольшого ската, но и теперь в просветах ельника никого не видно.

— Что за дьявольщина? — сказал Прокопий, выпрямляясь во весь рост. -- На кого они лают?

Минуты напряжения сразу оборвались. Совсем близко за колодой лаяли Левка и Черня.

— Наверное, соболь! — произнес Прокопий с полным разочарованием.

Мы скинули ружья и начали спускаться к собакам. Те, увидев нас, стали еще более неистовствовать. Тесня друг друга, они с отчаянным лаем подступали к небольшому отверстию под корнями нетолстой ели. Я повернул к ним лыжи и хотел заглянуть под корпи, как вдруг собаки отскочили в сторону, отверстие, увеличиваясь, разломилось, и из-под нависшего снега вырвался черный медведь, показавшийся мне в этот момент невероятно большим.

Почти бессознательно я отпрыгнул в сторону, одна лыжа сломалась, и мне с трудом удалось удержать равновесие. Крик Днепровского заставил меня оглянуться. Зверь мгновенным наскоком сбил Прокопия с ног и, подобрав под себя, готов был расправиться с ним, но в этот почти неуловимый момент Левка и Черня вцепились в

медведя зубами. Он с ревом бросился на собак. Те отскочили в разные стороны, и медведь снова кинулся на Днепровского.

Разъяренные Левка и Черня не зевали. Наседая со всей присущей им напористостью, они впивались зубами в зад зверя. Медведь в страшном гневе бросался на собак. Так повторялось несколько раз.

Я держал в руках готовый к выстрелу штуцер, но стрелять не мог. Собаки, Прокопий и зверь — все это одним клубком вертелось перед глазами. Наконец, разъяренный дерзостью собак медведь бросился за Левкой и наскочил на меня. Два выстрела раз за разом прокатились по ельнику и эхом отозвались далеко по мертвой тайге.

Все это произошло так неожиданно, что я еще несколько секунд не мог уяснить себе всего случившегося. В пяти метрах от меня в предсмертных судорогах корчился медведь, а Левка и Черня, оседлав его, изливали свою злобу.

Прокопий сидел в яме, без шапки, в разорванной фуфайке, с окровавленным лицом, принужденной улыбкой скрывая пережитое волнение.

Зверь изнемог и без движения растянулся на снегу. Собаки все еще не унимались. Прокопий, с трудом удерживаясь на ногах, поймал Черню, затем подтащил к себе Левку и обнял их. Крупные слезы, скатывавшиеся по его лицу, окрашивались кровью и красными пятнами ложились на снег. Впервые за много лет совместных скитаний по тайге я увидел прославленного забайкальского зверобоя в таком состоянии. Я однажды сам был свидетелем рукопашной схватки, когда раненая медведица, защищая своих малышей, бросилась на Днепровского и уснула непробудным сном на его охотничьем ноже.

Собаки растрогали охотника. Он плакал, обнимал их и нежно трепал по шерсти. Я не знал, что делать: прервать ли трогательную сцену или ожидать, пока Прокопий, успокоившись, придет в себя? Но Черня и Левка, видимо, вспомнили про медведя, вырвались из рук Днепровского, и снова их лай прокатился по тайге.

Зверь разорвал Прокопию плечо и избородил когтями голову. При падении охотник неудачно подвернул ногу и вывихнул ступню. Я достал зашитый в фуфайке бинт и перевязал ему раны. Издали слышались голоса. Нашим следом шли люди и тащили за собой на случай удачи двое нарт.

Медведь оказался крупным и жирным. На спине вдоль хребта и особенно к задней части толщина сала доходила до трех пальцев. Все мы радовались, что Днепровский легко отделался, и были очень довольны добычей. Ведь предстояла тяжелая физическая работа по переброске груза на Кизир, которая в лучшем случае протянется неделю, и жирное мясо было как нельзя кстати.

Только теперь мы заметили, что взошло солнце и горы уже не в силах заслонить его. Расплывалась теплынь по мрачной низине, кругом чернели пятна вылупившихся из-под снега кочек. В тайге посветлело, но в ней попрежнему было мертво, не радовал ее и теплый весенний день.

Мы с Арсением Кудрявцевым взяли под руки Прокопия, медленно повели его на стоянку. Следом за нами шли Левка и Черня. Люди несли медведя.

Табор сразу преобразился. Больше всех был доволен повар Алексей Лазарев.

— А ну, товарищ повар, разворачивайся! — приказывал он сам себе, позвякивая ножами. — Нынче клиенты пошли требовательные. Похлебочкой да мурцовочкой не довольствуются — подавай им говядинки, да не какой-нибудь, а медвежатинки!

Теперь ему не нужно было за завтраком и ужином рассказывать о вкусных блюдах, чем он в последнее время только и разнообразил наш стол. На костре закипели два котла с мясом, жарились медвежьи почки, топился жир, и тут же, у разложенного по снегу мяса, товарищи разделявали медвежью шкуру.

Х Х Х

Не лишне сказать несколько слов о медведе, тем более, что нам придется на Саяне часто встречаться с этим бесспорным хозяином тайги. Его жизнь во многом отличается от жизни других хищников. Природа проявила к "косолапому" слишком

много внимания. Она сделала его всеядным животным, наделила поистине геркулесовой силой и инстинктом, побуждающим зверя зарываться в берлогу и проводить в спячке холодную зиму. Этим он избавляется от зимних голодовок и скитаний по глубокому снегу на своих коротких ногах. Но перед тем как покинуть тайгу и погрузиться в длительный сон, зверь энергично накапливает жир. "Что только не ест медведь, и все ему впрок", — говорят сибирские промышленники. Вот почему он быстро жиреет. Никто из хищников так не отъедается за осень, как медведь.

Я наблюдал этих зверей в течение многих лет в самых различных районах нашей страны. Из пятидесяти, примерно, медведей, убитых мною осенью и ранней весной по выходе зверя из берлоги, я не нашел очень большой разницы по количеству жира в том и другом случае у одинаковых по росту животных. Зимой зверь тратит совсем небольшую долю своих запасов, во всяком случае, не более одной трети. Неверно, что медведь выходит из берлоги худым, измученным длительной голодовкой.

В период спячки его организм впадает в такое физическое состояние, когда, под влиянием общего охлаждения, он почти полностью прекращает свою жизнеспособность, и потребность в питательных веществах у него сокращается до минимума. Во время пребывания медведя в берлоге жир служит ему изоляционной прослойкой между внешней температурой и температурой внутри организма. Но, покинув свое убежище, что иногда бывает ранней весной, из-за появления в берлоге воды или весенней сырости, зверь принужден голодать. В тайге в это время нет растительного корма. Во многих медвежьих желудках, вскрытых в апреле, мы нередко находили хвою, звериный помет, сухую траву, мурашей, личинки насекомых. Разве может огромное животное прожить весну за счет такого непитательного корма? Конечно, нет! На этот период ему и нужно две трети жира, без которого ему не пережить весны.

Если же по причине болезни, старости или отсутствия корма медведь не накопит за осень достаточного количества жира, в нем не появится инстинкт, побуждающий зверя ложиться на зиму в берлогу. Это самое страшное в жизни медведя.

Можно представить себе декабрьскую тайгу, холодную, заснеженную, и шатающегося по ней зверя. Холод не дает ему покоя, и он бродит из края в край по лесу. И если, измученный и голодный, он все же уснет где-нибудь в снегу, то уснет непробудно.

Такого зверя промышленники называют "шатуном". Обозленный необычным состоянием, он делается дерзким, хитрым, и встреча с ним часто заканчивается трагически для охотника. Можно утверждать, что из всех случаев нападения медведя на человека осенью и зимой три четверти относится на счет "шатунов".

Х Х Х

После завтрака лагерь опустел. Люди покурили, увязали веревки на пустых нартах, ушли с ними за брошенным вчера грузом. А мы с Павлом Назаровичем решили в этот день добраться до Кизира. На месте ночевки остался раненый Прокопий. Ему нужно было несколько дней отлежаться.

Небо безоблачно. Солнце безжалостно плавит снег. Все больше появляется пней, сучковатых обломков стволов. Еще печальнее выглядит мертвая тайга. Путь так переплетен завалом, что мы и без нарт можем пробираться только с топорами в руках.

Вечером мы с Павлом Назаровичем, мокрые и усталые, добрались до Кизира, пройдя за день не более шести километров. Неожиданно я увидел вместо бурного потока совсем спокойную реку с ровным, хотя и быстрым течением. Вода была настолько чиста и прозрачна, что легко различались песчинки на дне.

Апрельское небо бирюзой отражалось в весенней воде Кизира.

Несмотря на сравнительно раннее время (середина апреля), я не видел на Кизире следов ледохода. Обилие грунтовых вод, поступающих зимой в реку, частые шиверы и перекаты не позволяют ей покрываться толстым слоем льда. В среднем течении Кизир почти не замерзает, и ледохода, как принято понимать это слово, на нем не

бывает. В первой половине апреля река вскрывается, и до 10 мая уровень воды в ней поднимается незначительно.

Остаток дня Павел Назарович провел в поисках тополей для будущих лодок, а я провозился с настилом под груз.

Старик разжег костер под толстой елью, устроил вешала для просушки одежды, расстелил хвою для постелей, повесил ружья, и на нашем биваке стало уютно. Потом Зудов натаскал еловых веток и долго делал заслон от воображаемого ветра.

За ужином Павел Назарович сказал:

— Давеча стайки птиц на юг потянули, думаю — не зря: снег будет...

Я посмотрел на небо. Над нами смутно мерцали звезды, туманной полоской светился Млечный Путь. Ночь была ясная, тихая, как море в полный штиль. Но из леса изредка доносился шелест посвежевших крон да подозрительный гул чего-то нарождающегося. Далеко выше стоянки прерывисто шумел Кизир.

— Что-то не видно, Павел Назарович, чтобы был снег.

— Может быть, и не будет, кто его знает. Мы ведь к тайге по старинке живем: больше приметам, — ответил он, продолжая затыкать дыры в заслоне.

Я развесил для просушки одежду, постелил поверх хвои плащ, подложил под голову котомку и, прикрыв один бок фуфайкой, лег. Но прежде, чем заснуть, еще раз посмотрел на небо. Все оставалось неизменным,

Ночью порывы ветра усилились. Меня разбудил холод. Павел Назарович пил чай. Костер бушевал, отбрасывая пламя вверх по реке. Густые хлопья снега сыпались под ель; они уже успели покрыть порядочным слоем землю.

Я присел к старику, он налил кружку горячего чаю и подал мне.

— Еще домашние, потчуйтесь, — сказал Павел Назарович, подвигая котомку с сухарями.

— Разве не устал, чего не спишь?

— Никак от колхозной жизни не оторвусь. С вечера вспоминались жеребцы, хотел идти поить, осмотрелся, кругом тайга, речка не та, не наша, вроде запомнил, потом вспомнил. Привычка свое долбит. После уснуть не мог. Все думаю о Цеппелине — жеребце. Боюсь, заедят без меня, ох уж эта мне нынешняя детвора, истинный бог, сорванцы, давно они добираются до него. Когда бы ни пришел на конюшню, все возле Цеппелина. Дай да дай проехать... Долго ли испортить!.. — рассказывал о своей заботе Павел Назарович.

— Сам-то, наверное, тоже был сорванцом? Старик не ответил, только лукавым раздумьем затянулось лицо.

— В колхозе, наверное, есть кому присмотреть за жеребцом? — спросил я.

— Поручил старичку, соседу, и строго наказал, да разве от них, пострелов, удержишь?!

Мы сидели до утра и, не торопясь, наслаждались чаем. Зима, видимо, решила наказать красавицу-весну, дерзнувшую ворваться в ее владения. Сознаюсь, мы об этом не жалели. Нам нужен был снег, вот почему и ветер, разгулявшийся по тайге, и стон старой ели не пугали нас.

В такую погоду неохотно покидаешь гостеприимный ночлег, но мы должны, были непременно вернуться к больному Днепровскому, и мы пошли, как только посветлело.

В лагере "обоз" был уже готов тронуться в третий рейс. Люди впряглись в нарты.

— Ты скажи Пугачеву да Лебедеву, пусть ночуют на озере. С грузом пойдут — переломают все да измучаются, — советовал мне Днепровский, когда нарты, вытянувшись черной лентой, исчезли в снежной мгле.

Левка и Черня долго смотрели вслед обозу, но за ним не пошли.

— Умные животные, — произнес наблюдавший за собаками Павел Назарович. — Знаю, хитрецы, почему не пошли за ребятами!

— Разве их не кормили нынче? — спросил я Днепровского.

— Только что на берлогу бегали, сало доедали на кишках.

— Какая же тут, Павел Назарович, хитрость? — удивился я.

— Да это все стариковские приметы, — буркнул он, — непогоду чувт, вот и ленятся...

НА РЕКЕ КИЗИРЕ

Памятник из нарт. Встречаем караван. Пугачев пристрелил Гнедка. Лебедев преодолевает порог. Самбуев взывает о помощи. Гибель Чалки. Левка и Черня на кровавом следу медведя. Лагерь на устье Таски. Эвенкийская легенда про страх.

Три дня гулял снежный буран. Стонала исхлестанная ветром тайга. Ломались и падали на землю мертвые великаны, все больше и больше переплетая сучьями проходы. Каким жалким казался лес после бури! Но 23 апреля ветер стих. Наступила переменная погода: то нас ласкало солнце, то вдруг откуда-то налетала туча и лагерь покрывался тонким слоем серебристого снега.

Все прошедшие дни мы перетаскивали на нартах груз от Можарского озера до реки Кизира. Проложенная лыжами дорога с каждым рейсом все больше и больше выбивалась, обнажая прятавшиеся под снегом завалы. Все тяжелее становилось тащить нарты. От лямок на плечах не сходили кровавые рубцы. Мы не делили сутки на день и ночь, старались не замечать усталости.

А весна все настойчивее вступала в свои права. Зачернели увалы, вокруг деревьев показались круги проталины, багровым ковром покрылись берега Кизира. В мертвой тайге приход весны особенно радовал нас. Не успеет растаять снег на полянах, а она уже хлопочет, рассеивая скоровсхожие семена трав, рассаживает лютики, подснежники. Она будоражила ручьи, обмывала лес, заполняла его певчими птицами.

Все чаще высоко над нами пролетали стройные косяки журавлей. Их радостный крик то и дело нарушал тишину мертвого леса. На реке уже появились утки, изредка мы видели их торопливо пролетающими мимо нашего лагеря. Как хороши они в своих быстрых и сильных движениях! То вдруг, словно чего-то испугавшись, стрелою взлетают вверх, то беспричинно припадают к воде и, не теряя строя, несутся вперед. И хочется спросить:

— Не вы ли, быстрокрылые птицы, принесли нам весну?

Она уже пришла; об этом сегодня утром оповестили и гуси, появившиеся на реке.

Между тем товарищи закончили переброску груза с Можарского озера. Наконец-то можно было расстаться с нартами и надолго.

Мы вытащили их на высокий берег реки, из шести нарт сделали постамент, а сверху, стоя, укрепили трое самых старых нарт, честно прослуживших нам с первого похода на голец Козя. Все это сооружение заканчивалось длинным шестом с маленьким флагом.

На ближайшем пне Трофим Васильевич Пугачев сделал надпись:

На этих нартах мы прошли сквозь мертвый лес,

Саянская экспедиция

1938 г.

Старая ель, растущая на берегу и послужившая мне и Павлу Назаровичу неделю назад защитой от непогоды, теперь приютила всех нас под своей густой кроной. Палаток не ставили.

Рядом с елью груды лежали тюки с продовольствием, снаряжением, инструментами и прочее экспедиционное имущество. Лагерь был временным. Нас задерживали лошади и лодки. Вчера Пугачев вывел лошадей с Можарского озера, а сегодня Бурмакин и Кудрявцев навстречу им от Кизира рубят просеку. Лошади должны прийти сегодня или, во всяком случае, не позже, чем завтра; Лебедев с товарищами занимаются поделкой лодок.

Павел Назарович и я посвятили день маршрутной съемке и обследованию территории, лежащей юго-западнее нашего лагеря до Семеновского озера. Мы пробирались через завалы, придерживаясь все время возвышенности, идущей в желательном для нас направлении.

Выпавший недавно снег с первым теплым днем растаял, совсем размяк, осел и зимний. Погибшая тайга предстала нашему взору во всем своем ужасном обнажении. Смотришь на нее, и кажется — после побоища лежат изуродованные великаны, а те, которые еще стоят, удерживаясь на полусгнивших корнях, пытаются изобразить собою бывшее величие, но, кроме печали, ничего они не оставляют у человека.

Там, где рос густой высокий пихтач, завал был непроходимым. Через три-пять дней упадут и остальные деревья, и это огромное лесное кладбище, в несколько тысяч квадратных километров, станет еще более недоступным для человека и зверя.

— Была тайга и не стало, без огня сгорела, — говорил Павел Назарович. — Чего только в ней не было, и ягод, и орехов, а зверя сколько?! Все пропало.

На смену погибшей тайге первыми пришли малинник да густые заросли вейника. Но на нашем пути нередко попадались и одинокие кедры. На сером фоне погибших пихтовых деревьев они ярко выделялись своей темной хвоей. Возможно, эти кедры призваны стать сеятелями, а их потомству придется выдержать тяжелую борьбу с малинником да вейником за свои исконные земли.

В погибшей тайге не осталось троп. Шли напрямик по завалам, то поднимаясь на сопки, чтобы сделать зарисовку местности, то пересекая распадки, залитые вешней водою.

Местами мы передвигались, не касаясь ногами земли, перепрыгивая с колоды на колоду, или, удерживая равновесие, карабкались по упавшим деревьям.

В шесть часов вечера мы вышли на тропу, ведущую от Кизира к Можарскому озеру, по которой должны были пройти лошади. Но их не было.

— Подождем, должны бы вот-вот подойти, — сказал Павел Назарович, усаживаясь на колодник и не торопясь закуривая.

Дымок от трубки окутывал его усталое лицо, исписанное мелкими морщинами. Он молча смотрел вдаль. Там, в полуовале долины Кизира вырисовывались гребни зубчатых гор, мрачные цирки, уже залитые синью вечерних сумерек. О чем тревожился старик, в раздумье сдвинув нависшие брови? Он лучше нас представлял путь, и у него, видимо, было основание тревожиться.

А лошадей все не было. На вершине Козя погасли последние отсветы вечерних лучей убежавшего за горизонт солнца. Объятая непробудным сном, спала погибшая тайга. Наше беспокойство росло. Мы решили пойти навстречу Пугачеву. Через полкилометра порубка, сделанная Бурмакиным и Кудрявцевым, свернула вправо и стала спускаться в ложок. С противоположной возвышенности тянулась выбитая лошадьми тропа, и там, где она обрывалась, дымился костер. Мы спустились в ложок. Нашего появления никто не заметил.

Над перегоревшим костром висел котелок с мясом. Чуть дымились концы дров. Рядом с костром были расставлены чашки, нарезан хлеб, лежали ложки и сумочка с солью. Люди собрались ужинать, но усталость победила голод, и все заснули.

Пугачев, склонив голову на седло, спал, держа в руках ложку, которой он мешал суп; другие разместились или полулежа или свернувшись в комок. В непосильной борьбе с лесными завалами люди измотали свои силы за последние дни и нуждались в продолжительном отдыхе.

Рядом с костром на поляне отдыхали лошади. Они до неузнаваемости были вымазаны грязью и имели такой измученный вид, точно их волоком тащили через завалы.

Я сложил головешки, раздул огонь и, добавив в котелок снега, разбудил всех.

— Как это я уснул? — протирая глаза и вскакивая, проговорил Трофим Васильевич. Он сильно осунулся и похудел.

Следом за Пугачевым стали подниматься и остальные. Их лица выражали крайнюю усталость, на одежде заплаты, пришитые неумелой рукой.

— Сегодня дорогой пристрелили Гнедка, — сказал Пугачев, не глядя на меня. — Если впереди по Кизиру такая же мертвая тайга, то ни за что нам не довести лошадей до сыролесья. Велик ли путь сюда от Можарского озера, а посмотрите, все покалечились!

Он подвел меня к Маркизе, так называли конюхи серую кобылицу за ее строптивый нрав и уродливую внешность.

У нее под брюхом вздулась шишка величиною со средний арбуз. Некоторые лошади стояли на трех ногах, и почти у всех были раны. Это от неумения ходить по завалам. Они впервые попали в такую тайгу и не смогли сразу приспособиться к новым условиям.

Когда мы закончили осмотр лошадей и расселись вокруг костра, Пугачев стал рассказывать:

— До Тагасука все было хорошо, а как перешли реку, ну и началась беда! Лошади непривычные, торопятся, лезут куда попало, то упадут, то напорются, а которые боятся прыгать через колодник — полезут в обход и завалятся. Одну вытащишь — другая засядет, и так весь день.

Гнедко прыгнул через завал, да неудачно, задние ноги поскользнулись, и он упал прямо на сук. Мы подбежали, помогли встать, а у него брюхо распорото, кишки вываливаются. Задних лошадей провели вперед, а я остался с Гнедком, седло снял, а он, поняв, что бросают его, так жалобно заржал... Пришлось застрелить.

После ужина люди снова уснули. Костер из пихтовых дров осыпал спящих искристым дождем. Я дежурил, и на моей обязанности было следить, чтобы у людей не загорелась одежда и не затухал огонь. Я сел за дневник. Проплывали тревожные мысли...

Впервые в эту темную безоблачную ночь мне безрадостным показался наш путь. Что же будет дальше, если лошадям без груза потребовалось три дня на преодоление двадцати километров от Можарского озера до Кизира? Выдержат ли люди такую нагрузку длительное время? Скорее бы пройти погибший лес. Я знаю, когда мы окажемся по ту сторону этого мертвого пространства, у нас будет отрезан путь к отступлению, не найдется сил повторить его в обратном направлении. И тогда, оказавшись изолированными, мы вынуждены будем идти только вперед по намеченному маршруту, независимо от того, что ждет нас там, в гуще гор, успех или горькое разочарование.

Утро было необычайно холодным. Мы торопились. Еще на горизонте не обозначился восток, а эхо уже разносило по тайге удары топоров и крик погонщиков.

Через три часа показалась знакомая полоска березняка, а за ним и вершины береговых елей. Когда подошли ближе, то увидели голубой кусочек реки и дым костра. Было восемь часов утра.

Повар Алексей Лазарев готовил завтрак.

Приятный запах от котлов будоражил аппетит.

Среди нас не хватало только Лебедева и его товарищей — они работали на "судоверфи".

— Ну уж нынче и суп! — говорил Алексей, зная, что мы голодны. -- Гляньте-ка, жирный какой, а запах — удержу нет, с перчиком! — Он зачерпнул большую ложку бульона, поднес ко рту и тянул медленно, нарочито громко причмокивая.

— Души у тебя не стало, Алексей, выкипела она с супом, — сказал Курсивов.

— А была ли она у него? — спросил Арсений Кудрявцев, поглядывая на товарищей.

А Алексей с хитрой улыбкой еще зачерпнул ложкой бульон, поднес ко рту, да так и застыл.

— Смотрите! Смотрите!.. — крикнул он, указывая на реку. Мы вскочили.

Кирилл Лебедев, стоя на корме только что сделанной им лодки, забрасывал вперед шест и, наваливаясь на него всем своим крепко сложенным телом, так толкал лодку вперед, что она стрелою летела к противоположному берегу.

В позе Лебедева чувствовалось торжество мастера, а в движениях ловкость спортсмена. Он не допустил лодку до берега, круто повернул ее шестом и, не передохнув, пронесся мимо нас вниз по течению.

Все махали шапками, кричали, даже лошади подняли головы и насторожились. А Маркиза, не разобрав слепо, в чем дело, заржала.

Отплыв метров триста, Кирилл так же круто повернул лодку и, держа ее прямо на нас, стал вкось пересекать Кизир. Лодка, несмотря на сильное течение, шла ходко. Шест то и дело вылетал из воды, чтобы прыгнуть вперед и подтолкнуть долбленку. Наконец последний удар, и она с шумом врезалась в гальку. Лебедев бросил на берег шест и закурил. Мы подошли к нему.

— Хороша лодочка, а еще лучше кормовой, — поглаживая долбленку, похвалил Алексей.

Скоро по берегу Кизира пришли все товарищи, занятые поделкой лодок, и, усевшись в дружный круг, мы приступили к завтраку. Не было только Самбуева. Его назначили постоянным табунщиком, и он возился со своими израненными питомцами. Коней мы переправили на правый берег Кизира. Вместе с ними переехал и Самбуев.

Мне казалось, что после переброски груза с озера на Кизир мы приступим непосредственно к работе, и жизнь нашей небольшой экспедиции войдет в свое обычное русло. Но по мере того, как переброска подходила к концу, обнаруживались все новые и новые препятствия. Людям нужен был отдых, но на это у нас не было времени. Один день промедления, и река всколыхнется, весенним паводком затопит берега, закроет броды для лошадей — и экспедиция вынуждена будет отсиживаться в ожидании спада воды.

Павел Назарович советовал: пока нет паводка — немедленно перебираться за второй порог. Он расположен на третьем километре выше по Кизиру. Позже по большой воде на лодках не пройти. А без лодок на одних лошадях нам всего груза не поднять. Старик советовал лагерем стать на устье реки Таски — там лучше корм для лошадей и оттуда легче организовать подход на голец Чебулак. Для переброски на Таску нам потребуется четыре дня. Это значит работать первого и второго мая.

— Хорошо бы, хлопцы, к празднику перебраться, — говорил Пугачев, пряча под нависшими усами хитрую улыбку, — и успели бы, да вот лебедевская бригада тянет безбожно с поделкой лодок, им ни за что не кончить до первого.

Лебедев строго взглянул на него.

— Ты, Трофим Васильевич, не подначивай, ради первого мая поднатужимся и к вечеру все три "корабля" будут тут на причале, ей-ей, будут! Как, ребята? — обратился он к товарищам.

— За нами дело не станет, — ответил за всех Курсинов, сушивший у костра махорку.

— Ну и старика не забывайте, тоже подмогу. Такая артель, неужто за два дня не переберемся на Таску? Не может быть! — поддержал всех Павел Назарович.

Так и решили: если за два дня — 29 и 30 апреля — успеем перебазироваться на устье Таски, то майские праздники будем отдыхать.

После полудня я пошел посмотреть нашу "верфь". К спуску на воду подготавливались два последних "корабля".

Деревья для лодок выбирал Павел Назарович. Человек он в этом деле опытный, ему хорошо известны секреты тополя. Толщину старик измерял обхватом рук, а пустоту выстукивал обушком маленького топора. Он взглядом определял прямолинейность ствола и высматривал на нем подозрительные сучочки.

Если тополь отвечал всем условиям, Павел Назарович делал на нем длинный затес и этим решал судьбу дерева.

В топольник пришел с рабочими Лебедев. Он недоверчиво осмотрел выбранные стариком деревья, снова выстукал их, обмерил и стал валить.

Шумно было на берегу Кизира. Два дня, не умолкая, стучали топоры и тесла, слышался оживленный говор.

Лебедев из сваленных деревьев выпилил восьмиметровые сутунки, ошкурил их, разделил углем на три равные части каждый и комель назвал носом, а верхний срез кормою.

Приступая к поделке лодок, вначале протесали верх, затем от линий, делящих сутунок на три части, заделали нос и корму. После этого неопытный человек еще не угадал бы, что хочет получить мастер из такого сутунка. Перевернув будущую лодку вверх дном, мастер буквально через десять-пятнадцать сантиметров по всем

направлениям провертывал коловоротом дыры глубиной в два-два с половиной сантиметра, а следом за ним рабочий плотно забивает эти дыры сухими кедровыми колышками — "сторожками". Со стороны кажется, что люди занимаются ненужным делом, но это не так. Пробив колышками все дно и бока будущей лодки, сутунок перевертывают обратно и, взявшись за тесла, начинают выдалбливать середину. Борты лодки получаются безошибочно ровными по толщине. Секрет состоит в том, что сторожки, в отличие от белой древесины тополя, имеют коричневый цвет и хорошо заметны. До их появления и долбит мастер лодку. Сторожки при спуске лодки на воду замокают и становятся совершенно незаметными.

Но и после того, как середина выдолблена, вы еще не увидите ничего похожего на лодку. И только когда пустотелый сутунок положат на козлы да разведут под ним во всю длину костер, мастер превратит его в настоящую лодку.

Самая ответственная работа — разводить лодку. Тут нужны терпение и мастерство. А делается это так: когда стенки пустотелого сутунка нагреются, берут тонкие прутья, способные пружинить, сгибают их в полудугу и концами упирают в край стенок будущей лодки. Подогревая то бок, то дно, постепенно увеличивают число прутьев. На ваших глазах, под действием слабого огня и согнутых в полудугу прутьев, борты лодки разворачиваются все шире и шире, пока не дойдут до нужного предела. Так из тополевого бревна получается аккуратная лодка-долбленка.

Когда лодка разведена, костер гасят, прибивают набои, а для прочности делают упруги, или кокорины, и лодка готова.

Я вернулся с "верфи" и никого не застал в лагере. Люди с палатками, постелями, посудой перебрались к Самбуеву на правый берег и там организовали бивак. Стоило мне только показаться, как все в один голос заявили:

— Тут веселее, а там нас мертвая тайга задавила!

Действительно, на новом месте было светлее, просторнее, шире открывался горизонт.

Поздно вечером на причале стояли три новенькие долбленки. Лодки мерно покачивались в такт береговой волне. На них нам придется перебрасывать груз на устье Таски. Завтра утром "флот" будет загружен и пойдет в первый рейс через порог. А для перегона лошадей в новый лагерь придется рубить проход.

Уставшие люди рано уснули. Ночи были холодные. Мы переживали время, когда суточное колебание температуры доходило до 40°. Ночью было — 15°, а днем на солнце +25°. Прозрачно-бронзовая вода в Кизире уже несла муть приближающегося паводка. Теперь, как никогда, нужно было торопиться. Все работали от зари до зари, а ведь весенние ночи короткие, не успеешь уснуть, как тебя уже будит рассвет.

Дежурил Самбуев; он сидел близко у костра, погруженный в свои думы. Вспомнил ли он о сыне, оставленном после смерти жены у матери в далеком колхозе Бурят-Монголии, скучал ли о родных долинах Куртуй, Шантой, Зунд-Нимитэй, по которым три года назад ходил с колхозным табуном, угадать было трудно. Он настолько погрузился в свои думы, что не замечал, как перед ним, рассыпаясь на угли, постепенно затухал костер.

Но вот сквозь нависшую тишину ночи пронесся отдаленный шум. Я пробудился. Самбуев вскочил и, сняв шапку, прислушался. Где-то внизу заржал конь, затем послышался топот лошадей. Что-то тревожное пронеслось по лесу. И бег табуна как-то вдруг оборвался...

— Что это может быть? — спросил я у Самбуева.

Он долго прислушивался, потом сказал:

— Однако Чалка лошадей гонял... Когда жеребец в табуне, шибко худо, отдыхай кони не могут, — ответил он, присаживаясь к костру.

Потом мы всегда избегали, особенно весной, брать жеребцов в тайгу. Они будоражили весь табун, дрались, буйствовали.

Я уже не мог уснуть. Еще была ночь. Дремали седые вершины гольцов, лес стоял, объятый тишиной, но чувствовалось, что до рассвета недалеко. Люди просыпались. На их сонных лицах так и осталась вечерняя усталость. Казалось, они не отдыхали.

— А ну, шевелись, братцы, суп остынет! — торопил Алексей. Позавтракали еще затемно. Успели загрузить лодки, даже покурить и только тогда услышали шаловливый шепот утреннего ветерка. Точно птица ночная, пролетел он по лесу и пропал бесследно. Минута — и за горизонтом появилось бледное зарево, стали гаснуть звезды и лес наполнился звуками. С шумом разрезая воздух, пронеслась мимо нас стая уток. Под берегом, а березняке, любовно насвистывал весеннюю песенку рябчик, а где-то в небе чуть слышно гоготали гуси.

Три пары дюжих шестовиков, громко стуча о камни железными наконечниками, толкали лодки вверх по течению. Шли у самого берега — так легче.

За поворотом показался и порог. Издалека он обозначался береговыми возвышенностями, подошедшими близко друг к другу. В образовавшейся щели злобился Кизир. Предупреждающий шум порога слышался далеко.

У первой скалы лодки остановились. Мы поднялись на возвышенность, чтобы осмотреться.

Впереди широкая лента реки. Спокойно, неторопливо подходит Кизир к порогу, и только там, где, прикрывая вход в узкие ворота между береговыми скалами, лежит отполированный водою огромный обломок скалы, Кизир вдруг набрасывается на это препятствие и с шумом преодолевает его. Ниже, зажата тисками ворот, река ревет и волнами захлестывает берега. Собрав всю силу, она стремительным потоком наваливается на скалы, как бы силясь раздвинуть их, неистово ревет и пенится. Только миновав вторые ворота, Кизир умолкает, образуя ниже порога тихий слив.

Кирилл Лебедев решил сам попробовать перегнать первую лодку через порог. Он накрыл брезентом груз, надежно привязанный к лодке, чтобы волна не захлестнула его. Затем снял фуфайку, сапоги и вместе с шапкой оставил их на берегу. Засучив штаны выше колен, Кирилл обмакнул шест в воду, потер руками и, став в корму, бросил полный решимости взгляд на порог. Затем посмотрел на нас, на лодку и оглянулся назад. Там чуть заметно дымился оставленный костер.

Лодка, повинувшись кормовщику, послушно стала вдоль берега и от первого удара шестом рванулась на порог.

Как только Лебедев исчез с глаз, мы прошли вперед и стали выше первого поворота. Порог ревел, а поток казался настолько стремительным, что невольно закрадывалось сомнение в благополучном исходе. Мы со страхом смотрели на огромный вал, который зарождался несколько выше первого поворота и готов был захлестнуть каждого, кто решится померяться с ним силой.

Минуты потянулись медленно, тревога росла, Наконец за поворотом что-то забелело, стало медленно выползать, увеличиваться, и "вот обозначился нос лодки. Он направлялся прямо на вал.

— Держи левее, захлестнет! — крикнул Прокопий Днепровский, но его голос был заглушен шумом, и мы с замиранием сердца ждали.

А Лебедев, напрягая силы, продолжал медленно подавать лодку вперед. Еще секунда, вторая — и нос действительно захлестнуло. Но Кирилл, налегая на шест, удержал нужное направление. Ему необходимо было пройти еще метра два вперед, чтобы повернуть в жерло порога. Кормчий видел впереди бушующий, порог, но не отступал.

Один бросок шестом — и лодка смело врезалась в высокий вал. Вода навалилась на левый борт и стала давить лодку ко дну. Не устояла долбленка, качнулась и медленно подалась к противоположной скале, где в кипящей пучине волны могли похоронить ее.

Мы видели, как Лебедев, навалившись всей своей тяжестью на правый борт, все ниже и ниже клонился к лодке, как от невероятного напряжения еще больше побагровело его лицо. Один еле уловимый толчок — и лодка, вздрогнув, остановилась. Взбеленный вал, понесли ему на помощь волны. Всколыхнулся, набирая силу, поток, но было уже поздно. Лебедев, налегая на шест, вырвал нос из объятий вала и, упираясь широко расставленными ногами в дно, поворачивал лодку влево. Задрожала долбленка и, повинувшись кормовщику, полезла на вал. Кирилл

ловким ударом шеста сильно толкнул ее вперед. Все мы ахнули. А лодка уже была за поворотом.

Прокопий, стоявший впереди, над самой скалой, волнуясь, повторял все движения Лебедева. Он то пригибался, то, сжимая кулаки, расставлял ноги и, налегая на них своей тяжестью, кричал. И только когда Лебедев проскочил скалу, он пришел в себя. — Это же черт, а не человек! — произнес Прокопий и потянул из рук Кудрявцева кисет.

Пока лодка, преодолевая течение, подбиралась к той большой глыбе, что прикрывает узкие ворота порога, Днепровский развернул кисет, оторвал бумажку и стал закручивать цыгарку. У него ничего не получалось, бумага рвалась, табак высыпался (ведь он был некурящий), и когда Лебедев, миновав порог, причалил к берегу, Прокопий вдруг спохватился и набросился на Кудрявцева:

— С чего это я? Ты, что ли, мне кисет подсунул? Все рассмеялись.

— Тут, брат, закуришь... — оправдывался Днепровский. Он кивнул головой на порог, снял шапку и вытер ею вспотевший лоб.

Через час, весь мокрый и вконец уставший от большого напряжения, Лебедев перегнал через порог остальные две лодки. И скоро мы с первым грузом были на устье Таски.

Лодки еще не успели причалить к берегу, как наше внимание привлек резкий шум. Будто сотня пуль просвистела мимо. Это стремительно неслась стая уток, а за ней, быстро махая крыльями, мчался сапсан, гроза пернатых. Все мы подняли головы и замерли в ожидании. Еще секунда, две — хищник нагнал стаю и высоко взвился над нею. В смертельном страхе утки рассыпались в разные стороны. Но сапсан действовал наверняка. Свернувшись в комок, он камнем упал на жертву. Остальные птицы подняли панический крик и растерялись в пространстве. Скрылся за лесом и хищник с тяжелой добычей.

Это произошло буквально в одну минуту. Над рекою снова стало спокойно — ни уток, ни крика. Только в воздухе там, где произошла трагическая развязка, сиротливо кружилась кучка перьев. Они медленно опустились на воду и исчезли.

Приглушенная полетом грозного сапсана лесная жизнь стала возрождаться. Послышались голоса птиц, куда-то с косы улетали трясогузки, в наноснике пропищал бурундук. Но мы продолжали стоять, словно зачарованные картиной, которая повторяется в тайге ежедневно, но которую редко можно наблюдать. Огромное впечатление оставило изумительное мастерство сапсана. Природа сделала его самым ловким охотником.

Таска, небольшая, заваленная валунами речонка, берет начало от водораздельного хребта, расположенного между Кизиром и Ничкой. От порога до нее шесть километров.

Быстро разгрузившись, мы вернулись обратно к порогу. Еще раз осмотрели бурный поток, поговорили да и распрощались с ним. Решили остальной груз подбрасывать к порогу на лодках и, прорубив обходную просеку через утес, переносить его за порог на себе.

Лодки на веревках спустили за порог, Лебедев со своей бригадой поплыл вниз, а я с Днепровским, Пугачевым и двумя рабочими остался на берегу расчищать проход.

Гребцы, налегая на весла, неслись по течению. Вместе с ними над рекой плыла могучая, бодрая мелодия.

Широка страна моя родная,

Много в ней лесов, полей и рек...

Насторожились горы, дремавшие в вечном покое, протяжным эхом вторил песне лес, и даже шумливый порог на этот миг, казалось, затих.

Да! Действительно, широка страна моя родная!

К шести часам вечера весь груз был за порогом. Усталые и голодные, мы вернулись в лагерь. Павел Назарович ходил осматривать проход для лошадей и сообщил нам печальную весть:

— Плохо, братцы, сплошной завал, без прорубки не пройти. Боюсь, как бы праздник не пришлось прихватить...

— Как, праздник?! — крикнул Алексей, и все вдруг рассмеялись.

Он забыл про трубку, которая почти постоянно торчала в зубах. Она выпала и угодила прямо в котел с супом.

— И нужно же было тебе, Павел Назарович, о празднике напомнить... -- проговорил повар, виновато наклоняясь над котлом.

— Да ты мясо выбрасывай скорее: ведь прогоркнет от твоей коптилки! -- кричал Курсинов.

Котел опрокинули на брезент, а мясо спустили в кипяток, приготовленный для чая.

Несколько позже пришел от лошадей Самбуев.

— Чалка совсем дурной стала, все лошадь кусает, дерется, не дает кормиться. Бурку через Кизир гонял, чуть не топил, — говорил он взволнованно, но, не найдя среди товарищей сочувствия, бросил узду, молча присел к костру.

— Не горюй, Шейсран, — сказал Пугачев. — Выберемся к сыролесью -- добрый выюк на него навалим, присмирееет.

После обеда (съели только мясо, суп был испорчен) лагерь опустел.

Лебедев со своей бригадой уплыл ночевать за утес. Он должен был завтра к вечеру перебросить на лодках весь груз до устья Таски. Остальные остались в лагере и с утра начали прорубать проход для лошадей. До первого мая оставались считанные часы, но работы много. Всем хотелось в праздник отдохнуть. Оно и понятно, устали. Уже много дней не брились. Большинству приходилось спать там, где заставала ночь, спали не раздеваясь. На одежде следы борьбы с завалом. В лагере не стало слышно шуток. Но у людей еще находились силы работать.

Проводив Лебедева, я с Самбуевым решил пойти осмотреть лошадей. Только отошли от лагеря, как меня остановил Алексей:

— Уж ежели первое мая будем праздновать, я им куличей напеку, да еще каких! Не верите? Ей-богу напеку!

— Сдобных? — спрашиваю.

— Ну конечно.

— Из чего?

Алексей лукаво блеснул глазами.

— Все у меня есть, даже кишмиш... Уж я их угощу, не останусь в долгу за сегодняшний обед.

Алексей очень страдал, что люди из-за его неосторожности работали полуголодными. Ведь он видел, в каком напряженном труде проходили последние дни, и усердно старался не отставать от товарищей. Он хотя и не таскал на себе груза, не рубил завалов, но работал много и всегда во-время кормил нас.

Довольный, что сможет искупить свою вину, Алексей схватил котел и побежал к реке. Мы направились к табуну.

Лошади заметно похудели, но почистились. Они бегали по чаще, катались по земле, чесались о деревья, всюду оставляя клочья старой шерсти. Благодаря заботе Самбуева у многих уже затянулись раны, некоторые перестали хромать.

Вот уже много дней для них у нас нет овса. Кормом им в это время служила прошлогодняя трава да черноголов ник, на кочках уже выбросивший свои зеленые ростки. Но вот-вот, скоро весна должна была раскинуть зеленые ковры, освежить цветами лужайки, и лошади забудут про голодовку.

На стоянку вернулись потемну. Люди спали. Догорал костер. Где-то внизу плескался перекал и гоготали гуси.

Приятно после утомительного дня забраться в спальный мешок и забыться, освободив от напряжения мышцы.

Засыпая, я видел обленившимися глазами темную бездну неба, сплошной чернотой залитый горизонт и редкие звезды. Было покойно и тихо, как после бури. Изредка ветерок, шелестя кронами высоких кедров, доносил с равнин стон падающих

деревьев да пугающий крик филина. Ко мне бесшумно подошел Черня, обнюхал постель и лег рядом.

Утром я проснулся позже всех. Светало. Малиновым соком наливалась заря. По реке гуляла холодная низовка. Не успел одеться, как откуда-то издали прорвался человеческий голос и сейчас же залаяли собаки. Крик повторился несколько ближе и более протяжно. Я с Алексеем кинулись к обрыву. Подбрасывая высоко ноги, к лагерю бежал Самбуев. Он махал руками, подавая какие-то знаки. Только теперь мы заметили, как снизу по узкой равнине, что протянулась вдоль реки, мчался табун: одна лошадь несколько отстала.

— Смотрите, смотрите, кто это бежит берегом? — хватая меня за руку, крикнул Алексей.

Действительно, что-то черное, мелькая меж завалов, быстро нагоняло лошадей. Я взял бинокль и в отставшей лошади легко узнал спутанного жеребца Чалку. Неожиданно в поле зрения бинокля врезался крупный медведь. Он мчался по кромке обрыва, отрезая лошадям путь к реке и, видимо, намеренно тесня табун к завалу. Через несколько секунд я со штуцером в руке уже бежал навстречу табуну. Следом за мною, на ходу заряжая бердану, поспевал Днепровский. В лагере все всполошились. Левка и Черня неистовствовали.

Мы быстро скатились с обрыва на берег (бежать тайгой было трудно) и, напрягая силы, бросились вниз по берегу реки на помощь Чалке.

Пробежав метров триста, я остановился. Днепровский почему-то отстал. Я увидел его уже не бегущим, а скачущим на одной ноге. Прокопию не повезло. Обуваясь, второпях он натянул чужой сапог, попавший не на ту ногу, к тому же еще меньшего размера. Я не стал дожидаться.

Табун промчался мимо меня. Лошади были уже вне опасности. Спутанный Чалка огромными прыжками старался прорваться к лошадям, но медведь явно перерезал ему дорогу. Жеребец, не щадя сил, пробивался сквозь валежник, а медведь, настигая, старался повернуть коня к увалу. В тот момент, когда зверь был совсем близко, у Чалки вдруг лопнули путы, стягивающие ноги. — Теперь, казалось, медведь отстанет. Но он проявил чертовскую ловкость. Это с виду неуклюжее, косолапое животное бросилось на Чалку и, пропустив его вперед, таким ревом пугнуло жеребца сзади, что тот, не взвидев света, со всех ног пустился к табуну. Видимо, для того приема, каким медведь кладет свою жертву на землю, нужен был стремительный бег жеребца. Несколько ловких и необычно длинных прыжков — и косолапый, поймав Чалку за загривок, дал задними ногами такой тормоз, что жеребец взлетел в воздух и со всего размаху грохнулся хребтом о землю. Я не успел откинуть прицельную рамку штуцера, как брюхо жеребца уже было распорото.

После двух, почти одновременных, выстрелов медведь закружился и упал. К моему удивлению там, словно из-под земли, выросли Левка и Черня. Собаки надели на зверя, и до слуха долетел страшный рев, от которого табун снова сорвался и, ломая завал, бросился к палаткам.

Я побежал к собакам. Зверь вдруг вскочил и, смахнув их с себя, стал увалом удирать в тайгу. Бежал он тяжело и как-то тупо, а собаки поочередно, одна справа, другая слева, забегали полукругами, хватая его за задние ноги, силясь задержать.

Я на минуту остановился у безжизненного трупа Чалки. В его глазах застыл страх, и если бы не разорванная шея да не вспоротое брюхо, то можно было подумать, что животное умерло именно от страха.

Лай собак доносился все тише и тише; потом мне показалось, что он повис где-то в одном месте.

"Держат..." — мелькнуло в голове.

Не помню, как я перепрыгивал через колодник, откуда только бралась и ревность. Какая-то сила несла меня вперед навстречу звуку. Сучья хватили за одежду, ноги ловили пустоту. Я бежал, охваченный охотничьим азартом. Не было возможности задержаться даже на минуту, чтобы усладить свой слух лаем любимых собак, а ведь в охоте со зверовыми лайками это, пожалуй, самые лучшие моменты.

Северный склон увала был покрыт глубоким снегом. Меня догнал запыхавшийся Днепровский. Ребята на лодке подбросили ему сапог, и теперь мы были снова вместе. Он заставил меня остановиться и прежде всего разыскать следы зверя.

Медведь прошел несколько левее того места, где я вышел на увал. Он бороздил снег, заливая его черной кровью. Местами встречалась кровь алого цвета; несомненно, зверь при выдохе выбрасывал ее через рот. Пуля пробила ему легкие.

Мы торопливо спустились в ложок, откуда все яснее доносился лай собак. В воздухе пахло сыростью, было тихо. Чернолиловые тучи ползли на запад, задевая вершины гор. А за ними тянулась мутная завеса непогоды.

Прокопий на ходу свалил сгнивший пень, раздробил его ударом сапога и, набрав в руку сухой трухи, замер на месте, стараясь уловить направление ветра. Вокруг все находилось в неизменном покое, Прокопий подбросил вверх горсть трухи, и мы увидели, как мелкие частицы, окрашивая воздух в коричневый цвет, медленно отклонялись вправо, как раз в нужном для нас направлении, то есть от зверя. Теперь мы с большой уверенностью бросились вперед.

Вот мы и возле еловой заросли, за которой, как нам казалось, метрах в двухстах, собаки в страшной схватке держали зверя. Решили подобраться поближе. С большой дистанции стрелять опасно, можно поранить собак.

Взволнованное сердце неудержимо билось, руки от нервного напряжения ослабли, и только ноги покорно несли нас к развязке.

Наконец, мы совсем близко. Задерживаемся передохнуть. Лай собак, прерывистый злобный рев медведя, треск сучьев — все смешивалось в общий гвалт и разносилось по тайге. Внизу по ключу глухо вторило эхо. Днепровский, пригибаясь к земле, подавшись вперед, выглянул из-за небольшой елочки. Затем осторожно пропустил вперед сошки и ткнул широко расставленными концами в землю.

"Сейчас умрешь", — подумал я о медведе, наблюдая за Прокопием.

А в это время откуда-то налетел ветерок и от нас перепорхнул на медведя. Мгновенно оборвался лай, и раздался треск. Ни я, ни Прокопий выстрелить не успели. Зверь, почуяв человека, ломая чашу, удирал вниз по ложку к Кизиру. Как обидно! Всего две-три секунды — и мы рассчитались бы с ним за жизнь Чалки!

Сильное напряжение сменилось чувством утомления и полного разочарования. Мы вышли из ельника и направились к маленькой поляне, где Черня и Левка держали зверя.

Поднимался холодный ветер, зашумела, закачалась тайга. Черные тучи грозились снегопадом.

У поляны мы задержались. Лай чуть слышался и, все дальше удаляясь, терялся в глубине лощины. Вокруг нас все было изломано, помято и обрызгано кровью. Под полузасохшим кедром высилась муравьиная куча. Отбиваясь от собак, зверь разбросал ее по поляне, и теперь насекомые в панике метались, ища виновника.

Мимо бежали облака, меняя на ходу свои мрачные цвета и контуры. Пронесся вихрь, и, будто догоняя его, повалил липкий снег. Мы разыскали след зверя и пустились вдогонку. Лая уже не было слышно. Удирая, медведь отчетливо печатал лапами землю, ломал сучья, выворачивал колодник, а когда на пути попадались высокие завалы, он уже не перепрыгивал через них, а переползал, и тогда собаки, хватая его за зад, тащили обратно, вырывая Ключья шерсти. Зверь нигде не задерживался. Запах человека и страх расплаты были настолько сильны, что, не щадя последних сил, он бежал по тайге.

А снег повалил хлопьями, покрыл валежник, спрятал следы.

Мы остановились. Идти дальше не имело смысла: не было надежды на то, что погода скоро "передурит". Решили возвращаться в лагерь. Наша легкая одежда промокла, стало холодно. На хребте задержались. Долго прислушивались к ветру, все еще надеясь уловить лай собак, но, кроме треска падающих деревьев да стоны старых пихт, ничего не слышали. Так, потеряв надежду отыскать зверя, мы спустились к Кизиру.

В лагере никого не застали. На месте костра лежала лишь куча теплой золы, сиротливо торчали колья для палаток. Следы нашего пребывания были уже упрятаны под снегом. Мы наскоро поели и пошли прорубленной тропой догонять лошадей.

Второй Кизирский порог является как бы воротами в Восточный Саян в этой части гор. Добравшись до него, я поднялся на утес. Хотелось последний раз посмотреть на мрачную низину, отнявшую у нас так много сил. Она простиралась на юго-запад, жалкая, брошенная всеми, обросшая густой щетиной погибшего леса. Человеческое воображение бессильно представить более печальный пейзаж, нежели мертвая тайга.

За низиной у горизонта синело узкой полоской небо. Почему-то вспомнились близкие друзья, оставшиеся где-то далеко-далеко. У них и у нас жила одна надежда — встретиться снова.

Впереди же от порога лежала сказочная страна — мечта моих многих лет. Вдали виднелись дикие горы, нависшие над холодными потоками, да могучая тайга без границ, без края. Напрасно я всматривался в глубину заснеженных ущелий, пытаюсь угадать, что ждет нас там, в суровых складках гор, но человеку не суждено заглянуть и на минуту вперед. Ясно одно, мы шли навстречу событиям, которые нельзя было предугадать или предупредить. Саяны манили к себе неудержимой силой, и мне казалось, что только сегодня мы вступили в их пределы.

Вскоре серый свод неба стал рваться, и на лес упали радужные лучи горячего солнца. Мы догнали караван. Лошади шли строго в порядке очередности, который был установлен еще при выходе из Минусинска. Мы решили приучить животных в походе неизменно знать свое место, следовать только за одним и тем же конем. Это имеет огромное значение при передвижении по тайге. Если лошади табунились, их сейчас же водворяли на свои места.

В поисках прохода тропа делала бесконечные зигзаги между корней упавших деревьев. Люди, как муравьи, то расходились по завалам, то, собравшись вместе, общими силами ломали валежник, рубили сучья, раздвигали упавший лес. У лошадей на боках и ногах снова появились кровавые раны от сучьев упавших деревьев. Стволы этих "мертвецов" уже сгнили, но сучья звенели еще от удара, как сталь: они щербили топоры, рвали одежду.

Солнце между тем неудержимо быстро скатывалось к горизонту. Оставалось не более двух километров, но ни у кого уже не было сил. Люди работали усердно: рубили топорами, пилили, ломали валежник, но тропа никак не подвигалась вперед. Пришлось дать команду привязывать на ночь лошадей и выходить на реку, с тем, чтобы завтра, первого мая, утром, дорубить просеку.

Расчистив немного валежник для стоянки лошадей, мы привязали их к деревьям и направились на шум реки. Неожиданно слух уловил отдаленный стук топоров. Мы остановились. Не было сомнения — это Кирилл Лебедев со своими людьми шел навстречу. И тут же мы увидели буквально ползущего по завалам повара. За плечами у него был увесистый рюкзак с продуктами. Мы дождались его и с жадностью набросились на пищу.

— Еле добрался до вас, — рассказывал Алексей. — Лебедев говорит мне: "Что-то, Алексей Петрович, наши на одном месте рубятся, давай иди, корми, иначе им не дотянуть". Вот я и пришел. Вы только быстрее управляйтесь, ведь у меня дрожжи на подходе, отлучаться надолго нельзя. — И, немного подумав, добавил: — Ну и куличи, братцы, будут завтра — объеденье!

Он достал трубку и долго набивал ее табаком.

— А насчет Кирилла Родионовича могу сказать, — продолжал Алексей, — что осталось у него груза у порога на один рейс. Он решил идти за ним в ночь, а сейчас сюда рубится вам навстречу.

— Собаки не пришли? — спросил Днепровский.

— Не было... Ну, как с медведем? Ведь мяса к празднику нет, — вдруг спохватился Алексей.

— Ушел... — грустно ответил Прокопий.

— Совсем?

— Даже с собаками...

— Не-е-ет!.. — и Алексей заулыбался. — Черня вернется, он ведь без меня жить не может, да и Левка, как вспомнит про мослы, все дела бросит.

Обед поддержал силы, и мы снова взялись за топоры. В противоположной стороне трещали падающие деревья, все яснее и яснее становился людской говор, и, наконец, показался сам Лебедев. Просеки уже сходились, оставалось только перерубить толстую пихту. Она, как лента на финише, преграждала путь. К ней подошли одновременно с двух сторон Кирилл и Прокопий. Стоя друг против друга с поднятыми топорами, они улыбались.

— Руби! — скомандовал Прокопий.

Лебедев со всего размаху всадил острие топора в твердую древесину и не успел еще вырвать его, как правее, но более звонко, ударил Днепровский. Топоры поочередно взлетали в воздух и, кроша пихту на щепки, вонзались глубже и глубже, пока дерево не разломилось на две части.

— Все!.. — произнес Днепровский, смахивая рукавом пот с лица, и это короткое слово как бы отбросило в прошлое пережитые трудные дни. Покурили, поговорили о Чалке, о медведе и все вместе с лошадьми тронулись к новому лагерю на Таске.

Берег был завален грузом. Там же у небольшого огня повар Алексей готовил ужин. Лебедев со своей бригадой уплыл в последний рейс к порогу. Остальные принялись за устройство лагеря. Я пошел на ближайшую возвышенность — взглянуть на окружающую местность. Наконец настал день, когда не нужно думать, что делать завтра.

На юге с возвышенности был хорошо виден заснеженный хребет Крыжина, образующий Кизыро-Казырский водораздел. На западном крае хребет заканчивается мощным гольцом Козя, крутые склоны которого подпирает всхолмленная низина. На востоке же тянулись бесконечные гребни, то курчавые, урезанные стенами мрачных скал, то плосковерхие, как бы приплюснутые. Они не кончились у горизонта, убегали дальше, принимая все более грозные очертания, и там у истоков Кизира хребет Крыжина заканчивается скалистым туповерхим пиком Грандиозным. По словам Павла Назаровича, этот голец по высоте господствует над центральной частью Восточного Саяна. К нему и идет наш путь.

Выше реки Таска теперь хорошо обозначалась долина Кизира. В полуовале отрогов вырисовывались грозные вершины неизвестных гор. Там начинался тот заснеженный горизонт, который уходил вправо, тянулся непрерывным хребтом до гольца Козя.

На севере видимость заслоняла стена мертвого леса.

Хороши были горы в зимнем наряде, величественными казались их вершины на фоне вечернего неба. Северные гребни хребта Крыжина, круто спадающие в долину Кизира, изрезаны глубокими лощинами. По ним-то и протекают те бесчисленные ручейки, что шумом своим пугают даже зверей. Снежную полосу гор снизу опоясывает широкой лентой лес.

Еще ниже мертвая тайга, но у самого берега Кизира росли тополя, ели, кустарник, да по прибрежным сопкам изредка попадались на глаза березы.

Солнце уже село. Горы, погружаясь в синеватую дымку, теряли контуры. Горизонт медленно растворялся в густых вечерних сумерках. Внизу шумел Кизир. Небо, освещенное последним отблеском зари, оставалось легким и просторным. Кое-где уже горели звезды.

В лагере кипела работа: таскали дрова, ставили палатки, распаковывали груз.

Не успел я осмотреться, как из леса выскочили собаки и, поджав виновато хвосты, глядели в нашу сторону. Я окликнул их, Левка и Черня переглянулись, будто спрашивая друг у друга: "Идти или нет?!", но с места не тронулись.

— Нашкодили! — решил Днепровский, подзывая их.

Но Левка, согнувшись в дугу и семеня ногами, между которыми путался хвост, спрятался за колодник. А Черня, будучи по характеру более ласковым и мягким, упал

на спину и, подняв кверху лапы, казалось, говорил: "Братцы, не бейте меня, хоть я и виноват!"

Одним глазом Черня следил за нашими движениями.

По наследству от матери он носил на груди белый галстук. Днепровский сразу заметил на нем следы крови.

— Так задушили медведя? — обращаясь к Черне, радостно крикнул он.

Умное животное в тоне хозяина уловило прощение. Черня сейчас же встал, но продолжал вопросительно смотреть в лицо Прокопию. Только теперь мы заметили раздутые бока собаки и засаленную морду. Днепровский быстро отстегнул ремень и не успел замахнуться, как Черня снова лежал на спине, приподняв лапы. А Левка, почуяв расправу, вдруг вырвал из-под ног хвост и, закинув его за спину, пустился наутек, но через несколько прыжков остановился.

— Кто сало ел? — держа над Черней ремень, допытывался Прокопий.

Собака, пряча голову, визжала и ерзала у ног охотника.

— Ну, Черня, на первый раз тебе пройдет, но помни, чуть что — сдеру шкуру! А ты, — обращаясь к Левке, кричал он, — придешь, я тебе покажу! Негодный пес! Все-таки доконали медведя, — уже спокойно сказал Прокопий, повернувшись ко мне.

Мы понимали, что отучить Левку сдирать сало с убитого зверя было невозможно. Ради этого он готов был насмерть драться с косолапым, лезть на рога лося, сутками гоняться за диким оленем. Сколько было обиды, если убьешь жирного зверя да забудешь накормить собаку салом, — по нескольку дней в лагерь не приходит, в глаза не смотрит. А теперь он взялся учить сдирать сало без разрешения и Черню.

— Завтра надо заставить их, пусть ведут к медведю, — проговорил Прокопий, все время поглядывая на лежащего перед ним пса. — Не пропадать же добру, в хозяйстве все пригодится.

Над горами уже спустилась первомайская ночь. Блики лунного света серебрили реку. Еще более сдвинулись к лагерю горы, еще плотнее подступил к палаткам молчаливый лес. По небу широкой полоской светится Млечный Путь, и изредка, будто светлячки, огненной чертою бороздили небо метеоры.

Поздно вернулся Лебедев. Мы помогли ему разгрузить лодки, и, покончив с устройством лагеря, люди расселись вокруг костра. Спать никто не хотел. Говорили о Чалке. Вспомнив глаза жеребца и страх, застывший в них, я рассказал товарищам эвенкийскую легенду, которую слышал от эвенков у Диерских гольцов на Дальнем Востоке.

XXX

Теплым сентябрьским днем наша геодезическая экспедиция пробиралась к Диерским гольцам у Охотского побережья.

Люди устали от длительного перехода: понурились головы, медленно плелись олени. Даже собаки — и те перестали резвиться по тайге и облаивать вспугнутую с земли дичь. Всем хотелось скорее к костру и отдыху.

Когда мы подъехали к устью реки Диер, спустился вечер и тени гор окутали всю долину. Лес при входе в Диерское ущелье уничтожен много лет назад большим пожаром, а теперь черные, безжизненные стволы гигантских лиственниц низко склонились к земле, преграждая путь в ущелье. С большим трудом прорубили мы дорогу, провели оленей и, подойдя к Диеру, расположились на ночевку. Я заметил отсутствие собак, имевших привычку всегда вертеться около костра, и спросил пастуха эвенка:

— Где Чирва и Качи?

— Ево, наверно, рыба пошел ловить, это место кета должно быть много, — ответил он.

— А разве собаки могут ловить рыбу? — усомнился я.

— Ево хорошо может ловить, иди смотри, — старик кивнул головой в сторону реки.

Стремительный поток прозрачной воды скатывался между крупных валунов. В трехстах метрах ниже лагеря шумел водопад. А за ним образовался тихий водоем. Качи и Чирва стояли в воде и, запуская морды в струю, старались что-то схватить, а хитрый пес Залет следил за ними с берега, и каждый раз, как только одна из собак вытаскивала морду из воды, он настораживался, ожидая, не появится ли пойманная рыба. Вдруг Качи прыгнул вверх, завозился в воде и, приподнимая высоко передние лапы, выволок на каменистый берег большую кету. Залет бросился к нему, сбил с ног и тут же стал расправляться с добычей. А Качи встал, отряхнулся и, слизав с морды рыбу чешую, неохотно вошел обратно в воду. Чирва в это время, пятась задом, тащила за хвост к берегу большую рыбу. Я спустился к водоему. Если бы не предупреждение звенка Демидки, я бы не узнал в вытасченной рыбе кету, серебристую красавицу больших морей. Ее обыкновенно круглый жирный корпус был теперь тонким и почти бесформенным. Вся израненная, рыба имела жалкий вид.

Водоем был мелким, кета покрывала почти все дно. Некоторые рыбы еще плавали, но большинство едва шевелилось, проявляя слабые признаки жизни.

У одних были повреждены глаза, многие не имели плавников и почти все были покрыты темнофиолетовыми пятнами. Рыба пыталась преодолеть течение, но сил уже не было, короткие плавники плохо служили ей.

"Странная рыба! — подумал я. — Что гонит ее из просторных морей в эту горную теснину?!" Водоем с гибнущей кетой приковал мои мысли, и я невольно вспомнил все, что мне было известно о жизни этой рыбы.

Не успеют еще осенние туманы покрыть берега Охотского побережья, а большие косяки кеты уже подходят к ним и, распрощавшись с морем, устремляются вверх по рекам. Перегоняя друг друга, забыв про корм и отдых, кета пробивается к самому верховью за много километров, чтобы выметать там икру. Чем выше поднимается она, тем больше встречается на ее пути препятствий. Рыбу обессиливает голод. В горной части реки, на мелких перекатах, порогах и шиверах рыба сбивает свои плавники, а густые речные завалы ранят ее. Но она будто не замечает, не чувствует боли и неудержимо стремится вперед, к тем местам, где родилась, где веками нерестились ее предки. Там кета после метания икры сбивается в тихих водоемах и почти вся гибнет от голода и утомления. На этом рыбном кладбище задолго до прихода кеты птицы и хищники уже дерутся, чужая легкую добычу. Ожидая кету, медведь проторит тропу к реке и будет зло ворчать на крикливых птиц. Я без труда достал из воды одну рыбу. Она была темнофиолетового цвета, с торчащими вперед зубами, поврежденным хвостом и ранами под передними плавниками. Кета не проявляла особенного беспокойства, расставшись с родной стихией, и не билась в руках. Мне захотелось пустить ее в большой водоем, чтобы течение унесло ее обратно в море. Но я знал безудержное желание рыбы уйти в верховья реки к обмелевшим истокам. В этом стремлении инстинкт сильнее страха. Я бережно опустил кету в воду. Она все еще пыталась преодолеть течение, но короткие плавники потеряли силу. Видимо, здесь у Диерского порога заканчивается ее неповторимый путь.

Когда я покидал водоем, меня мучил один неразгаданный вопрос: какая сила гонит ее сюда, в верховья рек?

Когда я вернулся на бивак, люди уже ложились спать. Большой костер отбрасывал в темноту изломанные тени лиственниц. С тяжелых туч несло сыростью, и где-то далеко под горой однотонно пели колокольчики на оленях.

Лагерь пробудился рано. Мы должны были в этот день выйти на Диерский голец. С утра разыгралась непогода. Тайга стала мокрой, неприветливой. Тропа то поднимала нас высоко к скалистым горам, то опускала вниз к бурлящему потоку Диера... Вытянувшись длинной вереницей, мы пробирались сквозь стланиковые заросли, тяжело и молча. Олени то и дело стряхивали с себя липкий снег. Следом плелись собаки.

Перед подъемом на голец сделали привал. Нужно было обсушиться и согреться.

Приятным треском вспыхнул костер. Готовили обед, а на жарких углях выпекали эвенкийские лепешки. Вдруг недалеко от лагеря залаяла Чирва.

"Рябчик, — подумал я. — Хорошо бы поджарить их несколько штук к горячим лепешкам".

Как будто угадав мои мысли, пастух Илья взял ружье и пошел на лай. Через несколько минут послышался его окрик на эвенкийском языке, и сейчас же сидевший у костра Демидка взял топор и направился к нему. Я последовал за ним. Встречая нас, Илья взял у Демидки топор, ловким взмахом срубил длинную жердь и привязал к тонкой вершине приготовленную еще до нашего прихода петлю из ремешка. С этой жердью он подошел к толстой ели, под которой усердно лаяла Чирва. Невысоко от земли на сучке сидела серая птица. Но странно: наш приход не встревожил ее, она не выразила испуга даже и тогда, когда Илья поднес жердь с петлей к ее голове. Птица вытянула шею, и эвенк, накинув петлю, ловко сдернул ее с ели. Через несколько секунд я держал птицу в руках, но странно, она будто не понимала грозящей опасности.

Это была каряга — так называют местные жители каменного рябчика.

— Ну и глупая птица, — сказал я, выпуская ее из рук.

— Ево ум есть, только одной капли страха нет. Напрасно отпустил карягу, мясо ее шибко сладко, — ворчал Демидка.

— Если нет страха, так можно ее опять поймать, — оправдывался я.

— Можно-то можно, та зачем два раза лови, когда один раз довольно! -- ответил за Демидку Илья.

Высвободившись из рук, каряга отлетела метров на пятьдесят и снова уселась на дерево. Чирва с Залетом уже облаивали ее. Теперь я сам хотел испытать странный способ ловли каряги и убедиться в отсутствии у нее страха.

Подражая эвенкам, я взял жердь и пошел к ели. Птица не улетала, она спокойно смотрела на меня и топталась на сучке. Когда я поднес к ней конец жерди, каряга глубоко втянула голову. Я пропустил через нее всю петлю и, захлестнув лапки, снял карягу с сучка. Все мы долго рассматривали странную птицу, у которой действительно не было страха.

— Что за край! У нас птица человека на выстрел не подпускает, а эта сама в петлю идет. Вот и рыба, изобьется вся, уже пропадает, а все вверх лезет. А зачем лезет? — обратился к старику Демидке Днепровский, путешествовавший тогда тоже вместе со мной.

— Моя русски хорошо говорить не могу, придет скоро Афанасий, он будет говорить эвенкийскую сказку, зачем кета все вверх ходи, зачем каряга не боится, — ответил эвенк.

Все мы с нетерпением ждали Афанасия, нашего проводника-эвенка из стойбища Салавли. Два дня назад из стада потерялись три оленя. Он остался искать их и рассчитывал догнать нас не позднее сегодняшнего дня.

К вечеру мы перешли реку и стали подниматься к видневшемуся вдали Диерскому гольцу. Скучные россыпи, покрытые мхами да влажным ягелем, сменили мягкую землю тайги. У скалы, что гранитным поясом оберегает подступ к вершине Диера, мы разбили лагерь.

Старик Афанасий пришел поздно, когда все уже собирались разойтись по палаткам на отдых. Но желание послушать сказку было настолько велико, что, не пощадив усталого старика, мы упросили его поведать нам тайну странных явлений природы, что наблюдали в последние дни.

Афанасий плотно закрыл вход в палатку, не торопясь выпил большую кружку крепкого чаю и закурил. Сейчас же задымились трубки и у остальных эвенков.

— Вы хотите знать, почему каряга живет без страха и почему кета все вверх ходит? Это знают только эвенки, и это не сказка, потому что еще никто не сказал, что это не так, как я сейчас расскажу, — начал Афанасий. -- Давно, совсем давно это было, а когда, даже старики не помнят. Все тогда кругом было не то, что теперь. Тогда реки текли навстречу солнцу, не было ночи, а там, где теперь мари, были большие и

глубокие озера. В то время и тайга была совсем другая. Всякого разного зверя в ней было много, теперь уже не столько, как тогда. Волки, олени, кабарожки — все звери жили вместе, в одном стаде. Они не умели бояться друг друга, тайга была совсем без страха. Что такое страх, ни звери, ни птицы понимать не могли, одной капли страха не было у них.

Как теперь, так и тогда одни звери питались травой, а хищники, живя вместе с ними, поедали их детей, и те не знали, как им спасти свое потомство. По рекам и озерам рыба разная — сиг, карась, ленок и другая -- гуляла вместе с выдрой. Они не умели бояться, и выдра завтракала хариусом, а обедала тайменем. Белка тогда жила в дружбе с соболем, и соболь не гонялся за нею, как теперь, — он играл с ней и как бы в шутку съедал ее. Таких разных шуток тогда шибко много было в тайге, передать даже всех не могу. Совсем не так, как теперь, жили тогда все звери. Они не имели хитрости, потому что у них не было страха.

Так жила тайга по сказкам нашим. Худой, совсем худой закон был в ней. Животных, которые питались травой, становилось все меньше и меньше, и, может быть, их не осталось бы вовсе, если бы не случилось то, о чем я сейчас расскажу.

Тут на Диере, за вершиной гольца, есть глубокая яма. Старики говорят, что теперь в ней нет дна, а тогда там было большое озеро и рядом с ним пещера. В ней жил большой и страшный Чудо-зверь, другого после такого не было. Он был хозяином над рыбами, зверями и птицами. Все подчинялись ему. Это он дал закон тайге — жить без страха.

Чудо-зверь в пещере жил один. Ни звери, ни птицы у него не бывали, да и не было тогда ни троп, ни проходов туда, — на Диере всегда лежал туман.

Но настало время, когда хищников стало шибко много, а у других животных силы терпеть совсем не осталось. Собрались они и решили послать гонцов своих к Чудо-зверю, к Диерскому гольцу, просить защиты.

Долго ходили гонцы туда-сюда вокруг гольца, и никогда бы им не увидеть Чудо-зверя, если бы не сжалилось над ними солнце. Оно разогнало туман, и те поднялись на гонец. Не прогнал их Чудо-зверь, а терпеливо всех выслушал. Большие звери говорили, что хищники поедают их телят, и что они совсем не знают, как бороться с ними. Птицы горевали о том, что своего потомства они вовсе не видят, что хищники уничтожают их яйца и поедают птенцов. За всех рыб жаловалась кета. Она печалилась о том, что уже некому стало метать икру — хищники совсем кончают рыбу — и что пустеют моря, озера и реки. Молча слушал Чудо-зверь, а когда все кончили, сказал:

— Хорошо, я дам вам другую жизнь, зовите всех сюда, к Диерскому гольцу.

Крикливые гуси понесли эту новость далеко на север, в тундру и к большому морю. По горам бегали быстроногие олени и торопили всех идти к Диеру. Неутомимые белки разбрелись далеко-далеко по тайге и всех, кто жил в ней, звали сюда, к гольцу. По всем морям и рекам плавала кета и посылала рыб к озеру, где жил Чудо-зверь. Как стрела, повсюду летела новость. Разным говором зашумели леса, воды; все тронулись, пошли, полетели, поплыли к Диерскому гольцу, где Чудо-зверь должен дать зверям и птицам новую жизнь.

Одни говорили, что хищникам пришел конец, другие уверяли, что Чудо-зверь запретит им питаться мясом и заставит есть траву, третьи утверждали, что он переселит хищников за море, в другие земли. Однако точно никто не знал, что хотел сделать Чудо-зверь.

С разных концов, отовсюду к гольцу летели птицы, приплывала рыба. Шли сюда и хищники. Их было так много, что и сказать даже не могу.

Первыми к озеру прилетели лебеди и, как только сели на воду, сейчас же запели. Нет больше таких красивых звуков на земле, и Диерские гольцы слушали эту песню.

А в то время в пещере Чудо-зверь думал, как изменить худой закон тайги. Лебеди своей песней пробудили его от дум, и он появился на самой вершине гольца, когда уже все были в сборе.

Кого там только не было: волк, медведь, марал (*Марал — крупный олень с большими ветвистыми рогами, водится в Сибири и Средней Азии: то же, что изюбр), козел, песец и даже бурундук. Они толпились вместе под вершиной. На выступах скал, на маленьких полянах сидело много-много птиц: утка, кобчик, коршун, дрозд, — все сидели мирно, дружно. В озере и по большим ключам сбились рыбы. Они тоже пришли к Диерскому гольцу за новым законом. Тут были и малыши, что случайно уцелели от хищников, были взрослые и старики. Среди птиц отсутствовала только каряга. Она жила на берегу реки и на голец не торопилась.

Как только Чудо-зверь появился на вершине, все притихли, и он сказал:

— Вам, добрые животные, обиженные законом: звери, птицы и рыбы, я дам страх, и вы будете всех бояться, а вы, хищники, получите зло, оно посеет между вами вражду...

Никто тогда понять не мог, что такое страх и боязнь, что такое зло и вражда.

Между большими камнями стали пробираться звери к вершине гольца, где стоял Чудо-зверь. Каждому хотелось первому получить дар, но заяц проскочил раньше всех, и Чудо-зверь, дал ему столько страха, сколько хотел дать большим зверям. Заяц шибко перепугался, когда увидел около себя много зверей. Все они показались ему теперь большими и страшными. Он бросился вниз, наскочил на лису и чуть не умер от страха, затем сбил с ног глухаря, затоптал горностаю и, не оглядываясь, убежал в тайгу. Все звери понять не могли, что с ним стало.

После зайца к Чудо-зверю подошли остальные. Всем им Чудо-зверь дал страх, а что осталось — рыбам. Не забыл он и про хищников и наделил их злом.

Сказать нельзя, что было тогда тут на Диере! Звери испугались друг друга, не знали, что делать. Одни удирали в хребты, другие в тайгу, прятались, где попало: в чаще, на деревьях, в россыпях. И никогда с тех пор вместе они уже не собирались. А птицы? Они долго-долго летали, закрывая небо, и боялись сесть на землю — так много было у них страха.

Не убежали только с гольца хищники, — они в большой драке познали то, что дал им Чудо-зверь. И вот в то самое время, когда Чудо-зверь смотрел на всех, кому он дал страх и зло, к нему подлетела каряга.

— Ты где была? — спросил Чудо-зверь беззаботную птицу.

— Я на бережку в камешки играла, — ответила каряга.

Шибко сердито посмотрел Чудо-зверь на ленивую птицу и сказал:

— Останешься ты, каряга, совсем без страха... — Повернулся и ушел к себе в пещеру. За ним спустился туман и закрыл навсегда к нему проходы.

С тех пор и поныне живет каряга без страха и напоминает всем, как раньше жила тайга.

Но там, на озере Диерском, никто не видел кету: ее путь лежал далеко-далеко вокруг морей, и она не поспела в озеро даже к концу раздачи страха. Чудо-зверь, уйдя в пещеру, разрушил путь к себе, и осталась кета по другую сторону гольца. Она ищет и по сегодняшней день проход в то озеро, где Чудо-зверь должен был дать ей другую жизнь. Она не знает о том, что озеро давным-давно пропало под гольцом, что под ним погиб и Чудо-зверь. Каждый год приходит сюда кета и все ищет проход к Диерскому озеру, но вместо озера находит здесь себе могилу...

На этом сказка оборвалась, и снова задымились трубки эвенков.

— А где та вершина, на которой Чудо-зверь раздавал страх? — спросил я рассказчика.

— Вершину, — ответил старик Афанасий, — ты завтра увидишь; только к себе она никого не пускает, ее крутые скалы скользки и недоступны, там постоянно дует ветер. А где было озеро, туда смотреть страшно: там нет дна и света.

Рано утром, как только блеснул первый луч солнца, я уже стоял на одном из высоких пиков Диерского гольца и любовался поистине изумительной картиной. Только красота этого чарующего хаоса с цирками, высокими пиками и глубокими кратерами помогла людям создать поэтическую сказку.

Я долго любовался гольцом, и мне казалось, что в глубине бездны виден тот сказочный водоем, где жил Чудо-зверь тайги, только все уже разрушено временем и утонуло в царящей вокруг тишине. Мне казалось, что видны и те каменные ступеньки, по которым звери поднимались за новым законом, только они теперь прикрыты толстым слоем мха.

Как бы оберегая тайну, голец нахмурился и на моих глазах окружил себя туманом. Только пик, на котором я стоял, был ярко освещен солнцем.

День прошел, а к ночи Диер грозно хлестнул на нас бураном как бы за то, что мы узнали его тайну.

В ДЕНЬ ПЕРВОГО МАЯ

Ночной костер. Алексей прокараулил тесто. Походная баня. Левка и Черня ведут нас к медведю. Самбуев за букварем. Вода в Кизире начала мутнеть.

Живописную группу представляла наша экспедиция, расположившаяся вокруг костра, на котором доваривались остатки медвежьего мяса. Отблеск огня поочередно освещал товарищей: то ярким светом запыет фигуру Пугачева, сидящего рядом со мной за картой, то трепетным блеском озарит лицо Кудрявцева. Облокотившись, он с любопытством следил, как повар Алексей закутывал в телогрейку ведро со сдобным тестом. На противоположной стороне костра Днепровский и Лебедев рылись в своих рюкзаках, доставая разные свертки и узелки. Возле них примостился Самбуев: поджав под себя ноги, он сосредоточенно закручивал цыгарку. А когда пламя костра поднималось высоко, я видел в отдалении под кедром Павла Назаровича. Он не любил лагерного шума, всегда устраивался отдельно и у маленького огня жил со своими думами, привычками и неизменным кисетом. Теперь он, разложив домотканые штаны, латал их.

— Эх, братцы, и куличи же будут! — нарушил молчание Алексей. — К восьми часам чтобы печь была сделана и хорошо протоплена, Тимофей Александрович! — обратился он к Курганову.

— За печью дело не станет, только боюсь — зря ты это, Алеша, затеваешь, — ответил тот.

— Теперь я стал Алеша. Раздобрились, куличей захотели! Ты вот понюхай, а потом говори, зря или нет. — Он развернул телогрейку, подсунул Курсинову ведро с пухлым тестом.

Курсинов громко потянул носом и комично пожевал пустым ртом.

— Ничего не скажешь, тесто ароматное. Только как ты справишься с ним, ведь оно уже подходит?

— Не бойся, Тимофей Александрович, все будет сделано. В палатке у меня кровать, я поставлю ведро с тестом повыше, возьму книжку, буду читать да помешивать.

Алексей, прищелкнув языком, бережно поднял завернутое ведро и скрылся со своей ношей в палатке.

Ночь, весенняя, холодная, да немая тишь повисли над нами. Все ярче и сильнее разгорался костер. Все выше поднималось огненное пламя, отгоняя от нас мрак. Люди подсади ближе к Лебедеву; только те, кто был занят починкой одежды, оставались на местах. Кирилл продолжал копаться в рюкзаке. Он достал белье, бритву, сумочку с иголками, нитками и шилом и все это отложил в сторону. Затем вытащил сверток. Мы насторожились. Пакетик небольшого размера был завернут в расшитый носовой платок.

Кирилл медленно развернул платок, аккуратно расстелил газету и бросил на бумагу пачку фотокарточек. Воцарилось молчание. Потом карточки пошли по рукам. Все с затаенным любопытством рассматривали снимки.

Тогда и Кудрявцев вынул из внутреннего кармана бумажный сверток и показал нам снимки жены, сестры, а сам долго держал в руках карточку младшей дочурки. Полез в карман и Днепровский, а за ним зашевелились остальные. Всем были дороги воспоминания о родных, близких, любимых.

— А ведь это, Кирилл, твоя Маша? — показывая пожелтевшую карточку, спросил Курсинов. — Видать, давно она с тобой, совсем рисунок стерся.

Лебедев кивнул головой.

Взволнованные воспоминаниями, все сидели молча, освещенные ярким пламенем костра.

Велика власть воспоминаний над человеком, когда он на долгое время лишен общения с культурным миром. Горы и тайга в этом случае как-то особенно располагают к раздумью. Стоит на одну минуту забыть, как в памяти восстает, одно за другим, прошлое, то несвязными отрывками, смешанными, ненужными, давно забытыми, то ясными, как сегодняшний день, и тогда непонятное прежде становится понятным, чужое — близким, черное — розовым.

Тиха была первомайская ночь. Окруженное темнотою, пылало багровое пламя костра. Холодел воздух, пахло неперепревшей листвой и валежником. За плесом кричали казарки, испуганные ржаньем растерявшихся по чаще лошадей. Нередко налетал ветерок. Он то уносился вниз по реке и там глушил шум перекатов, то налетал на наш лагерь и, взбудоражив костер, вместе с искрами исчезал в темноте.

У Павла Назаровича над огнем висел чайник. Дожидаясь, пока он закипит, старик сидя дремал, закрыв глаза и опустив низко голову.

— Один карточка давай мне! — приставал Самбуев к Лебедеву.

— Зачем она тебе, Шейсран?

— Моя карточка нету... Давай, пожалуйста...

— Чудак! Ну, выбирай, если уж так хочешь... — сдался Кирилл.

— Эта можно? — и Самбуев указал на небольшой снимок женщины с продолговатым разрезом глаз, одетой во все черное.

— Бери.

Самбуев долго рассматривал подарок, затем, оторвав клочок газеты, бережно завернул в него карточку и с видом полного удовлетворения положил за пазуху.

— Машу тоже можно? — спохватившись, спросил он, вопросительно поглядывая на Лебедева.

Кирилл посмотрел на него задумчивым взглядом.

— Нет, Шейсран, не дам... Пока совсем не сотрется, буду носить ее при себе...

И оба они встали.

В палатке повара было подозрительно тихо. Я подошел ближе и, откинув борт, заглянул внутрь. Пахло опьяняющим запахом сдобного теста.

Хотя мы в тот раз и дали Алексею слово — никогда о первомайских куличах не говорить и "сора из избы не выносить", но теперь, за давностью, я считаю возможным о них вспомнить.

Алексей был нашим общим любимцем. Он умел ко всем относиться ровно, приветливо и никогда не унывал. Затеявая куличи, он желал одного: отметить чем-то особенным день Первого мая. Для этого случая он и хранил в своем рюкзаке припасенные еще зимою снадобья к тесту.

В палатке чуть теплилась свеча. Слышалось тяжелое дыхание, напоминающее удушье. У изголовья стояло ведро с тестом, завернутое в телогрейку и перепоясанное полотенцем. Рядом что-то белое вздымалось огромным пузырем, лопалось и снова поднималось. Я вошел внутрь и пораженный замер. Алексей крепко спал на настиле. В правой руке, упавшей на землю, он держал мешалку, а забытое им тесто, может быть, излишне сдобренное дрожжами, взбунтовалось и запросилось на простор. Оно вылезло из ведра, расплзлось по подушке, накрыло голову и, расплываясь дальше, сползло лоскутами с настила. От дыхания Алексея оно пузырилось у его рта. Как было не рассмеяться при виде этой картины. В палатку прибежали Лебедев и Самбуев, а за ними появился Павел Назарович с недопитой кружкой чаю.

Шум разбудил Алексея. В первое мгновение он не мог понять, что случилось, потом вскочил и стал сдирать с лица, с головы прилипшее тесто, хватал его с постели, с подушки и толкал в ведро. Тесто упрямылось, вздувалось и лезло вон. Тогда Алексей

махнул рукой и беспомощно опустился на кровать. Кто-то, гремя посудой, побежал к реке.

— Культурно ты, Алеша, подготовился к празднику! — произнес появившийся Курсинов и, пройдя вперед, встал во весь рост перед поваром.

Алексей приподнялся. Его открытые глаза виновато смотрели в упор на Курсинова.

— Уснул, братцы, сознаюсь. Это ты, Шейсран, виноват, — сказал он, переводя свой взгляд на Самбуева. Тот удивился и, почти заикаясь, стал протестовать.

— Моя тесто на тебя не лил, ей-богу, не лил!

— Ладно, пойдем, мой поваренок, искупаю я тебя ради праздничка. Посмотри, ты ведь весь в тесте, засохнет — не отмоешь. Как явишься утром на народ? — проговорил Курсинов, обнимая Алексея и выводя его из палатки. Все от души смеялись.

В эту ночь я спал под кедром у Павла Назаровича.

— Сколько зря казенного сахара пропало, а муки да всякой специи. В тайге все вкусно в собственном соку. Скажем, ушицу ты сваришь без приправы, а куда с добром получается! Даже чай не тот, что дома. Старушка и шанежки подаст к нему, и бруснички положит, все одно не тот, не натуральный он, — и старик затажно потянул из кружки горячий чай, крякнул от удовольствия и похрустел сухарем.

Засыпая, я слышал задушевный разговор.

— Говорил я тебе, Алеша, зря затеял, ведь ничего не получилось.

— Оно бы и получилось, Тимофей Александрович, если бы Самбуй не подвел. Уж я ему всегда и косточку к обеду припасу и чаем в любое время напою, а он что же сделал? "На, — говорит, — интересная книга, ночью почитаешь..." Я все приготовил в палатке, тесто поставил рядом с собой и лег в постель, а книжка-то оказалась на бурятском языке. Листал я ее, листал, да и уснул...

Утро встретило нас ослепительным светом солнца. Каким чудесным был день Первого мая. Величественно стоял залитый снежной белизной голец Козя. Обнимая его, солнце безжалостно стирало притаившиеся за складками крутых откосов сумрачные тени. Радостно и безумолчно шумела река, залитая серебром и казавшаяся слишком нарядной. Даже мертвая тайга, навевающая на человека унынье, в это утро будто ожила и заговорила.

Люди уже встали. Алексей суетился у костра, готовя рыбные пироги, а из оставшегося сдобного теста пек пышки.

— Баня готова, можно мыться, — раздался голос Павла Назаровича. Старик стоял у костра уже с бельем. Через несколько минут к нему присоединился и я. Мы спустились к реке.

На берегу шла стирка: одни намыливали, другие кипятили, полоскали и развешивали белье, одевая каменистый берег в цветной наряд. Тут же рядом, несколько выше, стояла окутанная паром баня. Небольшого размера она вмещала ванну, парную и, как ни странно, весила всего шестнадцать килограммов.

Многие любители бани, конечно, не поверят тому, что в нашей походной бане Можно прекрасно париться. Мы не намерены оспаривать первенство у прославленной сибирской бани, но тем не менее не хотим снижать достоинства нашей походной. Чтобы не быть голословным, предоставляю слово Павлу Назаровичу, сибиряку, не признающему никакой иной бани, кроме как "по-черному", в которой, по его мнению, человек "может выгнать из себя любую хворобу".

Наша баня — это обыкновенная палатка, только ставили мы ее на всю высоту. Раздевались у реки. Павел Назарович все время недоверчиво посматривал на баню, затем снял веник, висевший на колышке, припасенный любителями еще на Можарских озерах, и несмело вошел внутрь. За ним и я.

Баня стояла на песке. Внутри, с левой стороны, вдоль борта палатки была вырыта яма глубиной полметра и длиной полтора метра, покрытая брезентом и налитая водой, — это ванна. Справа, также вдоль борта палатки, сделан помост высотой полметра, — это полоч для парящихся; а между ванной и полком горой сложен

булыжник, — это каменка. Прежде чем ставить палатку, булыжник обкладывают дровами и жгут их до тех пор, пока камни не накалятся.

Старик ощупал полок, облил веник кипятком и смело плеснул на камни. Будто вздрогнула каменка, и вырвавшийся пар влажным жаром заполнил баню. Старик продолжал плескать. Шипели раскаленные камни, лопались, трещали. Все жарче и жарче становилось в бане. Я не выдержал и присел на пол, а старик, окутанный плотным паром, тихо побряхтывал, выражая свое удовольствие. Терпеть дольше не было сил. Я отстегнул вход палатки и выскочил наружу. Павел Назарович лег на полок и стал немилосердно хлестать себя веником.

— Кто там есть живой, поддайте пару! — вдруг закричал он ослабевшим голосом.

Курсинов, находившийся поблизости, пролез к ванне и, зачерпнув котелок воды, плеснул на камни. Старик заохал, застонал; удары веника стали доноситься слабее, реже и скоро совсем стихли. В наступившей тишине мы слышали, как он свалился в ванну, а затем стал приподнимать боковой борт палатки. Вначале там появились ноги, но кверху пятками, а потом показался весь Павел Назарович. Он был до неузнаваемости красный и обессиленный. Усевшись на песок, старик тихо проговорил:

— Что же это такое, братцы? Отродясь не бывало... ориентировку потерял, еле выполз.

Мы приоткрыли палатку, остудили баню и усадили совсем ослабевшего Зудова в ванну.

— Век прожил в тайге и все маялся без бани, — еще не придя в себя, говорил Павел Назарович, — а оно — куда с добром — можно купаться в палатке. Живой вернусь домой, непременно устрою такое заведение. Уж и потешу я наших стариков... Ведь без примера, ей-богу, не поверят!

После бани все посвежели, принарядились, и лагерь принял праздничный вид.

По случаю Первого мая завтрак состоялся несколько позже и был необычным по содержанию. Нам приятно было устроить себе отдых в этот знаменательный день.

Х Х Х

Днепровский упорно настаивал на розысках задавленного собаками медведя.

— Не пропадать же салу, в хозяйстве пригодится, — повторял он свой довод.

Я дал согласие сопровождать его.

На лодке мы спустились до порога и берегом пошли к старой стоянке. Там попрежнему торчали колья от палаток и у огнища виднелись концы обугленных дров. Вот это на много лет сохранится, и попавший в эти места человек узнает о пребывании экспедиции.

— Куда идти? — невольно вырвалось у меня.

Собаки тоже вопросительно посмотрели на нас, еще не понимая, почему их держат на сворах и чего от них хотят. Не зная способности лаек, посторонний человек, наверняка сказал бы, что наше предприятие кончится неудачей. Ведь какое бы направление мы ни взяли, Левка и Черня пойдут за нами. Но как же заставить их вести к медведю, когда нам неизвестно, каким путем собаки возвращались вчера в лагерь?

Когда Черне и Левке не удастся с первого наскока задержать зверя, они обычно гоняют его до тех пор, пока добьются своего или сами выбьются из сил. Иногда зверь проявляет удивительное упорство и уводит собак очень далеко, путая свой след по горям, чаще, однообразным белогорьям. Но как бы далеко ни зашли собаки, они не сбьются с пути, возвращаясь на табор, — это одна из самых замечательных способностей лайки. Она никогда не ходит напрямик, а возвращается своим следом, повторяя в обратном направлении весь путь.

Точно определить, откуда вчера вернулись Черня и Левка к стоянке, можно было только по следам, которые около реки исчезли вместе со снегом. Но мы знали, что в данном случае собаки оставались верными своей привычке и возвращались

"пятным" (*Пятным — обратным) следом. Чтобы убедиться в правильности наших предположений, мы прибегли к испытанному способу. Днепровский с Левкой направился к труп Чалки и далее на увал, придерживаясь того пути, каким собаки гнали медведя, а я остался на месте, чтобы понаблюдать за поведением Черни. Если мы ошибаемся, то Черня равнодушно отнесется к уходу Левки. Только Прокопий и Левка отошли, как Черня вдруг забеспокоился, стал нервно переставлять ноги и, не отрывая глаз, следил за ними. Его возмущение росло тем больше, чем дальше они уходили. Он рассуждал по-своему, по-собачьи: "Левку повели кормить, а разве я меньше его голоден?" Обиженный несправедливостью, пес тянул меня вперед, визжал, выражая свое негодование. В Черне проснулась звериная жадность и собачья ревность. Это нам и нужно было. Я догнал Прокопия, и Черня, натягивая поводок, уже сам шел вперед. Стоило только ему опередить Левку, как ревность прошла. Он шел уверенно, повеселев, не переставая помахивать хвостом.

Черня был старше Левки на два года. Они были братьями по матери. Первый, несмотря на свой сравнительно небольшой возраст, имел большой опыт и не зря считался хорошей зверовой собакой. Левка же уступал не только в возрасте и сноровке, но и в характере. Черня был ласковый и в работе темпераментный, тогда как Левка отличался нахальством и грубостью, но работал по зверю азартно; был бесстрашен в схватке с медведем, за что ему многое прощалось. В критическую минуту, когда нужно было прибегнуть к помощи собаки, мы имели дело с Черней. С ним было легко "договориться", он быстрее, чем Левка, понимал, чего от него требуют.

Все сильнее натягивая поводок, Черня выбежал на увал. На нерастаявшем снегу видны были наши вчерашние следы. Значит, собаки, возвращаясь, наткнулись на наш след и вышли к стоянке.

Который раз, следуя за Черней, я восхищался его работой. Какое поразительное чутье и какая память должны быть у собаки, чтобы не сбиться и восстановить свой путь по чаще, по завалам или хребтам! Иногда Черне приходилось вести нас за десятки километров к убитому зверю, делая по пути бесконечные петли и зигзаги, неоднократно пересекая один и тот же ручей. И не раз, когда он уводил меня слишком далеко, закрадывалось сомнение в правильности пути. Я останавливал собаку и раздумывал: не вернуться ли назад? Но когда мой взгляд встречался с взглядом Черни, я терялся. Он будто говорил: "Неужели ты сомневаешься и не видишь так хорошо заметные приметы? Вот перевернутая моей лапой палочка, а здесь я прыгал через ручей и помял траву, А запах? Неужели и его не чувствуешь, а ведь он хорошо ощутим даже среди более сильных запахов..."

Я не выдерживал умного взгляда собаки, полного уверенности, и сдавался. Черня, натягивая поводок, шел вперед и вел меня за собою.

Лайка с хорошим чутьем улавливает запах зверя или человека даже спустя два дня, тем более в тайге, где этот запах остается не только на земле, но главным образом на ветках, на листьях, на коре деревьев, к которым случайно прикасаются.

Спустившись в ложок, Черня свернул влево, и по размокшему снегу мы пошли вниз. Стал попадаться сбитый колодник и сломанные сучья на местах схваток раненого зверя с собаками. Кое-где сохранились отпечатки лап. Чем дальше мы продвигались, тем чаще останавливался зверь. Он слабел, а собаки, чувствуя близость развязки, наседали с еще большим ожесточением.

Через час в просвете боковых возвышенностей показалась широкая полоска Кизира. Мысль о том, что зверь мог уйти за Кизир, не на шутку встревожила нас, но Черня, дойдя до реки, свернул вправо. Он вывел нас на верх борта долины и остановился. Именно там и произошла последняя схватка. То, что мы увидели на маленькой полянке, соответствовало эвенкийской поговорке: "Медведь вперед помирает, потом его сила покидает". Лес, колодник, пни -- все было изломано, свалено, вывернуто, будто зверь обломками отбивался от собак.

Последующие события легко читались по остальным следам: зверю удалось вырваться с поляны, он бросился по крутому откосу вниз, но собаки, вцепившись в

него, распяли задние ноги и, волочась следом, тормозили его ход. Зверь, отгребаясь передними лапами, дотащился донизу и, обняв старую пихту, умер.

Мы спустились под откос.

— Кто это сало выдрал? — указывая на разодранный медвежий зад, спросил я Левку. Морда пса выражала полную невинность.

Через час, когда тушу разделали, Левка не выдержал и за несколько минут успел набить свой ненасытный желудок. Днепровский, испытывая его жадность, еще долго отрезал маленькие кусочки мяса и бросал ему в рот. Кобель все глотал и глотал, пока желудок не перестал принимать пищу. Тогда он подошел к выброшенным кишкам зверя и долго сдирал с них жир.

У костра возился Алексей, раскатывая вновь заведенное тесто. На откосе дымилась печь, сложенная на плите из камней. Она была низкая, уродливой формы, сделанная наспех, всего лишь для одной выпечки.

Когда в нашу экспедиционную жизнь врывалось какое-нибудь примечательное событие — форсирование опасной переправы, преодоление снежных перевалов или благополучное восхождение на один из пиков, — мы считали возможным сделать небольшую передышку на один день.

Что может быть вкуснее свежей, только что испеченной на костре лепешки? Она и пышная, и ароматная, хороша к супу, а к чаю еще лучше. В походе, бывало, проголодаешься, достанешь случайно забытый в кармане кусочек лепешки и наслаждаешься им. Трудно описать, каким он бывает вкусным, да, пожалуй и понять трудно тому, кому не приходилось испытывать длительное отсутствие хлеба.

Нужно сказать, что галеты и сухари в условиях длительного хранения, да еще при постоянном передвижении выючно, быстро портятся, главным образом от сырости. Мы всегда возили с собой муку и, как обычно принято в экспедициях, выпекали пресные лепешки на соде и только в более длительные остановки выпекали кислый хлеб.

Мне вспомнилась одна вынужденная голодовка, когда после пятидневных скитаний без продуктов по дремучей тайге я набрел на стоянку, недавно покинутую наблюдательской партией нашей же экспедиции. По оставшимся следам нетрудно было угадать, что люди останавливались для обеда. Я подобрал на земле кости и все мало-мальски съедобное. И вдруг — о счастье! — кто-то из обедавших оставил кусочек горелой хлебной корки величиной в половину спичечной коробки. Я схватил ее и бережно стал есть, откусывая микроскопические доли. Никогда в жизни я не едал ничего более вкусного!

... Алексей, засучив выше локтя рукава голубой косоворотки, как заправский пекарь, мастерски управлялся с тестом. Он не заметил даже, как подбежала его любимая собака.

— Черня! — вскрикнул повар, когда пес лизнул его в лицо. — Я же говорил, что ты не заблудишься! б полем тебя, дружище! — Ишь как брюхо раздуло.

Мы сняли котомки и уселись у огня отдыхать. Павел Назарович, Лебедев и Кудрявцев уплыли рыбачить и вот-вот должны были вернуться. Остальные были заняты своими делами: кто у костра, кто на берегу реки. Пугачев занимался с Самбуевым в палатке. Самбуев очень плохо владел русским языком и совсем не умел читать, хотя по-бурятски читал хорошо. Пугачев взял на себя труд научить его в это лето русской грамоте.

— М-а-а-м-а... К-а-а-ш-а... — тянул медленно Самбуев.

— Часа три сидят, — таинственно доложил мне Алексей. — Шейсран уже девять букв знает, говорит: "Легче дикую лошадь объездить, чем русскую букву запомнить!"

Учитель и ученик лежали на брезенте перед открытым букварем, и Самбуев, водя длинными пальцами по буквам, тянул медленно и напряженно:

— П-а-а-п-а... М-а-а-ш-а... — а пот буквально ручьем катился с его лица, будто он нес большой груз.

— Хорошо, — сказал Пугачев, — теперь покажи, где слово "мама".

Самбуев долго смотрел на крупные буквы, водил по ним пальцем и вдруг заявил:

— "Мама" тут нету...

— А ты знаешь, что такое мама? — попытался учитель.

— Знаю. Папа работай, мама дома живи.

— Правильно, ну теперь покажи, где слово "мама". Самбуев, не думая, ткнул пальцем в слово "Маша" и произнес:

— Мама...

— Неверно! — поправил его Трофим Васильевич. — А покажи, где Маша. Тот вдруг пристально посмотрел на учителя и обиженным тоном сказал:

— Маша Кирилл Лебедев рюкзак клади, другой Маша не знаю.

— Скажи, Шейсран, когда ты читаешь, то думаешь по-русски или по-бурятски? — спросил Пугачев.

— Нет, русский думай не могу, голова болит, бурятский читай, думай хорошо.

— Если ты хочешь научиться читать по-русски, то нужно во время чтения думать по-русски и понимать, что обозначают те слова, которые ты читаешь, иначе не научишься.

— Хорошо, — ответил ученик. — Завтра утром встаю, весь день думай только русский, а нынче давай довольно!

— Пока не покажешь, где Маша, я тебя не отпущу.

Самбуев недоверчиво посмотрел на учителя, и довольная улыбка расплылась по его лицу. Он полез за пазуху и из внутреннего кармана достал завернутую в газетный лист фотографию, подаренную Лебедевым.

— Ты думаешь, это Маша? — спросил он.

— Нет, Шейсран, ты не понимаешь, давай читать снова! — упорствовал учитель.

С реки донесся голос Лебедева. По пенным волнам крутого переката скользила долбленка с рыбаками. Все бросились встречать их. Я тоже спустился на берег.

— Рыба пошла! — крикнул Павел Назарович и стал выбрасывать из лодки на берег крупных хариусов.

— Мое внимание было отвлечено другим. Голубая вода Кизира, как мне показалось, приняла мутно-бирюзовый цвет и потеряла свою прозрачность. Это обстоятельство не на шутку встревожило меня, и я сейчас же поделился своими мыслями с Павлом Назаровичем.

— Может вода прибывает и начинает мутнеть, дни-то ведь теплые стоят, — сказал он и тут же добавил: — Неплохо поторопиться с отправкой лодок. Ой, как худо будет идти в большую воду, да и опасно.

На душе стало тревожно. Мы двигались слишком медленно, даже подумать страшно — за одиннадцать дней прошли двадцать восемь километров. А весна мчалась вперед. Она уже достигла верховьев Кизира, его многочисленных притоков и там, сгоняя снег с крутых откосов гор, заполняла вешней водою русла бесчисленных ручейков. Они-то и приносили в Кизир муть, которая превращала голубой цвет воды в бирюзовый. Теперь можно было сказать, что зима ушла безвозвратно; но как ни радостен был приход весны, мы были против ее поспешности. Мы не успели в лучшее время забросить груз на Кизир, весна опередила нас.

Лагерь на устье Таски был последним завершающим перед большим походом. Теперь впереди борьба, успехи, и может быть, и горести. С завтрашнего дня мы уже полностью отдаемся своей работе.

В восемь часов вечера праздник для нас закончился. Началась упаковка снаряжения, продовольствия и прочего экспедиционного имущества для заброски лодками по Кизиру в глубь Саяна.

ЧЕРЕЗ ПРЕГРАДЫ К ЧЕБУЛАКУ

Лодки уходят вверх по Кизиру. К перевалу по Таске. Нас выбросило с плота на наносник. Где же Левка? Трагический случай с кабаргой. Разгадка следопыта.

Второго мая лагерь пробудился рано. Тучами грязнилось небо. С гор дул свежий, прохладный воздух, глотаешь его как ключевую воду и не можешь насытиться. В нем

и аромат земли, и запах набухших почек и прель тающих снегов. Весна входила и горы с робким звоном ручейков, шелестом прошлогодней травы да журавлиным криком в небе. Но еще не было зелени. Природа пробуждалась медленно, ее пугали ночные заморозки и холодные ветры.

Тучи постепенно увеличивались, соединялись, смешивались одна с другой, и скоро за ними исчезли вершины гор. Все живое, разбуженное утренней зарей, смолкло, затаилось. Глухо шумел Кизир, не шевелился мертвый лес, как обреченный, он ждал последней бури, чтобы уйти в покой.

Лодки были загружены с вечера. Кудрявцеву, командиру "флотилия", предложено ценой любых усилий добраться до правобережного притока Кизира -- реки Кинзелюк — и там, недалеко от устья, сложить груз. Если по каким-либо причинам товарищи туда не доберутся, им разрешалось разгрузиться на устье Паркиной речки.

Кудрявцев и отправляющиеся с ним пять человек представляли этот путь только по рассказам Павла Назаровича. Помимо того, что они должны были толкать шестью тяжело груженными лодками вверх по быстрой реке, им предстояло пересечь третий порог, самый опасный, и бесконечное количество шивер и перекатов. Успех зависел не только от ловкости шестовиков, но также от их напористости и осторожности.

Время, потребное для выполнения задания, инструкция не ограничивала -- оно было слишком неопределенно и зависело прежде всего от весеннего паводка. Если высокий уровень воды в Кизире продержится долго, то путь будет чрезвычайно тяжелым. Но мы надеялись на весну дружную и без дождей. В этом случае вода с гор скатится быстро, и уровень Кизира войдет в норму скоро. Чтобы Кудрявцеву было легче разыскать нас при возвращении с вершины реки, мы наметили места трех будущих лагерей на Кизире.

Шесть человек уходили в далекий и трудный путь. Они уже стояли в лодках и, опираясь на шесты, ждали последней команды.

Павел Назарович еще раз по-хозяйски осмотрел долбленки, ощупал, ладно ли лежит груз, накрытый брезентами и увязанный веревками. На его озабоченном лице вдруг сошлись брови, что-то предупреждающее было во взгляде, направленном на Кудрявцева.

— Помни, Арсений, с водой не шути, тем паче на Кизире, промажешь — не успеешь захлебнуться, как упрячет. На авось не рискуй! Лучше семь раз отмерь, а раз отрежь, — и, обращаясь ко всем, старик добавил: — В омутах Кизира много соболиных, беличьих да колонковых шкурок, котомок, ловушек, да и не один промышленник туда ушел. С меня тоже не раз река брала ясак. Говорю, осторожнее, очертя голову не лезьте.

— Можно трогать? — крикнул Кудрявцев.

— Счастливого пути! — ответили мы.

Три пары шестов приподнялись и толкнули лодки вперед. Дружные удары слышались тише и тише, а ползущие близко у берега лодки все уменьшались, пока не исчезли из виду.

Темнолиловая туча все больше заволакивала горы. В их прорехах раза два показалось солнце, позже бесследно исчезнувшее в мутной гуще. Стая гусей нестройно пролетела над водой, как бы следуя за тучами. Туда же летели, перекатываясь по тайге, косяки мелких птиц, будто там, в глубине гор, можно было укрыться от непогоды.

Порыв ветра донес глухой неясный гул из недр леса. Заржала отбившаяся от табуна лошадь. Над рекою просвистела пара гоголей. Еще несколько минут, и пошел мелкий дождь.

Ветер усиливался, встрепенулся костер, захлопали борта палаток. Разгулялась, зашумела непогода. Усилился дождь. Подхлестываемый сильными шквалами ветра, он потоком лил во всех направлениях. Небо точно взбесилось. Палатка дрожала от напора. Отовсюду, словно раскаты грома, доносился треск и стон падающих деревьев.

Мы уже были готовы выступить в поход на Чебулак, но из-за непогоды пришлось задержаться. Со мною собирались пойти Павел Назарович и Днепровский. Они сидели с котомками, выглядывая из палатки и надеясь, что ветер угонит тучи.

Мы готовились совершить первый далекий маршрут. Наш путь пересекали: два перевала, расположения которых ни мы с Днепровским, ни Павел Назарович не знали; порожистая река Ничка; ее большой приток Тумная, а за ней-то и возвышается скалистый голец Чебулак — наша конечная цель. Задача этого маршрута — определить возможность постройки на Чебулаке геодезического пункта и наметить более значительные вершины соседних хребтов для следующих пунктов. Попутно мы должны были наметить подходы к гольцу для геодезистов, которым придется посетить Чебулак после нас.

А дождь, не ослабевая, все шел и шел, будто в облаках плотина прорвалась. Не стихал грохот падающих деревьев.

— Неправда, перестанет, — говорил Днепровский, прислушиваясь к шуму дождя.

— Смотри что "перестанет". Если перестанет ветер, то считай — дождя хватит на весь день, — отвечал ему Зудов, нетерпеливо поглядывая из палатки. — Но, кажется, ветер осилит, вишь, как он расшевелил тучи -- вот-вот разорвутся:

Действительно, ветер усилился. Тучи распахнулись голубой бездной, и, словно из пасти чудовища, на землю упали серебристые потоки света. Стало теплее, в береговых кустах ожили голоса птиц.

Груз наш состоял из теодолита, топора, двух котелков, рыболовной сетки, различной походной мелочи и незначительного количества продовольствия. Мы рассчитывали, что зеленая тайга под Чебулаком будет милостива и добавит к нашему скромному рациону несколько глухарей, а на реке можно будет настрелять уток и наловить рыбы. Четвертым нашим спутником был Левка.

На предварительное обследование Чебулака мы отводили девять дней. За это время Пугачев с Бурмакиным, Алексеем и Самбуевым займутся лошадьми, вьюками, прорубят тропу вверх по Кизиру — словом, подготовятся к большому переходу.

Просторная долина Таски, замкнутая невысокими горами, была покрыта засохшей пихтовой тайгой. Но там мы чаще встречали зеленые кедры, росшие в виде небольших перелесков. Подвигались медленно, отходя или пробираясь сквозь завалы. Как надоела нам всем мертвая тайга! А тут, как на грех, приходилось часто останавливаться, то груз неладно лежал на спине, то ремни слишком резали плечи, то обувь жала ноги, — этим всегда отличаются первые дни путешествия, пока человек не свыкнется с условиями.

Павел Назарович, следуя таежным традициям, по пути все время заламывал веточки.

— Зря заботишься, — говорил ему Прокопий. — Неужели на обратном пути заблудимся?

— Может и зря, но труда-то не трачу, рука сама по привычке делает. Тайга, она и есть тайга, заблудиться в ней немудрено (*На следующий год геодезическая партия нашей экспедиции, следуя от гольца Чебулак, заблудилась и случайно набрела на заметки Павла Назаровича Люди были очень благодарны старику).

— Разве раньше не был здесь? — спросил я.

— Не приходилось. Но захребетные места хорошо знаю, не раз соболей гонял. Захаживал туда по Ничке на лодке да зимой на лыжах по реке ходил.

— Где переваливать будем, не собьемся?

— Собьемся с пути — не беда. На хребет выйдем — должен бы место узнать.

Чем дальше мы отходили от Кизира, подбираясь к водораздельному хребту, тем глубже становился снег. Под действием тепла последних дней он размяк, стал водянистым, и мы буквально плыли. На перевал выбраться так и не удалось. Заночевали в небольшом сырлесе, сохранившемся в вершине перевального ключа. А небо оставалось хмурым, и ветер не стихал. Левка, зарывшись в мох под старым кедром и уткнув морду в хвост, спал.

— Собака опять непогоду чует: голодная уснула, — сказал Павел Назарович, поглядывая на потемневшее небо.

И действительно, еще не успел свариться ужин, как на огонь стали падать мокрые пушинки снега. Ночь обещала быть холодной. Шесть толстых бревен, попарно сложенных концами друг на друга, должны были обогревать нас. Я постелил вблизи огня хвойные ветки, положил под голову котомку и, укрывшись плащом, уснул раньше всех.

В полночь меня разбудил холод. Днепровский и Павел Назарович мирно спали. Спины их были завалены снегом, а с той части одежды, которая была обращена к огню, клубился пар. Несмотря на то, что товарищи находились одновременно под действием высокой и низкой температуры и спали в сырой одежде, им было тепло, и они отдыхали.

В десять часов 3 мая мы достигли безымянного перевала водораздельного хребта. Впереди и глубоко внизу Ничка прятала между утесов свой быстрый бег. За ней по горизонту тянулись бесконечные горы. На западе они обрывались первозданными скалами, образующими мрачную вершину Чебулака. Путь к ней лежал через юго-восточный край Шиндинского хребта по бесконечным ущельям, прикрытым пестрой шубой отогретых лесов. Панорама безнадежно уныла: серые полосы обрывов, камни да огромные поля снега.

— Узнаю, ей-богу, узнаю! — говорил, волнуясь, Павел Назарович, показывая загрубевшей рукою вперед. — Видите, клочок тумана — под ним Дикие озера. А сюда гляньте — вниз по реке утесы выткнулись, там Ничка с Тумной сливаются. На устье ветхая избушка стоит, еще отцами сложенная, только туда нам далеко, лучше через озера пойдем. А вот видите — два горба вытыкаются — это Кубарь. Он почти у истоков Нички, а вишь, как в горах расстояние скрадывает, кажется, будто рядом. Все тут узнал, — по-детски радуясь, говорил старик.

К Ничке спустились по крутому ключу, забитому размякшим снегом.

Неприятное впечатление оставила у нас эта река. Какая стремительная сила! Сколько буйства в ее потоке, несущемся неудержимо вниз по долине! Неумные перекаты завалены крупными валунами, всюду на поворотах наносник и карчи. Мы и думать не могли перейти ее вброд. Пришлось сделать плот. Пока Павел Назарович на костре распаривал тальниковые прутья, мы с Прокопием заготовили лес, благо что сухостоя много было на берегу. Связав бревна тальниковыми кольями, мы через три часа были готовы покинуть левый берег Нички.

Время неудержимо летело вперед. Уплывало к горизонту ласковое солнце. Туда спешили разрозненные туча и сдавленная скалами река.

Мы оттолкнулись от берега и, подхваченные течением, понеслись вниз по реке. Я с Прокопием были на гребях, а Павел Назарович, стоя лицом к опасности, строгим взглядом следил за рекою.

— Берите вправо, камни! — командовал он.

Плот, отворачивая нос или корму, проносился мимо препятствия.

— Скала! Гребите влево, разобьет! — И мы всей силой налегали на весла.

Плот то зарывался в волны, то, скользя, прыгая через камни, бился о крутые берега, а мы с Прокопием все гребли. Наконец, справа показался пологий берег и устье неизвестного ключа. Мы решили прибиться. И вот у последнего поворота плот совсем неожиданно влетел в крутую шиверу. Справа, слева и впереди, словно ожидая добычу, торчали крупные камни. Вода вокруг них пенилась, редела. Плот, как щепку, бросало из стороны в сторону, било о камни, захлестывало. Но по какой-то случайности обошлось все благополучно. Мы уцелели и уже готовы были благодарить судьбу, как вдруг впереди за утесом мутный поток раскинулся ржавой бездной, за которой, как привидение, вырос взъерошенный наносник. Плот подхватила очередная волна. Блеснула под ними текучая зыбь. До слуха донесся потрясающий крик Павла Назаровича:

— Залом, бейте влево!..

Старик бросился ко мне, схватил руками гребь, но уже было поздно. Плот с невероятной силой летел к наноснику. Развязка надвигалась. Я выхватил нож и перерезал на Левке ошейник. И все вдруг оборвалось. Смутно помню, как раздался треск, крик, я взлетел в воздух, раскинув руки и ноги, словно летяга, повис на сучке и на какое-то мгновение потерял память, не мог понять, что случилось. Увидел ноги Днепровского, повисшие в воздухе поверх наносника, — его выбросило далеко вперед. Разбитый плот, приподняв высоко переднюю часть, с тяжелым стоном перевернулся и, ломая гребни, исчез под наносником.

— Помогите! — послышался сквозь рев бушующей реки человеческий голос.

Только теперь я увидел Павла Назаровича. Держась руками за жердь, висевшую низко над водою, он пытался вскарабкаться на нее, но поток тащил старика под наносник. Он сколько мог работал ногами, пытался приподняться, однако силы покидали его. Пока я добрался до старика, у него сорвалась с жерди рука, и я уже в последний миг поймал его за фуфайку, но вытащить не мог. Старик захлебнулся, отяжелел от намокшей одежды и не показывался из воды. На помощь подполз Днепровский, и мы вдвоем вырвали почти безжизненное тело Павла Назаровича из беснующегося потока.

С его одежды ручьем стекала ледяная вода. Голова безвольно свалилась на плечо. Нижняя челюсть отпала. Из-под полуоткрытых век смотрели обезумевшие глаза, переполненные ужасом. Старик хотел глотнуть воздух, но дико закашлял и, сдавив руками грудь, упал на наносник.

Жизнь медленно возвращалась к нему: вначале наступил озноб, затем сгладились черты лица, он тяжело поднял голову и вдруг что-то вспомнил.

— Табачок, братцы, намок, — произнес он хриплым шепотом, доставая из-за пазухи мокрый кисет.

Но разве до табачку было в эту минуту. Мы оттерли ему руки и ноги. Он еле двигался. Поделились с ним сухой одеждой. Как только мы убедились, что Павел Назарович остался цел и невредим, вспомнили про нашего четвероногого спутника, Левку.

— Неужели он попал под наносник?

— Левка! Левка! Левка! — кричал Днепровский.

Звук улетал по реке и терялся в шуме волн. Собаки нигде не было видно. Мы решили, что она погибла.

С нами на наноснике оказалось только два рюкзака, о которых в последнюю минуту вспомнил Прокопий и которые вместе с нами были выброшены на бревна. Рюкзака с теодолитом и части продовольствия, сетки, ружья и двух шапок не было.

Станный остров, на который нас выбросил поток, был сплетен из сотен стволов самой различной толщины и всех пород, какие росли по реке Ничке. Основанием ему служила небольшая мель, теперь покрытая водой. Много лет стоит он там. на главной струе реки, и от напора воды, будто разбитый параличом, дрожит, издавая неприятное гуденье.

Несмотря на всю неприглядность нашего положения, оно не было безнадежным. Мы были даже рады тому, что река выбросила нас на наносник, а не на камни в шивере.

В одном из спасенных рюкзаков оказался топор, — эта находка окончательно рассеяла зародившееся было сомнение в благополучном исходе нашей переправы. Даже Павел Назарович повеселел и, достав из рюкзака сухой табак, закурил трубку.

Мы сразу приступили к поделке нового плота, надеясь все же переправиться на правый берег реки. Но у нас не было ни веревки, ни гвоздей, чтобы связать или скрепить бревна, а тальниковые прутья росли только на берегу. Пришлось отпороть все ремни на рюкзаках, снять пояса и подвязки на ичигах. Но этого не хватало. Тогда пустили в ход белье. Мы готовы были пожертвовать всем, лишь бы скорее покинуть ужасный остров.

Пологий берег, куда мы стремились попасть, начинался метров на четыреста ниже нас и тянулся не более как на полкилометра. Нужно было успеть пересечь реку раньше того места, где кончался пологий берег.

Наш новый плот не был способен выдержать длительное путешествие. Первый же удар о камни грозил отдать нас во власть потока. Помощи было ждать неоткуда. Только риск мог решить дело.

Как только мы оттолкнулись от наносника, течение подхватило плот и стремительно понесло вниз по реке. Мы работали шестами, стараясь изо всех сил тормозить, но сила потока увлекала плот все ниже и ниже. Мелькали камни, шесты то и дело выскакивали из воды, чтобы сделать гигантский прыжок вперед. Нас захлестывало валом. Борьба продолжалась не более двух минут. Все работали молча.

Наконец мы у цели. Плот с разбегу ударился о береговые камни, лопнул пополам и, развернувшись, снова понесся, подхваченный течением. Но нас на нем уже не было. Следом за плотом, спотыкаясь, по камням бежал Павел Назарович.

— Чего же вы стоите? Белье-то уплыло! — кричал он, продолжая молодецки прыгать по камням. Но плот уходил все дальше.

— Штаны-то у меня домотканные, грубые, как же я без белья ходить в них буду? — горевал Зудов.

Мы развели костер, развесили одежду Павла Назаровича и только тогда вспомнили про голод. Небо попрежнему оставалось затянутым облаками, и по реке Тянул холодный низовик. Пока варили обед, я прошелся берегом, еще надеясь найти след Левки. Но напрасно, нигде никаких признаков.

Отогревшись у костра и подкрепившись рисовой кашей, мы накинули рюкзаки и пошли дальше, взяв направление на северо-запад. Теперь вместо ремней мы привязали к рюкзакам веревки, сплетенные из тальниковой коры (пыка). Они же заменяли нам пояса. Крутой ключ, по которому мы поднимались, скоро кончился, и мы оказались на верху правобережного хребта. Вдруг до слуха долетел знакомый лай, и все насторожились. Прокопий даже снял шапку.

— Левка жив! — радостно вырвалось у него. — Ниже залома лает.

Еще с минуту мы прислушивались, затем, как по команде, бросились обратно к Ничке.

По лаю Левки, в зависимости от интонации голоса и настойчивости, мы обычно угадывали, кого он облаивает; медведя, сохатого или загнанную на дерево росомаху, но на этот раз мы терялись в догадках — так пес никогда не лаял.

— Наверное, попал меж скал и выбраться не может, вот и орет! — заявил Павел Назарович.

Спустившись к реке, мы за поворотом увидели Левку. Он стоял у скалы, зубчатый гребень которой спускается к Ничке, и, приподняв морду, лаял. Оказалось, что на одном из остроконечных выступов этой скалы, на самой вершине стояла небольшая кабарожка. Ее-то и облаивал Левка. Увидев нас, он бросился к скале и, пытаясь взобраться наверх, лаял и злился. А кабарга стояла спокойно, удерживаясь всеми четырьмя ножками на самой вершине. Справа, слева и спереди скала обрывалась стеной, и только к хребту, от выступа шел узкий каменистый отрог. Мы были удивлены, какой рискованный и рассчитанный прыжок нужно было ей сделать, чтобы попасть на тот выступ, который кончался площадкой буквально в ладонь.

— А это кто там? — крикнул Днепровский, заглядывая на другую сторону скалы. — Тут тоже кабарожка, — добавил он обходя выступ. Мы поспешили за ним. Там, за поворотом, в россыпи, как раз против выступа, на котором продолжала стоять кабарожка, лежала, корчась в муках, вторая, более крупная кабарга. Заметив нас, она приподнялась, чтобы прыгнуть, то тотчас же беспомощно упала на камни. У нее были сломаны передние ноги, а глаза, черные, как уголь, метались из стороны в сторону, точно она откуда-то ждала облегчения.

— Упала, бедняжка, с утеса! — сказал Павел Назарович.

Днепровский вытащил нож и прекратил мучения кабарожки. Сомнения не было: спасаясь от Левки, кабарга хотела вскочить на выступ, но не рассчитала прыжка и сорвалась.

— Не может быть, чтобы кабарга промахнулась, прыгая с уступа на уступ, — возражал Днепровский. — Тут что-то другое!

День клонился к вечеру. Павел Назарович поймал Левку, я взвалил на плечи кабаргу, и мы, спустившись пониже, решили на этом закончить суетливый день. Прокопий остался у скалы. Следопыт хотел разгадать, что же в действительности было причиной гибели кабарги.

Ночной приют мы нашли под густыми елями, росшими небольшой группой у соседнего утеса. Тревожный день угасал вместе с солнцем, закатившемся за розовеющие громады скал. Долину заполняли таинственные сумерки. Заречная тайга курилась холодеющей дымкой. От каменистых берегов отступала уставшая на перекатах Ничка. Костер и вечерняя прохлада, наступившая сразу, как только небо очистилось от облаков, были желанными и необычно приятными.

Мы ожидали Днепровского.

Кабарга — это самый маленький олень и, пожалуй, самый изящный. Я однажды видел на песке след сокжоя (*Сокжой — северный олень. Из копытных зверей заселяемых Сибирь, сокжой имеет там самое широкое распространение Он живет в тундре, тайге и на высоких горах Питается главным образом лишайниками и мхами но весною любит пощипать только что пробившуюся зелень по сырым местам, а летом не прочь покормиться зелеными листьями кустарников В Саянах сокжой занимает главным образом верхний ярус леса и белогорий Осенью звери сбиваются в большие стада и сообща всю зиму кочуют по открытым местам), на который ступила кабарга, и был удивлен. Оказалось, что след у нее в шестнадцать раз меньше следа ее старшего брата. Природа отдала в безраздельное пользование кабарги скалистые горы с темными ельниками и холодными ключами. Нет более приспособленного к жизни в скалах животного, чем кабарга. Нужно видеть, с какой быстротой она носится по зубчатым гребням, по карнизам, по скалам, с какой ловкостью прыгает по уступам. Но жизнь этого маленького оленя, несмотря на его приспособленность к обстановке, полна тревог.

В Сибири кабарга держится по всем горным хребтам за исключением густонаселенных районов, где она давно исчезла.

В крупной россыпи, поблизости от ягеля и воды, или в вершине ключа, в корнях и чаще, самка-кабарга в мае приносит двух телят, реже одного, еще реже трех. По внешности они представляют маленькую копию матери; такие же высокие задние ноги по сравнению с передними, такая же голова, напоминающая морду борзой. С первых дней появления телят на свет над ними властвует страх, и до конца жизни он является их постоянным спутником. Я никогда не видел на кабарожьей тропе следов маленьких телят даже в тех районах, где кабарга водится в большом количестве (среднее течение реки Олекмы, верховья реки Зеи, Купари, Май). Мать-кабарга бывает вместе с телятами только во время кормежки. Она не видит игры, которой забавляются утренними зорями телята. Мать обычно живет вдали от детенышей, чаще в соседних ключах, видимо боясь своим постоянным присутствием выдать малышей. Спрятанные в россыпи или в чаще, телята проводят первый месяц жизни в скрытом убежище. Большую часть времени они спят и только с появлением матери, которая приходит в строго определенное время, проявляют признаки жизни. Взбивая мокрыми мордочками вымя матери, они жадно сосут молоко и от наслаждения бьют крошечными копытцами о землю. Чтобы удовлетворить свое материнское чувство, кабарга должна довольствоваться этими короткими минутами и, не задерживаясь, исчезать. А малыши снова прячутся до следующего прихода.

Несколько раз мне приходилось слышать в тайге странный звук из трех-четырех высоких нот, нетерпеливо повторяющийся несколько раз. Это, как оказалось, кричали проголодавшиеся телята кабарги. Так они зовут мать, если почему-либо она не пришла во-время. Услышав призывной крик, кабарга бросается, на него, даже если это и не ее дети. Нередко прибегают на крик и самцы. Охотники, узнав эту повадку кабарги, делали "пикульку" из небольшого кусочка березовой коры. И довольно удачно подражают голосу телят. Обманутая мать бросается на этот звук и падает, простреленная пулей. Этот хищнический способ был широко распространен до

революции, он-то и является главной причиной полного исчезновения кабарги во многих горных районах Сибири.

Примерно через месяц после отела молока у матери не хватает, чтобы утолить все возрастающий аппетит телят, и они предпринимают первую попытку найти корм. В малом возрасте кормом для них являются листья кустарников да ягель, который растет там же, поблизости от убежища. Эти прогулки учащаются, но ходят телята на кормежку только утром и вечером, совсем недалеко, причем всегда одной тропинкой. Вот почему редко удается в июле встретить следы малышей. Мать же, наоборот, приходит к телятам разными путями, не делая тропы. Эти два явления в жизни кабарги играют большую роль в ее борьбе за существование.

В конце августа телята настолько осваиваются с обстановкой, что могут уже сопровождать мать. Они учатся прыгать по скалам, прятаться при появлении опасности и удирать от врага.

Только с августа на кабарожьих тропах и видны следы телят. С этого времени, хотя малыши и сопровождают мать, начинается их самостоятельная жизнь — жизнь, полная неожиданностей и тревог.

Кто из хищников не любит поохотиться за кабаргой! Рысь, попав на кабарожью тропу, способна сутками лежать в засаде, поджидая добычу. Филин стремительно бросается на кабаргу, не упуская случая засадить свои цепкие когти в бока жертвы. И соболь хотя невелик зверек, но в охоте за кабаргой не уступает старшим собратьям. Десятки километров он способен идти бесшумно по следу, распутывая сложные петли в глубоком снегу. Он выждет момент, когда животное приляжет отдохнуть или начнет кормиться. Один-два прыжка — и соболь торжествует победу. Кабарга со страшной ношей на спине бросается вперед, но напрасно в быстром беге ищет она спасения! Зубы хищника глубоко впиваются ей в шею, брызжет кровь из порванных мышц, силы быстро покидают кабаргу, в глазах темнеет, и она замертво падает на землю.

По отношению к кабарге природа проявила излишнюю скупость. Она не наделила ее ни острыми рогами, ни силой ни хитростью. Это самое беспомощное животное в борьбе с врагом. Она всегда прячется, оглядывается, ее тревожит малейший шорох. Но природа не осталась совсем уже безучастной к ее судьбе. Взамен острых рогов, хитрости и силы у кабарги есть удивительная способность взбираться на такие уступы, куда никто, кроме птицы, попасть не может. Такие места называются отстойниками. Я не раз видел кабаргу на отстойнике. Удивительное спокойствие овладевает ею: ни появление человека, ни лай собаки уже не пугают животное — там она уверена в полной своей недосыгаемости.

Но, оказывается, есть и такой хищник, который умудряется добыть кабаргу на отстойнике. Это росомаха. Она берет кабаргу упорством. Росомаха не выслеживает и не скрадывает. Напав на свежий след, она бросается вдогонку и гоняет кабаргу до тех пор, пока та не станет на отстойник. Росомахе именно этого и нужно. Она взбирается на скалу выше отстойника и оттуда прыгает на кабаргу.

Однажды, путешествуя по Олекме раннею весною, я с проводником Карарбахом нашел под скалою, где был отстойник, две выбитые в снегу лунки. От одной шел вверх след росомахи и терялся в скале, вторая лунка была окровавлена, всюду валялась шерсть кабарги, и недалеко мы нашли спрятанные хищником остатки добычи. При всей своей жадности он не смог так много съесть. Меня крайне удивило, что следа прихода росомахи под скалу не было, а был только выходной след, и я сейчас же спросил Карарбаха:

— Ведь не на крыльях же она сюда слетела?

— Росомаха прыгай со скалы на кабарожку, но один раз мимо, потом еще раз ходи вверх, прыгай люче и вместе с кабарожкой упади вниз, — пояснил он.

На этот раз отстойник находился на высоте восьми метров от земли, а прыгала росомаха с высоты примерно одиннадцати метров. Под отстойником лежал глубокий снег.

Когда начало темнеть, пришел Днепровский.

— Неправда, ваша кабарга сама бросилась со скалы! — сказал он, подсаживаясь к костру Мы были крайне удивлены таким неожиданным выводом.

— Ну, этому я не поверю, — возразил Зудов. — По-твоему, получается, будто зверь сам лишил себя жизни, так, что ли?

— Может и так, да только вам со мною не спорить, я ведь принес доказательства, — ответил Прокопий.

Он держал в руках вырезанный ножом маленький кусочек земли. Присматриваясь внимательно, я заметил на этом кусочке два отпечатка копытец кабарги: один маленький, второй побольше, причем большой след перекрывал маленький.

— Это и все? А где же доказательства самоубийства? — разочарованно спросил я, совершенно не понимая, как можно по этим двум отпечаткам разгадать причины трагической гибели животного.

— А что еще нужно? По ним-то я и узнал, что произошло на скале!

И Днепровский, бережно положив возле себя кусочек принесенной земли, стал рассказывать.

— Это была мать той кабарожки, которую мы видели на утесе. Она погибла из-за своего детеныша. Я взбирался на скалу, ходил далеко по берегу, и всюду мне попадались на глаза только два следа — маленький и большой. Видно эти две кабарожки давно тут жили. Видел я там и Левкин след. Ну и непутевая же собака! Вместо того, чтобы, выбравшись на берег после аварии, поспешить к нам, он разыскал следы кабарожек и занялся ими. Животные, увидев такое чудовище, бросились спасаться в скалы и, стараясь сбить врага со своего следа, прыгали на карнизы, петляли по щелям, бегали по чаще. Но разве Левку обманешь? Его след всюду, куда ни забегали кабарожки. Вначале мне было непонятно, почему они все кружатся поблизости от скалы. Оказывается, тот выступ, где стояла кабарожка, — отстойник. К нему идет маленькая тропинка с северного склона, она проложена до того большого камня, который навис над выступом и с которого кабарга прыгает на отстойник. На тропе я срезал эти два следа. Видите — маленький след примет большим, значит первой по тропе к отстойнику пробежала маленькая кабарожка, ее-то мы и видели на выступе. Можно было бы подумать, что они прошли одна за другой по тропе, но в одном месте на берегу реки я видел только след большой кабарожки да Левкин. Значит, после того как меньшая стала на отстойник, мать еще пыталась отвести Левку от скалы, но это ей не удалось. Левка упорно шел по следу, и скоро кабарга принуждена была сама спасаться на отстойнике. Вот тогда-то и пробежала она по тропке, но отстойник оказался занятым, а позади наседали Левка. Выхода не было, и мать прыгнула с того камня, что повис над отстойником, прямо под скалу. Вот и все! — заключил Прокопий.

Павел Назарович почесал седую бородку и покачал головой в знак согласия.

— Это могло быть! — подтвердил он. — Прыгни она на отстойник -- погибли бы обе...

— Она ведь мать и за это заплатила жизнью, — продолжал Прокопий. -- Помните наших рысей на севере? — вдруг обратился он ко мне. — Где-то они теперь, да а живы ли?

То, что вспомнил тогда Прокопий о рысях, было разительным примером силы материнского инстинкта у животных.

Х Х Х

Был жаркий день июля. В тайге все притаилось, спряталось и даже листья березы привяли от горячих солнечных лучей. Я с проводником Тиманчиком возвращался на базу к стойбищу Угоян, на Подкаменной Тунгуске. Ни тяжелые котомки, ни жаркие лучи летнего солнца так не изнуряли нас, как гнус. Утром не давали покоя комары. Когда же мы стали собираться в путь, навалилась мошка, а затем появился и паут (*Паут — овод). Вся эта масса надоедливых насекомых сопутствовала нам весь день. Вначале мы отмахивались, но скоро это утомительное занятие до того надоело, что мы решили не сопротивляться и сдаться "на милость победителей".

Тропа вела на верх пологого хребта. Солнце продолжало немилосердно палить. Мы торопились, зная, что по пути до реки, на расстоянии двадцати километров, нигде не сможем утолить жажду, а следовательно и отдохнуть. Наши собаки Чирва и Майто буквально изнывали от жажды. В каждом распадке они бросались искать воду, но напрасно. Вот уже третья неделя, как на небе не появлялось ни облачка. Влага исчезла и в распадках и в мелких ключах. Даже таежные речонки обмелели до неузнаваемости.

Пересекая высохший ручей, мы вдруг услышали лай. Зная, что наши собаки не облаивают птиц, бурундуков, а белку — только в сезон, и что в этом районе не бывает сохатого, мы подумали о медведе и бросились на лай. Оставаясь незамеченными, мы то ползли бесшумно по траве, то, нагнувшись, пробирались по чаще, а лай становился все слышнее. Доносился треск сучьев и возня. Ползем еще вперед. У меня в руках готовое к выстрелу ружье. Цель уже близко. И вдруг мой спутник, выпрямляясь во весь рост, говорит:

— Она не медведь.

Я тоже встал, и непонятное разочарование овладело мною. Собаки, увидев нас, принялись лаять с еще большим азартом. Оказалось, что предметом их внимания был небольшой ворох наносника, обнимавший корни старой ели. Видимо, в дождливое время ручей, возле русла которого мы находились, заполнялся водой, иначе наносник никак не мог бы попасть под ель.

До крови изодрав морды, собаки грызли зубами палки, работали лапами, пытались разобрать наносник. Мы не могли понять, кого они загнали туда.

Я заглянул под наносник и поразился странному звуку. Он напоминал ворчание кошки, когда у нее пытаются отобрать кусок мяса, только что стащенный из-под рук хозяйки. В темноте различались две пары светящихся точек, прямо смотревших на меня. Еще несколько секунд — и в корнях ели показались две усатые мордочки. Собаки, увидев, что я хочу разобрать наносник, неистовствовали.

— Наверно, маленький рысь, — сказал эвенк. — Тут видишь, всякий разный косточка есть, это они кушай.

Он оказался прав. Под елью прятались маленькие рыси. Мы решили разобрать сушник и унести малышей к себе на стойбище. Сколько страха и возмущения было в глазах этих маленьких животных. Прижавшись друг к другу спинами, они дружно отбивались от нас лапками и злобно, как взрослые, ворчали. Я снял гимнастерку, завязал воротник и пленил малышей.

Солнце стояло в зените. В тайге было душно, даже в тени. Хотелось пить. Я приподнял свою ношу и хотел было идти, когда Тиманчик остановил меня.

— Наверно, близко вода есть, иначе рысь тут живи не могу.

Действительно, ведь не могли же малыши жить без воды, тем более, что они уже питались мясом. Тиманчик быстро разыскал еле уловимую глазом тропу и пошел по ней. Освобожденные собаки побежали вперед. Снова раздался лай, и долетевший до слуха треск стал удаляться в противоположном от нас направлении.

"Не старая ли рысь?" — подумал я.

Когда шум стих, мы разыскали воду, вернее маленькое болотце, к которому ходили на водопой рысята. Вода в нем была теплая и далеко не свежая, но мы все же утолили жажду и продолжали путь.

Собак еще не было. Малышей я нес в рюкзаке. Каждый толчок раздражал рысят, и они не переставали ворчать, выражая свое негодование.

Вечерело, но жара не спадала. Мы снова изнывали от жажды. Я старался не думать о воде, но мысли о ней неотступно преследовали меня, как назойливая мошкара. Наконец, пологий хребет кончился, и мы стали спускаться в долину. Ничего не хотелось, кроме воды и прохлады; даже предстоящий отдых после длительного пути не соблазнял нас.

Но вот окончился крутой спуск, скоро остался позади и сосновый бор, граничащий с береговыми елями. Еще полкилометра пути, показавшегося бесконечно долгим, и мы увидели знакомую поляну, а затем услышали и долгожданный шум реки. Только тут

нас догнали собаки. Не задерживаясь на поляне, мы поспешили к воде. Мы пили, купались, как дети радуясь прохладе. Через десять минут не осталось и следа усталости.

Предстояла ночевка. Хотелось есть, но в наших котомках, кроме маленького кусочка пышки, ничего не было, если, конечно, не считать чайника и небольшой сковороды, на которой обычно жарили рыбу. Но ведь мы находились в тайге, поэтому отсутствие запасов продовольствия не смущало нас. Пока я устраивал ночлег, привязывал собак и возился со своими пленниками, Тиманчик, усевшись на гальку, достал нож и срезал с собственной головы небольшую прядь волос, затем вынул из шапки два голубых перышка кедровки и белой ниткой прикрепил все к маленькому рыболовному крючку. Через несколько минут я увидел в его руках искусно сделанную мушку, на которую он собирался ловить хариусов. Но вода в реке была настолько прозрачной, что нужно было прикрепить крючок к бесцветному поводку, иначе рыбу не обманешь. Тиманчик нашел в своей дорожной сумочке оленью жилу, которыми эвенки починают олочи (*Олочи — обувь из лосины), отделил от нее три тончайшие нитки, из которых и ссучил поводок.

Тиманчик мастерски обманывал хариусов. Я сам был свидетелем того, как жадно бросались хариусы на обманку, и ровно через полчаса рыба уже жарилась на сковороде.

Надвигались сумерки. В июле в этих местах почти не бывает темноты: не успеет вечерняя заря погаснуть, а уж на востоке разгорается утро. Но человек быстро привыкает к светлым ночам и в положенное время легко засыпает. После ужина я решил посмотреть рысят. Они не спали, были голодны, скучали о матери и не понимали, почему их лишили родного уголка под старой елью. Но стоило мне только прикоснуться к рюкзаку, как сейчас же слышалось гневное рычание.

Им было, видимо, немного больше двух месяцев. В глазах рысят жила злоба, прикрытая теперь чуть заметной печалью неволи. Они прижимались друг к другу и в оборонительной позе предупреждающим взглядом смотрели на меня. Я закрыл рюкзак, проверил, надежно ли привязаны собаки, и стал готовиться ко сну. Тиманчик уже отдыхал.

По реке струилась прохлада, и вместе с ней на зеленый покров долины ложилась роса.

Ночью, часа в два, раздался отчаянный лай собак. Мы вскочили. Кто-то с треском удалялся от бивака. Тиманчик быстро спустил собак. Скоро лай повторился несколько поодаль. Тиманчик с берданой в руках бросился на лай; я последовал за ним. Мы еще не успели добежать до дерущихся, как по лесу разнесся отчаянный визг собаки Майто. Хорошо, что было светло. Выскочив на поляну, мы увидели катающийся на земле клубок.

Борьба была настолько ожесточенной, что даже наше появление осталось незамеченным. В общем клубке мы разглядели животное светлой окраски. Это была крупная рысь. Подобрав под себя Майто, она так и застыла, стиснув стальными челюстями горло собаки. Чирва, спасая сына, сидела на спине зверя и зубами рвала ему хребет. Майто задыхался и чуть слышно хрипел. В два прыжка Тиманчик оказался возле дерущихся. Бердана, описав в воздухе круг, угодила прямо в лоб рыси и переломилась пополам. Тогда эвенк, как безумный, принялся стволom колотить зверя. Удары, рычание, предсмертное хрипенье Майто — все смешалось.

Через минуту рысь свалилась на бок, но челюстей не разжала, — так и умерла с задушенным Майто. Горю Тиманчика не было предела. Хорошая собака для эвенка — его благополучие. "Только неудачник живет в тайге без лайки", — так говорят эвенки.

Тиманчик разжал пасть рыси и, приподняв безжизненного Майто, стал его тормошить, пытаясь пробудить признаки жизни, но это ему не удалось.

Мы вернулись к месту ночевки, раздумывая над странным поведением рыси. Обычно она не выдерживает натиска собак и отделяется от них, забравшись на дерево,

или просто удирает. Что же заставило эту рысь вступить в неравное единоборство с собаками?

Там, где произошла схватка собак с хищником, мы нашли мертвого зайца. Это заставило нас призадуматься.

Рысь несомненно была матерью малышей. Видимо, вернувшись после дневной охоты с пойманным зайцем к детям, она не нашла их в гнезде и пошла нашим следом, неся в зубах добычу. У стоянки она, наверное, сделала круг и затаилась в том месте, куда ветерок доносил запах ее детенышей. По нему она догадалась, что малыши живы. Материнский инстинкт мгновенно заглушил страх, сделал ее необыкновенно ловкой; она незамеченной пробралась к стоянке, рассчитывая стащить или покормить детей, но собаки окружили ее.

Все стало понятно, и мне не нужно было спрашивать у Тиманчика что заставило рысь вступить в борьбу с собаками и почему наше появление ночью на поляне не испугало ее.

Утром мы были на стойбище.

Много времени прошло с тех пор. Наши маленькие рысята привыкли к пище, подросли, но были они сыты или голодны, в их глазах я никогда не видел примирения. Они все время находились в каком-то напряженном состоянии, особенно самка. Она не смотрела в глаза человеку, вечно пряталась и беспричинно раздражалась.

Следующей весной, когда нашим питомцам уже было по году, они особенно остро переживали неволю и своим поведением вызывали у всех нас чувство сожаления. Наконец я не выдержал и решил отпустить их в тайгу. На лодке мы поднялись вверх по реке, к устью Чулы, переночевали и отпустили рысей на волю. Наш путь шел дальше к вершине Подкаменной Тунгуски.

В тайге еще таял снег. Вода в реке неизменно поднималась и скоро вышла из берегов, вынудив нас вернуться на стойбище. Каково же было наше удивление, когда, подплыв к старой ночевке, мы увидели наших рысей, сидящих на наноснике! Заметив нас, они поднялись и отошли к кустам. Не знаю почему, но мы радовались этой встрече. Рыси к нам не подошли. Мы оставили им все свои запасы мяса, рыбы, хлеба и уже никогда больше не встречали их.

ПОД НАМИ ВЕРШИНА ЧЕБУЛАКА

Дикие озера. Тропой сокжоев. Привал на Тумной. Неожиданный гость. Ночной снегопад. На подъеме по грани цирка. Снова открылся Саян. Марал на недоступной высоте.

Пережив прошедшим днем много тревожных минут, мы к вечеру так измотали свои силы, что желали одного — спокойного сна. Даже ночной холод, постоянный наш спутник, сжалился над нами и не будил всю ночь.

Мы проснулись еще до солнца. Седой туман сползал с мертвенно бледных склонов гор. Далеко за щербатым хребтом разгорелась багряная зорька. В посветлевшем холодном лесу проснулись птицы.

Левка неохотно покинул нагретое место. Он лениво потянулся, зевнул во всю свою огромную пасть и, осмотревшись, замахал хвостом. День обещал быть безоблачным. В шесть часов наш маленький отряд уже шел вдоль крутого ключа, поднимаясь на верх пологого отрога. Как только мы оказались там, то в северо-западном направлении во всем своем величии увидели голец Чебулак. Его тупая снежная вершина господствует над всеми прилегающими горами.

С боков его сжимали синие ленты хребтов с серебриющимися на солнце откосами. А дальше за гольцом чернели гребни, убежавшие на запад в туманную дымку. Склоны Чебулака изрезаны круто спадающими ключами и снизу опоясаны темнозеленой полосой густой хвойной тайги. Кое-где по крутым снежным скатам взбегали отдельные кедры, там же чернели пятна отогретых россыпей да обломки развалившихся скал. К нам голец обращал глубокий цирк, оконтуренный гигантскими

стенами обнаженных пород. Подступ к вершине Чебулака охраняли бесчисленные скалы, они-то и придавали великану суровый вид.

До Чебулака оставалось не более двадцати километров. Наметив кратчайший путь, мы тронулись дальше. На широкой равнине, за перевалом, развернулись два озера, соединенные между собою узкой проточкой. Это Дикие озера. Они были покрыты льдом, и только вытекающий из западного водоема ручей местами освободился от зимних оков и, заполняя весенним шумом узкое ущелье, скатывался к реке Тумной.

А солнце высоко поднялось над нами и заливало ярким светом всю горную панораму. Позади, над хребтом Крыжина, появилось досадное серое облачко. Оно лезло на вершины и, увеличиваясь, расползалось по гребням.

— Опять к снегу... — сказал Павел Назарович, первым заметивший его.

За озером неожиданно попала глубокая тропа, только что проложенная по снегу прошедшим впереди стадом сокжоев. Они, так же как и мы, направлялись к реке Тумной.

Повидимому, звери совершали переход к летним пастбищам, шли без кормежки, оставляя после себя взбитый до земли снег. Не оставалось сомнения, что вожак не в первый раз вел стадо этим путем. Тропа удачно обходила завалы, чащу, крутые распадки. Дойдя до Тумной, сокжои расположились на отдых вблизи кедра, у скалы, на единственной поляне, освободившейся от снега. Когда мы приблизились, раздался сильный треск. Стадо в беспорядке бросилось через реку, но выскочить на крутой берег не смогло и в смятении остановилось.

Их было всего одиннадцать сокжоев различных возрастов. У взрослых между ушей виднелись черные вздутия — будущие рога, взамен отпавших зимою. И только у одного, самого крупного сокжоя эти вздутия были большие и уже имели форму рогов. Приподняв головы и насторожив уши, звери в недоумении смотрели на нас, не подозревая опасности. Но вот у одного из-под ног вырвался камень, и все разом сорвались с мест. Сокжои разбились на две группы: одна бросилась вниз по реке, вторая — вверх. Левка волновался. Казалось, вот-вот он кинется на Днепровского, который держал пса на своре (*Свора — ремень, шнур).

Река Тумная немного меньше Нички и до слияния с ней течет на юго-запад глубоким каньоном. Долина имеет мрачный колорит. Со всех сторон давят на нее нависшие обрывы, осыпи, жмет лес. Над руслом, заваленным округленными обломками скал, нависла ольховая чаща, берега забиты наносником. Небольшие плесы и заводи под крупными валунами изобиловали хариусом — любителем холодной и быстрой струи. В Тумной, пожалуй, чаще, чем в других реках Восточного Саяна, попадаются таймени. Мне удалось поймать к обеду несколько хариусов, и Павел Назарович приготовил из них вкусную уху. Если бы мы не потопили свое ружье, не исключено, что и медведь не ушел бы от нас.

Удивительная беспечность овладевает иногда этим зверем. На поляне, где мы остановились, дымился костер, вокруг была развешана мокрая одежда. Медведь спускался вниз по реке, медленно шагая между камней. Низко опущенная голова покачивалась из стороны в сторону: видно, ему лень было поднять ее и посмотреть вперед. Днепровский схватил Левку и, пока тот не видел зверя, прижал к себе. Павел Назарович только что снял с огня чайник, да так и застыл с ним. Ничего не подозревая, медведь подошел совсем близко, остановился, разгреб лапой мох, подобрал языком корешок, похрустел зубами. Заглянул в пустоту под камнем, но вдруг поднял голову, да так и замер от неожиданности.

— Чай пить с нами! — крикнул Павел Назарович.

Зверь рывкнул и привскочил. Увидев вблизи себя людей, он с перепугу метнулся назад, затем бросился через воду и сколько было сил стал удирать вверх по гребню.

— Ух! Ух! Ух! — еще долго доносился оттуда панический рев.

— Видимо, и медведя не обидел Чудо-зверь страхом, — сказал я, вспомнив эвенкийскую легенду.

Немного перекусив, мы благополучно переправились на правый берег Тумной. Во второй половине дня погода резко изменилась. Подул ветер, и небо затянулось тучами, медленно передвигавшимися к западу. Похолодало. Мы шли узким ключом, утопая в размякшем снегу. Одежда наша быстро вымокла, отяжелела. Усталые ноги с трудом передвигались.

Чем дальше от Тумной, тем теснее сжимались ущелья, тем круче становился ключ. Скоро нас встретил настоящий кедровый лес, спустившийся с Чебулака.

Какими необычайно красивыми показались старые, увенчанные белесоватым мхом кедры! Распластав по земле свои могучие корни, они будто приветствовали нас, покачивая вершинами.

— Вот под тем кедром и расположимся ночевать! — говорил уставший Павел Назарович, указывая на толстое дерево, нижние ветви которого почти лежали на снегу.

Кедров было много, каждый манил к себе, и мы переходили от дерева к дереву, выбирая лучшее среди лучших.

Где-то, за невидимым Чебулаком, потух отсвет короткой зари. Горы медленно растворялись в синей дымке вечерних сумерек. Сближался горизонт, сливаясь с еще более потемневшими тучами, и древняя тайга, приютившая нас, погружалась в молчание. Большой костер из кедрового сушника отбрасывал от стоянки наседавшую темноту весенней ночи. Развесив мокрую одежду, полуголые, мы уселись у огня и долго не могли отогреться. Ну как не помянешь добрым словом костер! Сколько приятных минут доставляет он промерзшему путнику! Он и согреет, и порадует, и обережет твой сон. Да и нет более глубоких раздумий, чем у костра, когда остаешься с ним наедине. Усядешься поближе к огню, обнимешь сцепленными руками согнутые в коленях ноги и смотришь, как огонь пожирает сушник, как в синих вспышках плавают угли, а мысли бегут, бегут, напоминая о прожитом.

К ночи порывы ветра усилились, еще больше закачалась тайга, пошел снег.

На счастье, он продолжался недолго. Сквозь поредевшие облака к нам под старый кедр заглянула луна. Она появилась точно из глубины бездны и залила все вокруг серебристым светом.

Я встал. Тишина была полная. Будто зачарованные, боясь стряхнуть с себя покой, стояли прихотливо убранные снежными хлопьями кедры. Миллионы причудливых огоньков, словно алмазы, то вспыхивали, то гасли в снежных гирляндах, украсивших ветви деревьев. А луна, поднимаясь все выше и выше, заглянула, наконец, в самую чащу леса. Сквозь густую хвою лучи ложились светлыми полосами на белый снег. Туда же падали тени от деревьев. Полосы яркого света смешивались с темными тенями, и чудесный узор украшал тайгу.

Утром нам пришлось зедержаться. Дальше подход к Чебулаку был прикрыт еще более глубоким снегом, под которым прятались рытвины, валежник, кусты. Нужно было сделать лыжи, хотя бы примитивные, иначе не пройти. Вчера последний километр до стоянки мы буквально брели по пояс в снегу.

Холодный утренний воздух был чист и прозрачен. Зубчатая линия Хайрюзового белка вырисовывалась на фоне голубого неба необычайно четко. В кронах старых кедров, усыпанных хлопьями ночного снегопада, вспыхивали и переливались блески солнечных лучей. Но на дне ущелья длинной заплатой лежал затаившийся туман. Я предсказывал своим спутникам хороший теплый день.

— Не торопитесь угадывать, день большой, — отозвался Павел Назарович, отделявая ножом лыжу. — Туман, что на Тумной, скажет точнее...

Я еще раз посмотрел на кусочек неба между горами и на лес, освещенный ярким солнцем.

— Вот если туман с реки начнет подниматься вверх, то непременно быть дождю — это уж без ошибки, — пояснил старик.

В десять часов мы покинули нагретое место под кедром. Поднимались по ручью, пропилившему проход по дну глубокого и скалистого ущелья. Нависшие над ним отроги Чебулака имели вид разрушенных стен, с острыми утесами, будто нарочито

выброшенными поверх волнистой глади леса. Дно же ручья завалено бесформенными обломками, как бы умышленно преграждавшими путь. Вода то мчалась, пробиваясь сквозь узкие щели скал, то терялась между каменных глыб и накипевшим за зиму льдом, то, оглашая воздух стоном, падала в бездну, образуя бесчисленные водопады. Картину дополнял нескончаемый рев потока, глухие отголоски береговых скал и мрак, пропитанный вечной сыростью. Единственный путь — правой стороной ущелья. Но что это за путь! Мы карабкались на стены, удерживаясь руками за кусты, перебирались сквозь щели и заросли, снова и снова спускались на дно ручья, чтобы обойти скалы. Но чем выше поднимались, тем меньше нагромождений, хотя крутизна все более увеличивалась, идти становилось легче.

С нами вместе по склону Чебулака взбиралась и густая тайга. Мы видели вокруг себя приземистые кедры, украшенные длинными прядями седых лишайников, молодую поросль, прикрытую густой тенью старых деревьев, да могилы умерших великанов, затянутые плотным покровом зеленого мха. Наконец-то мы попали в настоящую девственную тайгу. Было бы странным увидеть здесь следы топора или остатки костра. Только тропы сокжоев да следы соболей пересекали наш путь. И всегда, погружаясь в эту неприветливую атмосферу лесной чащи, переживаешь странное состояние подавленности, какую-то приниженность при виде столетних кедров, сомкнувших над тобою свои жесткие кроны.

Туман так и не поднялся от реки — он как бы растаял в лучах весеннего солнца. К вершине мы пробирались гуськом, поочередно прокладывая лыжню. Не выдерживая крутизны, лес стал редеть. Все чаще встречались толстые, уродливо-корявые кедры, полузасохшие, сгорбленные, дупляные. Деревья выглядели жалкими от перенесенных суровых зим. У кедров, растущих на небольшом прилавке, расположились биваком. Тут-то и заканчивалась верхняя граница леса, опоясывающая снизу гольц. Времени до заката солнца оставалось еще много. После обеда мы с Прокопием решили идти на вершину, а Павел Назарович остался устраивать ночлег. Хотелось скорее добраться до цели. Мне думалось, что с Чебулака мы многое увидим и более точно определим наш дальнейший путь.

От стоянки направились к гребню и по уступам стали взбираться на хорошо видневшуюся вершину гольца. Лес остался позади. Слева показался крутой склон, покрытый рубцами надувного снега, а справа, сразу же от гребня, обрывались отвесными стенами скалы, образующие тот самый цирк, что видели мы с Диких озер. Теперь он лежал под нами, глубоко врежаясь в гольц, мрачный, полусферической формы. Его стены снизу подбиты крупной осыпью — результат продолжающихся разрушений скал. На днище ступенчатого цирка темнели пятна замерзших озер, соединенных между собою извиистой полоской ручейка. Там же были заметны продолговатые бугры, заросшие кустарником, вероятно, морены. Тени скал оберегали от солнца плотный снег, покрывающий длительное время года дно цирка. Гребень, по которому мы поднимались, был почти гол. Постоянные ветры сдули с него снег. Россыпи (из них сложен гребень) покрывал бледножелтый ягель и различные лишайники. В расщелинах мы видели кашкару и другие рододендроновые растения, характерные для гольцовой зоны. Кое-где, в заветерках, попадались на глаза одинокие кусты ольхи да на площадках, поверх выступающих скал, совсем крошечные ивки. Сгорбившись от непосильного холода, они не растут вверх, а стелются, прячась за камни.

Край скалы, по которому мы поднимались, у вершины гольца образует причудливо-зубчатый кант, четко вырезанный на фоне голубого неба. Трудно представить тишину, которая окружала нас среди гигантских выступов скал, застывших россыпей и ослепительно белых снегов. Воздух замер, все млело в живительных лучах весеннего солнца. Ни единого звука не доносилось из цирка, и только учащенные удары сердца слышались в груди.

Чем ближе к макушке, тем величественнее открывалась нашему взору панорама Восточного Саяна.

Вершина Чебулака крепко скована почти заледеневшим снегом. Чтобы взобраться на нее, мы сняли лыжи. Ноги скользили по твердой поверхности. Мы падали, поднимались и снова упорно карабкались вверх. Наконец-то под нашими ногами был тот самый голец, который два дня тому назад издали поражал своей грандиозностью. Мы увидели беспорядочно скученные гряды гольцов, утопающие в их глубоких складках залесенные долины и пологие, будто сглаженные временем белогорья. Край особенный по колориту, непревзойденный по красоте.

Я достал тетрадь и, усевшись на снег, сделал несколько зарисовок.

С севера Чебулак обошло Манское белогорье. Оно не вызывало особого восхищения. Все плоское, придавленное, тупое. Взгляд невольно устремлялся туда, где вставали вершины гор, украшенные синеватыми рубцами скал. Рука привычными движениями набрасывала на бумагу горы, пики, ключи. Но взгляд неизменно забегал вперед, силясь проникнуть в самую гущу скалистых хребтов, которые чуть заметно вырисовывались на востоке. Правее вершины высоченных гольцов прикрывали ту часть Саяна, которая больше всего нас привлекала. Именно там прятались те сказочные горы, куда редко проникал человек.

Только я закончил зарисовку горизонта, как раскрасневшийся диск солнца спрятался за мрачными отрогами ближних гольцов. Долина и тайга покрылись пеленой вечерних сумерек. А работы еще оставалось много. Нужно было детально разобраться в рельефе, прилегающем к Чебулаку, выбрать подходящие для новых геодезических пунктов вершины гольцов и наметить к ним маршруты. Пришлось все это отложить на завтрашний день.

Пока собирались в обратный путь, резко похолодало, и из расщелины цирка подул ледяной ветер.

С кромки гольца хорошо был виден дым костра, разведенного Павлом Назаровичем. Не задерживаясь, мы начали спускаться. Это оказалось более тяжелым, чем подъем. Снег, шапкой прикрывающий голец, был твердым и скользким. Нам пришлось поступить так, как поступают дети, когда без санок спускаются с горки. По менее крутому склону мы скатывались на лыжах.

Павел Назарович заканчивал устройство бивака. Он натаскал дров и уже сварил более чем скромный ужин, состоящий из небольшой порции каши и чая без сухарей. В одном отношении наша стоянка была неудобной: кедр, под которым мы с трудом разместились, имел редкую хвою, и все тепло от костра быстро уходило. Сделанный Павлом Назаровичем заслон из веток тоже слабо защищал нас. Холодный ветер беспощадно расправлялся с костром и, проникая под одежду, охлаждал тело. А часов в одиннадцать температура пала до — 15°, где там было уснуть! Раза три принимались пить чай, таскали дрова, а ночи не было конца. Когда ж наступило утро, у нас было одно желание — скорее покончить с Чебулаком и спуститься в тайгу.

На этот раз на верх гольца вместе с нами пошел и Павел Назарович. Ночной мороз так сковал ледяной коркой снег, что мы шли по нему легко и без лыж. День был солнечный, тихий. Пониже нашего лагеря лежал туман. Он скрыл залесенные долины, узкие ущелья и широкие распадки. На его сером фоне теперь хорошо выделялись хребты, отроги белогорья, и это помогло нам более точно рассмотреть рельеф.

Поднимаясь к шапке гольца, мы наткнулись на множество ям, выбитых в снегу, и удивились, так как вечером их не было. Как оказалось, ночью здесь кормилось стадо сокжоев. Незадолго до нашего прихода они ушли на север, оставив после себя несколько троп. Рассматривая ямы, мы удивлялись способности этих животных добывать себе корм, которым зимой в основном является белый лишайник — ягель. Природа наградила сокжоя таким чутьем, что он легко улавливает запах ягеля даже сквозь метровую толщу снега. Чтобы добраться до корма, сокжои и выбили эти ямы. В них они отдыхают после кормежки и спасаются от зимних ветров.

Когда достигли вершины Чебулака, туман заметно осел. Мы подошли к скалистой кромке гольца и, усевшись на снег, долго рассматривали горы.

На востоке мы видели тени гор. Косые лучи солнца, освещая противоположные склоны, окантовывали серебристой полоской хребты и гребни. Кое-где, прорвавшись между щелями гор, лучи ослепительным снопом ложились на крутые откосы. Сочетание световых полос, глубоких теней и туманов было необычайно красивым.

На Чебулаке мы установили столб и оставили в непромокаемом конверте письмо Трофиму Васильевичу Пугачеву со всеми рекогносцировочными данными. Он придет сюда после нас и закончит работу.

В десять часов мы уже спускались под глеец. Павел Назарович стал на лыжи. Сквозь нависшие усы его проскользнула улыбка.

— Прокатимся? — предложил он, глядя на нас.

— Нет, я еще жить хочу, — ответил Днепровский.

Старик махнул рукой и покатился вниз.

Мы тронулись следом, но разве догонишь? Казалось, что мы стоим на одном месте и только один Зудов катится, — с такой быстротой он мчался вниз по занесенному снегом склону Чебулака. Следом за ним во всю прыть летел Левка.

Не отрывая глаз, мы следили за стариком. На крутых спусках он пригибался к земле, на поворотах наклонялся в сторону и, лавируя между кедрами, уходил все ниже и ниже. Вдруг мы увидели, как взметнулись его руки, кафтан — и все исчезло за снежной гранью ската. Мы поспешили туда. Лыжня старика оборвалась у отвесной стены десятиметрового уступа. Но под ним не было Павла Назаровича.

Оказалось, что старик с ловкостью юного спортсмена спрыгнул вниз и был уже далеко. Мы сняли лыжи, обошли уступ и, спустившись в ущелье, увидели дымившийся костер и кипевший на огне чай.

Павел Назарович остановился на маленькой поляне, окруженной старыми кедрами. Узкое, с пологим дном ущелье втиснулось между отрогами гольца, круто спадающими к тайге. Ниже ущелье расширялось, отроги становились более пологими и там, где-то внизу, терялись в густом кедровом лесу.

Мы основательно почувствовали голод. К чаю, единственному нашему блюду в это утро, полагалась горсть сухарей на троих. Авария на Ничке лишила нас части продовольствия, которого хватило бы на обратный путь.

После завтрака, если можно так назвать более чем скромную трапезу, мы решили часок отдохнуть. Под толстым кедром не было снега. Весеннее тепло распространилось по всей тайге. Устраиваясь у костра, я случайно заметил на одном из выступов отрога, примерно в трехстах метрах от стоянки, какое-то серое животное. Это оказалась самка марала. Она стояла у самой кромки скалы высоко над нами и срезала острыми зубами молодые побеги березки. Временами она спускала передние ноги на уступ и, чудом удерживаясь почти вертикально над обрывом, продолжала пастись. Скоро рядом с ней появился годовалый теленок. Животные наверняка видели, как мы таскали дрова, ломали ветки, и, вероятно, слышали наши голоса. Однако самка, сохраняя полное спокойствие, улеглась там же на краю обрыва и только изредка поворачивала голову в стороны, окидывая взглядом ущелье. Невдалеке кормился теленок. Он свободно ходил по карнизам, взбирался на скалы, удерживаясь на самых незначительных выступах, а я с замиранием сердца следил за ним. Мне хотелось узнать, какое впечатление произведет на изюбров крик. Они сразу повернули головы в нашу сторону, но не сдвинулись с места. Этот необычайный для них звук вызвал только любопытство. Я крикнул еще несколько раз более громко, но впечатление не изменилось. Умные животные как будто понимали, что они находятся вне опасности и что их покой надежно оберегают нависшие над ущельем скалы.

Через два часа я увидел маралов гораздо ниже, совсем недалеко от стоянки. Заметив нас, они бросились вверх и исчезли среди скал.

В этот день мы заночевали на реке Тумной.

В ДАЛЁКИЙ ПУТЬ

Разграбленный лабаз. Виновники пойманы с поличным. Караван тронулся в путь. Впереди снова завал. Ночевка без костра под дождем. Кизир уносит Бурку. "Удавка". Наводнение. Мы спасаемся на лабазах. Маркиза продолжает капризничать.

К концу третьего дня мы подходили к своему лагерю на устье Таски. В мутных вечерних сумерках все дальше и дальше отступали от нас горы Крыжина, и скоро их зубчатые контуры слились с небом. Надвигалась ночь. Будто по мановению волшебной палочки оборвалась дневная суета пернатых. Казалось, все живое мгновенно погрузилось в крепкий сон, и только одни мы, ломая ногами сучья, нарушали безмолвный покой ночи, да где-то впереди шумел Кизир. Этот шум придавал нам силы, он манил к себе, обещая отдых, а главное — пищу, которой мы не имели уже два дня.

Проходим двести-триста метров. Откликаемся Павлу Назаровичу, затерявшемуся где-то в завалах, и, наконец, выходим на устье Таски, к своему лагерю. Ни костра, ни людей.

"Неужели спят?" — думал я, внимательно всматриваясь в темноту. Палаток не оказалось.

Вспыхнула спичка, на миг отбросив темноту. Ужас охватил нас: на стоянке никого не было, вьюки, свертки лежали разбросанными и затоптанными, земля вокруг была взбита ямами.

Павел Назарович принес дров, и пламя костра осветило безрадостную картину разоренного лагеря. Создавалось впечатление, будто грабители искали что-то среди груза, в поспешности разбросав его по площадке. Мы стали собирать вещи — все они оказались целыми, и только один мешок, с соленым медвежьим салом, был разорван и лежал пустым. Грязные куски жира валялись на поляне, они-то и служили доказательством того, что в разгроме лагеря не были повинны ни медведь, ни россомаха, — звери съели бы сало. Так мы и остались в неведении до утра.

Наши товарищи ушли на прорубку тропы, вверх по Кизиру, оставив постели, вещи и часть груза на сделанном лабазе, который и подвергся нападению.

Все ярче разгорался костер. Мы с Павлом Назаровичем собирали вещи, а Днепровский возился с приготовлением ужина. Он разостлал брезент, насыпал в кружку сухарей, достал масло, банку консервов и что-то готовил на сковороде. Запах жареного масла, распространившийся по лагерю будоражил и без того возросший аппетит. Не было сил отвести глаз от сковороды.

После ужина мы не стали задерживаться у костра. Четырехдневный переход от гольца Чебулака, беспокойные ночи у огня, недоедание обессилили нас. Добравшись до своих постелей, мы тотчас уснули.

Утром нас разбудило ржанье и драка лошадей. Я выглянул из спального мешка и увидел возле себя весь табун. Ближе всех ко мне стоял Мухортик. Он держал в зубах кусок медвежьего сала и, мотая головой, тер его о землю. То же самое делали Рыжка и Соловей, а остальные, скучившись у ям, лизали землю.

Проснулись Прокопий и Павел Назарович.

Лошади, увидев нас, бросились к реке, и только Мухортик остался на месте. Он выбросил изо рта сало и, вытянув "морду вперед, долго шлепал губами, разбрасывая пену.

Разгадка пришла сама собой. Лошади пронюхали на лабазе соль (ее было присыпано сало), разбили несложную постройку и устроили себе солонцы. Медвежий запах обычно вызывает у лошадей панический страх, но тут мы были свидетелями того, как бесстрашно они расправлялись с салом, в котором всегда сохраняется специфический запах зверя. Всему причиной была, конечно, соль, до которой лошади, особенно весной, большие охотники! Из-за нее-то они и пренебрегли звериным запахом.

Безоблачное небо предвещало хороший день. На далеком востоке разгоралась заря. Тайга уже давно пробудилась.

Шум реки, стук дятла и крик селезней — все сливалось в одну бодрую и радостную мелодию. Пробуждались и мрачные вершины сгорбленных хребтов. Они как-то приподнялись и сурово встречали солнце, которое вот-вот должно было появиться. Прошла еще минута ожидания — и свежий, как само утро, луч нежно коснулся скалистых вершин далеких гор.

Оторвавшись от горизонта, солнце поднималось все выше и выше и, наконец, осветило нашу стоянку.

Как хорошо бывает в лесу в эти весенние дни! Какой чудесный и здоровый здесь воздух! Сколько сил и бодрости вливает он в человека!

Только мы кончили завтрак, как в лагерь прибежал Черня. Он бросился к Левке, лизнул ему морду, видимо в знак приветствия, а затем стал ластиться к нам.

— Наши идут! — сказал Прокопий, всматриваясь в лес. И действительно, вскоре мы услышали говор, а затем и увидели поднимающихся от реки Пугачева, Лебедева и Других.

За долгие годы своей работы в экспедициях я не помню случая, когда бы мы не торопились. Это, видимо, удел всех путешественников. Пока не достигнешь цели, не успокоишься, а если когда и сделаешь дневку или передышку, то накопится столько работы, что и не рад отдыху. Тогда, пробираясь в глубь Саянских гор, мы должны были особенно торопиться. Никто не знал, какие преграды ждут нас впереди и сколько времени понадобится нам, чтобы пересечь этот сказочный, полный неожиданностей край.

Пока мы обследовали голец Чебулак, Трофим Васильевич со своей группой успел прорубить тропу от Таски до того места на реке, где предполагалась переправа на левый берег Кизира. Люди подобрали седла для лошадей, подогнали нагрудники, шлеи и прожирили всю сбрую. Лошадям предстояла тяжелая работа, поэтому было очень важно, чтобы седла равномерно лежали на спинах и не скатывались при спуске и подъеме. В походе лошадь чаще всего выходит из строя от набоя на спине, поэтому вычному снаряжению мы придавали большое значение. Очень важно, чтобы и вьюки состояли из одинаковых по весу полувьюков. Весь наш груз, включавший полуторамесячный запас продовольствия и технического багажа, упаковали для переброски.

В результате обследования Чебулака Пугачев должен был идти туда с несколькими товарищами, чтобы построить на вершине гольца геодезический пункт. Но там еще лежала зима: много снега и не было подножного корма для лошадей.

Несколько дней нужно было подождать. И мы решили использовать эти дни для совместного обследования хребта Крыжина, той именно части его, которая расположена против Третьего порога.

С утра весь лагерь пришел в движение. Люди ловили лошадей, упаковывали вещи, делали снова лабаз, чтобы здесь оставить груз, необходимый для восхождения на Чебулак. Все торопились, и только лошади настороженно посматривали на нас, не понимая, чем вызвана такая поспешность.

Начали седлать лошадей. Те кони, которые уже ходили под седлами, вели себя спокойно, другие сопротивлялись. Они не подпускали к себе людей, кусались, били ногами. Пришлось потратить много времени и сил, чтобы водворить вьюки на спины животных.

Хуже всего получилось с Дикаркой. Это табунная кобылица, не объезженная под седлом, отличалась диким нравом. Самбуев с трудом подвел сопротивляющуюся лошадь к ящикам, а Лебедев и Бурмакин подняли вьюки и только что намеревались забросить на седло, как она вздыбилась, сбила Лебедева с ног. Но Самбуев не выпустил повод. Закинув конец его за спину и будто опоясавшись им, бурят изо всех сил сдерживал взбунтовавшуюся лошадь. Она бросилась вдоль берега, била задними ногами, стараясь вырваться, но мы видели, как Шейсран, все более откидываясь назад, тормозил ногами ее ход, как круче и круче клонилась набок ее голова. Внезапно ударившись о дерево, Дикарка остановилась. Мы подбежали ближе. Лицо Шейсрана оставалось спокойным и только в маленьких черных, как

уголь, глазах, прикрытых густыми ресницами, играл задор. Дикарка напомнила ему диких лошадей колхозного табуна, объезжая которых он получал величайшее удовольствие.

— Держи! — бросил Самбуев, подавая повод Бурмакину.

Дикарка вдруг насторожилась, как бы стараясь разгадать, чего хочет от нее этот человек, и, растопырив задние ноги, приготовилась к прыжку. Бурмакин тяжелой походкой продвинулся вперед, но не успел еще взять повод, как Самбуев очутился в седле. Дикарка сделала огромный прыжок вверх, сбила Бурмакина с ног и, споткнувшись о валежину, грохнулась оземь. Наездник взлетел в воздух и, разбросав руки и ноги, упал далеко впереди.

Бурмакин, не выпуская повода, навалился на лошадь, прижал ее голову к земле. Подскочил Шейсран. Разгорячившись, бурят бросился к Дикарке и, усевшись в седло, повелительно крикнул Михаилу:

— Пускай!

Дикарка вскочила. Бурмакин успел закинуть ей на шею повод и, схватив руками за уши, насильно склонил голову лошади к земле.

— Пускай! — уже раздраженно повторил раскрасневшийся в азарте Самбуев.

Михаил, давая свободу Дикарке, отскочил в сторону. Но лошадь не сдвинулась с места — так и осталась с наклоненной головой и широко расставленными ногами.

Шейсран, держась одной рукой за седло, стал подталкивать ее ногами, дергать за повод, а Бурмакин махал шапкой. Дикарка упрямылась. Она продолжала стоять не шевелясь, и только круглые глаза ее краснели от дикой злобы. Тогда Самбуев хлестнул ее концом длинного повода, и лошадь, прыгнув вперед, стала подбрасывать вверх то зад, то перед, билась на месте, стараясь сбросить седока, а Шейсран продолжал хлестать ее и кричал что-то непонятное на родном языке.

С ужасом мы отскочили в сторону, а лошадь все больше свирепела, билась под Шейсраном, затем сорвалась с места, с дикой силой рванулась в сторону и заметалась между деревьями.

Она то падала, то вдруг останавливалась, глубоко зарывая ноги в землю, то поднималась свечой, а Шейсран, не выпуская из рук повода, не переставал что-то кричать.

Люди бросились следом за ним. Всполошились лошади, залаял Левка. Раздался треск сломанных сучьев.

Шли томительные минуты получасового ожидания. Мы все собрались на поляне, кроме Пугачева, который бросился следом за Дикаркой. Я решил наказать Самбуева за его поступок, который мог кончиться большой неприятностью для всех нас и прежде всего для него самого. Но вот из-за леса показался сам Шейсран. К нашему общему удивлению, он попрежнему сидел на Дикарке и, понукая ее, подъезжал к нам.

Дикарка покрылась пеной. Ее гордая голова теперь безвольно опустилась почти до земли, в глазах погасла былая непокорность. Она с трудом, как-то тупо, переставляла ноги и неохотно шагала вперед.

Взглянув на наездника, я не мог удержаться от восхищения. Отбросив вперед свои длинные ноги и откинув назад туловище, он улыбался, наслаждаясь счастливой минутой. Любуясь им, я подумал:

"Как велико счастье табунщика, когда он обуздает дикого коня!"

Подъехав к нам, наездник соскочил с лошади и, подтянув ее к Лебедеву, протянул ему повод.

— Это тебе, Кирилл, люци ее коня нету.

Лебедев растерялся и не знал — брать повод или отказаться. Выручил Алексей.

— Бери, Кирилл Родионович! — крикнул повар и, обхватив обеими руками Самбуева, закружился с ним под общее одобрение присутствующих. И в этом смехе и в этой пляске без слов было выражено наше общее восхищение табунщиком,

— Молодец, ой, какой молодец Шейсран!..

Но Дикарка не сдалась, она просто устала. Достаточно было десяти минут передышки, чтобы она снова стала непокорной. Нам с трудом удалось завьючить ее. Лошадь била задом, падала, вертелась. Правда, она не смогла сбросить крепко привязанный вьюк. Набегавшись досыта, она вернулась к табуну и долго не подпускала к себе никого.

Наконец, завьючили и Маркизу. Она как всегда была послушной, и разве могли мы предполагать, что это покорное, безобидное существо, предрасположенное к лени, принесет нам в пути так много бед.

Лагерь опустел. Кроме лабаза, на месте стоянки остались неизменные приметы пребывания людей — консервные банки, клочья бумаги, изношенная обувь, ненужная тара и у пепелища большого костра концы недогоревших дров.

Когда лошади и люди, вытянувшись гуськом, тронулись в путь, я вышел на берег.

День был теплый, тихий, небо безоблачное, прозрачное... Весна хлопотала на припеках: тянулись к солнцу только что появившиеся ростки трав, пробудилась жизнь в узловатых корнях деревьев, чаще и чаще над заснеженными горами проносились легкие птичьи косяки. Только мутный Кизир нарушал гармонию и делал пейзаж дико-угрюмым.

Пробудилась, вспухла река. Смолкли придавленные потоком перекаты, скрылись под водою каменистые берега. В неведомую даль неслись: пена, мусор, остатки льда. Грозным и недоступным казался в весеннем потуге Кизир. Узким коридором, сдавленный скалами да плотной стеной леса, убегал он в низовья. До боли в сердце нарождались и крепи тревожные мысли за судьбу нашего речного каравана, ушедшего к устью Кинзилюка. Беспокоила меня и предстоящая переправа через Кизир.

Впереди попрежнему шагал Днепровский, ведя за собой Бурку. За Буркой шел Рыжка, а за ним Горбач, — это передовая тройка. За тройкой Днепровского Лебедев вел Мухортика, Дикарку, Санчо. И так все лошади двигались в установленном порядке строгой очередности. Многие из них, не привыкшие к грузу, шагали неуверенно, задевали вьюками за деревья, спотыкались о колоды и быстро слабели.

Так 9 мая наш отряд тронулся в далекий путь по Кизиру. Небо успело затянуться серыми облаками, лениво передвигающимися на восток. Перегоняя караван, изредка налетал холодный ветерок.

День закончился раньше, чем мы достигли берега Кизира.

Мертвая тайга завалила всю площадь валежником, и без расчистки леса негде было стать биваком. К тому же лошади не имели корма, и мы принуждены были идти вперед до Кизира, где кончалась прорубленная тропа.

А ветер все крепчал. Сильнее качалась тайга. Лошади, будто смирившись с усталостью, шли, не отставая друг от друга. Надвинувшаяся ночь ничего хорошего не предвещала. Ветер грозил перейти в ураган. Все чаще то впереди, то позади нас с грохотом валились на землю мертвые деревья-великаны.

Еще десять минут — и транспорт остановился. Мы с Павлом Назаровичем пробрались вперед и, вооружившись топорами, расчистили проход от только что упавших деревьев. Позади послышался крик: завалилась лошадь, кто-то звал на помощь, ругался.

Над нами нависла тьма. Кусты да скелеты погибших деревьев чуть заметно маячили перед глазами и казались порой живыми существами, передвигающимися по ветру неведомо куда.

— Ну, что там стали? — слышалось позади.

Вместе с порывами ветра упали крупные капли дождя. К нам подошел Бурмакин с зажженной берестой и осветил путь.

Наконец, тропа расчищена. Я приказал вести лошадей близко друг к другу и не отставать. Тьма и дождь мешались с ревом ветра. Свет то угасал, то вспыхивал, ложась узкой полоской по тропе.

Мы подошли к спуску — и, как на грех, погасла промокшая береста. Стало до того темно, что я даже не видел идущего рядом со мной Зудова. Двигались ощупью,

закрывая лицо руками, чтобы не напороться на сучья.

Спуск с каждым шагом становился круче. Промокшие, усталые, мы, спотыкаясь о бесчисленные колоды, падали и снова шли, пока не оказались в тущобе. Повсюду торчали деревья. Сучья не щадили нашей одежды.

— Назад! — послышался снизу голос Пугачева, и мы, безропотно повинувшись этому прорвавшемуся сквозь бурю властному окрику, повернули коней. Все смешалось, люди кричали на лошадей, которые меньше всего были повинны в темноте и создавшейся суматохе.

Минут через двадцать спустились на ровную площадку у реки и остановились. Дождь, ветер и тьма продолжали окутывать нас. Стихия действовала на животных так же удручающе, как и на людей. Лошади присмирели и, прижавшись друг к другу, терпеливо ждали, когда, наконец, с них снимут груз. Развьючивали их на ощупь всех подряд, складывали вьюки в кучу и прикрывали палаткой. Седла не снимали, боясь застудить вспотевшие спины.

Пока возились с лошадьми, Павел Назарович настругал сушник и, накрывшись от дождя плащом, развел костер.

Хорошо, что мои спутники не боялись невзгод, им не нужно было советовать, как поступить в затруднительном случае,— суровая жизнь в тайге сама распределила между ними обязанности. Я никогда не напоминал, что нужно делать на стоянке, из чего сварить обед, когда заняться починкой.

Пересчитали лошадей, двух не хватало. Что делать? Люди устали, промокшая одежда липла к застывшему телу. С минуту все стояли молча. Я не видел в темноте их лиц, но понимал, как трудно пренебречь отдыхом, вернуться в проклятый завал, чтобы разыскать в непроницаемой тьме отставших или завалившихся животных. Мы не могли бросить лошадей там на ночь, да еще с вьюками...

Самбуев стащил с себя телогрейку, не торопясь выжал из нее воду, достал из кармана кусок лепешки.

— Я пойду с тобою, Шейсран, — сказал, дрожа всем телом, Зудов.

— Да вы что, Павел Назарович, есть и помоложе.

— Отломи, Шейсран, и мне кусочек, червячка заморить, и пошли вдвоем, — сказал Пугачев, затыкая за пояс топор и натягивая на руки брезентовые рукавицы.

А дождь все лил и лил. Падали в неравной схватке с бурей деревья. Ревел, набирая силу, Кизир.

Люди расступились. Самбуев, тонкий и длинный, как Дон-Кихот, шагнул вперед, следом за ним поспешил юркий Пугачев, казавшийся в мокрой одежде совсем маленьким. Их проглотила темнота. Скоро смолк и треск сучьев под ногами. Мы смотрели им вслед, упрекая себя в нерешительности и восхищаясь поведением товарищей.

Не успело еще пахнуть дымом, а над Зудовым уже повис растянутый на распорках брезент. Кто-то стучал в темноте топором и громко посылал проклятья поднимающейся непогоде. Курсинов, лежа на мокрой земле, раздувал огонь. Повар Алексей стоял у разгоравшегося костра с ведром воды.

Низко опустив головы, топтались усталые лошади; Черня и Левка, забравшись под вьюки, ворчали друг на друга, не поделив места. Мы же, сбившись под брезентом, отогревали поочередно то одну, то другую часть тела. А дождь не унимался, порывы ветра гулко разносились по долине.

Из-под вьюков, прикрытых палаткой, вылез Левка. Усевшись на задние лапы и торчком подняв уши, он долго прислушивался к удалявшемуся шороху, но вдруг встал и, не торопясь, потрусил следом за ушедшими.

Костер то затухал, то вспыхивал на миг, разрывая сгустившуюся над стоянкой темноту. Не знаю, что бы мы отдали за тепло. Павел Назарович весь дрожал, не в силах стиснуть челюсти. На мне нитки не были сухой. Хотелось есть, но разве можно было найти продукты в сваленных в кучу вьюках?! Алексею стоило больших усилий приготовить ведро кипятку. Нашлись две кружки, мы с наслаждением глотали горячую воду. Но старик не отогрелся. Мне пришлось разыскать фляжку с коньяком.

— Хор-ро-шо! — с чувством произнес старик, выпив залпом полстакана. Затем он пожевал кончик бороды и раза два крякнул, выражая свое удовольствие. — Так-то быстрее согреешься, — заключил он, усаживаясь у костра.

Но коньячного тепла ему хватило только на час, затем наступило обратное действие. Старик стал еще больше мерзнуть, слабеть, — так всегда бывает после употребления спиртных напитков. Лучше согреваться движением. Состояние Павла Назаровича становилось все хуже, сырость и холод брали свое. Костер же горел вяло, а дождь не прекращался. Наконец, погас и костер. На западе блеснула запоздалая звезда. С туч падали последние капли дождя. Пугачева и Самбуева не было. "Что с ними?" Нашли ли они лошадей, укрылись ли от непогоды?" — горько думалось о них.

— Где-то теперь наш Мошков? — подумал кто-то вслух.

При воспоминании о Мошкове и Козлове меня охватывало тревожное чувство. Исход экспедиции в большой мере зависел от того, сумеют ли они забросить нам навстречу продовольствие, преодолеют ли препятствия, которые, несомненно, встретятся на их пути. Мы уже испытали на себе трудности передвижения по Саяну, — это, может быть, и являлось причиной грустных мыслей при воспоминании о наших товарищах. Но мы верили в их силу и настойчивость и старались не поддаваться унынию.

Медленно, как бы неохотно, поднималось солнце над зубчатыми грядками гор, над мокрой, истерзанной ветрами, тайгой, над проснувшимися птицами, посылавшими в небо чудесные звуки утренних песен. В прорехах влажного тумана, придавившего реку, поблескивали перекаты. Наступил мирный, ясный день.

Вспыхнул костер. Наконец-то можно было отогреть измученное тело.

Мы осмотрелись. Нас окружала крошечная полянка на берегу реки, заросшая молодым смешанным лесом. Справа и слева путь преграждали скалистые мысы, высунувшиеся далеко в реку, впереди затаился коварный Кизир. Пугающим потоком он скользил по дну русла, вздымая мутные валы.

На стоянку, неизвестно откуда, выскочил Левка. Он подбежал к костру, бесцеремонно стряхнул со своей шубы на нас влагу и, усевшись возле повара Алексея, не сводил с него глаз.

— Знаю, что голодный. Мы, друг, тоже еще ничего не ели. А где остальные? — спросил тот, поглаживая кобеля.

На спуске заржала лошадь. Послышался треск сучьев, понуканье. На поляну вышел Самбуев, ведя за повод Рыжку, на котором горой лежали два тяжелых вьюка. За Рыжкой шла расседланная Маркиза, легко и вольно переставляя ноги. Ее подгонял Пугачев, таща на своем горбу седло. Вид у всех четверых был страшно изнуренный.

— Ну, друзья, попала нам ягодка, настоящая маркиза, — сказал Трофим Васильевич, сбрасывая с плеч седло и устало опускаясь на пень. — Хотели ночью привезти, не пожелала нести вьюк, легла — и хоть убей. Мы и по-хорошему просили, и угрозами, Шейсран разозлился, говорит, огонь под ней надо развести, чтобы встала. Пришлось заночевать. Так вот на дожде и промаялись. А утром Маркиза сама поднялась, она, видите ли, пожелала прогуляться налегке, даже седло не пожелала везти. Ну и пакость! — и он угрожающе посмотрел на костлявую, с провисшей спиной и впалыми боками, Маркизу.

Солнце поднималось выше и выше. Ветер содрал с реки остатки тумана, и все ожило, окружающий мир снова стал прекрасным. В блеске утренних лучей принарядились гальки, берега, столетние кедры. В кустах слышались нетерпеливые песни, ласково шумела тайга, и даже пляска волн на перекате показалась ликующей и веселой.

Нужно было немедленно приступить к переправе на Левый берег. Расползлась по горам дневная теплынь, таяли снега, пробуждались, приглушенные ночным морозом, ключи. Вот-вот должна была хлынуть прибылая вода, и тогда не переплыть нам реки. Кроме того, вблизи стоянки для лошадей не было корма, а противоположный берег представлял собою равнину, покрытую редким сыролесьем и прошлогодней травой.

Лошадей расседлали, сняли узды, но они никак не хотели сами переплывать реку. У нас была с собой резиновая лодка. Ее загрузили вьюками, чтобы она была более устойчивой на воде, и приступили к переправе. В лодку сели Лебедев с Днепровским. К длинной веревке они привязали Бурку, а остальные лошади должны были плыть следом за ними.

Как только лодка, подхваченная течением, а за ней и Бурка понеслись к противоположному берегу, мы согнали весь табун в воду. Более сильные лошади стали сразу пробиваться вперед, раздувая ноздри и громко фыркая, следом за ними плыли остальные.

С лодкой мы просчитались. Несмотря на груз, она была слишком легка на воде и плохо сопротивлялась течению. Бурка ушел далеко вперед, на всю длину веревки. Гребцы работали изо всех сил веслами, стараясь достигнуть пологого берега, но поток уносил их вместе с конем все ниже и ниже, в глубь кривуна, к невысоким скалам, идущим вдоль левого берега.

Правее всех плыла Дикарка. Опередив табун, она вдруг свернула влево от направления, которым шла лодка, и стала наискось преодолевать реку. За ней потянулся весь табун.

Еще несколько напряженных минут борьбы — и животные были на противоположном берегу.

Лодку в это время отбросило под скалу, туда, где, облизывая потемневшие породы, волны реки взбиваются в пену и образуют глубокий водоворот. Сквозь синеву дня я увидел в бинокль, как там, под скалой, бился, ища ногами твердую опору, Бурка, стараясь вырваться из омута, все сильнее работали веслами Лебедев и Днепровский.

Мы бросились к нижней скале, но пока добежали до нее, в водовороте уже не оказалось ни лодки, ни коня. Я долго всматривался в противоположный берег Кизира, но и там не было видно ни одного живого существа. Мы прислушивались к глухому реву реки, стараясь поймать крик утопавших, но напрасно. В это время из-за поворота, гонимый легким ветром, надвинулся туман и все скрыл от наших глаз.

Вернулись к стоянке, чтобы немедленно соорудить плот и поплыть на помощь. Тревожась за судьбы товарищей, я остался под скалой и продолжал прислушиваться к речному шуму, все еще надеясь уловить знакомые голоса.

К счастью, туман скоро рассеялся, и я увидел далеко внизу по реке Бурку. Пытаясь перейти шиверу, куда его снесло течением, конь барахтался между торчащими из воды камнями, падал, прыгал и снова плыл.

Лебедева и Днепровского не было видно. Дождавшись, когда Бурка добрался до нашего берега, я сейчас же вернулся к своим, и через полчаса мы вместе с Самбуевым уже карабкались по утесам, пробираясь к месту, где вышел конь. Там мы увидели Лебедева и Днепровского. Лодка оказалась целой. Теперь нужно было подумать, как вывести копя наверх, ибо скалы, перехватившие берег, были для него недоступны. Способ, который тогда применили мои спутники, был поистине удивительным.

Скалистый откос, на который нужно было поднять коня, спадал к реке под углом в шестьдесят-семьдесят градусов. Лебедев сходил на стоянку за остальными людьми и захватил две веревки.

Я наблюдал за работой, еще не веря в благополучный исход. Командовал Днепровский. Сначала расчистили от леса и пней уступы, по которым предполагали поднять коня. Затем Бурку подвели поближе к расчищенной полоске и накинули ему на шею "удавкой" веревку. Второй веревкой подхватили коня сзади, и все люди, ухватившись за концы, поднялись наверх. Бурка к моему удивлению, стоял очень послушно, как старая водовозная лошадь.

— Раз, два — взяли! — крикнул Днепровский.

Бурка встрепенулся. Петля до удушья стянула ему горло. Он задохнулся и, стараясь высвободиться из петли, как безумный бросался на скалу, но петля затягивала все сильнее. Задняя веревка, подхватив коня, тоже тащила его вверх. Казалось, что

вытянутая до предела шея вот-вот перервется и огромная туша свалится вниз. Но этого не случилось. Удушье продолжалось всего несколько секунд. Зато оно породило в коне огромную силу и ловкость. Он, как дикий баран, сделав несколько прыжков, оказался наверху.

Я никогда не видел, чтобы лошадь была способна взобраться по такой крутизне.

Как только Бурка выбрался на скалу, с него мгновенно сняли веревку, но он еще долго мотал головой от боли.

Между тем вода в Кизире быстро мутнела. Поднимаясь, она стала затоплять берега. Поплыл мусор, запенились заводи. В тот момент, когда мы начали переправлять груз на другую сторону реки, из-за поворота выплыл огромный кедр, смытый водою с берега. Отбросив вперед мохнатую вершину и плавно покачивая густыми корнями, он своим появлением, будто глашатай, оповещал всех о начале весеннего паводка.

Переправа груза заняла несколько часов. Последним покинул берег Бурка. Его завели по реке как можно выше, а на противоположном берегу поставили на виду несколько лошадей. Как только заведенный в воду конь поплыл, с него сдернули узду, и он благополучно добрался до остальных лошадей.

Только теперь, оказавшись на левом берегу Кизира, мы вспомнили про голод. Теплый солнечный день опять поблек, притихли птицы, вершины гор спрятались под шапками тумана, небо затянули хмурые тучи, и холодный ветер предвещал дождь. А река продолжала пухнуть, мутнеть и, стачивая берега, вольно несла свои вешние воды в низовья. Наш груз, седла, одежда были мокрыми, и без просушки дальше идти было невозможно. Сырость вообще губительна в походе: мокрые потники на лошадях стирают спины, портятся продукты, одежда, снаряжение. Следует помнить, что сырость обладает удивительной способностью проникать внутрь вьюков, и никогда не следует полагаться на добротную упаковку. Нужно почаще просушивать, проветривать вьюки.

Лагерем расположились у реки, на пологом берегу, вблизи белоснежных берез, приземистых кедров и старых, обмытых дождем елей. В густой чаще молодняка росли черемуха и рябина. Старые стебли пырея, служившие единственным кормом для лошадей, густо покрывали землю. Редкий тальник, стелющийся узкой полоской по самому берегу Кизира, уже распушился и белым контуром отделил тайгу от реки.

Огромное пламя костра ласкало нас приятным жаром. Сушили одежду, постели, табак; всюду по поляне были разбросаны вьюки.

Несмотря на все неприятности этого дня, мы считали его удачным. Позади осталась переправа через Кизир, тревожившая нас последнее время. И действительно, опоздай мы на один только день, пришлось бы отсиживаться на берегу в ожидании, когда река смилуется над путешественниками и пропустит на левый берег.

Теперь, по словам Павла Назаровича, до Третьего порога не придется думать о переправе; наш путь лежал по левому берегу Кизира.

Я вышел посмотреть реку. В мутном потоке воды, словно резные челноки, перегоняя друг друга, проносились мимо смытые с берегов валежник, карчи и даже огромные деревья.

Река приподнялась и скрыла перекаты.

Наш берег более чем на два метра возвышался над водой, и бояться затопления было рано.

Спать разместились в одной палатке. Только Павел Назарович, как обычно, устроился отдельно под елью.

Удивительно приятно бывает в сырую погоду выпить кружку-две горячего чая и, забравшись на ночь в теплую постель, заснуть, забыв дневную суету.

Дождь, мелкий, как изморось, продолжал бесшумно ложиться на тайгу. На крышу палатки с хвои, будто слезы, падали крупные капли влаги.

Ровно в полночь в палатке вдруг загорелась свеча. Я выглянул из мешка. Павел Назарович стоял раздетый и стаскивал с Днепровского одеяло.

— Подымайтесь, ребята, беда пришла! — тревожно произнес он. — Все кругом затопило!

Все вскочили и, еще сонные, не разобрав, в чем дело, засуетились.

Я скома́ндовал немедленно рубить лабазы и складывать на них имущество. Ночь, темная, беспросветная, окружала нас. Костер давно погас. Самбуев бросился искать лошадей. Шлепая по воде, он лазил по рытвинам, падал, что-то бурчал, а через полчаса вернулся без лошадей, вымокший до нитки.

Кизир вышел из берегов и затоплял низкие места долины. Вода уже успела залить ямы, промоины и медленно наступала на образовавшиеся в лесу островки. Скоро под водой оказалась и наша стоянка. Поверхность воды сплошь покрылась мусором и мелким валежником. Лошади, видимо не найдя более подходящего места, сами пришли к лабазам, на которых поверх груза разместились люди. А дождь не переставал, попрежнему было темно и холодно. Мы то и дело выглядывали из-под брезента, пока, наконец, не заметили серую полоску рассвета.

Под напором встречного ветра тучи заволновались и начали быстро отступать на запад. Павел Назарович, поглядывая на небо, заулыбался.

— Тучи назад пошли — погода переломится, — ободрил он нас, и все повеселели.

— Вот она, Тимофей Александрович, жизнь-то наша экспедиционная, между небом и землей находимся, — вдруг обратился Алексей к своему соседу Курсинову. — Как на курорте: воздух чистый, аппетит невозможный, -- продолжал повар.

Курсинов поднялся, сонливо осмотрелся вокруг и спокойно сказал:

— Идти некуда. Потоп, что ли?

Кругом — море грязной воды. Река, захватив равнину, прибывала медленно. В этот день мы не рассчитывали увидеть под собою землю. Но разве можно было усидеть на лабазе сутки! Мы думали, что на той возвышенности, которая примыкает к скале и куда вчера снесло лодку и Бурку, не было воды. Там можно расположиться с большими удобствами, чем на лабазе. Но мы не знали, какие препятствия встретятся на пути. Днепро́вский и Самбуев вызвались идти в разведку.

С трудом надули резиновую лодку и покинули лабаз, но через полчаса вернулись. Их не пропустила чаща. Тогда они сели на неоседланных лошадей и, вооружившись длинными палками, буквально ощупью, стали пробираться вниз по равнине.

Прилегающий к скале лес оказался действительно незатопленным. Мы перебрались туда вместе с лошадьми, необходимым снаряжением и небольшим запасом продовольствия. Погода, наконец, сжалилась над нами. Ветер, разогнав тучи, дал простор солнцу, и, облитая теплыми лучами, тайга ожила, похорошела. Люди шутили, смеялись, пережитые невзгоды будто не оставили следов.

К двенадцати часам дня вода спала, и река скоро вошла в берега. Мы перевезли весь груз на новую стоянку, к четырем часам успели обсушиться и пересмотреть вьюки. А через час уже пробирались сквозь затопленный лес. Лошади вязли в размокшей почве, падали в ямы, выбиваясь из сил.

Тяжелее всех шла Маркиза. Она часто ложилась, кусала переднего коня и по уши вымазалась в грязи. Сначала мы объясняли все ее выходки просто неумением ходить под вьюком и, жалеючи, сняли с нее часть груза. Но лошадь не удовлетворилась этим и добивалась полного освобождения.

Когда мы были почти на сухом месте, Маркиза вдруг улеглась в грязь и не захотела идти дальше. Мы уговаривали ее, помогали подняться, но это не производило никакого впечатления.

— Нашла, когда ванны принимать! — нервничал Павел Назарович.

— Вон, посмотри, — вдруг обратился Алексей к лежащей кобылице, -- Гнедушка не корчит из себя "маркизы", у нее и вьюк сухой, а у тебя весь в грязи, да и сама на кого похожа... Тьфу!.. — сплюнул он с досады.

— Стало быть, я сейчас с ней поговорю, — сказал Бурмакин, протискиваясь вперед.

Он отстегнул подпруги и взвалил на себя весь вьюк вместе с седлом.

— Ох, братцы! Зря ведь ругаем Маркизу. Куда же ей везти такую тяжесть, ежели я и то с трудом поднимаю. — И он встряхнул плечами, как бы поудобнее укладывая вьюк.

— Дайте-ка мне повод! — произнес он, становясь впереди лежащей лошади. Кто-то бросился к нему, а мы все расступились, еще не понимая, что он задумал.

Бурмакин перепоясал себе грудь поводом, поставил пошире короткие ноги, опробовал ремень.

— Стало быть, Маркиза, поехали! — сказал он спокойно и, сгибаясь под тяжестью вьюка, шагнул вперед, таща за собой лошадь. Та, вытянув шею и оскалив зубы, сопротивлялась, махала головой, билась ногами, но не вставала. И все-таки Бурмакин выволок ее вместе с валежником и с болотной тиной на берег. Там она вдруг вскочила и неизвестно отчего громко заржала.

— Вот это силища-а-а! — всплеснув руками, крикнул Павел Назарович. Товарищи стояли молча, удивленно покачивая головами.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Задурили ключи. Нападение клешей. Черня подводит к зверям. На отроге хребта Крыжина. Ночью следом каравана. Медведь караулит тропу. Мы видим чужой костер. Печальные вести. Идти дальше или возвращаться?

Вырвавшись из топкой низины, мы подошли к возвышенности, свернули влево и стали обходить ее со стороны реки. Холмистый рельеф местности способствовал более быстрому стоку воды, отчего почва здесь была несколько суше.

Продвигались лесной чащей. Ни конной, ни пешей тропы по Кизиру вообще не было. Промышленники-соболятники, кому приходилось заходить в глубь Восточного Саяна, попадали туда только на лодках, а зимой по реке с нартами. Мы должны были проложить проход для своего каравана, а чтобы тропа не затерялась и послужила в будущем нашим геодезическим отрядам и другим экспедициям, мы делали по пути двусторонние затесы на деревьях. Стук топоров нарушал безмолвие леса, уходил все дальше по долине.

Молодой, еще не распутившийся березняк и кедры всех возрастов попеременно росли по мертвому лесу. Деревья покрывали собой сваленные ветром обломки стволов и вывернутые вместе с землей корни.

Эти дни нашего путешествия я всегда вспоминаю, как самое тяжелое испытание.

Нас все еще продолжал окружать печальный пейзаж мертвого леса. Но уже чаще попадались массивы зеленых кедров, чувствовалось, что где-то недалеко уже настоящая тайга, и это прибавляло нам силы. Люди не унывали и с неутомимым упорством преодолевали препятствия.

Мы обогнули первую возвышенность и опять попали в затопленную низину. Снова началась борьба с грязью и топями. Лошади вязли по брюхо, заваливались в ямы, и нам то и дело приходилось расседлывать их, вытаскивать, а затем снова выучить и пробиваться вперед.

Более часа мы блуждали по чаще, утопая в размягшей почве, пока не вышли к руслу ключа. В летнее время мы бы его, наверное, и не заметили, но теперь после дождя и под напором снежной воды он превратился в мощный поток. Пришлось остановиться. Павел Назарович и Днепровский ушли — один вверх, другой вниз, на поиски более подходящего места для переправы, но вернулись с неутешительными вестями. Берега ключа были круты, забиты плавником: всюду по руслу лежали недавно сваленные и снесенные водою ели и кедры; дно изобиловало крупными камнями.

Пришлось готовить переправу. Снова застучали топоры, с грохотом повалились через ключ срубленные деревья. Одни, падая, ломались, и их уносила вода; другие, ложась поперек ключа, не в силах были противостоять потоку и, развернувшись вершинами, тоже уплывали вниз, загромождая собою русло.

Но упорство людей победило. Одно дерево удалось положить так, что оно, упираясь корнем и вершиной в берега, повисло над водою. По нему перешли два человека на противоположную сторону и свалили оттуда высокую ель, так что оба дерева легли

рядом. Но прежде чем приступить к переноске груза, мы обрубали сучья и протянули веревку, которая должна была заменить нам перила.

Сначала переправили лошадей. В данном случае нельзя было воспользоваться обычным приемом — переправлять их всех разом, гоном. Ключ был глубиной более двух метров, а течение настолько быстро, что животных непременно снесло бы вниз. Решили переводить лошадей в одиночку.

На долю Бурки и на этот раз выпало первому испытать силу потока. К его крепкому поводу привязали длинную веревку, конец которой перенесли на противоположный берег, а затем общими силами стали сталкивать коня в воду. Бурка долго сопротивлялся, но, прижатый нами к ключу, вдруг сделал огромный прыжок и с головой окунулся в мутный поток. При прыжке веревка попала под передние ноги коню и запутала его. Не имея возможности сопротивляться течению, Бурка поплыл вниз, а люди, стоявшие на противоположном берегу, не могли натянуть веревку: боялись, что конь окончательно запутается в ней и захлебнется. К счастью, Бурка повернул обратно и с нашей помощью выбрался на берег в том месте, где стояли другие лошади.

Пришлось до утра отказаться от переправы лошадей и оставить их на ночь на левом берегу. Сами же мы перетащили свое имущество на правый и расположились на ночлег.

Х Х Х

Человек, который провел долгий день на свежем воздухе, в лесу или в горах, да еще крепко при этом поработал, обычно засыпает быстро. Его не тревожат ни бессонница, ни сновидения, он не слышит шороха ночных букашек, не замечает кочек и шишек под собственным боком. При всех неудобствах за короткую летнюю ночь он успевает отдохнуть. Я всегда удивлялся особенному свойству Саянских гор в этом отношении. Они умели за день изматывать наши силы, но еще быстрее восстанавливали их.

Все спали крепко. Не колыхались мохнатые вершины кедров, словно боясь, нарушить тишину холодной ночи; дремал ручей, даже костер, наш неизменный спутник, уснул в эту ночь, прикрывшись толстым слоем пепла, и только изредка кто-нибудь тихо всхрапывал да иногда Левка или Черня во сне легонько взвизгивали.

В такие весенние ночи жизнь в тайге начинается не сразу. Еще не посветлеет небо и под покровом мрака спят лес и горы, как неожиданно откуда-то прорвется одинокий и невнятный звук: не то треснул сломанный сучок, не то спросонья пикнула птичка. То по лесу пронесется ветерок, отзовется звонким журчаньем ручей, и, сожалея о короткой ночи, в старом ельнике уныло прокричит сова. Это значит — ночь на исходе.

Но вот начало светать и на смену всему неясному вдруг звонко раздалось: "Др-р-р-р... др-р-р-р..." Это песня токующего дятла. Он устроился где-то на сухостойном дереве и крепким носом выбивает дробь. За ним все проснется, зашевелится, запоет, а вскоре и румяный рассвет, будто зарево далекого пожара, окрасит восток.

Я встал и раздул огонь. За мной поднялись остальные: каждый спешил к огню и тотчас же раздевался. Оказалось, что ночью мы подверглись нападению клещей.

Обычно клещи всасываются так глубоко и крепко, что если его тянуть от тела, у него отрывается головка, и тогда длительное время рана не заживает, вызывая болезненный зуд и воспаление. Чтобы заставить клеща добровольно покинуть рану, мы делали очень просто: капали на него чуточку масла и непрерывно шевелили насекомое пальцем. Через несколько секунд клещ отпадал. Рану прижигали йодом.

Всю весну в Саянах мы вели каждодневную борьбу с этими отвратительными насекомыми. В тайге они обычно появляются, как только начнет таять снег. Особенно много их бывает в мае и в первой половине июня. Еловая заросль и пихтовая чаща — излюбленные места скопления насекомых.

Чтобы избавиться от клещей, нам нужно было немедленно покинуть ельник.

Самбуев, не дожидаясь распоряжения, пошел искать лошадей, но, дойдя до ключа, окликнул нас. От бурного потока, преграждавшего нам вчера путь, не осталось и следа, а вода, которая еще протекала по дну ключа, была настолько незначительна, что ее можно было перейти вброд, не набрав в сапоги. Наша кладка висела высоко над водою. Она оказывалась ненужным сооружением, а затраченный труд — напрасным. Лошади сами нашли более подходящее место для переправы и спокойно паслись на возвышенности правого берега.

Завьючив их, мы покинули стоянку. Караван, вытянувшись по чаще, продолжал свой путь на восток. Удары топоров нарушили тишину тайги. Лебедев и Бурмакин, будто споря друг с другом, валили мелкий лес, разрубали колоды. Работы было много. Лошадям приходилось подолгу простаивать, пока разведчики разыскивали проход через завал или топь. Животные не привыкли ходить без погонщиков. Да и вьюки на непривычных спинах лежали неловко, задевали за деревья и набивали спины. А если погонщик отлучался, лошади сейчас же сбивались с тропы, лезли в завал; и нам нужно было тратить много времени, чтобы восстановить порядок. За первую половину дня продвинулись только на восемь километров.

В полдень перед нами появился Кизир. Живописная поляна, на которую мы въехали, была покрыта только что пробивавшейся зеленой травой. Лошади, завидя корм, набросились на него и разбрелись по поляне. Так рано останавливаться не хотелось, но нельзя было не считаться с тем, что за последние дни наши кони изрядно наголодались.

День был на редкость мягкий и даже жаркий. Наконец-то мы почувствовали весну во всей ее силе и красоте. Подступившие к поляне березы, обмытые майскими дождями, уже готовы были разодеться в зеленый наряд. Кедровые, положившие на землю узорчатые тени, стояли обновленные, украшая темной хвоей прижавшийся к берегу лес. В залитых солнцем уголках поляны уже показались лютики — первые цветы весны.

Поляна привлекала внимание лесных птиц. Нельзя было не заметить здесь необычного оживления. В береговых зарослях нет-нет да и вспорхнет то дрозд, то овсянка, то чечевица. В лесу, прилегающем к поляне, попадались клесты, любители пошелушить еловую шишку, снегири, чечетки, поползни — эти удивительные мастера бегать по стволам деревьев. Оживились и берега. То пролетая табунок горных бекасов, направлявшихся к родным высокогорным лугам, то появлялись белые и желтые трясогузки, кулики. Они, не замечая нас, копались в наноснике или бегали по мягкой гальке, отыскивая корм. Иногда над рекою молчаливо проносился караван гусей или шумела стая чирков, играя в полете.

Пришла весна!

После обеда Пугачев с Патрикеевым, вооружившись топорами, отправились вперед прорубать дорогу, а остальные с лошадьми остались на стоянке. Мы изменили распорядок дня. Чтобы завьюченные лошади не дожидались в пути, пока прорубщики проложат дорогу, решили выступать с конями спустя два-три часа. Это удлиняло отдых лошадей и не изнуряло их ненужными остановками в пути.

Чтобы иметь представление о той местности, которую мы пересекаем, и сделать маршрутные зарисовки, я решил выйти на один из отрогов хребта Крыжина, круто спадающего в долину. С собою захватил и Черню.

За поляной показалась широкая возвышенность, урезанная с боков глубокими распадками, по дну которых плескались мутные ключи. Нас окружал молодой кедровый лес, пришедший на смену давно погибшим от пожара старым кедром. О них напоминали трухлявые пни, часто попадавшиеся на глаза.

Мы подбирались все ближе к хребту. Слабый ветерок набрасывал запах нагретой солнцем хвои, набухших почек, перегнившей листвы и сотен других, еле уловимых, запахов пробудившейся к жизни лесной чащи. Отовсюду слышались радостные песни птиц. В просветах зеленых крон поблескивали снега на скалистых вершинах, а впереди по долине стеной поднялась хвойная тайга, как бы преграждая путь погибшему пихтовому лесу.

По темнозеленому мху, который обычно устилает землю кедровых лесов, небрежно раскинулся бледножелтый ягель. Удачное сочетание этих двух цветов напоминало ярко расшитую скатерть, брошенную к нашим ногам.

Лес, видимо, служил излюбленным местом пребывания маралов. Мы часто встречали их лежки и места кормежек. Попадались и следы сокожоев. В одном месте, на хорошо заметной звериной тропе, следом за медведем просеменила россомаха, наверное, рассчитывая поживиться остатками его трапезы.

Впечатление от всего было огромное, и я поддался особому настроению, пожалуй, даже несколько торжественному, сознавая, что мы вступаем в пределы величественной страны и ее живой, первобытной природы.

Черня был возбужден. Его раздражало недавнее присутствие здесь диких животных. Он то громко втягивал воздух, стараясь что-то уловить в нем, то подозрительно обнюхивал веточку или след и, насторожив уши, останавливался, внимательно прислушивался к тишине, фиксируя звуки, неуловимые для человеческого слуха. Я следил за собакой и сам невольно заражался охотничьей страстью.

Вдруг где-то выше по гребню тревожно прокричала кедровка, и сейчас же Черня, бросившись вперед, натянул поводок. Я прислушался, но в лесу было тихо. Собака между тем поглядывала на меня и, нервно переступая с ноги на ногу, просилась вперед. Сдерживая ее, я прибавил шагу и скоро сквозь поредевший лес увидел крутой откос, по которому торопливым шагом уходили от нас маралы: бык и две матки. Я сразу узнал их по желтоватым фартучкам сзади.

Звери остановились и, повернув к нам головы, замерли на месте. Остановились и мы. Черня застыл, как пойнтер на стойке. А когда изюбры, почувствовав опасность, сорвались с места и бросились наверх, он укоризненно посмотрел на меня, как бы спрашивая, почему я не стреляю.

Весной изюбры бывают настолько худы, что в котле сваренного мяса вы не найдете и слезинки жира. Это удел всех копытных зверей Сибири. Холодные и продолжительные зимы страшно изнуряют диких животных. Исключение составляют стельные матки, которые, по непреложному закону природы, сохраняют незначительное отложение жира. Мы предпочитали охоту на медведя, мясо которого в мае еще достаточно прожирено.

Черня долго не мог прийти в себя, нервничал, рвался вперед и успокоился только тогда, когда, минуя звериный след, мы стали подниматься по россыпи на верх откоса. Все шире открывалась залитая солнцем панорама гор. Еще больше потемнели, опоясывая белогорья, кедровые леса. Стала бурой долина Кизира. Я случайно посмотрел на пройденный путь и был крайне удивлен: от низкого горизонта не осталось и следа. Пропустив нас вперед, горы позади вдруг сомкнулись, приподнялись и приняли грозный вид. Теперь мы были в полной власти этого сурового края.

Я продолжал взбираться по откосу, и вместе со мной все выше и выше поднимался заснеженный горизонт. Черня попрежнему недоверчиво обнюхивал воздух: он взглядывал то в глубь расщелин, то на соседний склон и мгновенно реагировал на малейший звук.

Наконец, мы очутились наверху и совершенно неожиданно попали в гарь. Молодой кедровый лес, покрывающий небольшую полоску равнины, примостившейся между бровкой леса и отрогом Козя, сгорел, видимо, от грозы.

Пожар — это самая страшная, всепожирающая сила в лесу. После него надолго замирает жизнь, меняется растительный покров, мелеют ручьи и даже реки.

Я присел на полусгоревшую колоду. На всем, что окружало меня лежала непоправимая печаль. Тайга превратилась в мрачную пустыню, но, как ни странно, и в ней не прекращалась своеобразная жизнь. Отовсюду доносился стук, шум крыльев, крик. Это орудовали дятлы. словно на стройке, в лесу шла непрерывная работа: птицы сбивали кору, долбили стволы, корни.

Из четырех видов дятлов, встречающихся на Саяне: белоспинный, большой пестрый, желна и трехпалый, чаще всего попадает на глаза последний. При виде нас птицы

срывались с дерева и с криком улетали в глубь леса.

"Удивительная птица дятел!" — думал я, наблюдая, как он, ловко кроша древесину, добирался до невидимого глазом червячка. Он не принадлежит к певчим птицам, не обладает и красотой, но зато является поистине тружеником тайги и неизменным обитателем погибших лесов, старых гарей. Независимо от причины гибели леса в числе первых его поселенцев всегда можно встретить дятла. Порой удивляешься тому, как быстро птица находит районы погибшего леса.

Природа приучила птицу питаться личинками различных насекомых, живущих под корою, в складках ее и в глубине мертвых стволов. Кому приходилось наблюдать дятла, тот, наверное, не раз удивлялся его работе.

Погибший лес, среди которого я находился, представлял мрачную картину. Там, где еще недавно шумели зеленые деревья, теперь валялась сбитая дятлами кора и осыпавшаяся хвоя. Пройдет много лет, пока здесь появится снова растительный покров. Большую помощь молодым деревьям окажут дятлы.

Они, как терпеливые садовники, уничтожая паразитирующих насекомых и их личинки, помогут на этой гари вырасти новому лесу и долго, до самой старости, будут охранять его от всяких вредителей.

Добывая червячков, дятел долбит мертвую древесину каждый день, от зари до зари, проделывая ходы в пустотелые корни и дупла. Через несколько лет в эту гарь заглянет колонок, поселится сова, и многие другие птицы воспользуются работой дятла. В дуплах они сделают гнезда, будут здесь прятать добычу и спасаться от врага. Придет сюда и соболь. В корнях он устроит скрытое убежище и отсюда будет делать набег, уничтожать поблизости белок и птиц. Не щадит этот хищник и дятла, трудом которого пользуется всю жизнь.

Пока я рассматривал гарь, в глубине долины, где чуть заметно белела полоска Кизира, исчез дым костра. Видимо, наш караван уже находился в походе. Шел шестой час. Я поднялся на отрог, чтобы закончить маршрутную зарисовку.

Отсюда хорошо был виден горизонт, увенчанный гребнями скалистых гор. Будто строгие стражи высоко поднимались вершины, оберегая сокровища Саяна. Сколько мыслей, сколько волнений вызывали эти угрюмые горы. В солнечный день они были особенно хороши в своем заснеженном наряде.

Покрывая долину, лес поднимается по склонам хребта примерно до высоты 1400 метров (над уровнем моря). В защищенных от ветра местах и по вершинам ущелий его граница проходит немного выше. Иногда лес достигает цирков, но никогда не растет в них. Там постоянно сыро и холодно.

На обратном пути, не заходя на стоянку, я пошел напрямик, полагая, что тропа должна быть проложена вдоль Кизира по сыролесью. В долине обозначалось русло неизвестного ключа, доверху заполненного снеговой водой. Глубина не позволяла перейти его вброд. В поисках переправы я пошел по ключу вниз, затем вверх, а вода все прибывала и местами вышла из берегов. Размывая почву, она шумно скатывалась вниз к Кизиру. Только через два часа, пробравшись далеко вверх по узкому ущелью, я, наконец, оказался на правом берегу и вышел на прорубленную тропу. Уже темнело. Освобожденный Черня все время шел за мною, но, увидев след каравана, сейчас же пустился вдогонку.

"Идти или заночевать?" — раздумывал я, когда тропа завела меня в густой кедровый лес. Вдруг совсем близко кто-то фыркнул и замер. Повинуясь инстинкту, я мгновенно отскочил в сторону и, встав за дерево, приготовился к защите. Но вокруг стало снова тихо. Я даже усомнился: существовал ли действительно звук, что так внезапно испугал меня, и не является ли он результатом той напряженности, которая охватывает человека, принужденного темной ночью бродить по лесу? Я снова прислушался и, чтобы рассеять сомнение, громко крикнул.

Затрещали кусты, невидимое существо снова фыркнуло, на этот раз более громко. Я сделал еще несколько шагов, намеренно стараясь производить при этом как можно больше шума, и чиркнул спичкой. На миг распахнулась темнота, в пяти метрах от

меня стоял привязанный к дереву Рыжка. Рука, державшая готовый к выстрелу штуцер, опустилась, и напряжение, словно тяжелая одежда, свалилось с плеч.

Конь был без вьюка, но заседланный. Его оставили мои спутники, не надеясь, что я скоро их догоню. Я подошел к лошади. Рыжка был самый сильный и рослый конь нашего табуна. Он хорошо ходил по следу, а в данном случае именно эта его способность и пригодилась мне.

Я отвязал повод, вскочил в седло, и Рыжка, получив свободу, торопливо зашагал по тропе.

Мы поднялись на небольшую возвышенность. Вдруг конь остановился и, насторожив уши, замер на месте. Снова непонятная тревога охватила меня. А Рыжка храпел, пятился назад и готов был броситься обратно по тропе.

Соскочив с седла, я с трудом сдерживал разволновавшуюся лошадь. Не было сомнений, что где-то близко впереди притаился зверь и его-то присутствие уловил чутьем Рыжка.

Не успел я принять решение, как Рыжка вырвал повод и, ломая сучьи, с шумом удалился. Снова я остался один, окутанный мраком ночи. Страх охватил меня.

Я держал в руках штуцер, обращенный в сторону невидимого врага, и ждал шороха или малейшего звука.

Прошло немного более минуты, и вдруг совсем близко, в полоске лунного света, блеснули две яркие, пронизывающие "фары". Они направились на меня. Дрожь пробежала по всему телу, руки до боли сжали штуцер. Я впервые почувствовал на себе властный взгляд зверя. Но вот огоньки стали медленно сближаться и, слившись в один, погасли. В долетевшем до слуха шорохе я уловил ленивую поступь медвежьих лап.

Напрягая до предела зрение и слух, я еще долго стоял, охваченный тревогой. Судя по медлительности медведя, он неохотно уступал тропу. Этот зверь не знает достойного себе врага и привык, чтобы при его приближении все улетало, пряталось и бежало. Но человек, всегда несущий с собой какой-то особый запах, пугающий зверей, наводит страх и на медведя.

Я стоял в раздумье, не зная, ушел ли косолапый совсем или, переместившись, снова ждет меня на тропе.

Поднялась луна. В кедровом лесу немного посветлело. Я решил вернуться по тропе к завалу и там ночевать. Каково же было мое удивление, когда метров через триста я увидел Рыжку! Он на бегу захлестнул поводом за кедр и задержался. Спустя несколько минут мы снова вместе пробирались по тропе. Конь шел осторожно, присматриваясь и часто похрапывая. Вдруг, будто ужаленный, он сделал огромный прыжок и бросился вперед. Видимо, на этом месте нас поджидал медведь.

Тропа, вилимая между старыми кедрами, уходила все глубже в тайгу. Местами она исчезала, и тогда конь нагибал голову, как бы проверяя, не сбился ли с пути. Но вот совсем неожиданно послышалось ржание отбившейся от табуна лошади, и сейчас же Рыжка несмело ответил ей.

Через десять минут мы были на биваке. Дежурил Лебедев. Он крайне удивился, увидев меня.

— Разве это не ваш костер горит ниже по реке? — спросил он, отходя от огня и всматриваясь в темноту. Я подошел к нему. Километра два ниже лагеря, на берегу Кизира сквозь ночную темноту ясно виднелся огонь.

— Неужели Кудрявцев вернулся с Кинзилюка? — удивился я.

— Не может быть. Мы остановились еще засветло, он не проплывал, к тому же огонь всего часа два как появился, — ответил Кирилл.

Этот разговор услышали остальные, и лагерь проснулся.

— Кто же это может быть? — спрашиваем мы друг друга, не переставая посматривать на загадочный огонек.

Сомнений не было — там ночевали люди, или по крайней мере один человек. Но кто именно? Своих мы не ждали.

Наскоро утолив голод, мы с Прокопием, захватив винтовки и Черню, направились на огонь.

В заводях притихшей реки отражался щербатый месяц. На тайгу оседал прозрачный туман. Под темным сводом кедрового леса тускло белели березы. Прокопий, держа на поводу Черню, уверенно отмерял чащу крупными шагами. Шли вдоль берега, обходя невысокие скалы, нависшие над рекой, а огонек, не угасая, маячил впереди. То он казался совсем близко, и мы, убавив шаг, передвигались с большой осторожностью, то вдруг он исчезал и появлялся где-то далеко в пространстве. На небольшой возвышенности, узким языком спускавшейся к Кизиру, мы притаились. Совсем неожиданно костер оказался метрах в полтора от нас.

Бинокль помог кое-что разглядеть. У костра, прикрываясь телогрейками и скорчившись от холода, спали двое. Тощие котомки, ружье, ведро висели на сучке ближнего дерева. Ни лошадей, ни седел не было видно. "Может быть это промышленники? Но где же лодка?" — думал я. Все это было загадочно.

Крадучись мы подошли еще метров на тридцать. У того же дерева, где висела котомка, стояло два посоха, люди шли пешком. По реке пробежал холодный ветерок. Вздрогнули и закачались ночные тени лохматых кедров. Один из спавших встал, поправил огонь, погрелся и снова улегся.

Идти прямо к костру мы не решались. Черня тоже, как и мы, пристально следил за костром. Прокопий отстегнул поводок, и умная собака бесшумно проскользнула чащу, но, выскочив на поляну, на мгновение замерла. Потянув воздух, она обошла спящих справа, еще потянула, но более продолжительно, и, вытянувшись, почти ползком, стала приближаться к костру. У изголовья одного из спящих Черня остановился и к нашему великому удивлению завил хвостом. Разбуженный шорохом человек проснулся, вскочил, стал дико оглядываться и, наконец, обнял Черню.

Измученные всем случившимся, мы с Прокопием спустились к костру. Когда обнимавший Черню человек обернулся в нашу сторону, мы узнали Мошкова, которого уж никак не ожидали здесь встретить. Проснулся и его спутник, Степан Козлов. На их лицах лежало спокойствие уже пережитых волнений. Наши взгляды с Мошковым сошлись, и страшная догадка пронзила меня. Ноги отяжелели, отказались передвигаться, из памяти выпали слова приветствия. Мы даже не поздоровались.

Я ни о чем не спрашивал, боясь услышать из уст Мошкова ту страшную весть, которую он действительно принес нам. Мошков, полураздетый, измученный, стоял перед нами, безвольно опустив забинтованную грязной тряпкой руку. Его изорванная, покрытая латками одежда, носила отпечаток тяжелого и длительного пути. Из пасти разорванного сапога выглядывали пальцы. Но обросшее густой щетиной и почти почерневшее от ветра лицо Мошкова было спокойным, казалось, он готов выслушать любой приговор.

Степан Козлов, накинув на плечи потрепанную телогрейку, стоял рядом с Мошковым такой же усталый, почерневший, подавшись несколько вперед, он упрямо смотрел мне в глаза, как бы пытаясь разгадать мои мысли.

— Вы почему здесь? — вырвалось у меня.

Мошков, не глядя, подсунул ногою головешку в костер и, приподняв брови, посмотрел куда-то мимо меня.

— Не смогли забросить груз, вот и решили догонять, — ответил он, растягивая слова и не зная, куда девать свой взгляд.

Я присел на бревно, конец которого бесшумно тлел, охваченный огнем. Луна бесследно исчезла. В просветах облаков резко чернело темное небо, крапленое тусклыми звездами. Из тьмы доносилось влажное свободное дыхание — отрывки глухого рокота реки. Перед глазами, как на экране, со свежестью сегодняшнего дня, возник весь пройденный путь: завалы, кровавые рубцы на плечах от нартовых лямок, переправы, гибель лошадей, бессонные ночи.

— Неужели придется возвращаться?.. — произнес я вслух.

Мошков опустил на бревно рядом со мною. Не торопясь вытащил из-за голенища кисет, оторвал от помятой газеты клочок, медленно закурил и продолжал сидеть

замкнутый, с впалыми глазами. Молчала ночь, молчала тайга, горы, люди. Только багровое пламя костра с треском бросало в холодное небо искры. Казалось, все окружающее ждало ответа на этот вопрос.

Я сидел, не в силах прийти в себя от неожиданной встречи, а главное -- от той вести, что принесли нам Мошков и Козлов. Хотелось, чтобы все это оказалось сном, чтобы пролетел он, как ночь. Но увы! Передо мною стояли живые люди, я видел их исхудалые лица и печальные глаза.

— Значит, не бывать нам на Саяне, так, что ли, Пантелеймон? Ты подумал об этом, прежде чем идти сюда? — спросил я Мошкова.

— Все обдумали, поэтому и пошли догонять, иначе бог знает, что могло получиться с вами, — ответил он ослабевшим голосом. — Мы не забросили продовольствия в глубь Саяна, как намечалось по плану, и не могли не предупредить вас об этом. А теперь сами решайте, идти ли дальше или лучше вернуться.

Снова молчание, длительное, ненужное.

— Ведь мы на вас надеялись, как на каменную гору, почему же так получилось?

— Кто мог подумать, что так рано придет весна и в апреле начнется ледоход. На аэродромах нигде не осталось снега, взлетать самолеты могли только на колесах, а в горах они должны совершать посадку на лыжах, ведь там еще снег. Ничего мы не могли сделать, вот и пошли через эти проклятые завалы. Думали в четыре дня догнать, а вот уже одиннадцать идем. С вечера огонь увидели, знаем, что наши рядом, а сил добраться нет. Заночевали... Пять дней крошки во рту не было, изголодались... Есть ли у вас с собой хоть маленький кусочек хлеба?

У Днепровского оказался ломтик лепешки, который он обычно носил про запас. Мошков бережно взял его обеими руками, разрезал ножом пополам и одну половину передал Козлову. Прокопий засуетился, подогревая чайник, а Мошков и Козлов присели к огню и нетерпеливо отщипывали маленькие кусочки лепешки, подолгу жевали их. Когда чайник закипел, я разыскал в рюкзаках кружки, и товарищи стали пить чай.

Состояние человека, вынужденного голодать продолжительное время, понятно только тому, кто сам переживал голод. Тяжелее всего переносятся первые два дня, когда вы находитесь еще во власти воспоминаний о последнем обеде, когда память, будто издеваясь, приводит на ум мысли о когда-то недоеденном кусочке жирной медвежатины или о чашке сладкого чая. То вдруг вы почувствуете запах гречневой каши или яичницы. А во сне видите всевозможные яства.

Наконец, на третий день человека, истерзанного воспоминаниями, усталостью и истощением, начинает охватывать безразличие. Горе тому, кто поддастся этому состоянию и не противопоставит ему свою волю: не выпутаться тогда ему из тайги, не найти своих палаток в горах или в тундре. Нужно помнить, что у человека всегда имеется скрытый запас энергии, позволяющий ему не только существовать много дней без пищи, но делать в состоянии истощения длительные переходы. Используйте этот резерв без паники, как можно меньше поддаваясь предательскому сну, и вы достигнете цели!..

— Писем не принесли? — обрывая молчание, спросил Днепровский.

— Алексею Лазареву одно есть, больше никому... — ответил Мошков, не отрывая взгляда от лепешки.

Мы решили, не задерживаясь, отправиться в лагерь. Шли медленно. Мошков и Козлов совсем ослабели. Они с трудом передвигали ноги, кое-как плелись следом за нами.

Через час мы перешли последний ручей и оказались в лагере. Алексей хлопотал у костра над приготовлением завтрака.

— Откуда же это вы взялись, с неба, что ли, свалились? — произнес он, вытирая руки и протягивая их пришельцам.

Появление Мошкова и Козлова поразило всех. Никто не ожидал, что так случится с грузом. Начались расспросы, по рукам пошли кисеты, задымились цыгарки. Люди приуныли, ушли в себя. На их устах застыл один вопрос: что делать дальше?

За горами сочился бледный рассвет с звонкими песнями ранних птиц, с утренней прохладой, с ключьями тумана над притихшей за ночь рекою. Но теперь нам все это казалось безрадостным, чужим, может быть, не нужным. Даже пылающий костер не соблазнял нас своим теплом. На колоде, поодаль от огня, сидел Мошков, все еще замкнутый, измученный со стиснутыми челюстями от физической боли — ему Пугачев и Лебедев разбинтовывали левую руку с сильно распухшим и почерневшим большим пальцем.

Я подошел к ним, и то, что увидел, очень обеспокоило меня. На руке у Мошкова не было раны или нарыва, но давно происходил болезненный процесс где-то глубоко возле фаланги большого пальца, от чего вспухла вся кисть.

— Зачем же ты шел с такой болячкой сюда? — вырвалось у меня.

Он с сожалением покачал головой.

— Знаю, что во всем я виноват, даже в своих болячках... Думал зайти в Черемшанке к фельдшеру, да побоялся: начнет резать — задержимся, и тогда бы уж мы не догнали вас, — ответил он.

Наши познания в медицине не выходили за пределы нескольких самых элементарных заболеваний, сопутствующих экспедиции, для лечения которых в походной аптечке всегда хранились в достаточном количестве наиболее радикальные средства. Кроме медикаментов, мы имели с собой небольшой набор хирургических инструментов для наружных операций и щипцы для удаления зубов.

После подробного осмотра Трофим Васильевич наложил на больной палец пластырь, считая его универсальным средством от всех нарывов, и перевязал кисть чистым бинтом.

С противоположной стороны костра сидел Козлов и что-то рассказывал группе товарищей, выбирая из консервной банки мясо.

Примостившись возле кухонной посуды на виду у всех, Алексей рассматривал потрепанный конверт, на лицевой стороне которого стоял знакомый ему штамп родной деревенской почты. Нужно было видеть этого счастливца! Сколько важности и блаженства было в его глазах! Он долго вертел в руках письмо, затем прочел вслух адрес и медленно стал "вспарывать" конверт кухонным ножом. Все притихли. Алексей вытащил письмо, бережно свернул пустой конверт и спрятал его в карман телогрейки. Все это он делал не спеша, с большой любовью, а товарищи, не двигаясь с мест, с завистью следили за ним.

Наконец, письмо развернуто. От первой же теплой фразы лицо Алексея озарилось улыбкой. Невольно заулыбались и сидевшие вокруг товарищи. Но вдруг счастливец помрачнел. Глаза его, продолжая скользить по строчкам письма, все больше и больше заволакивались влагой, и две крупные слезы упали на бумагу. Он читал и плакал.

Товарищи подошли ближе к Алексею и, выражая взглядами молчаливое сочувствие, хотели было успокоить его, как вдруг он сорвался с места, подскочил к Мошкову и поцеловал.

Потом подбежал к Козлову, обнял его и закричал:

— Степа! Степа! Спасибо, дорогой! — и снова заплакал.

Затем Алексей бережно свернул письмо, вложил обратно в конверт и спрятал его в кухонный ящик, который всегда у него находился на замке. Так и не узнали мы тогда, что же необычного было в этом письме, от которого можно было и плакать и радоваться.

Нежные лучи утреннего солнца осветили лагерь. Подошли лошади, не дождавшись, когда о них вспомнит Самбуев, но никто не снимал палаток, не свертывал постели, не складывал груз. Никто не собирался покинуть поляну. Нужно было разобраться в сложившейся обстановке и решить, что же, действительно, делать нам дальше?

Наша работа была рассчитана на шесть месяцев, а имеющегося запаса продовольствия могло хватить максимум на сорок дней, включая и то, которое должен был доставить Кудрявцев на устье реки Кинзилюк. Этого запаса нам безусловно не хватило бы даже при самой строгой экономии.

Если бы мы начали заброску продовольствия из населенного пункта через мертвый лес или по Кизиру в глубь Саяна, это затянуло бы нашу работу до зимы и поставило бы нас перед большими, да, пожалуй, и непреодолимыми препятствиями.

Таким образом, задача могла быть решена двояко: или найти продовольствие на месте, или возвращаться, не закончив работу, не побывав в центральной части Восточного Саяна.

Последнее было выше наших сил!

Обстановка оказалась чрезвычайно тяжелой. Для того, чтобы продвигаться вперед и вести по пути работу, нам нужно было не только преодолеть дикую, необузданную природу этих гор, но в то же время и прожить за ее счет.

В преддверии Саяна, в тех небольших оазисах зеленой тайги, которые нам пришлось пересекать, пробираясь сквозь мертвый лес, мы видели стада диких оленей, встречались с медведями, часто нападали на след маралов и лосей. Надо было приучить себя питаться только рыбой и мясом и, самое главное, научиться добывать зверя, птицу и рыбу в любое время и в самых разнообразных условиях. У нас теперь не оказалось запаса одежды, обуви, не хватало спичек и многого другого, необходимого для существования. Казалось, самым разумным было вернуться и отложить путешествие на некоторое время. Но люди и слышать не хотели об этом, и не потому, что они недооценивали положения, в котором находились. Путешествуя много лет по неисследованным районам страны, мои товарищи не раз испытывали недостаток продовольствия и знали хорошо, что такое голод. Но они так свыклись с условиями работы в экспедиции, с борьбой, лишениями и невзгодами, что неожиданная весть, принесенная Мошковым и Козловым, не остановила их.

Теперь, спустя много лет, вспоминая это утро 13 мая, я думаю — работа в экспедиции вообще тяжелый труд. Человек, отправляющийся в далекое путешествие, должен знать многое и уметь многое делать, чтобы обойтись без посторонней помощи. Непросто спастись от мокреца, починить обувь, разобраться в седлах своего каравана, сохранить горящий уголь на сутки, разыскать брод через бурную реку или сделать кладки через нее, определить без компаса север в пасмурный день, поймать рыбу, заседлать лошадь, содрать с дерева кору и соорудить из нее балаган, заснуть у костра, найти воду, испечь лепешки и многое, многое другое.

Только люди, глубоко любящие и понимающие природу, чувствуют себя в экспедиции легко, и их работа полна неподдельного энтузиазма. Они способны увидеть настоящую красоту, им легче распознать скрытые в недрах сокровища, их трудно сбить с пути, они сумеют найти для себя наслаждение и в тяжелом походе, и в ночной грозе, и в грохоте обвала. У них на всю жизнь неизгладимо остается в памяти брачная песня марала, и отдых у костра под старой елью, и даже кружка выпитого горячего чая где-нибудь на леднике или под пиком. Они с удовольствием вспоминают опасные переправы, случайные встречи с медведем, неудачи в пути, и их снова и снова тянет туда, где побеждают только знание и сила, а риск и смелость являются залогом успеха.

Каждый человек от своей профессии получает удовлетворение: художник, писатель, конструктор, токарь, забойщик, машинист и люди других специальностей.

Мы тоже не являлись исключением. В силу ли характера работы, в силу ли уже выработавшейся привычки мы находили в трудностях какое-то необъяснимое наслаждение. Чем сложнее складывалась обстановка для нашей работы, чем опаснее был путь, тем увлекательнее становилась самая работа. Вот почему мы не повернули обратно, а решили продолжать свое путешествие.

Нам предстояла трудная борьба, и мы должны были завершить ее победой.

НА УСТЬЕ РЕКИ БЕЛОЙ

Наш путь идет в глубь гор. Вечерняя гармонь. Мошков не спит. За Кизиром лают Левка и Черня. Зверь пробивается через завал. Выстрел на рассвете.

Неудачная попытка подняться на Окуневый. Ночь под скалой. У Мошкова, кажется, гангрена. Операция под кедром.

С приходом в лагерь Мошкова и Козлова жизнь в экспедиции резко изменилась. Мы теперь возлагали большие надежды на охоту, и исход экспедиции во многом зависел от того, смогут ли Саяны прокормить нас и сумеем ли мы приспособиться к столь необычным условиям.

Мы наполовину сократили свой дневной паек муки, крупы, сахара, молочных продуктов. Консервы и небольшой остаток галет стали неприкосновенным запасом. Патроны и охотничье снаряжение были распределены на шесть месяцев предстоящего пути. Для этого пришлось ограничить круг людей, пользующихся оружием. Рыболовные снасти, спички, чай, материал для починки обуви и одежды — все это теперь приобрело для нас большую ценность. Мы должны были до скупости стать бережливými.

Солнце не показалось в тот день. Было холодно, все беспокойнее метался по долине ветер. Стелясь низко над мутным Кизиром, изредка проносились дружные табуны крохалей, появлялись стаи мелких птиц и шумом нарушали лесное спокойствие.

Нет солнца, и жизнь в тайге замирает, горы кажутся сумрачными, а лес охваченным глубоким сном, и сам невольно поддаешься этому грустному состоянию, да и время в такие дни тянется медленно.

После обеда стали готовиться в путь. Теперь он нам казался еще более загадочным, и, как никогда за многие годы работы в экспедиции, мы должны были рассчитывать только на свои силы. Исход задуманного предприятия зависел от способности людей преодолевать трудности. Но если бы тогда можно было заглянуть всего лишь на месяц вперед, мы бы повернули обратно. Нас подстерегала большая, неприятность.

По словам Павла Назаровича, до реки Белой, где мы предполагали расположиться лагерем, оставалось не более пятнадцати километров. Вести караван попрежнему должен был Трофим Васильевич. Павел Назарович, Лебедев и я, вооружившись топорами, пошли вперед прорубать тропу. Мошкову и Козлову освободили одну лошадь, на которой они ехали поочередно.

Миновав ключ, впадающий в Кизир, мы вступили в зону густой тайги. Куда ни шагнешь, путь преграждают то свалившиеся друг на друга стволы крупных деревьев с предательскими сучьями, готовыми в любой момент изорвать вашу одежду, то непроходимое сплетение ветвей. Каждый из нас был бы рад увидеть просвет, полоску горизонта или реку.

Продвигались медленно, делая бесконечные зигзаги между нагромождениями стволов и сучьев. Чаща сменялась весенними топяными, бурными ключами, будто природа настойчиво решила заставить нас отказаться от задуманной цели. Но мы шли и шли, оставляя позади себя узкую ленту тропы да затесы на деревьях.

Павел Назарович, несмотря на свой преклонный возраст, первым отыскивал проход. Рубил он ловко, по-молодецки, и мы едва поспевали за ним.

— Однако не пройти. Эку беду навалило! — сказал он, присаживаясь отдохнуть и вытирая шапкой пот со лба.

Пришлось повернуть обратно. Бурелом, как оказалось, пересек долину. Мы же теряли надежду пробраться через него, когда случайно наткнулись на звериную тропу. Она шла над самыми отрогами и помогала выбраться в редколесье.

Все уже и уже становилась долина Кизира. Отроги левобережного хребта подошли близко к реке, и там, где они обрывались, снова начиналась звериная тропа, более торная, чем прежняя. Совсем неожиданно она привела нас к устью реки Нижней Белой. Место оказалось неудобным для лагеря, и мы прошли дальше, до Верхней Белой. Там нас встретил молодой кедровый лес, покрывавший небольшую равнину, ограниченную с юга все теми же отрогами хребта Крыжина. За Белой отроги снова отходят от берега Кизира и делают долину несколько шире. Правый же берег Кизира вообще не имеет сколько-нибудь значительных гор, вдоль него тянется залесенная возвышенность; она то отступает от реки и делает берег совсем пологим, то снова крутыми скатами подходит к воде.

Лагерем стали на берегу Кизира недалеко от устья Белой. Пока расчищали поляну, рубили жерди, подошел и караван.

Мы раскинули три палатки полукругом, в центре которого разожгли костер. Два брезента прикрывали груз и седла. Хозяйство повара поместили под развесистым кедром. Впереди виднелось широкое русло Кизира, теперь заполненное мутной водой, а позади, вдоль реки, неширокой лентой раскинулась кедровая тайга.

Вечером, наконец, вырвалось из облаков солнце и от его ослепительного света все вокруг лагеря ожило. Слабый прохладный ветер тянул с Кизира шум далекого переката. Пахло холодной сырой землей и пробившейся зеленью. В сумрачной чаще высохших кедров паслись лошади. Мы готовились к ночи, стучали топоры, носили Дрова.

Алексей сидел в своем убежище под деревом, среди разбросанной пустой посуды, и вслух размышлял:

— Странно как-то у нас получается! Продукты расходовать запретили, стрелять по зверю — ружья не дают, а повара не разжаловали? Из чего же я теперь должен ужин готовить? Как ты думаешь, Трофим Васильевич?

— Из ничего... — ответил Пугачев шутливо.

— Умно, Трофим Васильевич, ей-богу, умно! Вот я и попробую угостить вас сегодня этим "изничего", — и повар, схватив ведро, побежал за водой.

Для приготовления ужина мы действительно не имели мяса. Не было поблизости и заводи, чтобы поставить сети. Надеялись на Днепровского. Он, не доходя до лагеря, вместе с Левкой и Черней свернул по Нижней Белой в горы, намереваясь поохотиться, и обещал вернуться дотемна.

— Ужинать!.. — вдруг громко крикнул повар.

Это слово означало не только трапезу, но и конец рабочего дня. Все собрались у костра и в недоумении смотрели на Алексея; тот сидел под кедром и, казалось, не собирался кормить нас. Перед ним стояли кружки и ведро с кипятком, да на костре что-то варилось в котле.

— Нынче на ужин по заказу особое блюдо под названием Трофима Васильевича — "изничего", — сказал он, лукаво улыбаясь.

Мы ждали. Алексей неторопливо рылся в карманах, то запуская руку внутрь, то ощупывая их снаружи, причем каждый карман он обшаривал по нескольку раз. Затем торжественно снял с головы шапку и, зажимая в ней что-то, обратился ко всем:

— Кто угадает, тому порционно, по заказу...

Все стояли молча.

— Никто? — переспросил он и открыл шапку.

Мы увидели в его руках вятскую губную гармошку, сиявшую при свете костра серебристым узором отделки. Все насторожились.

А повар рассмеялся и, закинув голову, поднес к губам гармошку.

Громко разнеслась по лесу веселая мелодия.

Скоро мы забыли про ужин. Хотелось бесконечно быть во власти этих звуков. А Алексей постепенно входил в азарт. Плясала по губам гармошка, дергались в такт плечи и голова.

Неожиданно песня оборвалась, повисла в воздухе в приподнятой руке гармошка. Все стихло, и только старые кедры, будто в такт унесшейся мелодии, продолжали покачивать вершинами.

— Кому добавочного, подходи! — произнес Алексей, и снова послышался его раскатистый смех.

Оживились, закурили, кто-то поправил костер, и все один за другим собрались под кедром. Пришел и Павел Назарович. Он сел в сторонке и, улыбаясь, раскуривал трубку.

Днепровского еще не было. Трофим Васильевич достал галеты, сахар и стал готовить чай.

Тихая безоблачная ночь окутала тайгу. Поднималась большая теплая луна, серебря вершины гор и бросая на лагерь изуморенные тени курчавых деревьев. В природе

всеобщий покой, и опять залилась гармошка, один за другим звучали родные мотивы. Алексей играл с подлинным увлечением, оживляя и как-то облагораживая своим искусством несложный инструмент.

Разве можно забыть ту памятную ночь в диких горах, на берегу буйного Кизира, восторженные лица уставших людей, губную гармошку. И слушатели, и музыкант забыли обо всем. Никто не рукоплескал, не восторгался. Но сколько выразительного было в этой группе, расположившейся под столетним кедром и освещенной бликами ночного костра.

Долго еще не смолкала гармошка.

— Ну, а кормить-то нас будешь? — вдруг спросил Курсинов.

Алексей улыбнулся и, не обрывая песенки, глазами показал на висевший над огнем котел с кашей.

Гармошка так взбудоражила и без того хороший аппетит, что невольно думалось: "Если повар будет и в дальнейшем кормить нас с музыкой, то никаких запасов продовольствия не хватит!"

Я ушел в палатку раньше других. Мошков не спал.

— Нет больше сил терпеть, что это за несчастье навалилось на меня! -- произнес он дрожащим голосом, показывая мне распухшую руку.

Болезнь и бессонница измучили беднягу. Он стал еще более неразговорчив, продолжал упрямо бороться с недугом. Когда же терпенье иссякало — Мошков уходил в лес и из темноты доносился мучительный стон. Облегчения не наступало, не верилось, что это был обыкновенный нарыв. "Неужели что-то другое?" — думал я. Эта мысль все настойчивее закрадывалась в голову.

Мы привыкли видеть Пантелеймона Алексеевича жизнерадостным, с шутками да прибаутками на устах, а тут совсем не стало его заметно в лагере. Разве когда попросит кого-нибудь скрутить ему цыгарку, да иногда бесшумно, будто тень, пройдет мимо палаток и заговорит с кем-нибудь, чтобы на минуту отвлечься от боли. Я быстро уснул, измученный прошедшим днем, мыслями об ответственности за экспедицию и всем тем, что должно тревожить человека, когда он ведет людей на риск, в довольно сложный круговорот событий. И даже во сне я не мог освободиться от этих мыслей.

Был поздний час ночи. Небо повисло над нами темным шатром, холодный ветер дул от снежных вершин хребта Крыжина.

— Встань, собаки где-то лают, — узнал я сквозь сон голос Мошкова.

Раздетый, я выбежал из палатки. Ни звезд, ни просвета. С противоположной стороны Кизира доносился густой бас Левки и слабый голос Черни.

Собаки держали зверя. Об этом можно было догадаться не только по лаю, но и по тому, что они оказались на противоположной стороне реки, куда могли попасть, только преследуя кого-то.

Я разбудил Лебедева.

Услышав разговор, поднялись Пугачев, Зудов и Самбуев. С минуту мы стояли молча, прислушиваясь, а лай, то замирая, обрывался, то с новой силой, настойчиво возобновлялся.

— Придется Переплывать, — продолжай прислушиваться, сказал Лебедев. — Утром собаки могут и не удержать зверя. Это Прокопий поднял зверя, он ушел на ту сторону.

Самбуев принес резиновую лодку. Решено было подняться как можно выше по левому берегу реки и оттуда начать переправу.

Ширина Кизира здесь, выше устья Белой, весной обычно бывает около двухсот метров.

Пока надували лодку, собаки умолкли. Видимо, зверь прорвался и увел их за собой дальше. Посоветовавшись, мы с Лебедевым все же решили переплыть Кизир, надеясь, что собаки, близко ли, далеко ли, задержат зверя.

Теперь мы не должны были в поисках зверя считаться с трудностями. С этого дня мясо и рыба стали нашими основными продуктами, несмотря на то, какой ценой

придется добывать их. Левка и Черня были надежными помощниками или, точнее выражаясь, кормильцами, и мы ни в коей мере не могли пренебрегать их усердием. Уж если собаки "поставили" зверя, то, независимо от расстояния и препятствий, мы должны были идти к ним на помощь.

Как только Пугачев оттолкнул лодку от берега, течение стремительно подхватило ее. Мы налегли на весла. Все ближе и ближе становилась полоска леса на противоположной стороне реки. Наконец мы у цели. С трудом выбрались на берег. Вошли в лес и снова погрузились в непроглядную тьму. Собак не было слышно; мы решили подняться на первую возвышенность и там дожидаться утра.

Шли медленно, ощупью. Лебедев впереди, я, прикрывая лицо руками, пробирался за ним, точнее, за звуком его шагов. Наконец попали в непролазную чащу. Пришлось остановиться.

Вдруг откуда-то издалека донесся глухой шум. На какую-то секунду он замер, а затем возник снова, уже более явственно. Что-то с гулом и треском надвигалось прямо на нас.

Мы продолжали стоять, не зная, куда посторониться. Шум усиливался, приближался. Кто-то, большой и сильный, яростно пробираясь вперед, тяжестью своей ломал с треском сучья и тонкие деревья.

Мы припали к земле. Прошла минута, а может быть, и меньше. Кто-то пронесся мимо. Треск и различимый теперь топот начали удаляться. И почти сейчас же легкое потрескивание сучьев и сопение выдали Левку и Черню. Они мчались следом за зверем.

— Наломает же он себе бока в этой трущобе, да чего доброго и собаки напорются, — тихо сказал Лебедев, закручивая папироску.

А в это время оттуда, где уже более минуты затих шум, ясно донесся злобный лай собак. Теперь никакая темнота не могла задержать нас.

Не берусь определить, какое пространство прошли мы за час или полтора, но только лай стал четко слышаться, а вслед за ним и рев зверя.

Неожиданно страшный треск раздался где-то совсем близко. Вероятно, зверь метнулся в нашу сторону, намереваясь расправиться с какой-либо из неотступно преследовавших его собак. И действительно, одна из них, ловко увернувшись от опасности, почти наскочила на нас, урча и взвизгивая. Но сейчас же снова бросилась в ту сторону, куда удалялся шум и откуда слышался лай другой собаки. Теперь началась яростная схватка. Зверь бросался то к Черне, то к Левке и, не умолкая, приглушенно и злобно ревел. Преследователи отвечали ему свирепым, задышающимся лаем.

Мы продвинулись вперед еще метров на тридцать и залегли в темноте. Зверь был где-то рядом. Слышалось его учащенное дыхание.

Я прижался к кочке и, подав вперед штуцер, напряженно всматривался в темноту, пока не заметил темное пятно. Оно шевелилось, то увеличиваясь, то исчезая и, наконец, приблизилось и застыло передо мной.

— Видишь? — шепотом спросил я лежавшего рядом Лебедева.

Но ответа не расслышал, так как в тот же миг зверь опять рванулся в сторону. Звонко ударились о колодник копыта. Нужно было воздержаться от выстрела, отползти назад и, дожидаясь рассвета, но я не в силах был оторвать палец от спуска. Еще одна секунда — и когда мечущееся перед глазами темное пятно приблизилось, в общий хаос звуков ворвался выстрел. Молнией блеснул огонь. В полосе мелькнувшего света я на мгновение увидел силуэт лося. Шум схватки стал удаляться и оборвался всплеском воды — зверь с ходу завалился в озеро. И снова лай собак.

— Зря... — сказал Лебедев, вставая, и в его голосе я уловил заслуженный упрек. — Нужно было подождать, куда бы он не ушел. А теперь спеши, зверь на ходу.

Где-то справа сонно прострекотала кедровка. "Скоро рассвет", -- мелькнуло в голове. Еще минута, другая, и на востоке распахнулось небо алым светом зари. Шумно пронеслась над нами стайка черноголовых синиц, прошмыгнул по шершавому стволу бурундук. Редел сумрак убегающей ночи.

Мы встали и без сговора бросились на лай. Лось уходил по дну ручья, громко шлепая ногами. Собаки неистовствовали. В воздухе кружился испуганный ворон. Лучи только что поднявшегося солнца пронизали чащу леса, и можно было хорошо разглядеть зверя. Его "вели" Левка и Черня. Один шел по правому, другой по левому берегу.

Разъяренный напористостью собак, лось взбивал ногами воду, угрожающе мотал головою и приглушенно ревел. Мы близко подобрались к нему. Снова прогремел выстрел. Зверь сделал огромный прыжок, забросил передние ноги на берег ключа, закачался и вместе с Левкой, который уже успел вскочить ему на спину, обрушился в воду.

Мы подошли. Лось был мертв. Его пришлось спустить несколько ниже по ключу до пологого берега и там освежевать. Это был самец, еще в зимней шубе, примерно трех лет. Его молодые рога, вернее два пенька высотой в двадцать сантиметров, были мягки и покрыты густыми волосами темнокоричневого цвета.

XXX

Лося в Сибири называют сохатым. Это неуклюжий, тяжелый лесной бирюк. Живет он в разреженных гарях тайгах, по болотистым пространствам, пересеченным перелесками, близ кормистых, с растительным дном, озер. Осинники, березняки, тальники и их молодые побеги являются основным кормом зверя. Летом же он любит полакомиться болотной травой и корнями различных растерши, доставая их со дна озер. Жаднее всего сохатый поедает грибы, с их появлением он переселяется с низких сырых мест на бугристые, покрытые старым лесом.

Сохатый, по своей громадной фигуре и по силе, стоит на первом месте в нашей фауне. По сложению же он напоминает что-то первобытное, дошедшее до нас из глубины веков. Он обладает прекрасным слухом, хорошим обонянием и сравнительно плохим зрением, видимо, от того, что он постоянно живет в лесу, окруженный замкнутой стеною деревьев и кустарников. Чудовищная сила делает зверя неразборчивым в поисках проходов как через лесные завалы, так и через топкие болота. Несмотря на свой грузный корпус, он легко перепрыгивает через колодник, замечательно плавает, оставаясь подолгу на воде. Ноги лося заканчиваются острыми, глубоко рассеченными копытами, соединенными перепонками с двумя роговыми наростами, расположенными на 8 — 10 сантиметров выше стрелки. Эти наросты имеют громадное значение при переходе сохатых через топи. На них зверь как бы ставит свои ноги и этим увеличивает почти вдвое площадь, на которую опирается. Вот почему он и не тонет в болотах и легко передвигается по глубокому снегу.

Сохатый — животное некрасивое. Широкая грудь слишком развита по сравнению с остальным туловищем. Передняя часть корпуса выше крестца. Голова несуразно большая. Толстая, мускулистая и очень подвижная верхняя губа страшно безобразит морду. И все же, несмотря на его грубые внешние формы, встреча с лосем в лесу, да еще летом, — незабываемая картина. Бархатистая до лоска темная спина лося, огромные рога, напоминающие корни вывернутого дерева, обтянутые еще не содранной кожей и светлые, с легкой желтизной, ноги удивительно как гармонируют с мягкими тонами сумрачного леса. Тогда не замечаешь недостатков в его сложении, и лес с потемневшими от времени и сырости осинами, елями, березами с седой бахромой свисающих лишайников, с валежником, прикрытым зеленовато-влажным мхом, в присутствии лося кажется сказочным.

Самым страшным врагом сохатого являются волки. Не спасают его от них ни геркулесовская сила зверя, ни быстрые ноги, ни выносливость. Заметив хищника, он бросается наутек, но волки слишком упрямые в преследовании жертвы, гонятся по пятам. Проходят часы, страх все больше овладевает им. Наконец, поняв, что не уйти ему от врагов, он с свирепой решимостью останавливается и, собрав остатки сил, принимает бой.

В 1937 году, работая по реке Голонде за Байкалом, мы случайно наткнулись на только что закончившийся пир волков. Они "зарезали" крупного сохатого-быка. Это было в марте, в тайге лежал снег. Можно было легко, по оставшимся следам на снегу, представить последнюю схватку лося со стаей волков.

В моем дневнике сохранилась запись этого случая.

"... Девять волков бежали большим полукругом, тесня сохатого к реке. Они хорошо знали — на гладком речном льду копытное животное не способно сопротивляться. Это понимал и лось, все время намереваясь прорваться к отрогам. Но он уже отяжелел, сузились его прыжки, чаще стал задевать ногами за колодник. Препятствия, которые он час назад легко преодолевал одним прыжком, стали недоступными. Завилял след зверя между валежником — признак полного упадка сил. Несколько волков уже прорвались вперед, и лось внезапно оборвал свой бег, завязив глубоко в снегу все четыре ноги. Враги замерли в минутной передышке.

Хитрый, осторожный и трусливый волк в минуты решающей схватки дает полную волю своему бешенству и злобе, делается яростным и дерзким. Но у лося еще сохранился какой-то скрытый запас сил для сопротивления. Огромным прыжком он рванулся, но в это время на его груди повисла тяжелая туша волка, брызнула кровь из прокушенных ран. Удар передней ноги — и хищник полетел мертвым комом через колоду. Второй уже сидел на крестце, третий впился клыками в брюхо. Сомкнулось кольцо. Сохатый упал, но мгновенно вскочил, стряхнул с себя прилипшую тяжесть. Удар задней ногою, и второй волк попал в чащу с перебитым хребтом.

Но стая, предчувствуя близость развязки, свирепела. Сгустки крови на снегу еще больше озлобили ее.

Клубы горячего пара, вырываясь из открытого рта, окутывали голову сохатого. Окончательно выбился из сил лесной великан, затуманились глаза. Поблизости не было ни толстого дерева, ни вывернутого корня, чтобы прижать свой зад, подверженный нападению, и лось, сам того не замечая, стал отступать к реке. Как только его задние ноги коснулись скользкого льда, зверь, словно ужаленный, бросился вперед. Теперь всюду смерть. Завязалась последняя схватка. Взбитые ямы, сломанные деревья, разбросанная галька свидетельствовали о страшной борьбе, какую выдержал лось, прежде чем отступить на предательский лед...

Когда мы подошли к реке, на берегу нашли еще одного убитого волка. Сохатый был растерзан в двух метрах от берега, лежал распластавшись, как летяга, всеми четырьмя конечностями... В его глазах застыл ужас.

х х х

Через полтора часа мы с Лебедевым были в лагере. Левка остался сторожить мясо. Из принесенной нами печенки Алексей приготовил вкусный завтрак.

Немного раньше нас пришел и Днепровский. Оказывается, это он ночью встретил лося, стрелял его в темноте, но неудачно, и тот вместе с собаками ушел через Кизир. Над горами томилось солнце. По ущельям дыбился туман. Кизир, притихший за ночь, пробуждался на далеких перекатах. Пугачев с Днепровским стали собираться на речку Ничку, чтобы разведать по ней проход к тем тупо-вершинным горам, которые видны с гольца Чебулак. Павел Назарович и я собирались на хребет Крыжина. Остальные должны были перенести мясо лося в лагерь и до нашего прихода привести в порядок уже изрядно потрепанное снаряжение.

Болезнь Мошкова все больше и больше тревожила меня. Палец совсем почернел. Испробованы были все средства. Чего только бедняга не прикладывал к пальцу: и еловую серу, и печенку, и хлеб с солью. Тогда мне пришла в голову страшная мысль: не гангрена ли у него?

Об этой болезни я имел весьма отдаленное представление, но знал, что она очень опасна для жизни.

Мы с Павлом Назаровичем ушли из лагеря последними, захватив с собой Черню. В рюкзаках имелся запас продовольствия на три дня, главным образом мясо,

небольшое полотнище брезента, два котелка, топор и прочая походная мелочь. Наша задача — пройти по реке Белой до ее истоков и подняться на белок (*Белок — горная вершина на Саянах, покрытая снегом) Окуневый, одну из значительных вершин хребта Крыжина в этой части.

Белая берет свое начало совсем недалеко от Кизира, в образовавшейся в глубине гор котловине. С юга котловина граничит с несколько пониженным в этой части хребтом Крыжина, справа и слева ее обнимают отроги хребта. Они почти сошлись у Кизира и разделяются только небольшой щелью, по которой и протекает Белая.

Не более чем через час мы прошли теснину. Нависшие над ущельем горы широко раскинулись, образовав котловину, напоминающую гигантский котел. Дальше река, разбившись на несколько ключей, затерялась в густом лесу. Вправо, высоко над нами, виднелся белок Окуневый. Его тупая вершина и крутые отроги, спадающие в котловину, поражали нетронутой снежной белизной, и только кое-где, будто тени, лежали полосы снеговых обвалов.

По густому кедровику, без тропы, мы пробирались к Окуневому белку. Лес, прикрывающий котловину, карабкался по склонам, пронизывая языками снежную белизну отрогов. Путь нам преграждали массы давно упавших великанов да глыбы твердых пород, в беспорядке скатившихся с откосов. По ложкам и рытвинам лежал водянистый снег, придавленный тенью курчавых кедров. Ноги тонули в мокром снегу, сплошным ковром накинута на "пол" леса.

На пути часто попадались следы диких оленей, места их кормежек и бесконечное количество лежек. Надо полагать, что котловина служила местом постоянного пребывания зверей. Черня нервничал не без основания. То, натягивая поводок, он влажным носом "глотал" воздух, то вдруг останавливался и, замирая, прислушивался к звукам, доносившимся из глубины леса. А мы, теряясь в догадках, напрасно присматривались и прислушивались: нигде ни единого живого существа, ни единого звука.

— Тут, тут, близко, — шептал взволнованно Павел Назарович, следя за собакой.

Черня, захваченный азартом, вдруг сделал прыжок, струной вытянул повод и в нерешительности остановился. Метрах в трехстах, на краю редколесья, стоял вполоборота к нам встревоженный марал. Подняв голову, он прислушивался, всматривался, стараясь разгадать, кто ходит по лесу. Зрение марала слабее человеческого, на расстоянии он плохо различает предметы, но слух в минуты напряжения чрезвычайно остр, так же как и чутье.

Мы не собирались стрелять, а хотели лишь рассмотреть зверя поближе. Марал сделал несколько прыжков, но вдруг остановился. Он отбросил зад, пятненный светложелтым фартучком, повернул чутко настороженную голову в нашу сторону. Мы замерли, рассматривая друг друга.

Природа не поскупилась наградить этого зверя строгими внешними формами, приятно ласкающими глаз. Его грудь, ноги, туловище развиты пропорционально, небольшая же голова в это время бывает увенчана толстыми, симметрично развивающимися рогами. Походка бесшумная, грациозная. По красоте зверь мало уступает собрату — благородному оленю и не имеет равного себе в Сибири. Надолго осталась в памяти картина гор, с клочками тумана на вершинах, с редкими плешинами мысов и маралом на поляне, окруженной кедровой тайгой. Зверь стоял перед нами как изваяние, не шевелясь, но готовый в миг исчезнуть с глаз.

У меня под ногою, от неловкого движения, хрустнул сучок. Этого слабого звука было достаточно, чтобы через мгновение изюбр уже мчался по склону горы. Метров через двести он вспугнул большое стадо диких оленей. От стада изюбр свернул вправо и исчез в расщелине, а олени скрылись в лесу.

Часа в три миновали верхнюю границу леса. Он проходит по крутому склону гольца на высоте примерно 1350 метров. Туман, прикрывавший с утра вершины гор, приподнялся, потемнел, скучился в облака. Из его дальнего крыла сочился дождь. Узким распадком мы поднимались на верх отрога. Брели по снегу. Но чем выше, тем снег становился глубже и суше, а распадок все больше сужался и заканчивался

гранитными скалами, с трех сторон нависшими над ним. Туда никогда не заглядывало солнце. Избегала этого уголка и растительность. Только лишайники стлались по потемневшим от времени скалам. Склоны боковых отрогов покрывал снег, на котором там и здесь виднелись следы соболей и колонков. Это лесные бродяги не оставляют без присмотра даже безжизненные уголки гор.

На проталине, где мы на минуту присели отдохнуть, увидели золотистый лютик. Это нетребовательное растение в отношении тепла является первым украшением склона гор. Сильно опушенные головки лютика сравнительно легко переносят весенние ночные заморозки. Иногда странно бывает видеть цветок, бодро выглядывающий из-под только что выпавшего снега.

Поднимались по крутизне. Кое-где торчали скалы, обросшие кустарником да клочками сухой травы. Изредка попадались и одинокие кедры, прилипшие к камням и согнувшиеся в покорном поклоне к хребту. До вершины гольца уже было недалеко, а идти все труднее. Свернули в расщелину, но и там не лучше. При первой попытке подняться на гребень мы чуть не скатились по скользкому надувному снегу под скалу. Горько было нам, не достигнув вершины вернуться в тайгу.

В лесу мы развели костер, обсушились, пообедали и тронулись дальше.

Маршрут решили изменить: сначала выйти на вершину хребта, огибающего котловину с восточной стороны, и уже оттуда подниматься на белок Окуневый.

— Надо поспешить — буран будет. Вишь, как там вверху завывает, -- говорил Павел Назарович, с тревогой посматривая на горы.

Только теперь я заметил на их вершинах как бы полосы тумана. Это, вздымая снежную пыль, гулял ветер. Он скоро спустился к нам и зашумел по вершинам деревьев.

Мы уже подумали о ночлеге, не было только поблизости подходящего места.

— Опять чего-то занюхтил, — показал Павел Назарович на Черню.

И действительно, собаку охватило беспокойство. Она то останавливалась, то рвалась вперед. За первым ложком идущий на своре Черня вдруг свернул влево и стал подниматься на возвышенность. Он совсем разволновался, засеменял ногами, закрутил хвостом и напряженно всматривался в окружающие нас предметы. Не было сомнений, что зверь где-то близко. Мы вышли на верх гребня. Вдруг Черня остановился и, повернув голову вправо, замер. В сорока метрах я увидел крупного медведя. Он стоял задом к нам и так был занят своей работой, что не заметил нашего приближения.

Его внимание привлекала щель между камней. Запустив в нее морду, зверь старался что-то достать. Но щель была узкая. Медведь злился, принимался рыть землю, намереваясь проникнуть в щель снизу. Вот он снова запустил морду среди камней и с такой силой фыркнул, что из щели вырвался буквально сноп пыли, а сам медведь отскочил и замер, видимо, полагая, что вместе с пылью вылетит и интересующий его предмет.

Павел Назарович, навалившись на Черню, зажал ему рот и подал мне знак стрелять. Я медлил, хотя штуцер был готов к выстрелу. Вдруг медведь повернулся, и несколько секунд мы смотрели друг на друга. Выстрел нарушил напряжение. Зверь, споткнувшись, не то побежал, не то покатился вниз по гребню. Собака рванулась следом за ним, и скоро из распадка долетел ее злобный лай.

Мы подошли к камню. Павел Назарович заглянул в щель.

— Э... да тут зверь! — крикнул он, запуская глубоко руку.

Старик достал бурундука. Бедный зверек! Его крошечные глаза переполнились страхом. Он тяжело дышал, а маленькое Сердце билось часто-часто. Вместо хвоста у него торчал голый стержень. Видимо, медведю все же удалось поймать бурундука за хвост.

— Какая же ему теперь жизнь, без хвоста?! — говорил сочувственно Павел Назарович. — Придется и стержень отрезать.

Так и сделали. Бурундук, получив свободу, не убежал, как мы ожидали, а начал вертеться на месте, прыгать, вообще вел себя странно.

— Видно, с ума сошел зверек, — удивился я.

— Нет, — ответил Павел Назарович, — без хвоста он словно лодка без руля.

Бурундук прыгнул с камня; только теперь у него не получилось прыжка. Он проделал в воздухе сальто и упал на землю. Затем вдруг вскочил и странными, неуверенными скачками направился к лесу.

Мы спустились в лог. Медведь лежал недвижимо, растянувшись на краю россыпи. Черня сидел на нем верхом.

Мы сняли котомки, а Павел Назарович достал нож, ощупывал зверя.

— Хорошо мяско! Жирное!

Медведь оказался крупным самцом, одетым в пышную шубу. Решили его не обдирать, а только выпотрошить и целиком со шкурой подвесить на кедр. Погода стояла холодная, и мы не беспокоились, что мясо испортится за два-три дня, пока мы сходим на Окуневый.

После того как с медведем было покончено, мы накинули котомки и ушли к скалам, разбросанным по склону отрога. А ветер усиливался. Котловину придавила бурая туча. Взлохмаченный лес шумел непрерывно. За Окуневым гольцом лоскутом голубел кусочек неба. В лицо хлестнуло мокрым снегом.

Мы приютились у скалы, под кедром, в недоступном для ветра месте. Наступила темная и холодная ночь. Но нам было уютно и тепло, хотя вокруг бушевала непогода. После ужина Павел Назарович долго пил чай. Я сидел за дневником. Напротив спал Черня.

Не пробуждаясь, Черня то вдруг начинал двигать лапами, словно кого-то догоняя, то громко тянул носом. Он весь дергался, а потом добродушно вилял хвостом. Иногда, как будто в схватке, тихо, но так азартно лаял, что даже просыпался и с минуту удивленно озирался по сторонам. Я с интересом наблюдал за ним. Собаки, как и люди, видят сны.

В темноте что-то прошумело над скалой, тяжелым комком свалилось на кедр. Вспыхнул брошенный в костер сушник. Разрядился мрак, и я увидел огромного филина. Он сидел на толстом сучке, торчком подняв короткие уши и выпучив желтые округлые глаза. Птица вертела голову, явно с любопытством рассматривая нашу стоянку, но вдруг сорвалась с места, исчезла в темноте, унося в когтях еще живой серый комочек.

В полночь буран резко ослабел, сквозь ветви кедра сверкала одинокая звезда, появившаяся за разорванными облаками.

Когда я проснулся, было светло. Посеребренные снегопадом горы нежились в лучах ликующего солнца. На дне котловины таяли остатки ночного тумана. В тайге все давно пробудилось, отовсюду доносились победные звуки утра.

Где-то в чаще, поблизости от нас, услаждая песней подругу, высвистывал дрозд. Торопливо пролетали мимо стайки мелких птиц, ползли куда-то сотни различных букашек. Всех их пробудило к жизни солнце, обещая теплый день.

— Хорошая ночевка, — говорил Павел Назарович, приставляя к стволу кедра концы недогоревших дров. — На земле они сгниют бестолку, а так могут пригодиться не мне, так другому охотнику. — И, немного помолчав, добавил: — Сюда за соболем можно когда-нибудь прийти!

Накинув на плечи рюкзаки, мы пробирались между скалами на верх отрога.

По пути все время попадались кедры. Удивительна приспособленность и жизнестойкость саянского кедра! Он растет не только в низине, по крутым отрогам, но и в скалах, там, где даже трудно подыскать место, чтобы стать ногой. Иногда основанием ему служит незначительный выступ; примостившись на нем, кедр разбрасывает всюду по щелям свои корни. Туда не проникает солнце, и дольше задерживается влага. Цепляясь за эти корни руками, мы поднимались все выше и выше, пока не достигли границы леса. Дальше скалы попадались реже, скоро позади осталась и крутизна.

Еще полчаса подъема — и мы вышли на вершину. Взгляд поражали непрерывные нагромождения хребтов, их причудливые контуры и дикие изломы. Мы снова

пережили то странное чувство волнения и удовлетворения, которое неизменно испытывают путешественники, наконец увидевшие перед собою, что было много лет их мечтою.

Со мною рядом сидел Павел Назарович. Низко склонив голову, он смотрел на безграничное море сверкающих утесов, что непрерывной зубчатой стеной выросли на пути экспедиции. Взгляд его был задумчив. Он что-то вспоминал, сдвигая нависшие брови. Так он и просидел, забыв про трубку, пока я не закончил записи в журнале.

Впереди, где теряется в залесенной дали серебристая лента Кизира, поднялся веерообразный Кинзилюкский голец, весь залитый солнцем, отчего он казался еще белее высоким и величественным. На его гранитном "постаменте", который почти упирается в Кизир, лежали полосы скалистых обрывов, опоясывающих голец со всех сторон и снизу доверху. Этот пик, словно часовой, стоит над входом в самую, дикую часть Восточного Саяна.

Бесконечная группа гольцов растянувшихся непрерывной цепью перед нами, являлась как бы границей, за которой мы уже не различали седельных горных массивов. Ближе этих гольцов горы несколько принижены и контуры их мягче, а снежные поля более цельны.

Вершина Окуневого мало отличается от вершин соседних белков: Надпорожного, Воронко, Козя, но является наиболее высокой в западной части хребта Крыжина. С Окуневого видны долины Кизира, и Казыра, с их многочисленными водостоками и глубокими ущельями, оголенные плоскогорья, изредка увенчанные скалистыми или тупыми вершинами, и широкая кромка высоченных гольцов, загромодивших восток, начиная от Пезинского белогорья до крутых склонов Торгака. Когда смотришь на Саяны с белка Окуневого, поражаешься контрастом в очертании этих гор. Рядом с грандиозными пиками, манящими своей недоступностью, видишь примостившиеся небольшие плоскогорья. Эти плоскогорья простираются в самых различных направлениях. С северной стороны они обрываются мрачными цирками, а с южной заканчиваются сглаженными, словно приутюженными отрогами. Образованием такого рельефа Восточный Саян прежде всего обязан тектоническим явлениям и действию ледников, некогда покрывавших эти горы.

Если бы мы могли перенестись в далекое прошлое и взглянуть на территорию этих гор, то увидели бы совсем другую картину.

Длительна и очень сложна геологическая история Восточного Саяна. Несколько поколений геологов, ежегодно отправляясь в различные уголки этого красивого, но сурового горного массива, кропотливо, шаг за шагом изучают его скалистые обнажения. Опытный глаз пытливого исследователя не опускает ни одного штриха, который может помочь восстановить историческое прошлое Саянских гор, уходящее далеко в глубь веков.

Свыше 500 миллионов лет назад в тех местах, где ныне поднимаются к небу горделивые вершины этих гор, было море. Волны его разбивались о берега раскинувшегося к северу бескрайнего древнейшего континента, получившего у геологов название Сибирской платформы. Ложе морского бассейна было беспокойно. Частые землетрясения сопровождалась энергичной вулканической деятельностью, что вызывало мощные потоки лав. Периоды активной деятельности подводных вулканов, окруженных известняковыми рифами, сменялись периодами относительного покоя, во время которого миллиметр за миллиметром на морское дно отлагался ил, песок и галечник. Спустя много миллионов лет, мощные горообразовательные процессы смяли в складки эластичные толщи отложений морского дна и вывели их из-под уровня моря, которое отступило к югу.

Колоссальная энергия внутренних сил Земли, способная сгибать в складки отложения горных пород многокилометровой мощности, вызвала также внедрение в них огромных масс магмы, которая, не найдя выхода к поверхности, застывала в недрах Земли.

Поднявшиеся с морского дна цепи гор древнего Саяна явились прообразом современного горного хребта. Горообразовательные движения были решающим этапом в геологическом прошлом Саян. С тех пор на протяжении последующих 400 с лишним миллионов лет море никогда на продолжительный срок не затопляло эту территорию. Наступил длительный период континентального режима, продолжавшийся более 100 миллионов лет. За это время разрушающее действие воды и ветра снивелировало горы, превратив страну в почти плоскую равнину. Однако, внутренние силы земли не оставляли ее в покое и время от времени проявлялись в виде мощных тектонических разрывов, по которым из глубоких недр устремлялась расплавленная лава. Достигнув земной поверхности, лава растекалась в виде потоков, так же, как это имеет место сейчас в районах деятельности современных вулканов.

В середине девонского периода истории Земли, т. е. около 290 миллионов лет тому назад, море, давно уже изгнанное с территории Восточных Саян, делает новую попытку погрузить ее в свою пучину. Однако оно достигает лишь восточной и западной окраин Восточных Саян, где на короткое время сохраняется морской режим. Во внутренних же частях современного Саяна в то время существовали многочисленные озера и лагуны. После отступления девонского моря страна навсегда освободилась от моря. В мезозойский период вокруг Саян существовали обширные озера, а внутри него среди отдельных возвышенностей, не превышавших 300 — 500 метров высоты, сохранялись небольшие водоемы.

Такой рельеф страны сохранился до середины третичного периода. Примерно 15 миллионов лет назад начался общий подъем Саян и обособление его в качестве самостоятельной орографической единицы. Жесткая глыба Саян была расколота мощными тектоническими разрывами, которые открыли доступ к дневной поверхности базальтовой лавы. Эти лавы покрыли обширные пространства в восточной части Саян и примыкающих к нему территорий Монголии, Забайкалья и Тувы. Покровы базальта, похоронившие под собою древнюю поверхность Саян, подобно гипсовому слепку, позволяют сейчас геологам довольно точно восстановить рельеф страны середины третичного периода.

Поднятие Саян продолжалось до середины четвертичного периода. Оно было настолько значительным, что в Саянах, располагающихся на широте 52 — 54°, образовался мощный центр оледенения, Саяны подымались не в виде сплошного монолита. Они были разбиты на отдельные глыбы, возвышавшиеся одна над другой. Распределение высот во время этого поднятия было близко к плану современного горного массива, наиболее сильно подымались зоны современных альпийских цепей. После того, как ледники своими языками выпахали долины, отходящие от главного горного массива, уже сравнительно совсем недавно, новые тектонические подвижки привели к возобновлению вулканической деятельности. По дну некоторых долин, перекрывая ледниковые отложения, полились "огненные" реки, которые, после того как остыли, превратились в черный звенящий базальт.

Но даже и в этот период, отделенный от нас тремя-четырьмя сотнями тысяч лет, Восточный Саян был не таким, каким мы его видим сейчас. Этой горной стране суждено было пережить еще ряд сложных геологических процессов. Всесокрушающая сила движущейся воды промыла многочисленные глубокие ущелья, которые расчленили массив на сложную систему хребтов и отрогов. Фирновые поля нетающих снегов и остатки некогда мощных ледников, сохранившихся в истоках некоторых рек наряду с разрушающим действием морозного выветривания, придали хребтам обостренные очертания.

Таково геологическое прошлое этих гор.

До наших дней еще сохранились в центральной части совсем незначительные остатки саянских ледников. Базальтовый покров можно увидеть на многочисленных горах, характерных своими плоскими — столовыми — вершинами.

Находясь в центральной части Восточного Саяна, мы не раз слышали подземные толчки — это отголоски тектонических явлений. Бывают и довольно значительные

землетрясения. Солнце, ветер и вода продолжают разрушать мягкие породы, придавая хребтам еще более заостренные очертания (*Использован материал геолога Г. В. Пинус).

Жаль, что в это время хребет Крыжина еще был покрыт плотным зимним снегом и мы не могли представить себе летний наряд вершин, седловины и небольших тундр. Из-под снега вылупились только россыпи, но они бесплодны, как будто недавно образовались, даже еще не успели почернеть и украсить лишайниками.

Вершину белка мы покинули только в шесть часов. Солнце скатывалось к горизонту. Быстро таял снег. По лощинам все громче и задорнее шумели мутные ручьи. Легкий, еле уловимый ветерок нет-нет да и налетал с востока, окатывая нас холодными струями.

С Окуневого белка впервые нам открылся Восточный Саян широченной панорамой, с его сложным рельефом, мрачными ущельями и первобытной кедровой тайгой, накинутой на долины и второстепенные вершины.

В семь часов мы покинули вершину. Спускались напрямик, по каменистым ребрам гольца, да по скользким надувам. На горы лег тихий вечерний час, и солнце, умиротворенное тем, что день прошел без помех, млело у горизонта. Дальние горы растворялись в тиши сиреневой дымки.

В тайге нас встретила ночная прохлада, благоухание только что появившейся травы и сырость набухших влагой мхов.

Как легко и как просторно дышится в лесу в весенние ночи. Хочется вечно жить, любить, творить, неисчерпаемыми кажутся твои силы, идешь и не знаешь усталости, а уснешь — долго не пробудишься. Такова весна в Саянах.

Под сомкнутым сводом толстых кедров темно. Луна запаздывала. Кое-где в просветах голубели кусочки звездного неба. Шли долго, придерживаясь склона. Но вот до слуха долетел давно желанный шум Кизира, и тотчас же из глубины леса послышалось пронзительное ржание лошади. Ей ответило протяжное эхо, и снова все смолкло. В темноте блеснул огонек. Лагерь был недалеко. Мы ускорили шаги.

На стоянке все спали, догорал костер. Было тихо, и только река, взбудораженная вешней водою, плескалась в крутых берегах. Под кедром, среди еще не убранной после ужина посуды, сидел Алексей. Склонившись над кухонным ящиком, он читал то самое письмо, которое принес ему Мошков. Черня прибежал раньше нас в лагерь и расположился напротив Алексея, поджав задние лапы. Повар читал и улыбался, потом поднял голову и долго смотрел на собаку. Черня шагнул вперед, и Алексей обнял его.

— Иди сюда, я все расскажу тебе. Он развернул письмо, но вдруг увидел нас и сейчас же вскочил.

— С Пантелеймоном Алексеевичем плохо...

Из темноты показался Мошков. Он до того исхудал и измучился, что приходилось удивляться, как после стольких бессонных ночей человек еще мог двигаться.

Мошков не поздоровался, ни о чем не спросил и ни слова не сказал о болезни. Я молча разбинтовал его больную руку. Большой палец совсем почернел, вздулись вены, и опухоль на руке дошла до локтя. Тогда я окончательно решил, что у Пантелеймона Алексеевича гангрена и операция неизбежна.

Мошков был близким мне человеком, не один год мы делили с ним радости и невзгоды путешествия по тайге, и теперь я должен был отрезать ему часть руки, отрезать, не имея ни опыта в этом деле, ни знаний, и в обстановке, самой невероятной для операции. Отправить его обратно в жилые места было невозможно, да и поздно.

"А что, если все кончится смертью?" Такая мысль назойливо вертелась в голове. Погибнуть от нарыва было бы нелепо.

Мошков прошел тяжелый жизненный путь и не раз смотрел смерти в лицо. Еще юношей, в гражданскую войну, партизанил. С боями прошел до Владивостока и, вернувшись в родную деревню, руководил комсомольской организацией. Позже он

находился на партийной работе. Жизнь выработала в Мошкове уравновешенный характер. Все мы его любили и уважали.

Осмотрев руку, я в упор взглянул на Мошкова, все еще не решаясь произнести последнее слово.

— Ну что? — спросил он тихо, и в голосе прозвучала мольба, будто целую вечность он ждал меня, надеясь, что я принесу облегчение.

— Придется резать палец! — решительно ответил я.

— Это ведь долго будет, отруби топором сразу, чтобы не мучиться. — И я увидел, как задрожал выдвинутый вперед подбородок больного, как помутнели влажные глаза.

Договорились отложить операцию до утра. Хотелось еще верить, что время окажется для него лучшим лекарством.

Когда я проснулся, утро только что осветило бледным светом долину. На горах лежал ключьями туман, по небу лениво ползли облака.

Мои спутники были уже на ногах. Мошков полулежал под кедром, а Павел Назарович качал его больную руку. Я твердо решил делать операцию и сразу же начал приготовления.

Пришлось еще раз осмотреть руку. Большой палец был весь черный, боль притупилась, и опухоль распространилась по всей руке.

— День-то давно наступил, чего тянешь... — сказал Мошков с упреком. — Жизнь не мила стала.

Совсем неожиданно выяснилось, что во вьюках нет железной коробки с нашими хирургическими инструментами. Они были отправлены с грузом, который Кудрявцев забросил вверх по Кизиру. Пришлось готовить охотничий нож. Шелковая леска для рыбы оказалась как нельзя кстати: она заменила материал, которым врачи зашивают раны. Вторым инструментом была обыкновенная швейная игла — это все, чем мы располагали.

Пока я готовил бинты, йод, а Самбуев и Алексей расплетали леску, Лебедев успел отточить на гладком оселке нож и все инструменты хорошо прокипятить и промыл в спирте. Мошкова усадили на мох, под тонким кедром. Он беспрекословно подчинился всем распоряжениям и, видимо, не думал о том, что может быть после операции, сделанной неопытной рукой. Кто-то принес белое длинное полотенце. Павел Назарович обмотал им ниже локтя руку Мошкова и крепко привязал к дереву. Отказываться от операции было поздно.

Когда я взял кисть больного, все сомнения отлетели прочь. Теперь ни температура, от которой буквально пылала рука Мошкова, ни боль не смогли бы удержать меня. Я нащупал сустав большого пальца, и лезвие необычного хирургического инструмента врезалось в мышцы. К моему удивлению, кровь не брызнула из раны, она стекала медленно, густой массой, а Мошков даже не вскрикнул, не вздрогнул. Еще небольшое усилие — и фаланга отпала.

— Не больно? — спросил я Мошкова.

— Нет, — чуть слышно ответил он, холодный пот ручьем катил по его лицу, слепил глаза.

Я был поражен. Оказалось, что палец уже омертвел и потерял чувствительность. Нужно было резать дальше, до живого места, до боли. Я зажал в левой руке вторую фалангу с большим суставом, и нож отсек его от кисти. Кровь хлынула из раны. Мошков закричал, повис на привязанной руке и забился от невыносимой боли.

Я начал зашивать. Игла не лезла, узел не завязывался, а кровь лилась не переставая. Все же кое-как мне удалось стянуть рану, залить ее йодом и забинтовать.

Павел Назарович уговорил Мошкова выпить полкружки спирта. Через две-три минуты больной впал в забытие. Он еще некоторое время пытался о чем-то рассказывать, но язык плохо повиновался ему, и вместо слов из уст вылетали непонятные звуки. Так он и уснул под "операционным" кедром.

День был пасмурный. Потемневшие облака ползли низко над горами. В тайге было тихо. За дневником я не заметил, как пошел дождь.

Мы перенесли Мошкова в палатку, а сами разместились кто под кедром у Алексея, кто с Павлом Назаровичем, и каждый занялся своим делом.

Во второй половине дня по долине пронесся холодный ветер, туман покрыл отроги, хлопьями повалил мокрый снег. Казалось, весна покинула нас. Цветы теперь сиротливо выглядывали из-под снега, печально покачивая сморщенными от стужи лепестками.

Мошков бредил, ворочался, но не пробуждался.

Вечером от реки, разрывая тишину, прокатился выстрел. Мы выскочили на берег. Перерезая вкось Кизир, к нам приближались две лодки. Это Арсений Кудрявцев с товарищами возвращался с верховьев Кизира. Я схватил бинокль. Гребцов было шесть человек. "Все живые", — подумал я. Не хватало одной лодки, которая, как оказалось, уже на обратном пути разбилась в шиверах.

Сколько искренней радости принесла встреча! Прибывших забросали вопросами: куда дошли, большие ли там горы, есть ли зверь? О чем только не спрашивали! Алексей схватил в объятия своего огромного приятеля Тимофея Курсинова, повел "к себе" под кедр и стал шепотом читать ему таинственное письмо. Читал и плакал, а Тимофей, хлопая его по плечу загрубевшей рукой, чуть слышно басил:

— Чего зря роняешь слезу!..

— Эх, брат... — говорил Алексей после глубокого вздоха. — Хорошая Груня у меня, добрая да ласковая... А он-то грамотей какой!..

Скоро все в лагере угомонились.

Только у Павла Назаровича под кедром горел огонек, Кудрявцев рассказывал нам подробности своего путешествия.

— Немножко не дотянул до Кинзелюка, — говорил он. — Днем вода вровень с берегами, идти на лодках нельзя — шесты дна не достают: ночью, правда вода спадает, но по темноте куда поедешь, того и гляди перевернешься. Бились-бились, кое-как дотянули до неизвестной реки да там и сложили весь груз. Километров двадцать не дошли до больших гольцов, что стояли с двух сторон реки Ну и горы же там!.. Сколько глаза видят — все пики да пики, ни конца им, ни края, непроходимой стеной загородили все кругом. Дикое место, — продолжал он после минутного перерыва. — Долины узкие, все в скалах, а притоки — страшно подойти, словно звери ревут...

К нам присоединился проснувшийся Мошков Мы усадили больного возле огня. Меня больше всего беспокоило то, что весь день у него была повышенная температура. Неужели началось заражение? Никогда бы я не простил себе его смерти!.. Но все обошлось благополучно. Инструменты, хотя и были слишком примитивны, но достаточно продезинфицированы, а лес, напоенный чистым горным воздухом, в котором меньше всего содержится болезнетворных микробов, -- оказался отличной "операционной" и одновременно лучшей здравницей.

За долгие годы своей работы вдаль от населенных пунктов я не припомню, чтобы кто-нибудь в экспедиции болел гриппом или ангиной; у людей не было насморка кашля или недомогания, хотя все мы, с точки зрения городского человека, жили в самых неблагоприятных условиях: спали на снегу, на сырой земле, у костра то согреваясь до пота, то замерзая.

Мы тогда долго сидели у Павла Назаровича под кедром. Старик то и дело поправлял костер, и пламя, вспыхивая на миг, освещало лагерь.

Бедная весна! Ее бледнозеленый наряд был засыпан толстым слоем снега. Непробудно уснули, отморозив ножки, первые цветы, поверившие теплу и потянувшиеся к солнцу. Снег все продолжал идти. От тяжести снежных гирлянд ломались ветки деревьев. Неловко шурша крыльями, перелетали с места на место промерзшие птицы.

В полночь в лагерь пришли лошади. Для них в лесу не осталось корма. Мокрые, истощенные, они шарили между палатками и воровски заглядывали под брезент, где был сложен груз, надеясь стащить что-нибудь съедобное.

Когда на другой день, 18 мая, я вышел из палатки, передо мной стоял зимний безмолвный, весь покрытый хлопьями снега лес. Я долго смотрел на преобразившийся мир. Зима, соревнуясь с весной, решила показать, какая она искусная мастерица. В необычном для леса майском наряде не было контрастных красок; гладкое и до ослепительности белое покрывало лежало на земле. Из соседнего ущелья налетел ветер. Лес очнулся и зашумел. Еще минута -- и все изменилось: слетела с кедров белая бахрома, сломились искристые гирлянды. А ветер усиливался и, сбивая с деревьев остатки снежной пыли, носился в долине.

НА ВЕРШИНЕ НАДПОРОЖНОГО БЕЛКА

Мошкову стало легче. Ночной пир хищников. С котомками на вершину белка. Крепкий чай над скалой. Победенная вершина.

Мы ждали сегодня Пугачева и Днепровского, ушедших на Ничку, чтобы всем сообща выйти на хребет Крыжина и там, на одной из вершин, соорудить геодезический знак.

В лесу, по полянам снова хлопотала весна, вдыхая жизнь в замерзшие цветы, поднимая прижавшуюся к земле зелень и оглашая воздух радостным пением птиц.

Мне предстояло сделать перевязку Мошкову, а это оказалось труднее операции. Бинт так присох к ране, что больной кричал буквально на всю тайгу. Рана была большой, плохо зашитой, и перевязка унесла много крови.

После того, как рука снова была забинтована, Пантелеймон Алексеевич еще долго стонал. Позже к нему подошел Алексей.

— Ты бы рассказал, что Груня пишет? — спросил успокоившийся Мошков.

— Эх, и письмо, Пантелеймон Алексеевич... Посмотри, какой грамотей у меня сын, расписал все до мелочи, — обрадовался повар вопросу и побежал к своему ящику.

Он вернулся со знакомым нам конвертом, осторожно вытащил письмо, состоявшее из двух листков, и один из них развернул перед Мошковым. Я подошел к ним. Весь лист был исчерчен неуверенной детской ручонкой.

— Как подробно?.. а? — сказал отец сияя.

— А сколько же ему лет? — поинтересовался Мошков, хотя хорошо знал возраст ребенка.

— Васильку-то? Полтора. И в кого он такой способный удался? Ишь, какие начертил росписи!.. — И у Алексея снова глаза покрылись прозрачной влагой.

Подшли остальные. Письмо пошло по рукам, и все внимательно рассматривали детские иероглифы, милые и понятные нам, так же как и Алексею.

Затем Алексей прочел вслух письмо жены Груни, в котором сообщалось, что дома все здоровы, а Василек уже ясно выговаривает: "Папа-ту-ту".

Пугачев и Днепровский вернулись на стоянку во второй половине дня. Им удалось добраться до подножья гольца Кубарь и пройти далеко по реке Ничке. Ее долина оказалась тоже заваленной погибшим лесом.

Рано утром, как только алая заря окрасила восток, мы, завьючив несколько лошадей снаряжением, песком, цементом, материалами, покинули лагерь и направились к Надпорожному белку. С Мошковым остался Павел Назарович.

Шли гуськом. Впереди, не смолкая, стучали топоры, — это наши прорубали проход. Изредка кричали погонщики. Долина наполнилась шумом передвигающегося каравана.

В кедровой тайге было много погибших деревьев. Одни из них еще стояли, опираясь на оголенные корни, другие, изломавшись на куски, лежали на земле. Местами нам попадались недавно сваленные бурей кедры. Падая, они вырывали корнями огромные пласты земли. Всюду виднелся валежник. Зеленый влажный мох, покрывающий "пол" кедровых лесов, обычно поглощает все, что падает на землю. Он не терпит по соседству травы и цветов, не дает расти листовым породам — там все однообразно, одноцветно. Разве только лучи летнего солнца, проскользнув сквозь густые кроны деревьев, скрасят этот скучный фон причудливым узором света и теней.

Обойдя вершину первого правобережного распадка, мы остановились отдохнуть. Дальше груз можно было нести только на себе. Его оказалось много: тут и продовольствие, и материалы, и палатка, и разная мелочь. Кроме этого, нам нужно было поднять на вершину белка лес для постройки пирамиды. Это самое трудное в работе геодезистов.

Пока варили обед да готовили лес для пирамиды, Прокопий, Лебедев и я пошли к убитому медведю. Левка побежал вперед. Когда мы были уже близко к тому месту, где висел медведь, донесся собачий лай.

Мы бросились на шум и минут через пять оказались на верху возвышенности, за которой можно было увидеть кедр с медведем. Впереди шел Прокопий. Пригнувшись к земле, он почти ползком добрался до верха и осторожно выглянул из-за камня. Теперь лай слышался совсем близко. Мы с волнением следили за Прокопием, стараясь по его движениям угадать, что он видит. И вдруг, совсем неожиданно для нас, Прокопий выпрямился во весь рост, махнул безнадежно рукой и зашагал вперед. Лай доносился из глубины ложка. Заглянув туда, мы увидели недалеко от места, где висел медведь, Левку. Он вертелся под молодым кедром и, задрвав морду, азартно лаял.

— Неужели на белку?! — говорил Прокопий, сламывая прут. — Уж я ему задам!..

Сохранившийся на дне ложка снег был утоптан мелкими следами колонков и горностаев. Днепровский отбросил прут, которым собирался пороть собаку, и, подойдя к кедру, осмотрел дерево. Собака неистовствовала. Она высоко подпрыгивала, обнимала лапами ствол, грызла кору, злилась. Вдруг послышалось злобное ворчание.

— Соболь! — крикнул Лебедев.

Чуть пониже вершины, прижавшись к стволу, на сучке сидел зверек, одетый в темнокоричневую шубку. Ни головы, ни хвоста не было видно. Свернувшись в комок, он подобрал к ножкам хвост и так втянул в себя голову, что неопытному глазу трудно было узнать в нем соболя. Правда, его выдавали две черные, как угольки, точки, хорошо видневшиеся на коричневом фоне. Это глаза, неподвижно застывшие чуть выше светлого пятнышка, чем обозначена у соболя передняя часть мордочки. При нашем приближении он не пошевелился, словно прирос к стволу, и продолжал ворчать. Наблюдая за ним, я удивлялся, сколько в этом маленьком комочке непримиримой злобы!

Днепровский подошел к кедру и ударил по стволу палкой. Соболю мгновенно сорвался с места, вскочил на соседний сучок и через минуту, снова свернувшись в клубок, замер.

Мы поймали Левку и насильно увели его вниз по ложку.

Собака рвалась, прыгала, тащила Прокопия назад, пока кедр не затерялся среди других деревьев.

Чем ближе мы подходили к убитому медведю, тем больше недоумевали.

— Что они тут делали? Ишь, как все утоптали! — говорил Прокопий, рассматривая следы на снегу, среди которых много было и соболиных. Разгадка пришла неожиданно. Виновником такого большого скопления в ложке мелких хищников оказался убитый нами медведь. Когда мы отбросили покрывающие его ветви и заглянули внутрь, то поразились. Мяса на медведе не было, остался только скелет, обтянутый шкурой! Все, что было съедобного, хищники уничтожили.

Пока Прокопий буквально вытряхивал из шкуры скрепленные прожилками кости, мы с Лебедевым занялись исследованием этого необычного грабежа. Прежде всего мы обратили внимание на множество троп, идущих от кедра, на котором висел медведь. Несколько лунок, выбитых в снегу, застывшие в них капли крови да всюду валявшиеся клочья шерсти помогли восстановить картину происшедшего.

Возможно, первым наткнулся на нашу добычу соболю, случайно забежавший в этот ложок. Загораживая медведя от птиц множеством веток, мы не подумали, что по ним легко смогут проникнуть к туше мелкие хищники. Соболю, добравшись до мяса, ел столько, сколько вместил желудок. Затем, как обычно после сытной трапезы, ему

захотелось понежиться, подремать, забившись в корни кедра или в дупло, а то и в россыпи. Он, наверное, вспомнил про одно из многочисленных своих убежищ, расположенных по другую сторону котловины, и, не задерживаясь, просеменил туда. На ходу он терял запах медвежьего мяса.

Может быть, не прошло и часу, как на след соболя наткнулся голодный колонок. Захваченный запахом мяса, он не мешкая пустился пятным следом. Жадность не позволяла медлить. Оказавшись внутри медвежьей туши, хищник запускал морду между ребер и шкурой, выдирал мясо, торопился, в спешке давился, пока не насытился. Но не успел колонок покинуть столь приятное убежище, как послышались торопливые прыжки, и через минуту он почувствовал, как что-то острое впилось в его шею, трепануло до боли и выбросило на снег. Это был, наверное, колонок из соседнего ложка, тоже пришедший по следу соболя.

Когда у хищника желудок переполнен пищей, воинственность проявляется слабее. Вот почему первый колонок не стал сопротивляться и ушел к себе в гнездо, устроенное где-то в густом кедровнике, недалеко от реки. Он, так же как и соболя, оставлял по пути запах мяса.

Ушел в противоположном направлении и второй колонок, а за ним пришли горностаи. И потянулись от убитого медведя по всем направлениям следы хищников. Звери проложили по котловине невидимые глазу тропы из запаха жирной добычи.

Обыкновенно с первым проблеском рассвета все ночные обитатели тайги размещаются по своим местам. Но не так было в этот раз. Уже светало, а писк, драка и возня не утихали под кедром. Более сильные расправлялись с добычей, забравшись в середину, другие подбирали падающие от них крошки, а слабые, не смея приближаться, шныряли поодаль, ожидая, когда все разойдутся и они смогут удовлетворить возросшую до пределов жадность.

Мы сняли шкуру зверя и, не задерживаясь, ушли к своим на стоянку.

Алексею мы принесли медвежьи лапы, до которых хищники добраться не смогли. Ну и холодец же приготовит он нам! Для этого блюда повар даже горчицы приберет.

После обеда стали собираться на подъем. Командовал Трофим Васильевич. Он суетился, распределял груз и покрикивал на людей. Решили вначале вынести на белок цемент, железо, песок, инструменты, продукты и уже после, по натеренной тропе, вытаскивать лес.

— Ну-ка, Арсений, встань рядом, — обращался Пугачев к Кудрявцеву, выпрямляясь перед ним во весь рост. — Видишь, ты выше меня на целую голову. Вот я тебе с полведерка цемента и прибавлю в поняжку...

— Ой-ой-ой! Да ведь этак и хребет поломать можно.

— А ты посошок возьми, подпираться будешь и не поломаешь, — продолжал Пугачев. — Вот посмотри на Прокопия, как завидует твоей поняжке...

Все дружно рассмеялись.

Каждому было приготовлено примерно по двадцать пять килограммов груза.

Но самая большая по объему поняжка была у повара Алексея. Чего только в ней не было: чашки, кружки, сумочки, небольшой запас лепешек, а сверху Лебедев приторочил еще два ведра. Но вид у Алексея был довольный: наконец-то он "оторвался" от лагеря и идет с нами на вершину белка!

Предстоял тяжелый подъем по скалистому склону хребта. Мои спутники за многие годы работы в экспедиции привыкли таскать груз по горам, по завалам, по топким морям.

Наконец все готово. Трофим Васильевич неожиданно подошел к Кудрявцеву и обменялся поняжками.

Тот запротестовал было:

— Как можно?!.. Уж я сам как-нибудь.

— Я-то пензенский, — сказал ему Пугачей, — у нас спины без хруста.

— Ну и что же? А у забайкальцев ноги без скрипа. Не давай, Арсений, -- вмешался Алексей.

— Добавь, Трофим Васильевич, Алексею, смирнее будет на подъеме, -- пошутил кто-то.

— Придется! Получай, Алеша, — и Трофим Васильевич, порывшись в оставляемом грузе, передал ему четыре медвежьи лапы. Лебедев приторочил их к Алексеевой поняжке.

Трофим Васильевич хотя и был по росту самым маленьким из участников экспедиции, но по горам ходил хорошо и всегда впереди. Теперь, зная что за его плечами очень тяжелый груз, мы не отставали от него. Самый маленький человек бросил вызов таким гвардейцам, как Днепровский, Бурмакин, Лебедев, Курсинов, привычным не меньше его к тяжелой физической работе. Словом, Пугачев решил испытать свои и наши силы.

Подъем был завален упавшими деревьями, обломками твердых пород и переплетен корнями растущих по уступам кедров. Весь крутой скат гребня, по которому мы поднимались на верх белка, усеян небольшими террасами, примостившимися между скалами. Шли не торопясь, гуськом, теряясь по щелям или между огромных каменных глыб, часто преграждавших нам путь. На крутых каменистых подъемах люди ползли на четвереньках, цепляясь руками за корни деревьев, за кусты, упираясь ногами о шероховатую поверхность скал. Лямки резали плечи, часто билось сердце.

Трофим Васильевич шагал медленно, равномерно. Остановится на секунду, сделает один-два глубоких вдоха — и снова в путь. Казалось, в таком же темпе двигались и мы, но по непонятным причинам он уходил все дальше и дальше. Вначале от него не отставал Бурмакин. При длительном восхождении на гору нужна не только сила, но и ловкость, способность молниеносно ориентироваться: как обойти препятствия, где пролезть или стать ногою, за что схватиться руками или обо что опереться. Тут уж с Трофимом Васильевичем сравниться не мог никто.

На подъеме с тяжелым грузом, да еще по такому крутому склону, мы обычно редко отдыхали. Частые остановки парализуют силы. Лучше подниматься медленно, стараться не думать о самом подъеме и не мерить глазами оставшееся до вершины расстояние. Но вызов Трофима Васильевича нарушил наши правила. Незаметно для себя мы начали торопиться и... быстрее уставать. Алексей от непривычки весь вспотел и снял телогрейку. Курящие забыли про кисеты, а Трофим Васильевич поднимался все выше и выше и, наконец, показался на верху последней скалы. Мы видели, как он снял поняжку и, усевшись на кромку, отдыхал.

— И он тоже умаялся, — сказал Алексей. — А что, братцы, ежели мы обойдем его снизу и перегоним, а? Как только выберемся под скалу и скроемся с глаз, свернем вправо и наверх, а он пусть дожидается там.

Я знал, что за скалой, на которой сидел Трофим Васильевич, на вершину белка шел пологий подъем. Поэтому безразлично было, каким направлением идти: по гребню или в обход. Нас соблазнило заманчивое предложение Алексея, и мы решили перехитрить Пугачева, следившего за нами с высоты каменного уступа.

Как только нависшие скалы скрыли нас от глаз Трофима Васильевича, мы свернули вправо и, с надеждой на успех, торопливо зашагали по крутой россыпи. Все шло хорошо. Исчезла усталость. Мысль, что Трофим Васильевич будет ждать нас на скале, а мы окажемся далеко впереди, бодрила нас.

Но вот ведущий Днепровский остановился:

— Неладно, кажется, идем, — сказал он.

Путь преградил глубокий распадок, усыпанный крупными осколками скал. Возвращаться не хотелось, решили пересечь его и подниматься по гриве, спускавшейся в распадок от вершины белка. Ноги скользили по размякшему снегу. Люди падали, цеплялись за угловатые камни, и, наконец, оказались на дне русла. Тут только мы поняли, что ошиблись, рискнув перебраться через распадок. Его левый борт представлял собою невысокую скалу, лентой протянувшуюся от вершины распадка донизу. Прохода нигде не было. Возвращаться назад и теперь никто не хотел; тогда мы решили сделать лестницу. Хорошо, что с нами оказались гвозди.

Только через час гриву одолели. Солнце спустилось. Стало холодно. Впереди теперь ясно вырисовывалась тупая вершина белка, но чем ближе мы подбирались к ней, тем глубже становился снег. Соревнование с Трофимом Васильевичем мы явно проигрывали. Нужно было до наступления темноты вынести наверх груз и успеть спуститься под скалы, чтобы там, в лесу организовать ночлег.

Наконец мы у цели! Еще небольшая крутизна, метров пятьдесят, и вершина будет под нами. Но странно... на ней никого не было.

— Да ведь он еще там. Вон, посмотрите! — крикнул Алексей, увлекая нас вперед.

Действительно, на вершине последней скалы, которой обрывался пологий скат белка, стоял человек. Теперь мы готовы были простить себе неудачный маневр, отнявший столько драгоценного времени и сил.

Прошло еще пять минут напряженного подъема.

— У-р-р-а-а!.. — закричал Алексей, выскочивший на вершину первым. -- У-р... — и голос его оборвался. На вершине белка лежала поняжка.

— Перехитрил... — произнес он разочарованно.

Мы отдохнули несколько минут.

Солнце только что скрылось за волнистым горизонтом, и на снежные откосы гольцов лег розовый отблеск зари. Еще темнее стало в залесенной долине Кизира, еще мрачнее выглядели горы. Где-то далеко на юге в вечерних сумерках терялся высоченный Торгакский хребет, так хорошо видимый днем с белка.

Стало необычно тихо. Это были минуты, когда на какое-то совсем короткое время замирает тайга, немеют птицы, смолкают звери. Но вот из тайги донесся крик филина: "У-у-уй... У-уй".

Птица словно оповещала всех о наступающей ночи.

Когда мы спустились к скале, где стоял Трофим Васильевич, под ней уже горел костер. Ощупывая ногами россыпь и цепляясь руками за кусты, за корни, кое-как добрались до площадки под скалою. Костер, оттесняя тьму, ярким светом освещал стоянку. Необычная, сказочная картина представлялась взору. Будто мы вошли в огромную пещеру, сводом которой служили скалы да темная ночь, а курчавые кедры, валежник и каменные глыбы, окружающие площадку, при свете ночного костра казались фантастическими существами, вдруг пробудившимися при нашем появлении.

Забыв про усталость, мы принялись устраивать ночлег. Таскали дрова, устилали площадку, а Алексей готовил ужин. Через час, обласканные теплом огня, мы сидели за чаем.

— Ну и посмеялись же мы нынче над тобою, Трофим Васильевич! — говорил Алексей, подавая ему небольшой кусочек лепешки с мясом.

— Это когда же?

— Когда ты бежал с поняжкой от скалы на белок, обгоняя нас.

— Не знаю, видели ли вы меня, — спокойно ответил Трофим Васильевич, — а я вас видел, когда спускались в распадок, и еще подумал: не ты ли, Алеша, у них проводником, завел в этакую-то тущобу!..

— Ничего! Не тут, так где-нибудь на другом белке я все равно обгоню тебя! — не сдавался Алексей.

Вместе с темнотой в котловину спускался холод. Спали мы беспокойно, часто вскакивали, чтобы отогреть у огня заочневшее тело.

Когда я проснулся, вершина Окуневого белка была освещена лучами солнца, сквозь глубокую дымку виднелись тупые вершины хребтов. Казалось, что горы, прикрытые трепещущей паутиной, нежились в прохладе пробудившегося утра.

Завтрак был уже готов. Он состоял из медвежьего холодца, сваренного ночью, и совсем незначительного кусочка лепешки.

С тех пор как экспедиция перешла на строгий продовольственный режим, Алексей стал до неузнаваемости скуп. Он не баловал нас сахаром, не варил каши, а о молочных консервах и разговору не было: все приберегал на "черный день". А нам нет-нет, да и захочется чего-нибудь сладкого или мягкого хлеба. Но об этом и не

заикались. Если в чем упрекали Алексея, так это за некрепкий чай. И вот сегодня за завтраком вдруг появился полный котел настоящего крепкого заваренного чая. Какое поразительное действие произвел этот обыкновенный напиток! Все заулыбались, на лицах появилось довольство. Каждый потянулся за кружкой, а густой пар, насыщенный нежным ароматом грузинского чая, разносился по стоянке. Даже бурундук, появившийся рано утром из норы и молча наблюдавший за нами, вдруг запищал, задергал хвостиком, будто чему-то обрадовался.

— Набирайтесь силы, водохлебы! — говорил повар, улыбаясь во все свое круглое лицо и первым наполняя кружку. — Совсем разорили меня чаем!

— К этому чаю, стало быть, хорошо бы что-нибудь и на зубы положить, -- сказал Бурмакин.

— Ишь, маленький нашелся, сахарку захотел. А может быть, и молочка вам, Михаил Константинович? — перебил Алексей и многозначительно добавил: — Вот уж как на белок вынесем груз да закончим там постройку, вот тогда я... — Он помолчал и потом закончил: — Вот тогда я и скажу, в какой день буду давать сахар. А нынче воздержитесь от сладкого, на подъемах оно вредно!

После завтрака одни ушли вниз за грузом, другие валили лес, шкурили его, тесали, а мы с Кудрявцевым поднялись на белок, чтобы подготовить площадку для постройки знака.

От главного горного узла этой части Восточного Саяна нас отделяло не более пятидесяти километров. Нужно было наметить две вершины, расположенные километрах в тридцати друг от друга в меридиональном направлении, с которых на далекое расстояние открывался бы горизонт.

Наше внимание привлекла тупая вершина Зарода на краю Пезинского белогорья. С нее, как нам казалось, можно было рассмотреть диковинные нагромождения Кизиро-Канского водораздела. На восточной оконечности хребта Крыжина виднелись Фигуристые белки с зубчатыми гребнями.

Рассматривая в это утро долину Кизира, я записал в дневнике:

"Впереди, за Третьим порогом, хребет Крыжина несколько отступает к югу, и долина Кизира значительно расширяется. Впервые я вижу черную тайгу, без серых заплат отмерших пихтовых деревьев. Словно море, она заполнила долину и, подпирая круто спадающие в нее отроги, ушла далеко вверх. Там, среди скал и нагромождений, тайга затерялась. Наконец-то мы достигли восточной границы мертвого леса".

Первую половину дня люди карабкались по скалам, вытаскивая груз на верх гольца. Словно муравьи они копошились по отрогу, то поднимаясь с тяжелыми котомками, то спускаясь в провалы. К трем часам отряд собрался в нижнем лагере, и сразу после обеда приступили к выноске леса.

Все разбили на пары по росту. Я с Днепровским. На двоих одно бревно. Вскинутые нам на плечи концы гнут спины. В правой руке посох, он-то и помогал удерживать равновесие на шатких камнях. Идти вдвоем под бревном не легко — нужна сноровка. Сзади идущий Днепровский то толкал меня вперед, то тянул назад, сбивая шаг. Тяжесть сдавливала дыхание, плечи горели, ноги теряли силы, выходили из повиновения. Подъем казался бесконечным. Где-то впереди слышалась бурлацкая песня,— это Пугачев с Алексеем взбирались с необычным грузом на последний карниз скалы. Странно звучал знакомый мотив среди разбуженных эхом скал, под голубым простором неба. А позади, из-за обломков, доносилось прерывистое дыхание Бурмакина. Его покрасневшее лицо вздулось, исказилось от невероятного физического потуга. За ним внизу грохотало по россыпи упущенное кем-то бревно, слышались проклятья...

Бурмакин, тяжело переставляя ноги, подошел к нам, сбросил с плеча четырехметровую болванку и, усевшись на ней, смотрел на меня, в раздумье сдвинув брови.

— Ну и работенка! — сказал он, смахнув ладонью крупные горошины пота со лба. — Плечи стер до крови, спина не разгибается, от сапог голенища остались, а подниматься далеконочко... Вот она, братцы, геодезия какая!

— А ты, Михаил, думал, что тут курорт будет в Саянах? — спросил Днепровский.

— Нет, не в этом дело. Кто бы подумал, что карта так тяжело дается.

— Это что, ягодки еще впереди...

Мы отдохнули, дождались остальных и стали взбираться на скалы. Бревна вытаскивали веревками, с трудом удерживаясь на скользких выступах. А внизу еще долго слышалось:

Раз, два, взяли

Еще раз взяли

Выносить груз на вершины гольцов — это тяжелый труд, требующий невероятного физического напряжения и большой ловкости. В этой работе еще не применяют механическую силу. Невозможно также груз для постройки геодезического знака сбросить с самолета, ибо вершины гольцов обычно остроконечны и окружены глубокими провалами. Пока что для геодезистов и топографов эти трудности неизбежны. Тяжело, что и говорить, но ведь кому-то нужно же было начинать картографирование Восточного Саяна, и мы с гордостью выполняли эту работу, пробиваясь все дальше и дальше в глубину гор.

Наш отряд представлял собой только горсточку людей, затерявшихся в складках неведомых гор. Восточный Саян отпугивал исследователей своей недоступностью. Мы своей работой должны были проложить путь к преобразованию природы этих гор и содействовать присоединению его неисчислимых богатств к фонду народного благосостояния.

Сознание того, что мы не одиноки, прибавляло нам силы и бодрости. Мы были глубоко убеждены, что каждый удар топора, каждый килограмм груза, вынесенного на вершину пика, записи, цифры и штрихи в наших дневниках — это новый вклад в дело борьбы с природой.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда на белок вышли Лебедев, Курсинов, Бурмакин и Кудрявцев. Они сбросили поняжки и уселись на них отдыхать.

— Кажется все! Осталось только слить тур, сколотить пирамиду, и можно идти на Кубарь, — сказал Лебедев.

На севере, среди мощных хребтов, величественно возвышался голец Кубарь. Его бесчисленные отроги, спадая, терялись в глубине долины. При вечернем освещении голец, будто богатырь, стоял окруженный надежной охраной суровых гор.

НА НИЧКУ

Мы надолго расстались с группой Пугачева. Переправа через Кизир. Бросили еще одного коня. Загадочный случай с собаками. Ничка вышла из берегов. На исчезающем острове. Все на плоты!.. По топким берегам. Неудачная встреча со зверем. След сохатого ведет нас через завал.

Прозрачным, свежим утром 23 мая мы спустились с хребта Крыжина на Кизир. В результате работы на вершине Надпорожного белка поднялась шестиметровая пирамида. Она видна отовсюду и словно маяк возвышается над волнистой поверхностью угрюмых гор. Под пирамидой в монолитную скалу крошечной площадки мы впаяли чугунную марку, а над ней вылили бетонный тур для установки на нем высокоточных инструментов.

Спустившись к реке, сразу же начали свертывать лагерь. Нужно было торопиться с выполнением программы работ — лето в Восточном Саяне короткое. Снега тают поздно. В конце мая самый большой паводок. Это время, пожалуй, и самый трудный период для экспедиции. Ключи, речки становятся недоступными для брода, перевалы же и хребты еще завалены снегом. Но не успеет он растаять, как закружатся над горами холодные ветры, и в конце августа свежий снег посеребрит вершины.

Экспедиция разделилась на две группы. Трофим Васильевич с Бурмакиным и еще четверьмя товарищами должны были вернуться на устье Таски и затем с лошадьми пробираться до Чебулака, чтобы закончить там начатые мною геодезические работы; я же намеревался обследовать долину Нички и Шиндинский хребет.

В двенадцать часов дня "мы расстались. Двое рабочих повели по тропе лошадей, а Трофим Васильевич с остальными товарищами уселся в лодку. Вместе с ними отплывал и Левка. Он уже стоял на носу и хитро поглядывал на Черню, точно хотел сказать: "Вот, смотри, без меня не могут обойтись, а тебя тут оставляют".

Мы долго стояли на берегу. Кизир, мутный и недоступный, бежал вспугнутым зверем, точно спасаясь от кого-то. Лодку несло к черной скале, туда, где в тумане дико грохотал перекат. Долбленка то исчезала за пенистым хвостом отяжелевших волн, то дыбилась, пытаясь выскользнуть из зыби. Так она и исчезла в глубине темного леса. День был солнечный, и ничто, казалось, не должно было омрачать путь отплывшим людям. Мы условились встретиться через две недели под Фигуристыми белками, близ устья истоков Паркиной речки.

Товарищи начали переправлять имущество на правый берег Кизира. Мошков после операции чувствовал себя хорошо. Опухоль на руке спала, рана затягивалась.

Пока перебрасывали груз, Самбуев пригнал лошадей. Все они поправились. Но Бурка и Дикарка совсем одичали, и нам долго пришлось бегать по лесу, прежде чем удалось их поймать.

Переправа лошадей заняла несколько часов, причем не обошлось без неприятностей. Коня по кличке Сокол отнесло течением ниже переправы. Не найдя там пологого берега, он вернулся и, выбираясь из реки уже ниже устья Белой, распорол себе живот. Рана была большая и глубокая. Но пристрелить лошадь было жалко. Мы свалили Сокола на землю, зашили рану шелковой леской и, сняв узду, оставили его на произвол судьбы. Конь метался по берегу и так жалобно ржал, что сердце сжималось от сострадания.

Тайга, подошедшая с севера к Кизиру, встретила нас непролазной чащей. На неширокой береговой полоске, казалось, столкнулись в борьбе за каждый вершок почвы почти все породы леса, растущего в Восточном Саяне. Тут и кедры, и ели, и пихты, а между ними тополь, береза, ольха, черемуха, рябина. Это еще сравнительно молодой лес, пришедший на смену давно погибшей от пожаров тайге. Огромные деревья, когда-то украшавшие береговую полосу Кизира, завалили проходы, и нам пришлось взяться за топоры.

Когда чаща осталась позади, взору открылась слегка всхолмленная низина, ограниченная с востока и запада высокими, сглаженными к реке отрогами. Редкие кедры, покрывающие низину, низкорослы и чахлы. Это оттого, что растут они на сильно увлажненной, а местами даже на заболоченной почве. В глубине ложбин и по берегам ручейков виднелись ели. На всех деревьях лежал отпечаток сурового климата и холодных ветров, гуляющих зимой по низине.

Выбравшись из чащи, мы пошли быстрее и скоро увидели озеро.

К счастью, озеро оказалось богатым рыбой, больше всего окунем. Отсюда и названо оно Окуневым.

Отдав распоряжения по устройству стоянки, я свернул к ближайшей возвышенности, чтобы наметить путь на завтра. Черня сопровождал меня.

С возвышенности было хорошо видна неширокая низина. Нигде на Восточном Саяне нам не приходилось встречать столь пониженный рельеф в междуречьях, как в районе Окуневского озера между Кизиром и Ничкой. Перевал почти незаметный. Видимо, когда-то эта низина являлась продолжением долины Нички.

Я долго стоял на возвышенности, осматривал утопающие в вечерних сумерках долины. Вдруг Черня, лежавший возле меня, вскочил и, сделав прыжок, замер, напряженно всматриваясь вдаль...

Кругом было тихо, но Черня, вытянув морду, жадно вдыхал воздух и прислушивался. Затем он сделал еще два прыжка, на миг задержался и стремительно бросился вперед по редколесью. Сомнений не было, собаку взбудоражил находившийся где-то неподалеку зверь. Я подождал немного и стал спускаться к своим.

Лебедев и Козлов небольшой сеткой поймали около полусотни крупных окуней. В нашем меню давно не было рыбы, и можно представить, как все были довольны ужином!

Черня в этот вечер не вернулся. Не было слышно и его лая.

После ужина недолго играла гармонь, и все уgomонилось, только колокольчик на шее лошади тревожил лесную тишину. Медленно затухал костер. Молчаливая ночь повисла над нами.

Укладываясь спать, я взглянул на Павла Назаровича, почему-то решившего заняться хозяйством. Он стащил в одну кучу вьюки, сверху положил седло и все это покрыл палаткой, затем стал прибирать разбросанные вещи.

— Чего не спишь, Павел Назарович? — спросил я старика.

— Как бы утром не было дождя — вишь, потянуло с реки. Не к добру это.

Небо было чистое, звездное. Только легкий ветерок, прорвавшись от Кизира, лениво шумел по вершинам деревьев. Казалось, он не предвещал дождя.

"Напрасно беспокоится", — подумал я.

А Павел Назарович все еще возился под елью. Он сделал заслон от ветра, развел маленький костер и долго пил чай.

Выступление было назначено на ранний час. С рассветом все были на ногах.

Погода действительно изменилась. День начался без зари. Солнце всходило за тучами. Пока одевались, появился туман. Он то заволакивал отроги, то спускался в долины и, наконец, закрыл серыми шапками вершины гор. Пошел дождь.

Нам ничего не оставалось, как переждать непогоду. За чаем разговорились с Павлом Назаровичем о прогнозе.

— А тут дело нехитрое. Так оно получается: ежели в ясную ночь подует ветер снизу, будь это на реке или в ключе, добра не жди, непременно погода изменится, и обязательно к дождю. Скажем, ежели туман кверху лезет, по вершинам хребтов кучится — тоже к дождю, тут без ошибки. К непогоде и тайга шумит по-иному, глухо, птицы поют вяло; даже эхо в лесу, не откликается... Погоди-ка, кто это там бежит? — оборвал он рассказ, всматриваясь в мутное от дождя пространство.

К лагерю нашим следом бежал Черня, а за ним Левка. "Откуда же Левка появился? Ведь его взял с собой Трофим Васильевич. Неужели случилось что-нибудь?" — с тревогой подумал я. Еще более загадочным было — другое: каким образом его разыскал Черня?

Пока мы стояли в раздумье, вопросительно посматривая друг на друга, Черня стряхнул с себя влагу, обнюхал всех и, подойдя ко мне, завилял хвостом. Затем он уселся рядом и умными глазами посмотрел на меня в упор, как бы силясь передать этим взглядом что-то важное. А Левка ни к кому не подошел: видно было, что он напраказил.

— Иди сюда! — крикнул повелительно Прокопий.

Левка посмотрел на него вскользь и улегся под стоящей рядом молодой елью. Но стоило только Прокопию встать, как сейчас же поднялся и он.

— Иди сюда! — уже более мягко позвал Прокопий. Собака, поджав под себя хвост и семеня ногами, перешла под другую ель.

— Умный пес, ведь понимает, что нельзя было удирать от Трофима Васильевича, вот и стыдится, — говорил повар Алексей.

— Нет, тут что-то другое, — возразил Прокопий. — Я-то его знаю!..

Каких только предположений не было высказано по поводу внезапного появления в лагере Левки! Он принес с собой неразрешимую загадку: что же в действительности случилось с нашими товарищами? Неужели их постигло несчастье?

А дождь шел все гуще и холоднее. Все намокло, набухло, повисло. Кочковатая земля грязнилась лужами. В такую погоду дремлет зверь, забившись в чащу или спрятавшись в скалах, спит притихшая птица в густых хвойных кронах, мокнут лошади, согнув спины. Непогода умиротворила суету в лагере, люди притихли, кто спал, кто занимался починкой. Гасло пламя забытого всеми костра.

Прокопий сидел задумчивый, изредка посматривая на собак. Потом встал, ощупал у Левки живот, осмотрел на спине шерсть, заглянул несколько раз в уши, что-то доставал оттуда и удивленно качал головой. Затем он так же внимательно осмотрел Черню.

Не отрываясь от работы, я изредка поглядывал на собак. Они были мокрые и казались усталыми, вот все, что я мог заметить. Но Прокопий и на этот раз нашел ключ к разгадке. Усаживаясь у огня, он спросил:

— Левка был привязан к лодке? Павел Назарович заверил, что, отплывая, Трофим Васильевич собаку не привязывал.

— Тогда с нашими ничего не случилось, все понятно, — сказал Прокопий. — Ух ты, негодный пес, я до тебя доберусь! Все сало ищешь! — крикнул он на Левку.

Тот будто понял, что секрет открыт, виновато посмотрел на нас и поплелся под соседний кедр к Алексею.

Прокопий подсел к нам и, раскрыв ладонь, показал бурую шерстинку. Мы смотрели на его находку, ничего не понимая.

— Да ты толком расскажи, в чем дело. Может, зря ругаешь собаку, -- ворчал Павел Назарович.

— Тут и без рассказа ясно. Задушил медвежонка-пестуна, — и Прокопий передал Павлу Назаровичу шерстинку. Тот долго осматривал ее, а потом сказал:

— Что она от медведя — согласен, но почему именно от задушенного -- ей-богу, не понимаю.

Прокопий рассмеялся.

— Ну, тогда слушайте. Когда вы были на сопке, — обратился он ко мне, — Левка, видимо, где-то держал медведя и на его-то лай убежал Черня. А что действительно был медведь, тому доказательство — шерстинка. Лева не был привязан, поэтому можно предположить, что медведя он увидел где-нибудь на Кизире, увидел и спрыгнул с лодки. Пусть теперь Трофим Васильевич поищет его, будет знать, как непривязанных собак возить. Но это был действительно пестун, большого медведя им ни за что не задушить бы. Теперь понятно? -- спросил Прокопий.

Павел Назарович молчал.

— Ну, откуда ты взял, что именно собаки задушили зверя? — спросил я следопыта.

— Вот это, — сказал он, показывая каплю запекшейся крови, — я достал у Левки из уха. В брюшину мордой он лазил, сало доставал... Да и по морде видно — вся замазанная, даже дождем не смыло.

— Могло быть и так... — с расстановкой произнес Павел Назарович.

Тучи продолжали мутить небо. Не было, казалось, никакой надежды, что дождь сегодня перестанет и мы продолжим свой путь.

Вдруг из дальнего угла озера послышался слабый крик кряковой утки. Ей ответила синица. Легкий ветерок, сбивая с хвои влагу, пронесся по низине.

— Наверное, перестанет, — сказал Павел Назарович, осматриваясь кругом.

Над озером опять поплыл туман. Он густел, рос и скоро упрятал под собою и озеро и нас. А дождь все шел и шел.

— Посмотрите-ка, муравьи поползли, — заметил оживленно Павел Назарович.

— Ну и что же? — поинтересовался я.

— Значит, действительно перестанет; не зря они зашевелились.

Только теперь, внимательно прислушиваясь, я заметил оживление в природе. На небе появились проталины, выглянуло солнце. Какой-то необыкновенно нежный свет разлился по лесу. И тотчас же на склонах гор ожил туман. Послышались робкие звуки птичьих песен. "Выходит, не зря кричала кряква"... — подумал я.

Через полчаса разъяснилось.

Пока свертывали лагерь и седлали лошадей, я осмотрел озеро. Щетинистые берега были щедро политы дождем, напоившим до отказа почти голую землю. Тень от нависших елей падала на светлозеленоватую воду, прикрывая корявые стволы деревьев, свалившихся на дно озера. Густая водяная растительность переплеталась с сучьями и корнями этих деревьев. Всюду с веточек, с жестких ростков, со стеблей водяных лилий свисали гирлянды каких-то, неизвестных мне, ожерелий. Все это украшало дно водоема фантастическим узором. Ощущение чего-то таинственного оведало озеро, и если бы из него вдруг выглянуло неизвестное до сих пор чудовище,

это не показалось бы вовсе странным, наоборот, появление его вполне соответствовало бы тому, что окружало водоем.

Меня разобрало любопытство узнать, что за ожерелья свисают с сучьев растений? Я достал из воды одно, в виде тонкой нити, длиною сантиметров тридцать, и стал рассматривать. Она состояла из прозрачной массы, напоминающей студень, с красноватыми бусинками в середине, расположенными рядом одна возле другой. Мне бы не догадаться, что это такое, но когда я увидел проплывающих близ берега парочками окуней, понял, что это их икра. В отличие от других рыб, населяющих воды Восточного Саяна (тайменя, ленка, хариуса и налима), окунь мечет икру, выбрасывает ее не отдельными икринками, а именно нитями.

Обилие окуня в озере помогло нам пропитаться сутки рыбой и даже взять килограммов десять с собою в дорогу. Мошков и повар Алексей остались на биваке делать запасы на будущее, а мы тронулись дальше по направлению к Ничке.

От озера, по еле заметному скату, шла звериная тропа, но свежих следов на ней не было. Видимо в летнюю пору ею пользуются сохатые и маралы, прибегающие на озеро купаться. Это обычно бывает в период, когда в тайге властвует гнус. Мы видели на тропе и помет диких оленей. Эти животные здесь проходят осенью и весной, кочуя с летних пастбищ на зимние и обратно.

Отряд продвигался быстро по низине, покрытой редколесьем. День так и не разгулялся. Солнце то появлялось, то исчезало, и к вечеру снова пошел дождь, но мы уже были на Ничке.

Для ночевки выбрали маленькую поляну за старой протокой. У самого берега Нички. Когда-то это был остров, но река изменила русло, и протока, отделявшая его от берега, высохла. Как только вышли на поляну, все дружно принялись за устройство лагеря: ставили палатки, таскали дрова, расседывали и отпускали на корм лошадей. Вспыхнул костер, и все стали сушиться. Я вышел на берег.

Река, сжатая с обеих сторон неприступной стеною леса, пенилась, вздымая валы, и стремительно скользила мимо. В мутном потоке уплывали от родных берегов смытые водою гигантские деревья. Сопrotивляясь течению, они вспахивали корнями русло, прудили реку и обваливали берега. От черных туч вдруг потемнело. Сдвинулись утесы, и в долине стало тесно. Ветер глотал и уносил в ночь шум не в меру разыгравшейся Нички. Молчаливые тучи вдруг распахнулись голубой бездной, на миг осветив далекие горы, макушки елей, холодную зыбь реки, и мы впервые в этом году услышали раскаты грома.

Забившись в палатку, при свете свечи наскоро поужинали и легли спать... Больше сгустился мрак. Ветер, злой и холодный, гнал ливень. Давилась ревом Ничка. Падали подмытые водой ели-великаны, бросая в ночное пространство пугающий предсмертный вопль. Молния в ключья рвала черный свод неба, непрерывно грохотал гром. Ущелье мучительно стеноло. Под вой разыгравшейся непогоды крепко спали люди, и никто не заметил, как подкралась беда.

— Поднимайтесь, потоп! — разорвал сон чей-то голос.

Мы вскочили. С реки доносился треск и шум, тоскливо выл Черня, тревожно кричали кулички. Мы с Прокопием выскочили из палатки. Дождя не было. Красной бровью занималась заря. Приютивший нас остров исчезал под водою разгулявшейся Нички. Вместе с деревьями обваливались подточенные берега. По пересохшей протоке, отделявшей остров от материка, хлынула грязной волною река. Отступить было некуда. Поднялась суматоха. Спросонок люди хватали вещи и, не зная, куда бежать, топтались на месте. Самбуев бросился искать лошадей и вернулся, — всюду вода и вода. Она уже обошла со всех сторон поляну и зловеще надвигалась на палатки.

Мы видели, как остервеневшая река набрасывалась на изголовье острова. Вздрогнули старые ели, поредели их вершины, и деревья, защищавшие от воды сотни лет этот небольшой клочок земли, вдруг раздвинулись и с треском стали валиться в реку, безнадежно пытаясь удержаться корнями за подмытую почву. Масса воды давила на нас. Где-то за протокой тревожно ржали растерявшиеся лошади.

Нужно было немедленно что-то предпринять, вода угрожала смыть вместе с островом и нас. По совету Павла Назаровича мы срочно приступили к сооружению плотов, без которых невозможно выбраться из ловушки. Работали два с лишним часа, не зная передышки. Никто не ожидал команды. Но беспокойный старик то и дело покрикивал:

— Торопитесь, ребята, иначе снесет.

И люди с новой силой принимались таскать вещи; дружнее стучали топоры. А вода все яростнее прибывала и уже затопляла край поляны.

Плоты, наконец, были готовы. Не теряя ни одной секунды, мы разместили на них все наше имущество и собак. Оказалось, что плоты едва могут выдержать этот груз. А ведь нужно было поместить еще восемь человек!

Пришлось дополнительно довязать несколько бревен. Скоро вода ринулась через остров.

— На плоты! — повелительно крикнул Днепровский.

Все бросились к плотам. Я схватился руками за крайнее бревно, а рядом держался за сучок Самбуев. На плоту оказались Лебедев и Павел Назарович, а мы должны были следовать за ними вплавь, так как "судно" и без того было перегружено.

Не успели отплыть и двадцати метров, как заднюю часть нашего плота накрыл вершиной упавший кедр. Плот завертелся, накренился. Послышался отчаянный крик. Тонул, придавленный сучьями, Самбуев. Лебедев бросился к нему на помощь. Ловким ударом топора он отсек вершину кедра, а Павел Назарович успел толкнуть шестом плот вперед. Мы увидели выплывшего на поверхность Самбуева.

— Где моя буденновка? — кричал он, отфыркиваясь и смахивая кровь с исцарапанного лица.

Лебедев сильным рывком выбросил его на плот, а Павел Назарович, заметив, что перегруженный плот начал тонуть, спрыгнул в воду. Он, так же как и я, схватился руками за связанные бревна, и, подхваченные течением, мы понеслись вниз по реке. Лебедев, широко расставив ноги и упираясь ими в бревна, забрасывал шест далеко вперед и, наваливаясь на него всем корпусом, пытался подтолкнуть плот к берегу. От чрезмерного напряжения лицо его налилось кровью. Я совсем застыл в холодной воде, все болело, словно сотни острых иголок впились в тело. У Павла Назаровича судорогой свело руки и ноги, лицо исказилось от боли. Он стал захлебываться и тонуть. Это было вблизи берега. Лебедев бросился на помощь, взвалил Павла Назаровича к себе на плечи и, шагая по груди в воде, вынес его на берег.

Мы с Самбуевым задержали плот, привязали его к дереву и вышли на берег. Второй плот причалил несколько выше. Тотчас прибежал со спичками Прокопий.

Мы, сняв мокрую одежду, отогревались у костра.

Буря миновала, но вода в реке продолжала прибывать. Размывая берега, она все больше пухла и пузырилась.

Остров проглотила река. Вырванные деревья, беспомощно раскинувшие ветви, уносило течение в неведомую даль. И только один, самый старый кедр еще долго единоборствовал с рекою. Но вот и он качнулся, хрустнул под ним корень; еще качнулся, и словно в испуге задрожала его курчавая вершина.

Мы видели, как этот великан, сопротивляясь, все больше клонился к воде, как выворачивались из-под него огромные пласты размокшей земли. И наконец он рухнул в муть объявшего его потока и печально застонал, еще пытаясь удержаться корнями за пни срубленных нами деревьев.

Берег осветило выглянувшее солнце. От костра в застывшую лазурь неба струился сиреневый дымок. Проснулся разбуженный весенним утром пернатый мир. Только что пробившаяся зелень расправляла нежные ростки, примятые дождем. В лучах света горели волшебными фонариками капли влаги, не сбитые ветром с хвои. Словно очумелый, пронесился шмель, перекликались трясогузки, собирая на проплывающем наноснике букашек. Все снова оживило, порхало, казалось, никто и не заметил исчезновения острова. Только Ничка, набирая силы, все еще теснила берега.

Никто из нас уже не вспоминал о пережитых минутах смертельной опасности, рассказывали только смешные эпизоды, происшедшие во время утренней суматохи. Курсинов, например, прыгая на плот, зацепился штанами за сучок под водою, упал и чуть не захлебнулся. Плот-то он догнал, а штаны и один сапог оставил на сучке. Не до них было! Левка, пользуясь всеобщим замешательством, вылакал котел ухи, приготовленной еще с вечера для завтрака.

В полдень, наконец, вода Достигла максимального уровня и через два часа стала медленно отступать от берегов, оставив на отмелях золотистый кант из принесенной хвои.

Самбуев пригнал лошадей. Они еще до наводнения перешли протоку и провели эту ужасную ночь в береговом лесу.

Так неудачно закончилась наша вторая встреча с Ничкой. Случай на острове послужил нам серьезным предупреждением, и мы надолго запомнили, как опасно в непогоду ночевать на берегу горной речки, а тем более на острове.

Просушив одежду, груз, седла, мы решили продвинуться вперед. Вода оставила много хлама, наносника в пониженных местах долины и так напоила и размочила почву, что продвигаться по ней оказалось не легко. Лошади вязли по брюхо в грязи, заваливались, не смолкал крик погонщиков. Так нам и не удалось пробраться вдоль берега. Пришлось свернуть к отрогу, но и там не повезло — натолкнулись на завал погибшего пихтового леса. Застучали топоры, раздвигая сушник, пробудилось эхо, завиял караван по узкому проходу. Мы то возвращались назад, то останавливались, чтобы передохнуть и разведать путь.

До вечера с трудом прошли всего лишь километра три. Заночевали на первой поляне, совсем недавно освободившейся от снега, и еще не одетой в зелень.

Пока устраивали бивак, я решил выйти на вершину ближнего отрога, хотелось увидеть завтрашний путь, и втайне намеревался поискать на вчерашней кормежке зверя.

На террасах, по карнизам, на крошечных полянках, примостившихся между скал, я видел совсем свежие следы маралов. В это время они охотно посещают открытые солнцепеки отрогов в поисках зелени.

С отрога было хорошо видно верховье Нички с безымянными ключами да оставшийся позади путь, прикрытый серыми латками мертвого леса. Высоко надо мною парили два черных коршуна. Они поднимались все выше и выше, изредка роняя на землю прощальные звуки. В безмятежную даль уплывала река, пронизывая холодным жалом ключья нависшего тумана. Гасли дали. Кажется, никогда с такой ясностью не замечаешь покоя в природе, как в первый вечер после бури.

Надвинувшийся сумрак заставил меня вернуться на бивак. Не торопясь я спустился по отрогу, изредка осматривая глубину ущелья да открытые склоны, все еще надеясь увидеть зверя. Неожиданно на снежном поле, между скал, мелькнуло что-то большое, черное. Я замер. "Сохатый! И движется прямо на меня. Откуда такое счастье!"

Ремень ружья неловко зацепился за сук кедра, и я замешкался. А сохатый уже несся к гребню. Остается еще два-три прыжка... Наконец я освободил штуцер, но не успел поймать зверя на мушку, как он исчез. Я бросился вперед и, споткнувшись о корни, распластался на земле.

Снизу доносился треск падающего сухостоя. Сначала громко, затем реже и тише. Над головою нежно засвистел рябчик.

— Ты еще тут! — крикнул я с досадой.

Да и как было не злиться. Зверь ушел. Сколько мяса упустил! Нам хватило бы его дней на десять. Невольно вспомнил про холодец из сохатиной губы, про печенку, жаренную на вертеле. Было о чем пожалеть... А рябчик продолжал насвистывать свою беззаботную песенку. Я спустился в долину ночью. Шел неохотно, словно провинившись. Товарищи, поджидая меня, не ужинали.

— Жаль, ой, как хочется мяса, ведь без него мы Кубарь не одолеем... -- говорил Курсинов, опечаленный больше меня неудачей.

В семь часов утра мы уже пробирались через мертвую тайгу.

На пути лежал непроходимый бурелом. Мы выбивались из сил. Голодные лошади неохотно шли вперед к черным, еще не отогретым солнцем мысам. А лес не сдавался. Мы остановились, не зная, что делать. Нечего было и думать пробиться по Ничке до следующего распадка.

— А ты не помнишь, как вчера сохатый спустился в долину, шагом или махом (*Махом — бегом, большими прыжками)? — вдруг спросил меня Прокопий и предложил пойти разыскивать след зверя.

Я согласился из любопытства, чтобы узнать, какие выводы сделает Прокопий, когда мы определим, как именно пошел зверь от оврага.

Скоро на снегу, покрывавшем северный склон отрога, мы увидели следы зверя. Он спустился в долину крупными прыжками и пошел завалом. Прокопий медленно шагал, внимательно рассматривая крупные отпечатки копыт на земле. Через двести метров следопыт остановился.

— Здесь вот он стоял, видимо прислушивался, не преследуют ли его. А вот старый след, значит тут он раньше проходил, — и на лице Прокопия появилась радостная улыбка.

— Хорошо, что ты не убил его: он поможет нам пройти завал, — говорил Прокопий, пробираясь между сваленными друг на друга сучковатыми стволами.

Неспроста этого зверя зовут "лесным бродягой". Он ловко пробирается по завалам, перешагивает через любой колодник, умело выискивает проход через бурелом или топи.

Прокопий по пути сламывал сучья и изредка делал на деревьях затесы. Но странно, след сохатого все настойчивее поворачивался к реке, и чем ближе мы подходили к ней, тем мрачнее становилось лицо моего спутника.

— Наверное, ушел через Ничку. — Лучше бы убил ты его, — бормотал Прокопий.

На берегу след пропал. Зверь прыгнул в реку.

Прокопий попросил меня подождать, а сам решил пройти берегом вверх.

— Напрасно, — сказал я ему, — не пройти нам тут, нужно скорее переправляться на другую сторону или идти в обход по отрогам.

Но он не послушался, ушел.

А солнце, поднявшись высоко над горами, заливало радостным светом этот безжизненный уголок долины.

Я долго сидел на берегу и, скучая, всматривался в печальный пейзаж погибшей тайги, окруженной могильной тишиной. Какая неповторимая печаль лежала на сучковатых обломках упавших стволов. Вдруг издали послышался свист, а затем и крик. Я, не задумываясь, полез по завалу к Прокопию. Он стоял на крутом берегу.

— Вот где зверь вышел, — сказал Прокопий, показывая ясный отпечаток копыт на разрыхленной сырой земле.

Оказывается, сохатый обошел неприступный бурелом рекою. Метров триста он брел по воде, затем вылез на берег и ушел вверх. Это открытие было для нас как нельзя более кстати. Теперь и я поверил, что след зверя поможет нам добраться до зеленой тайги.

— Хорошо, что ты не убил его, — повторил Прокопий и рассмеялся.

Мы возвратились к своим и вместе с караваном, добравшись до отрога, свернули по звериному следу. Дружный стук топоров да крик погонщиков не смолкали. Отряд настойчиво пробирался вперед. Безустали работали люди.

— А зачем тебе нужно было знать, шагом пошел зверь от отрога или махом? — спросил я Прокопия.

— Если зверь напуган, он пойдет напролом, по любой трущобе. Тогда его следом лучше не ходи. А вот когда он идет спокойным шагом, то зря никуда не ползет. И если он тут когда-нибудь раньше проходил, все равно дорогу помнит, особенно сохатый. Он ведь любитель бродить по завалам.

Мертвая тайга постепенно редела. Все чаще попадались зеленые кедры. Несмотря на недостаточный завтрак, все шли бодро. Удачный маршрут через бурелом к

зеленому лесу поднял у нас настроение.

В полдень мы сделали привал на маленькой поляне, протянувшейся вдоль берега реки. Тут еще местами лежал снег. О весне напоминал только южный ласковый ветерок.

Короткий отдых восстановил силы. Мы тронулись дальше с намерением добраться к вечеру до поворота на Шиндинский хребет.

Звериная тропа, попавшаяся нам, становилась все более заметной. На ней чаще встречались свежие следы. Весной этой тропой пользуются главным образом маралы, чтобы попасть с северных склонов Манского белогорья в долину Кизира.

Не лишне сказать несколько слов о марале. Когда вспоминаешь этого гордого, грациозного оленя, невольно перед тобой встает картина поднебесных гор, с зазубренными вершинами, с травянистыми мысами, с бурными речками, с затяжными осенними туманами, с брачной песнью марала. Вспомнится все это, и горькой тоской защемит сердце. Снова и снова захочется увидеть наяву знакомые горы, прикрытые волнистой шубой кедровых лесов, и звериные тропы, убегающие к далеким белогорьям...

Марал — подвид благородного оленя, обитает по всему Восточному Саяну и далеко за его пределами, на восток, юг и запад. Это крупный парнокопытный зверь. В зрелом возрасте самец нередко достигает в высоту 160 сантиметров, а его живой вес, в период максимальной упитанности (начало сентября), доходит до 300 килограммов.

Самка меньше и легче. Летом марал имеет рыжую окраску, но к осени она постепенно светлеет и к зиме становится серой. Вокруг хвоста он носит светложелтое зеркало, довольно широкое и далеко заметное.

В марте на комолой голове самца появляются черные вздутия. Они растут, пухнут, раздваиваются и постепенно принимают форму будущих рогов. В период роста эти мягкие, нежные и болезненно чувствительные вздутия называются пантами, из которых изготавливают медицинский препарат — пантокрин. Со второй половины июля вздутия постепенно костенеют, с них сваливается бархатистая кожа, и незадолго до брачной поры (*Брачная пора у маралов в Восточном Саяне начинается 6 — 8 сентября) голова марала украшается красивыми симметричными рогами, способными принять бой, отразить нападение соперника. В осеннюю пору осторожный, слишком недоверчивый и пугливый марал становится злым, раздражительным, в каждом самце видит соперника и врага. Тогда-то безмолвие тайги и оглашается его зычным ревом.

Зимой у оленя рога отпадают. Создается впечатление, будто они нужны ему лишь для короткого периода спаривания, когда зверю приходится в смертельных схватках с соперником отбивать или защищать самку. Рога действительно у оленей развились под влиянием полового подбора — пока самец сходится с самкой, происходит ежегодная смена рогов. В глубокой же старости прекращается их рост, они теряют симметричность, торчат как пеньки, без отростков.

Как только весеннее солнце обогреет тайгу, маралы покинут места зимовок и еще по снегу начнут пробиваться к вершинам гор, поближе к альпийским лугам. Там, под сводами мрачных скал, в золотистой кашкаре (*Кашкара -- растение из семейства вересковых с лепестками светложелтого цвета) или в береговых зарослях ледниковых озер матки маралов родят своих пятнистых телят. Взрослые же самцы поднимаются на жировку выше, к границе леса. В жаркие дни и в период гнуса маралов можно встретить на белогорьях и в холодных цирках, где они обычно отдыхают под тенью скал.

В начале сентября взрослые самцы покинут посеребренные снегом белогорья, спустятся к маткам в тайгу. Там они проведут брачный месяц в беготне, в жарких схватках, нередко со смертельным исходом. А за это время покроется тайга цветными лоскутами, лягут туманы по ущельям, по вершинам загуляет холодный буран. Печально станет в природе. Неохота маралу покидать места летних кочевий, но неумолимая зима уже прикрыла подножный корм, завалила снегом тропы, и зверь

вынужден отступать далеко в глубь тайги в более низкие места, где мельче снег. Долгой покажется ему скупая холодная зима. С нетерпением он ждет теплых весенних ветров, чтобы снова и снова подняться к родным белогорьям.

Раннею весною, когда мы проходили по Ничке, маралы больше придерживались крутых увалов и зеленых скал. Любят они в солнечный день отдыхать, примостившись на самом краю обрыва.

Солнце уже спустилось за горами, а мы все еще шли, выбирая место для ночевки.

Чем выше мы поднимались по реке, тем уже становилась долина. Поляны остались позади. Пришлось разбить лагерь в редколесье, недалеко от берега.

КУБАРЬ ГНЕВАЕТСЯ

Ночные звери. Лошади отказываются идти дальше. Ночевка под гольцом. На вершине Кубаря. Шишки на кедрах весною. Буран. Какое счастье огонь. Сокол остался жив.

Мы очень устали. Одежда вымокла. Хотелось есть. Но наши продовольственные запасы были слишком ничтожны по сравнению с аппетитом: несколько горстей муки, крупы, с килограмм сахара, две банки молочных консервов — вот и все. Но и это решили приберечь на тот случай, если придется поднимать груз и лес на вершину хребта. Ограничивались чаем.

Павел Назарович высыпал из котомки крошки сухарей на полу однорядки, молчаливым взглядом подсчитал количество людей и стал по щепотке делить свой драгоценный остаток. Все насторожились, внимательно следили за движением его рук и каждый видимо, завидовал поступку старика, — ведь голоду чужда добродетель.

— Берите, домашние, нечего их таскать, — сказал Павел Назарович с полным равнодушием, будто сухари потеряли для него ценность.

Ночь была темная. Настороженно притихла Ничка. Из-под скал пахло холодом, и тотчас же треснул у берега застывший тонкой коркой лед. Спокойно, без искр горели крестом сложенные дрова. Все спали. Я еще сидел за дневником, вспоминая прошедший день. Вдруг Черня и Левка забеспокоились, стали нюхать воздух. Я схватил шуцер и прислушался. Что-то прошумело. Вскоре звуки повторились уже ближе к Ничке. Затем послышался плеск воды. Зверь бросился через реку. Минуты через три он уже был на противоположной стороне и, стряхнув с себя воду, прогремел по гальке. Оказалось, что несколько выше лагеря наша тропа уходит на правый берег Нички. И звери, спускавшиеся ночью в долину Кизира, переходили реку, но, увидев лагерь, в недоумении останавливались и бросались обратно.

— Зверь пошел, — сказал утром Прокопий, осмотрев тропу. — Тепло чует, на увалы торопится.

Нам было очень выгодно, воспользоваться звериным бродом, а так как уровень воды в реке держался высокий, пришлось делать плоты и на них переплывать реку. Лошади добрались до противоположного берега вплавь.

От Нички мы пошли в западном направлении. По склонам Шиндинского хребта кедровая тайга завладела и пологими отрогами и глубокими распадками. На дне котловины виднелись кусты ольховника да в тени старых деревьев — рябина. Путешествовать по такой тайге скучно, однообразно. Деревья вокруг нас были так похожи друг на друга, будто все они родились в один день. Подлеска почти нет. Молодые кедры погибают в раннем возрасте, заглушенные тенью старых деревьев.

Через несколько часов караван подошел к крутизне. Лошади, выбираясь на нее, горбили спины, звенели по россыпи подковы, рвались нагрудники, сползали вьюки. Но выбраться до границы леса нам так и не удалось. Пришлось освободить животных и вернуть их с Самбуевым на Ничку, так как под гольцом еще лежал снег и не было для них корма.

Наскоро организовав лагерь, мы, не теряя времени, нагрузились рюкзаками и тронулись дальше. В размякшем снегу стыли ноги, ремни резали плечи, подъем

становился круче. Нужно было торопиться — солнце уже скатывалось к горизонту. Еще один подъем, еще небольшое усилие, и мы на границе леса. Там решили организовать склад, перенести туда из лагеря груз, а затем уже вытаскивать его на вершину Кубаря.

Нас приютил горбатый кедр, изувеченный ветрами да зимней стужей. Он рос несколько выше остальных деревьев и был наказан увечьем за дерзкую попытку пробраться вперед к суровым скалам.

Следы борьбы за существование лежали на всех растениях подгольцовой зоны. Деревья были маленькие, корявые и дупляные. Много сил тратят эти кедры, чтобы посеять жизнь на каменных склонах гольца, освежить своим присутствием темные своды цирков, украсить берега ледниковых озер. Деревья гибнут, но не отступают, их потомки продолжают бороться, надеясь отвоевать у мрачных отрогов лишней метр для своего потомства. И только самые неприхотливые растения — рододендроны (*Рододендрон — растение из семейства вересковых), кашкара, бадан, черника — чувствуют себя здесь неплохо. Они почти безразличны и к солнцу и к сырости.

Передохнув немного, товарищи ушли вниз за грузом, а Павел Назарович и я поднялись на верх отрога.

Преодолев огромное поле еще не тронутого солнцем снега, мы выбрались на одну из вершин южного отрога Шиндинского хребта. На востоке, сквозь синеву угасающего дня, виднелись гряды остроконечных гольцов. Справа и слева -- всюду горы, седловины, пропасти, и кажется, нет ни конца им, ни края, как и лесу, черной лентой опоясывающему эти горы. Мы были окружены таким безмолвием, будто все вымерло или никогда и не жило. Разве только горный обвал гулко отзовется в тишине, да на заре, в осеннюю пору, протрубит свою брачную песню марал. Все вдруг сколыхнется, словно пробудятся горы. Но это только на миг, чтобы снова надолго уснуть.

Мы с Павлом Назаровичем изредка поглядывали друг на друга. И с чувством невольного восхищения перед мощью природы возникала у каждого из нас радостная и горделивая мысль: придет срок, а он уж недалек, и советские люди нарушат эту первозданную тишину грохотом взрывных работ и шумом мчащихся поездов.

С отрога были видны Чебулак, Козя, Окуневый и стены недоступных гольцов, протянувшихся по горизонту от Канского белогорья до Фигуристых белков. Хорошо был виден и Шиндинский хребет. Он почти плоский. Тупые оголенные вершины будто сглажены ветром, а склоны усеяны черными россыпями угловатых камней и неприхотливыми лишайниками. Внизу, под крутыми отрогами хребта, кедровая тайга. По ней, словно пунктир, полосы рек и пятна снега.

Павел Назарович отдыхал, склонившись на посох, и, не отрывая глаз, любовался далью.

— Э-вон, видишь разлапый голец — Хайрюзовым белком зовется? — сказал старик, проткнув палкой вечерний сумрак. — Когда-то я там соболей гонял, давно это было... — и Павел Назарович призадумался, что-то вспомнилось, и защемило до боли старческое сердце.

Глядя на старика, на его грустное лицо, на глаза, переполненные раздумьем, верил, что над ним довлеет власть тайги, власть гор и никогда не забыть ему ни костров у обмета (*Обмет — редкая сеть с бубенчиками, которой ловят соболя), ни снежных буранов, ни порванных строчек соболиных следов. Велика над ним и власть воспоминаний.

— Да, прошло, птицей пролетело, — вырвалось у него горькой обидой.

Он встал, потоптался на месте, и мы уже хотели спускаться.

— Что-то я хотел спросить тебя, да вишь, память какая, хуже решета, ничего не держит... Вспомнил. Там под Хайрюзовым белком озеро. И скажи, пожалуйста откуда туда могла рыба попасть? Во-о какой хариус! — показал он руку до локтя.

— А вода вытекает из него? — спросил я.

— Вытекает, и много, только рыбе по ней ни за что не подняться. Посмотрел бы с каких скал падает, что бешеная, страшно смотреть... Где там рыбе пройти,

измочалится.

— Если ей не подняться, то, вероятно, птицы случайно занесли туда икринки из другого водоема, рыба и развелась. Так бывает.

— Может быть... В природе всякая живность или друг другу помогает или съедает, — согласился Павел Назарович.

Поздно мы вернулись на стоянку. Ночевали под кедром у костра. Горсточка вареного риса и все тот же неизменный чай составляли наш ужин. Всего этого было слишком мало, чтобы удовлетворить аппетит. Нам нужно было выработать в себе равнодушие к пище, стараться не замечать пустоты в желудке, что очень трудно, ведь у голода беспощадная природа! Хватит ли у нас сил преодолеть ее, прокормят ли незваных пришельцев Саяны?!.. Чем дальше мы уходили в горы, тем чаще вставал передо мною, этот неразгаданный вопрос.

Последние дни мы жили в непрерывном движении. Нужна была передышка: наша одежда и обувь изнашивались. Но нечего и думать о дневке до окончания работы на Шиндинском хребте. Завтра начнем штурм его главной вершины -- Кубаря.

Спали тревожно. Дрова то вспыхивали жарким пламенем, то гасли. Средний ветерок, меняя направление, охлаждал тело. Рано утром нас разбудил крик кедровки.

Павел Назарович пошел выбирать лес для пирамиды, а я занялся техническими делами. Вскоре подошли с грузом остальные. Они принесли с собой глухаря, убитого по Дороге Прокопием, и через час мы пировали. Каким вкусным был тогда суп!

Нагрузившись котомками, мы покинули свой приют и сразу пошли на подъем. На крутых откосах мялся под ногами снег, на выветренных гребнях стучала гладкая россыпь. Руки то и дело хватались за шероховатую поверхность камней, чтобы удержать равновесие. Цепочка "каравана" разорвалась.

Вот уж недалеко и вершина Кубаря. Солнце ярко освещает его заснеженный купол. Но подъем становится еще круче, сузились шаги, участились остановки...

По пути нам часто попадались старые следы диких оленей но зверей мы не видели. Вообще здешняя природа благоприятствует этим животным. Освободившиеся от снега гребни покрыты толстым слоем нежного ягеля, излюбленного корма оленей. Такого большого количества белой куропатки, как здесь, мы ни в каких других районах Восточного Саяна не встречали. Для нас это было просто находкой: потеряв надежду увидеть зверя, мы радовались и пташке.

В одиннадцать часов отряд достиг вершины. Словно упала завеса, и взору открылась величественная панорама гор. Все было полито щедрыми лучами весеннего солнца, изукрашено тенями зубчатых скал да пятнами тающих снегов. В это время на Саяне происходила смена времени года, исчезала зима, неохотно уступая место звонкой, цветущей весне.

Пока расчищали площадку под геодезический знак, Прокопий принес шесть куропаток и горсть шелухи от кедровых шишек.

— А это для чего, суп, что ли, заправлять? — спросил его Курсинов.

— Где-то поблизости есть шишки на кедрах.

— Ну, ты, Прокопий, чудить начинаешь, — в мае шишки на кедрах нашел!.. — смеялся Курсинов.

— Знаю, что не бывает, но вот шелуха совсем свежая и сухая. Шишка, перезимовавшая на земле, темнее, а это — смотри... Причем много шелухи я видел тут на гребне, значит, недалеко шишку берет кедровка.

К вечеру весь груз был на вершине гольца. Прокопий настоял на том, чтоб пошли с ним на поиски необычайного кедровника с шишками.

Мы не торопились, часто останавливались, и прислушивались. Я уже готов был раскаяться, что пошел, как вдруг Прокопий задержался и подал мне знак.

— Слышишь? — показал он рукой в распадок.

Как я ни напрягал слух, никаких звуков не уловил.

Прокопий махнул безнадежно рукой и быстро зашагал вниз. Я пошел за ним.

Метров через двести он остановился. Только теперь я услышал отрывистый крик кедровок, доносившийся из глубины распадка. Мы спустились туда — и поразились:

на вершинах старых и молодых кедров висел богатый урожай прошлогодних шишек. В лесу творилось нечто необычное. Воздух был наполнен криком кедровок, порхавших по вершинам деревьев. При виде нас бурундуки, издавая характерный писк, удирали под колоды или взбирались на кедры. Много попадалось лесных птиц: поползней и гаичек. Мы видели пеночек, славков, юрков. Даже безразличные к ореху птички — и те слетались в этот необыкновенный уголок тайги.

Судя по всему, сбор урожая начался всего несколько дней назад. Мы видели массу свежих шишек и не могли понять, почему до сего времени они оставались нетронутыми.

Эту ночь решено было провести в кедровнике. Прокопий пошел на стоянку за товарищами, а я должен был до их прихода собрать орехов. Но не тут-то было. Шишки не падали. Их нужно было срывать руками. Хорошо, что скоро подошли товарищи. Общими силами мы собрали мешок шишек.

Никто и не подумал о сне. На костре варился ужин из куропаток. Правда, мясо их оказалось жестким, словно на птицах сказались суровые зимы и холодные ветры, как и на растениях подгольцовой зоны Саян. Зато шишками были все довольны. Даже Левка и Черня с жадностью поедали орехи.

Утром мы заготовили орехи на обратный путь.

Станным показалось нам, что утром в кедровнике не было той суетни, какую мы наблюдали вечером, будто любители полакомиться орехами еще спали. Но позднее, когда солнце стало пригревать, появились птицы, бурундуки, и лес снова наполнился шумом. Это-то и навело нас на разгадку. Видимо, шишки с осени так крепко держались на ветках, что ни ветер, ни птицы не могли их сбить. Так они и прозимовали, скрепленные необычайно клейким веществом. Но в мае, под действием солнечных лучей, это вещество теряло свою клейкость и шишки становились доступными всем, но только днем, пока грело солнце.

Нам очень хотелось поскорее закончить работу на этом скучном хребте.

Поднявшись утром на вершину, мы трудились, напрягая силы: прибавали перила, устилали площадку, закрепляли цилиндр. Конец был близок. Но погода изменилась. Из-за скалистых хребтов, что громоздились на востоке, показались взвихренные облака. Где-то прошумел ветер, и сейчас же исчезла с глаз стайка стрижей, весь день упражнявшихся над нами в стремительных виражах.

Нам оставалось только долить тур, и можно спускаться. Уже сложили инструменты и снаряжение. Второпях забивали последние гвозди, когда внезапно налетела туча. Сразу потемнело, и ветер, набирая силу, заиграл по хребту. Лебедев, Прокопий и я решили закончить тур, а остальным предложили немедленно спускаться на Ничку, в лагерь. Резко похолодало, можно было ожидать и снега, и мы боялись, что Самбуев не удержит лошадей.

После ухода товарищей мы еще около часа находились на вершине. Цемент стыл, руки не разжимались, холод пронизывал тело. Но нужно было непременно долить тур, иначе пришлось бы задержаться еще на день, а то и больше.

Погода не улучшалась. Бурные порывы ветра, играя хлопьями снега, то бросали их на землю, то сейчас же подхватывали и уносили неведомо куда. Справа из-под Хайрюзового белка неслась муть густых облаков, заслоняя потускневший закат. Зачерствел снег. Где-то на перешейке одиноко кричала куропатка.

Подгоняемые разыгравшейся непогодой мы скоро закончили работу на вершине и промерзшие, что называется, до костей спустились в кедровник на стоянку. Сразу приступили к устройству ночлега. Исхлестанная ветром тайга стонала. Тучи, мешаясь, засыпали измученную землю снегом. С треском падали деревья.

Ночью заснуть не удалось. Ветер врывается в щели заслона, под кедр, обдавал нас ледяным холодом и уносил с собой тепло костра. До утра просидели у огня.

Одна мысль не покидала нас: нужно идти на вершину хребта, чтобы снять формы и облицевать тур, причем сделать это немедленно, ибо внизу из-за выпавшего снега голодали лошади, и их нужно было скорее вывести к Кизиру. Но как идти? Снежный

буран не ослабевал, было холодно, и только необходимость могла заставить нас покинуть ночлег.

Лес представлял теперь жалкое зрелище. Всюду лежали только что сваленные деревья со сломанными ветками и вывернутыми корнями. А кедр, который еще сопротивлялся буре, был сильно потрепан. Все вокруг обледенело, попрятались обитатели тайги, и только одни мы сопротивлялись стуже, подставляли ветру то одно, то другое плечо. Мы кутались в фуфайки, но холод леденил тело, сковывал веки, сжимал дыхание. А под ногами мягкий снег, подниматься по нему стало еще тяжелее.

Наконец вершина. Ничего не видно, кроме построенной нами пирамиды. Все утонуло в сером море снежного бурана. Прокопий, не мешкая, опробовал молотком бетон и концом топора стал отдирать опалубку. Но не успел он снять ее, как тур на наших глазах стал уменьшаться, пополз в разные стороны и развалился. Несколько секунд мы стояли, не зная, что делать, — так неожиданно это случилось. Оказалось, что бетон не скрепился, а промерз. Мы с отчаянием смотрели на глыбы серой массы, а холод пронизывал тело. Нужно было любой ценой восстановить тур. Пришлось наскоро сбить форму и, установив ее как нужно, стали укладывать обратно промерзшие глыбы бетона. У нас не было ни лопаты, ни ведра — работали руками.

Наконец бетон вложен, но тур оказался слишком маленьким. Оставаться дольше на вершине было невозможно — руки и ноги не подчинялись, да у нас и не было с собой материала. Каждый же лишний час, проведенный на вершине, мог оказаться гибельным.

С трудом добрались до тайги. Одежда на нас застыла коробом, тело потеряло чувствительность, челюсти сводила судорога. Пальцы на руках заоченели и так обессилели, что никто из нас не мог достать из коробки спички и зажечь их. В сознание ворвалась страшная мысль ненужной развязки. Поплыли мысли. Но жизнь упрямо сопротивлялась. Прокопий воткнул загрубевшие от цемента руки в снег и держал их там до тех пор, пока они не отмякли.

— Распахните мне грудь, — процедил он.

Лебедев зубами схватил край полы телогрейки и резким движением головы сорвал с нее пуговицы. Прокопий, заложив руки подмышки, забегал вокруг кедра.

Минуты через три он остановился и достал согретыми руками коробку. На наших глазах он медленно вытащил из нее спичку. Еще секунда, и загорелся ворох сушняка.

— Огонь! — с восторгом крикнул Лебедев.

Действительно, какое счастье для нас огонь! Он и согреет, и обсушит, и обережет твой сон, а в минуты тяжелых раздумий освежит твои мысли, подскажет выход из тупика. Огонь в тайге всем нам самый близкий и верный друг.

Согревшись и обсушившись, мы ушли к своим на Ничку. А непогода продолжала свирепствовать, окутывая холодом только что обласканную теплыми ветрами тайгу. От наступившего похолодания уровень воды в реке сильно упал, и наши рыбаки за ночь поймали более тридцати крупных хариусов. Какая вкусная была уха, тем более после продолжительного недоедания. Можно было, не задерживаясь, трогаться в путь.

Лебедеву и рабочему Околешникову пришлось остаться, чтобы с цементом и песком еще раз сходить на верх Шиндинского хребта и долить тур, а мы ушли вниз по Ничке. Лошади, наголодавшись за последние сутки, торопились. А так как мы шли по готовой тропе, то на второй день к вечеру уже были у своих, на Окуневом озере.

Мошков совсем выздоровел. Он даже убил годовалого медвежонка. Теперь у нас имелся небольшой запас мяса и свежесоленой рыбы. Люди повеселели. Возвратилось неутомимое желание двигаться вперед.

Рано утром мы вышли на Кизир, намереваясь в этот же день дойти до Третьего порога и там сделать дневку, которую давно ждали все, чтобы устроить баню, починить одежду и отдохнуть.

Когда мы увидели реку, то вспомнили про Сокола, и невольно у всех зародился вопрос: жив ли конь?

Самбуев и я переплыли на лодке реку и у берега увидели совершенно свежий след лошади.

— Она живая,— радостно крикнул Самбуев, рассматривая ясный отпечаток копыт. Начали поиски. Два часа ходили по тайге, кричали, звали, но Сокола нигде не было видно. Тогда Самбуев попросил меня подождать, а сам переплыл реку и вернулся с колокольчиком, который снял с шеи Рыжки. Минут десять мы ходили по лесу и Самбуев беспрерывно звонил. Вдруг откуда-то донеслось ржание лошади, через некоторое время оно повторилось, но уже значительно ближе. Самбуев, волнуясь, с еще большим усердием стал трясти колокольчик, и вскоре в просвете между деревьями мы увидели бегущего Сокола.

Конь подбежал к нам, остановился в некотором отдалении и, приподняв голову, сильно заржал. Ему сейчас же ответила с правой стороны берега какая-то лошадь, и Сокол стремительно бросился в Кизир.

Перемахнув реку, он врезался в табун, стал обнюхивать каждого коня, издавая при этом звуки, похожие на гоготание. Сколько радости было в его больших глазах! Наконец-то он снова в своей семье! Мы тоже были рады его возвращению. Рана на животе затянулась. Мы набросили ему седло и без груза водворили на место в караване:

В тот день отряд благополучно добрался правым берегом Кизира до Третьего порога. Караван, обойдя теснину горой, ушел дальше в поисках поляны. Я задержался. "Сколько необузданной силы у этой реки!" — думал я, наблюдая, как скачут огромные валы, перехлестывая гигантские ступени порога. Вода мечется, ревет, жметя к почерневшей от сырости левой стене, но крепок гранит, тупится об него холодное лезвие реки, и ниже узкого жерла порога волны словно в гневе все еще дыбятся, хватаясь за скользкие выступы гряд, хлещут друг друга и, отступая, прячутся под зыбкой пеной широкого водоворота. А еще дальше река уже спокойнее шумит по каменистым перекатам.

Я долго сидел на выступе скалы, прислушиваясь к грохоту реки. Горел закат, и березы только что выбросившие свои нежные, пахнущие весенней свежестью листья, стали поспешно свертывать их, оберегая от ночной стужи. За рекой кричали потревоженные кем-то кулики.

А мои мысли были где-то далеко, далеко с теми, что ушли на Чебулак. Не случилось ли беды с Пугачевым? Встретимся ли мы с ним и когда?

ЗА ТРЕТЬИМ ПОРОГОМ

Дневка Павел Назарович грустит. Со спиннингом на пороге. Алексей догоняет тайменя. Бурундук не доволен нашим появлением. По пути на Мраморные юры. Скопа ловит рыбу. Бегство с гольца. Ночная трагедия.

В лагерь вернулись поздно вечером. Каши остановились километрах в двух от порога на берегу реки. Все уже уgomонились. Только изредка доносился шелест крыльев запоздалой пары гусей, всплески речной волны или приглушенный далью мелодичный звон колокольчика. Воздух был переполнен запахом чего-то пряного, смешанного с ароматом цветов, с запахом свежей зелени и еще с чем-то нежным, только что народившимся. А небо играло серебристой россыпью звезд, и казалось, не ночь была над нами, а необыкновенный весенний день!

Огромный костер полыхал, освещая толстые ели, под которыми раскинулись наши палатки. Дым, как бы боясь расстаться с этим уголком, не поднимался кверху. Густой пеленой он прикрывал лагерь, и казалось, что мы расположились не в лесу, а в сталактитовой пещере. Стволы елей, словно гигантские колонны подпирали нависший дымчатый свод: полосы света и теней, проникая сквозь лапчатую крону, украшали эти колонны причудливым узором, а палатки и разбросанные вещи придавали "пещере" жилой вид.

Завтра долгожданная дневка. Будет баня, стирка и починка. Может быть, как и под Первое мая, товарищи в час отдыха вытащат из рюкзаков заветные свертки с

фотокарточками и вспомнят на досуге про близких и родных, в который раз перечтут письма.

Я достал спиннинг, коробку с блеснами, поводками и, устроившись поближе к огню, стал перебирать снасть. Павел Назарович повесил на огонь чайник и сучил дратву для починки обуви. Остальные спали.

Старик был чем-то озабочен. Его настроение выдавали сдвинутые седеющие брови и молчаливая сосредоточенность.

— Нездоровится, что ли, Павел Назарович?

Он будто ждал моего вопроса, отложил в сторону ичиг с дратвой, шилом и стал, не торопясь, набивать трубку табаком.

— Не спится вот. Все о Цеппелине думаю.

— О каком Цеппелине?

— Да о жеребце. Заездят его, ей-богу, заездят! И скажи пожалуйста, что это за дети нынче? Ведь и мы маленькие были, не без шалостей росли, а теперь, истинно, сорванцы пошли, всюду нос свой суют...

Старик положил уголек на табак и начал раздувать его.

— Вырастил я в колхозе жеребца — картинку, — продолжал он, раскуривая трубку. — Все в нем в меру: ноги, уши, грива, а глаза — огонь. На Всесоюзную выставку мы его готовили. Вот и боюсь, не наказал как следует деду Степану, чтобы следил за ним, не допускал сорванцов. Жеребец покладистый — могут испортить.

— Стоит ли, Павел Назарович, думать об этом? Ведь жеребец на глазах у всех — не допустят, — успокаивал я его.

— Да ведь они в душу влезут, пострелы, — не отобьешься. Уговорят, упрелят. Меня и то ввели в грех. Жеребец молодой, третья весна, всегда сытый, каждый день нужно проминать, а они подзуживают: "Дедушка Павел, Цеппелин-то у тебя бегать не умеет, ноги слабые и задыхается, оскандалишься на выставке..." Не выдержал я: эх, думаю, пискарня пузатая... Взял да и пустил жеребца. Ну и пошел же он и пошел — только избы мелькали; быстрее птицы летел, — и Павел Назарович вдруг преобразился. Как у юноши загорелись глаза, вырвал трубку изо рта и, словно держа повод, вытянул вперед зажатые кулаки. — Поводом малость пошевелил — лечу, земли не вижу, и не помню, как на краю деревни оказался. Выскочил в поле, через поскотину перемахнул и тут маленько оплошал: сбросил меня Цеппелин. Тогда только и опомнился... Ведь вот вынудили же меня, старика бесенята! С тех пор и начали приставать: "Дай да дай Цеппелина промять"... Боюсь, доберутся до него, могут испортить, а жеребец, что говорить, гордость колхоза...

Я налил кружку чаю.

— Ничего, Павел Назарович, не беспокойся, доследят...

— Так-то так, да больно уж ребятишки у нас отчаянные. Куда нам, старикам! — Он отпил из кружки и продолжал: — Прошлую осень в "день урожая" скачки у нас были в Можарке. Соседние колхозы съехались, лошадьми хвалятся. Да и было чем: одна другой лучше. Рядом в колхозе жеребец Черныш — собой не особенно статный, но на бег резвый; во всей округе против него не было коня. Что ни скачки, что ни бег — все их призы. Так и в тот раз. Как увидели мы Черныша, ну, думаем, он возьмет. А Цеппелина тогда еще не пускали, ему и двух лет не было. А что же детвора устроила!.. На хозяйстве у нас в деревне работал конь Пегашка, воду возил, зерно со склада на конный двор подбрасывал — словом, по домашнему. А сколько лет ему было, только старики и помнили. Он в последний год даже линять перестал. И вот перед праздником я заметил, уж больно часто ребята на водопой Пегашку водят, -- оказалось, они готовили его к скачкам. Нужно же такое придумать! — И Павел Назарович рассмеялся тихим беззвучным смехом. — Лошадей запускали версты за три по тракту, а у края деревни, где кончался тракт, натянули ленту. Народу с четырех колхозов съехалось дивно. Шумят, спорят, чья лошадь первое место займет. Вот подняли флаг, и по тракту взвихрилась пыль. Все ближе, ближе, и, наконец, показались лошади. Далеко впереди летел Черныш, за ним наш Кудряш, а дальше все смешалось. Вот уж осталось с полверсты до деревни, а в это время из-за

хлебных скирд, что стояли у самой дороги, метров на сто выскочил впереди Черныша верховой, выравнился по тракту и давай подгонять лошаденку. Вдруг кто-то крикнул: "Да ведь это Пегашка!" Все так и ахнули. Да только узнать его было нельзя: голову вытянул, уши прижал, из кожи лезет, а бежит — того гляди, упадет — и дух вон! Откуда прыть взялась? А Черныш уже близко. Народ всполошился. Крик, шум: "Давай, давай, Пегашка, нажми еще!.." Детвора следом бежит. "Не выдай, родной!" — кричат. И вижу я, мой внучок на нем сидит, руками и ножонками машет, тужится, вроде помогает ему, а Пегашка вот-вот рассыплется. Остается три-четыре прыжка Чернышу до ленты, да не успел, Пегашка на голову раньше пришел. Поднялся спор, большинство за Пегашку: "Ему приз отдать!.. Пегашка взял!.." А колхозники, чей был Черныш, разобиделись, вроде за насмешку приняли. И вот, пока спорили да рядили, видим — по улице детвора ведет коня, через спину перекинута попона с надписью: "Чемпион Пегашка, победитель Черныша". Так Пегашку и провели через все собрание. Даже председатель того колхоза, откуда Черныш, после весь день смеялся... А вы говорите, чего я беспокоюсь. Это ж сорванцы! — закончил рассказ Павел Назарович.

Я от души смеялся над проделкой ребят. Однако за этим рассказом я увидел постоянство характера Павла Назаровича, его заботу и привязанность к любимому делу. Это была цельная натура — чистая, правдивая, искренняя...

Я проснулся до рассвета и торопился попасть к порогу. На заре таймени неразборчивы в пище, кормятся жадно, а это очень кстати спиннингисту.

Не успел я еще наладить спиннинг, когда на стрежне слева плеснула крупная рыба. Минута — и приятный звук катушки прорезал тишину. Первый бросок был неудачен, леска захлестнулась, и блесна, описав в воздухе круг, упала близко от скалы. А в это время там, куда я намеревался бросить, снова всплеск, второй, и таймень, видимо, поймав добычу, завозился, колыхая плавниками воду.

"Какая досада!" — подумал я, перебегая с края водоема и забрасывая блесну далеко ниже слива. Шнур, наматываясь на катушку, плавно потянул "байкал". Вдруг рывок! Я мгновенно дал тормоз и подсек, но катушка, не повинаясь мне, стала медленно разматываться, а шнур под напором какой-то тяжести потянулся влево к стрежню. Снова рывок, уже более решительный, и я увидел, как большая рыба наполовину выбросилась из воды, мотнула головой и пошла ко дну. Это было самое страшное. Дно водоема загромождено крупными обломками пород и опасно для лески. Даю полный тормоз, но — увы! — рыба проявляет страшное упорство. У меня не хватало сил сдерживать нависшую на блесну тяжесть. Рывки усиливались, и, наконец, словно взнузданный конь, рыба метнулась в глубину. От максимальной нагрузки шнур запел струною. Казалось, вот-вот лопнет дугою согнутое удилище. Напрасны были мои усилия не допустить тайменя до подводных камней. Еще несколько секунд — и шнур тупо скользнул по грани чего-то твердого. Последний сильный рывок — леска освободилась.

А в это время близко от меня выскочил свечой все тот же таймень. Он перевернулся в воздухе и громко шлепнулся спиной в воду.

Я стоял, словно окаченный холодной струей, не в состоянии разобраться в случившемся. Ведь буквально в две минуты таймень расправился с моей снастью. Как оказалось, рыба ушла с оборванной блесной.

Куда только я не забрасывал вторую металлическую приманку, вооруженную острыми крючками! Она бессчетное количество раз пересекала водоемы, бороздила сливы, словно волчок, вертелась по стрежне. Сквозь мутноватую воду я видел, как играла она, колыхаясь в водоеме. Но все безрезультатно. Казалось, таймени и ленки покинули водоем или объявили голодовку. А в душе все больше росла досада и на себя, и на сорвавшегося тайменя, и на солнце, что так быстро поднималось в небо.

Я сменил "байкал" на "ложку" с красным бочком, побросал ее немножко и, уже без надежды на успех, поднялся к воротам порога.

С вершины правобережной скалы, куда я зашел, был хорошо виден весь порог. От шума, что непрерывной волной вырывается снизу, ничего не слышно. Меня обдает

холодной сыростью и брызгами расвирепевших волн. У входа поток силится раздвинуть нависшие плечи скал. Кренится влево и, захлебнувшись собственной волною, устремляется вниз в горло узких ворот. Там в водовороте ничего не видно. Словно в котле все пенится, кипит. Но ниже, где скалы разошлись, уставшая река как будто присмирела.

Возвращаться с пустыми руками не хотелось, но и поймать тайменя в это время дня довольно трудно: рыба после утренней кормежки отдыхает в глубине водоема. Разве только какой-нибудь шальной попадется или тот, которому на утренней охоте не повезло. "Хотя бы пару ленков принести к завтраку!" -- думал я, спускаясь к омуту.

Снова зашумела катушка, и блесна, описывая полудугу, падала то далеко вниз, то у противоположной скалы. Вдруг знакомый рывок. Я подсек раз, второй и увидел, как у края омута, взбивая пену, вывернулась крупная рыба. Она еще раза два появилась на поверхности, затем рванулась вперед, к нижнему водоему. Удилище с трудом сдерживало натяжение и могло вот-вот треснуть или разлететься на составные части. Мощными ударами хвоста рыба разбивала воду в брызги. При попытках тайменя уйти в глубину я, рискуя оборвать шнур, выводил рыбу на поверхность. Тогда она бросилась вниз по сливу. Я ослабил тормоз. Рыба забилась еще сильнее. Через каждые пять метров она выскакивала из воды, в бешенстве мотала головой и, прыжками, уходила ниже и ниже. Более ста пятидесяти метров шнура отдала катушка, и я с тревогой посматривал на островок. Вдруг леска ослабела. Я мгновенно крутнул катушку, и тяжесть, повисшая на блесне, к моему удивлению, стала подаваться за шнуром. Таймень растопырил плавники и, бороздя ими воду, неохотно тащился вверх по сливу. Еще минута страшного напряжения — и он оказался выше слива. Снова всколыхнулась вода. Рыба металась то в одну, то в другую сторону, выскакивала на поверхность, била хвостом.

— Тащите, что вы делаете, уйдет!.. — вдруг послышался голос Алексея. Он побежал к краю скалы и, выпучив глаза, махал руками, подпрыгивал и кричал: — Уйдет, ей-богу, уйдет!..

Более пятнадцати минут продолжалась борьба; наконец рыба выбилась из сил. Она поворачивалась кверху брюхом, всплывала на поверхность, вяло работала плавниками, а через несколько минут я без усилий подвел ее к берегу.

— Ну и ротище! — кричал Алексей, заглядывая под скалу. — Да ведь она икрная!..

В этот момент рыба вывернулась и метнулась в глубину водоема. Алексей машинально схватил руками шнур, и от глухого торможения он лопнул. Таймень всплыл на поверхность и, еще не веря, что свободен, покачался на волне. Потом повернулся на спину и, словно очнувшись, бросился вниз. Алексей уже бежал следом по берегу, охал, кричал, ругался...

Я вернулся в лагерь.

— Неудача? — спросил меня Павел Назарович, не отрывая взгляда от крючка — "обманки" для ловли хариуса, который он усердно мастерил.

Я не ответил.

Все уже позавтракали, и мне пришлось дожидаться Алексея. Пока я складывал свои снасти, повар показался на берегу. По его осанке, по тому, как уверенно он шагал по гальке и как высоко держал голову, я догадался, что у него за спиной таймень. Заметив Алексея, товарищи бросили работу и, еще не зная, почему так торжественно возвращается Алексей с рыбалки, заулыбались.

— Таймень! — крикнул кто-то.

Алексей, сгорбившись, просеменил мимо, показывая огромную рыбу.

Оказалось, что таймень, вырвавшись на свободу, "без памяти" бросился вниз и, промахнувшись на повороте, попал на берег, где его и поймал Алексей. Весила рыба двадцать восемь килограммов.

Алексей поворачивал тайменя, показывая товарищам то черную его спину, то блестящий, словно облитый серебром, живот.

Затем повар достал свой нож и привычным движением распластал рыбу. В ее желудке оказались ленки весом более килограмма и кулик, непонятно как попавший

туда. Икры не было.

К сожалению, наша стоянка была неудачной из-за отсутствия корма для лошадей. Пришлось дневку прервать и продвинуться на несколько километров выше, до устья Тумановки.

Эта река вливается в Кизир тремя рукавами. Правый берег, к которому подошел караван, пологий. Весною ночевать на таком берегу опасно: дожди и солнечные дни вызывают интенсивное таяние снегов в горах, и уровень воды в реках быстро меняется. Вода часто приходит неожиданно, валом и может затопить, а то и совсем снести лагерь. Мы форсировали реку, чтобы остановиться на ночевку на более высоком, противоположном берегу.

Лошади переправлялись гуськом. Шли осторожно, вода у них вызывала недоверие. И вот, когда передние уже достигли противоположного берега, а задние еще находились посредине протоки, одна лошадь споткнулась и упала. Течение потянуло ее в самую глубину. Животное, напрягая все силы, продолжало бороться с потоком, пока не оказалось под яром у самого слива Тумановки с Кизиром.

Берег, сложенный из наносной почвы, отвесной стеной обрывался в воду. Измученный конь, подплыв к нему, стал ногами нащупывать твердую опору, но при первой же попытке дотронуться до обрыва на него обрушилось с тонну земли.

Конь стал тонуть. Мы были бессильны помочь ему. Еще минута — и он, трижды окунувшись, не показался больше на поверхности. Только вьюк с сахаром и палаткой еще некоторое время держался поверх воды.

Тяжела для нас была эта новая потеря. Мы еще очень далеко находились от центральной части Саяна, а потеряли уже трех лошадей. Что же будет дальше, когда мы вступим в более недоступный район гор!

Остановились на левом берегу Тумановки, в клину слияния ее с Кизиром. Пробудилась первобытная тайга людскими голосами да стуком топоров. Снизу по реке доносились удары железных наконечников о камни — это шестовики поднимали груженные лодки.

За суетой и не заметили, как с гор спустился вечерний сумрак, как потух закат, как увяла даль, прикрывшись сиреневой вуалью.

Устраиваясь на ночь, я заметил на сучке бурундука. Светлорыжий зверек, видимо, был хозяином этого небольшого клочка земли, где мы расположились биваком. Наверное, никогда на его поляне не появлялось столько гостей, и таких беспокойных. Он, изредка поворачивая свою крошечную головку, осматривал то коней, то костер и подолгу останавливал взгляд на Левке и Черне.

Вдруг зверек завертелся на сучке, задергал хвостиком и издал странный звук. Это не был писк, которым обычно он выдает себя или дразнит собак. Звук походил на квохтанье.

Бурундук соскочил на валежину, пробежал по ней до края и хотел было прыгнуть под колоду, но задержался. Оказывается, мы вьюками заложили вход в его нору. Зверек попытался проникнуть в нее с другой стороны, подлазил под груз, но тщетно. Тогда он вспрыгнул на пень, напыжился и продолжал тихо квохтать.

Бурундук почуял, что где-то близко за горами собирался дождь. Зверьку нужно было укрыться на ночь, но где? — нора заложена вьюками. В поисках надежного укрытия он бросился под валежину, но там сыро и холодно. Я видел, как позднее бурундук торопливыми прыжками удалился от поляны и исчез в лесном хламе. У него где-то имелось запасное убежище.

Над нами было голубое небо. Мы верили ему и не поставили на ночь палаток, не укрыли как следует багаж. Тогда еще мы не знали, что этот маленький зверек обладает способностью предчувствовать непогоду и квохтаньем предупреждать других.

Павел Назарович не разделял нашей беспечности. Он укрылся под кедром.

Зудов имел большой опыт промышленника и хорошо приспособился к скитальческой жизни. Суровая первобытная природа: лесные завалы, наводнения, снегопады, гнус, холод, обвалы — вот что сопутствует человеку в Саянах, Но Павла Назаровича

трудно захватить врасплох. Не обмануть его соболем, не изнурить голодом. Домотканый зипун, котелок и горсть сухарей — это все его "снаряжение". Остальное у него в тайге: мягкая постель, мясо, рыба. Даже в лютый январский мороз он уютно переночует под защитой скалы или в глухом ельнике.

Я с удовольствием забирался к нему под кедр. Павел Назарович умел устроиться удобно и уютно. Одежду и обувь на ночь развешивал на жердочке для просушки, ружье ставил у изголовья, прислонив к дереву, а рюкзак укреплял где-нибудь на ближнем сучке. Всю ночь у него над огнем, не смолкая, шумел чайник. Дрова не бросали искр, горели ровно и долго. Но самым интересным были рассказы старика о соболином промысле, о ночевках на гольцах, когда, застигнутый бураном, он спасался, зарывшись в снег, и у маленького костра ждал перемены погоды. Не раз соболь заводил его далеко от стоянки, и он сутками голодал, но не бросал преследования, пока не приторачивал к пояжке этого ценного зверька. Тогда наступали минуты величайшего удовлетворения. Соболиный промысел — это своеобразная школа, где выращиваются смелые, выносливые и сильные человеческие натуры. В ней и Павел Назарович получил свое таежное образование. Путешествуя по Восточному Саяну, мы многому научились от нашего спутника.

Словно боясь нарушить покой приютившего нас леса, мы долго молчали, сидя у костра. Потом кто-то тихо запел:

Есть на Волге утес. Диким мохом оброс...

Неуверенно вступил второй голос, потом третий... и песня полилась. Павел Назарович оказался прекрасным песельником. И скоро приятная мелодия Широкой волной разнеслась по долине. Старик запевал:

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Мы дружно подхватили.

Даже Прокопий, не имевший ни голоса, ни музыкального слуха, уселся против Павла Назаровича и, подражая ему, открывал рот, хмурил брови, тужился, но все это делал беззвучно, а лицо было довольное, словно он главный запевала.

Я смотрел на нашу "капеллу" с восхищением. Все было хорошо: и костер, и люди, и старые ели, прикрывавшие нас густой кроной.

С наступлением темноты исчезли звезды. Мы беспечно спали у костра и не заметили, как надвинулся дождь. Слабый, но настойчивый, он погасил огонь. Пришлось подниматься, а пока ставили палатки, все промокли до нитки.

Утром трое товарищей во главе с Курсиновым отправились искать погибшую лошадь, чтобы содрать с нее шкуру для поршней. Я же пошел вместе с Прокопием обследовать Мраморные горы, расположенные с левой стороны Тумановки. С нами увязался и Черня.

Еле заметная тропа, по которой изюбры, дикие олени и лоси совершают переход от Тумановки на Кизиро-Казырский водораздельный хребет, скоро привела нас к бурному потоку, впадающему в реку с левой стороны. Словно разъяренный зверь мечется он между каменных глыб, ревет, пенится и злится. Летом это, видимо, небольшой горный ручей, через который легко перейти, не замочив ног. Весной, собирая воды тающих снегов со склонов долины, он представляет собой уже грозный поток.

Выискивая брод, мы с полчаса ходили вдоль берега, пока не оказались у самого устья. Неожиданно с высоты донесся легкий шум крыльев. Пролетела скопа. (*Скопа — хищная птица; по-сибирски — "рыбак")

Летела она тихо, лениво покачивая огромными крыльями. Казалось, ничто ее не интересует. Скопа — большой хищник, почти со степного орла. Размах крыльев у крупных особей достигает ста семидесяти сантиметров. Хотя скопа и считается речной птицей, но плавать она не умеет. Зато вряд ли какая другая птица может поспорить с ней в ловкости по ловле рыбы. У скопы очень острое зрение. Например,

она замечает в воде хариуса с высоты более ста метров, да еще сквозь речную волну.

Увидев птицу, мы затаились у края чащи. Через толстый слой воды скопа, несомненно, видела все, что творилось там, на дне быстрого потока. Рыбу не спасет даже защитная окраска. Вот птица у самого слива. Вдруг на мгновение она замерла на месте и, свернув крылья, камнем упала вниз. У самой воды скопа далеко выбросила вперед свои лапы. Раздался громкий всплеск; еще секунда — и хищник, шумно хлопая крыльями, поднялся в воздух. В его когтях трепетал большой хариус. Из всех птиц, питающихся рыбой, пожалуй, только скопа ловит добычу когтями. Как мне приходилось неоднократно наблюдать, бросается она в воду против течения, а пойманная ею рыба всегда обращена головою в сторону полета, то есть вперед. Последнее свидетельствует о той поразительной быстроте и ловкости, с какими хищник нападает на рыбу. Проворный хариус не успевает даже отскочить или повернуться, как уже оказывается пойманным.

Мы свалили кедр и по нему перебрались на правый берег ручья. Солнце стояло высоко. После холодного утра ростки зелени жадно потянулись к теплу. Береза, черемуха и бузина уже выбросили нежные листочки; пройдет еще несколько дней, и они оденут долину в летний наряд.

Ближе к горам смешанный лес уступал место кедровому. Слово поясом, кедровник опоясал склоны Мраморных гор.

Трудно вообразить, какое огромное количество ореха рождает он ежегодно.

Осенью, во время сбора урожая, шумно бывает в кедровом лесу. Накапливая жир, бродят по лесу медведи. Бурундуки, делая запасы на зиму, суетятся от зари до зари. Они шелушат шишку, таскают орехи в свои подземные кладовые и там укладывают в строгом порядке этот ценнейший продукт. Даже хищники -- россомаха и соболь — лакомятся кедровыми орехами. Выискивая чужие запасы, они шарят по кедровнику, оставляя на зеленом мху отпечатки своих лапок. Одной кедровке невпрок идут орехи. Ест она их жадно и много, но никогда не жиреет. Зато в кедровых лесах она выполняет благородную роль садовника. Сорвав шишку и набив зоб орехами, кедровка уносит их иногда очень далеко: на вершины гор, на дно цирков, в ущелье. Там она прячет орехи в мох, под валежник, между камней — словом, куда попало, и возвращается в лес за новой порцией. Так всю осень, пока тайгу не покроеет глубокий снег, птица очень много запасает орехов. И не все свои кладовые потом использует. Многие из них и являются посевным материалом. Кедровый лес, растущий в подгольцовой зоне, обязан своим появлением птицам, главным образом кедровкам, и другим обитателям тайги, имеющим обыкновение прятать орехи.

Однажды, поднимаясь на высоченный голец Типтур (Олекминский хребет), нам пришлось наблюдать, как кедровка шелушила шишку и прятала орехи. Миновав границу леса, мы по россыпи подбирались к вершине. Неожиданно нас опередил легкий шум крыльев — пролетела кедровка с шишкой в клюве. Она уселась на камень и, не обращая внимания на нас, стала ловко отрывать шелуху, глотая орех за орехом. Работала быстро, и скоро ее переполненный зоб так раздулся, что птица потеряла свою стройную форму. А мы все ждали, что будет дальше. Покончив с шишкой, кедровка сделала несколько прыжков, удивленно посмотрела на нас и, срыгнув орехи, неумело прикрыла их мхом. Затем птица заботливо почистила клюв о камень, взбила перышки и с хвастливым криком пронеслась над нами — дескать, вот какие хитрые кедровки!

Мы подошли к ее похоронкам. Оказывается, орехи она запрятала в старый след сожжоя, глубоко вдавленный в сухую почву. Поднимаясь выше, нам попалось еще две кладовых, наскоро прикрытых ягелем. Крик птиц весь день был слышен на гольце.

Вряд ли кедровки помнят все свои многочисленные похоронки, какая-то часть заготовленных ими орехов остается забытой или неиспользованной. Весною эти орехи дадут ростки и при наличии почвы начнут развиваться, а затем вступят в тяжелую борьбу с холодной россыпью, чтобы отвоевать у ней для себя клочок земли.

Так птицы рассаживают по каменистым склонам гольцов кедровые леса и стланиковые заросли.

В полдень мы поднимались по крутому откосу на верх Мраморного хребта. Шли тихо, рассчитывая где-нибудь на склоне увидеть марала. Эти звери любят весною жить в залесенных скалах. Днем они обычно нежатся на солнце, примостившись где-нибудь на верху обрыва, а вечерами пасутся, лазают по карнизам, расщелинам и открытым солнцепекам.

Черня держался настороженно: часто останавливался, натягивая поводок, тянул носом воздух, обнюхивал кусты, камни. В одном месте, переходя разложину, Прокопий вдруг остановился и, показывая на перевернутый камень, сказал:

— Утром медведь ходил, маралов тут не будет.

И действительно, мы нигде не видели их следов, Зато все чаще попадались перевернутые колоды, взбитый мох, а в одном месте мы увидели крошечные отпечатки лапок медвежат. На залесенном склоне жила медведица с малышами, и маралы, конечно, ушли отсюда. Они не терпят такого соседства.

Медленно взбирались мы по каменистому отрогу, и чем выше, тем положение становилось подъем. Ветер, стужа и вода достаточно потрудились, чтобы пригладить вершины Мраморных гор. Но еще много незаконченной работы: всюду лежат, чудом удерживаясь на крутизне, руины давно развалившихся гребней, торчат останцы некогда возвышавшихся скал. Склоны гор прикрыты россыпью, украшены сложными рисунками разноцветных лишайников. Под ногами мялся мягкий ягель. Всюду пятнами виднелись заросли рододендронов, только что освободившихся из-под снега.

Уже вечером мы достигли вершины южного отрога. С него открывался почти весь горизонт. Нужно было торопиться до темноты изучить рельеф местности и рассмотреть долину Кизира, по которой лежал наш путь к Фигуристым белкам.

Сквозь прозрачный воздух хорошо виднелась заманчивая даль. Густые тени прикрывали провалы. На их фоне резче выступали освещенные закатом гребни гор. На севере по горизонту тянулось однообразное, плоское Пезинское белогорье с одинокой вершиной — Зародом, господствующей над белогорьем. Ее мы и наметили под пункт. А дальше за Зародом — хаос нагромождений, в котором издали разобраться было трудно. Там начинается Канское белогорье, а от него правее, в вечерней синеве виднелась Кинзимокская гряда и Фигуристые белки, пожалуй, самая длинная и труднодоступная часть этого горного района Саяна. Много раз я с тревогой всматривался в пугающие вершины этих великанов, пытаюсь угадать, что ждет нас там?

С отрога была видна и долина Кизира. Выше третьего порога хребет Крыжина как бы отступает на юг, образуя широкую долину, и несколько понижается. Но река неизменно течет близ крутых залесенных отрогов, образующих правый берег. Чтобы продвинуться вперед, нам предстояло снова перебраться через Кизир и проложить проход по высокоствольной дремучей тайге, прикрывающей левобережье долины.

Заночевали мы у кромки леса. Прокопий вскипятит чай, отварил кусок тайменя, и после ужина мы стали укладываться на ночь.

Черня никак не мог подыскать себе места. Сначала он улегся на камнях, потом пришел к огню и примостился у наших постелей. Затем он снова встал, походил вокруг костра и стал рыть лежбище под соседним кедром. Что-то тревожило собаку. Я встал и посмотрел на небо. Тучи прикрывали восточный край хребта. Надвигавшаяся темнота гасила звезды. Ураганом пронесся ветер, оставляя позади себя долго качающиеся деревья. Мы вскочили, пораженные внезапно изменившейся погодой. Вдруг беззвучно и широко распахнулась темная бездна неба и оттуда прорвалось тяжелое рычание грома.

— Дождь... — произнес в испуге Прокопий.

Не было сомнения — надвигался страшный грозовой ливень, какие часто бывают на Саяне. Молния беспорядочно крестила небо, удары грома потрясали голец. Холодным потоком хлынул дождь. Затух костер, куда-то в темноту убежал Черня.

Надо было немедленно искать убежище, и пока складывали рюкзаки, основательно промокли.

Жутко бывает ночью в горах, когда над головой бушует гроза и огненной чертой молния крошит свод черного неба. Нужно было спастись бегством. Мигающий свет освещал крутой спуск, по которому мы сбегали вниз. Над головами взрывались чудовищные разряды грома, непрерывающимися волнами хлестал дождь. Внезапно мы оказались на краю обрыва. Спускаться дальше было опасно, нам ничего не оставалось, как прижаться к стволу кедра с редкой кроной и ждать конца светопреставления.

Буря не унималась. Мокрые, промерзшие, мы стояли под ливнем. Вдруг сквозь шум непогоды снизу до слуха донесся страшный звук — то ли рычание зверя, то ли просто возня.

— Слышишь? — толкнул меня локтем Прокопий, а сам дрожит, челюсти стучат.

Звук усиливался. В глухой рокот непогоды врывался рев зверя. Не было сомнения, где-то близко, под обрывом в темноте происходила какая-то страшная схватка. Но кого с кем и почему именно в минуты невероятного ливня, это оставалось загадкой.

Наконец буря пронеслась, но еще долго слышались отголоски грозовых разрядов. Прекратилась и возня. Из-за далеких гор показалась запоздалая и ненужная луна. Накинув на плечи котомки, мы спустились ниже. Хорошо, что спички мы, как правило, носили в непромокаемых березовых коробочках, но и со спичками не так просто развести костер после такого ливня. Счастье не покинуло нас в эти минуты: по пути попало дупляное дерево. Мы срубили его, достали из середины сухой трухи и через несколько минут уже сушили мокрую одежду и сами наслаждались теплом.

На востоке брусничным соком наливалась ранняя зорька. Откуда-то прибежал Черня, мокрый, уставший. Он упал возле костра и мгновенно уснул.

— Кто же мог драться ночью? — спросил я своего спутника.

Тот повел плечами.

— Не знаю. Чаю поьем, сходим посмотрим.

Мы, конечно, не могли оставаться в неведении, не могли не разгадать, что произошло под обрывом.

Мы спустились под обрыв. Поломанный лес, глубоко вдавленные отпечатки лап и не смытая дождем кровь являлись неоспоримыми доказательствами схватки медведей.

— Понять не могу, что тут было. Если звери не поделили добычу, то где она? — рассуждал Прокопий сам с собою.

Но вот взгляд его остановился на кедре со сломанной вершиной, и улыбка расплылась по обветренному лицу охотника.

— Все понятно, — сказал он, рассматривая заложаченный слом дерева.

Затем, обращаясь ко мне, показал рукою на маленький след медвежонка, очень похожий на тот, что видели мы вчера, поднимаясь на гонец.

— Вершина-то эта не сломана, посмотри, — говорил Прокопий. — Ее медведь отгрыз, медвежонка добывал... У этих малышей плохая привычка: чуть какая опасность, сейчас же на дерево! А это и нужно медведю — ведь он большой любитель полакомиться медвежонком.

— Неужели медведь ест медвежат? — удивился я.

— Только попадись на глаза, ни за что не расстанется!

— Так, значит, он съел малыша?

— Наверное, иначе зачем было медведице затевать с ним такую драку? Посмотри, что наделали, — и Прокопий указал взглядом на валявшиеся вокруг вывернутые корни, на ямы, на разбросанные камни, на изломанный кустарник. По ним легко было представить эту ужасную схватку медведицы, защищающей своего детеныша, с матерым медведем. Какой, поистине геркулесовой, силой нужно обладать, чтобы взбить, разметать, изломать все вокруг — на что способен только медведь.

Рассматривая следы драки, мы пришли к выводу, что медвежонок был застигнут медведем на земле и, спасаясь, бросился на молодой кедр. Медведь взобрался на него, насколько позволила ему его ловкость, отгрыз вершину с медвежонком, но тут

подросла медведица. Отбила ли она своего малыша или он был съеден медведем до схватки, этого разгадать нам не удалось.

— Вот потому медведица и щенится через два года, — заключил Прокопий, когда мы уже спустились в долину. — Ведь гон у этих зверей бывает в июне, когда медвежата еще маленькие — сосунки, и если бы в этот же год самка гуляла, то медведь поел бы малышей.

Мы посидели на колоде несколько минут и тронулись в обратный путь к Кизиру. Пройдя всего лишь метров двести, Черня вдруг насторожился и приподнял высоко морду, затянно глотнул воздух, затем легкой рысцой побежал вперед.

Мы остановились.

— Неужели медведь?

Прокопий сбросил с плеча бердану, и мы бесшумно последовали за собакой. Там, где кончался крутой откос, рубцом огибающий котловину, Черня остановился и стал обнюхивать небольшую кучу, сложенную из мха, содранного кем-то с откоса.

— Странно... кому понадобилось сдирать мох? — сказал Прокопий, разбрасывая ногой кучу.

В ней оказалась похоронка медведя: небольшой кусочек кишки, две лапки, нижняя челюсть медвежонка. Мы удивились, ведь этих остатков зверю было всего лишь на один глоток, зачем же понадобилось ему их прятать? Медведь -- своеобразный гастроном, любит притухшее с запахом мясо — иначе незачем было ему оставлять кроху своей трапезы, тем более весною, когда этот зверь ведет полуголодный образ жизни.

Несколько позже, работая с экспедицией по реке Олекме, мы на хребте Илин-Сала нашли аналогичную похоронку и там же недалеко отгрызенную вершину листовенницы. Эти два случая позволили мне сделать вывод, что самым опасным врагом медвежат является прямой их сородич — взрослый самец. Это довольно странное явление в какой-то степени связано с тем, что медведица спаривается через год, после того как медвежата станут способными вести самостоятельную жизнь и уже не следуют по пятам за матерью.

НА ФИГУРИСТЫХ ГОЛЬЦАХ

По дремучей тайге. Маркиза задерживает караван. Поиски воды. Мост через Долгий Ключ. Хариус берется на обманку. Предсказания Павла Назаровича. Попытка добраться до Фигуристого. Скопа не подвела. У Гнедушки родился жеребенок. Новое несчастье.

Когда мы возвратились к Тумановке, лагерь уже снялся. На толстой ели товарищи сделали надпись:

Тумановский лагерь

Саянской экспедиции.

1938 г.

У самого пепелища стояла воткнутая в землю палка. В верхнем конце ее была защемлена стрела, обращенная острием на восток.

В этом направлении шла прорубленная просека со свежими конскими следами. Мы пошли по ней и скоро увидели весь отряд на противоположной стороне. Нас поджидала лодка.

Погибшую лошадь и палатку не нашли. Больше всего сожалели о сахаре. Теперь для нас продукты приобрели особую значимость, поскольку от них зависело не только осуществление цели, но и сохранение наших жизней. Лебедев и Околешников вернулись с Чебулака еще утром, и Мошков решил до нашего прихода переправить груз и лошадей на левый берег Кизира. У них все было готово, лошади заседланы. Ждали только нас.

Над обширной уже позеленевшей тайгой заходили тучи. В блеске солнца они были необыкновенного цвета: то, сливаясь, темнели, то, редая, удивляли нас

изумительной белизной. Поднимался и бежал по вершинам деревьев холодный ветер. Павел Назарович предупредил:

— Не зря ли торопимся, дождь будет.

— Напрасно, Павел Назарович, страшась, — сказал Мошков. — Пока он соберется, мы будем далеко!

Осадки на Саянах выпадают часто, особенно весной, и дожди здесь отличаются внезапностью. Бывает так: небо чистое, ни ветра, ни тумана, а из-за гор вдруг выткнется безобидное на вид облачко, вы даже не заметите его, но через несколько минут оно так вас исхлещет дождем, нитки сухой не оставит. И вы не успеете опомниться, уяснить, откуда все это взялось, как облачко, сбросив свой груз, исчезнет, и опять над вами чистое голубое небо да яркое горное солнце.

Для путешественников дожди на Саяне иногда превращаются в бедствие. Мы за малым исключением почти каждый день были мокрыми. Больше всего страдала одежда: от частой просушки у огня она быстро изнашивалась. Гнили потники под седлами, сырели продукты. Трудно было за всем уследить, да у нас и не было времени держать все в норме.

Мы тронулись и скоро попали в зону густой высокоствольной тайги. Она оставила неизгладимый след в моей памяти своей первобытностью. Непроступной стеной встретили караван столетние кедры, растущие вперемешку с пирамидальными елями да белоствольными березами. Как тесно и дружно живут они! Нас со всех сторон окружала бесконечная молчаливая чаща. Куда ни свернешь, то сучковатый валежник, то полусгнившие пни, то огромные пласты земли, поднятые корнями свалившихся деревьев. Постоянно увлажненная почва затянута папоротником да мягким темнозеленым мхом, в котором тонешь до колен. В воздухе прель, запах дуπλα, застойной сырости и еще не перегнившей прошлогодней листвы. Под сводом сомкнутых крон старых великанов постоянно сумрачно и темно. Туда не проступают лучи солнца, не заходят звери, нет там и птиц. Нижний ярус леса не знает и бурь. Редко когда слух улавливал свист крыльев пролетающего над лесной пустыней сапсана, да иногда доносился с неба исступленный крик голодного коршуна. Может быть, только осенью или ранней весной случайно заночует в этой тайге стайка перелетных птиц, укрываясь от бури, да разве в сентябре забежит сюда обезумевший марал в поисках самки.

Не радуйтесь вдруг показавшейся полоске света, то бурелом или горный поток с заваленным валунами руслом.

Иногда попадались топкие ложбины, представляющие собою не то старые русла, покрытые болотистой растительностью, не то полувысохшие озера, затянутые троелистом. Эти ложбины, замкнутые стеною непролазного леса, с белыми лилиями на поверхности зеленовато-илистой воды, с причудливыми корнями утонувших деревьев, казались фантастическими уголками. Не хватало только в них допотопных животных, тогда бы создалась полная картина древней тайги.

Пробираясь сквозь этот могучий лес, мы потеряли понятие о расстоянии, забыли про время. Нами овладевало состояние угнетения, подавленности. Хорошо, что иногда на глаза попадались заснеженные вершины хребтов, и мы, ориентируясь по ним, исправляли свой путь.

Расчищая проход топорами, мы медленно погружались в огромное море задыхающейся растительности, а небо уже сплошь затянулось тяжелыми тучами. Спускаясь все ниже и ниже, они легли на горы и медленно сползали в долину. Еще мрачнее стало в лесу.

Следом за людьми, понутив головы, тянулись лошади, Не успели пройти и километра, как попали в топь, протянувшуюся поперек всей долины. Мы подыскали более узкое место, чтобы пересечь болото, но лошади стали тонуть. Люди бросились на помощь, снимали вьюки, седла и волоком вытаскивали животных.

Последней топь переходила Маркиза. Она нехотя шагнула вперед и стала перебираться через болото. Но вдруг у самого берега, споткнувшись, упала, и ее костлявая туша скрылась под растительным покровом болота. На поверхности

остались раздутые ноздри, уши да полный мольбы о помощи взгляд. Много труда было положено, пока Маркизу вытащили на берег. Она была страшно вымазана грязью и казалась еще больше уродливой: нижняя челюсть отвисла, глаза выкатились, одно ухо торчало в сторону, другого не было видно, хвост стал тоненький — крысиный.

— Пропастина, не лошадь! — сказал Павел Назарович, сплевывая в сторону набежавшую слюну.

Мы продвигались медленно. На стук топора да на треск срубленных деревьев в лесу гулко откликалось эхо. Следом за нами ползли отяжелевшие тучи. За ними скрылось солнце. Дыхнуло холодной сыростью. Ветер предупреждающе качнул вершины кедров. Теперь никто не сомневался в предсказаниях старика Зудова, — косые полосы дождя нагоняли нас. Остановились и только успели сбросить вьюки, как грянула буря.

Наскоро поставив палатку, мы сидели молча, прислушиваясь к непогоде. Лошади стояли смирно, опустив уставшие головы.

— Павел Назарович, ты бы научил меня угадывать погоду, я бы тоже предупреждал товарищей, — обратился Алексей к старику.

— Меня не слушают, не поверят и тебе, — с обидой ответил тот.

— Оно и понятно: один ты все равно что кустарь-одиночка, вот и не верят, — сказал Алексей. — А ежели я буду предсказывать, а ты подтверждать — это совсем другое, вроде организации. Понимаешь?

Все рассмеялись.

— Утром безошибочно говорил, что будет дождь, так не поверили, -- ворчал проводник. — Еще отец мой, старик, говорил: смотри, если скопа начинает жадно кормиться, это непременно к дождю. Утром, видели, она взад и вперед моталась, все рыбу таскала?

— Ничего не понимаю, — не выдержал Курсинов. — То ты говоришь, что перед дождем птица не поет, мало летает, а теперь наоборот, — вот тут и угадай.

— Птицы разные бывают. Большинство, как почувствуют непогоду, нахоятся, делаются вялыми, а скопа наоборот, она ведь питается рыбой и понимает, что после дождя вода помутнеет, тогда не то чтобы поймать, а даже не увидеть с высоты рыбу, — вот и торопится по светлой воде накормиться.

— Что же ты толком не объяснил, переждали бы... — с сожалением произнес Лебедев.

Когда ветер сбил с хвои последние капли дождя, Алексей и Курсинов пошли искать воду, а мы принялись благоустроить лагерь.

Более часа они ходили по тайге, да так ни с чем и вернулись. Почва высокоствольного леса жадна к влаге и способна впитывать ее огромными количествами и долго хранить. Даже в засушливое время в такой тайге сыро, но воды найти трудно.

— Видимо, и сегодня ужин из гармошки будет, — сказал Алексей, показывая пустое ведро. — Все мокрое, а набрать воды негде.

— Не может быть, чтобы весной воды в тайге не было. Не нашли или не знаете, где она бывает, — сказал Павел Назарович и скрылся в лесу.

В сумерки он вернулся и поставил перед Алексеем ведро с водой.

— Так где же ты брал, ведь мы все тут обшарили.

— Позаимствовал у берез. Для чая березовый сок куда с добром.

Нам не раз приходилось пить в тайге березовый сок. Сваренный из него чай утоляет жажду. Многие находят такой чай даже вкусным. По нужде мы варили из сока и суп.

Березовый сок сладковат на вкус, напоминает содовую воду. Добыть его можно только раннюю весной. В это время года березы очень сочные. Чтобы отобрать у них влагу, следует сделать две зарубки вкось ствола, так, чтобы нижние концы их сходились примерно под прямым углом. В самый край зарубок, на месте стыка, помещают желобок, по которому сок стекает в посуду.

Рано утром отряд покинул негостеприимное место. Вокруг попрежнему царил неприветливый мрак лесной чащи. Долго мы помнили эти дни напряженной борьбы, когда мы пробирались вперед по никем еще не потревоженной тайге. Лес и чаща сменились узкими полосками болот. Но в борьбе с природой люди еще больше закалялись, росло упорство. Порукой нашему успеху были сплоченность коллектива и общее стремление двигаться вперед. Саяны должны быть побеждены,— это наша цель. Когда же на карте отобразятся белогорья, хребты, цирки, ущелья и долины, когда на ней оконтурятся леса, появятся нити рек, очертания озер, тогда придут сюда геологи, ботаники, дорожники. Они заставят Саяны отдать свои бесчисленные богатства на благо нашей родины.

Вечером того же дня мы оказались на берегу реки Долгий Ключ, берущей начало с северных и северо-западных склонов Фигуристых белков. От дождя и интенсивного таяния снегов ее русло было доверху заполнено мутной водою. Размытые берега оказались совершенно недоступными для переправы лошадей. Пришлось остановиться и сразу же приняться за сооружение моста.

Ширина реки равнялась двадцати пяти метрам. Мы нашли посредине русла намытый коряжник. Он-то и послужил главной опорой будущему мосту.

Кудрявцев и Курсинов с двумя концами веревок переплыли к коряжнику, расчистили его, как нужно было для укладки моста, а мы стали подавать им бревна. Затем сделали вторую часть моста от коряжника до противоположного берега и приступили к переправе лошадей.

Каждую лошадь переводили два человека, придерживая ее за повод и хвост. Животные проявляли удивительную покорность, мирно шагая по сильно качающемуся настилу. А Бурку и Дикарку даже приходилось подгонять.

Утром уровень воды в Долгом Ключе еще поднялся. Ни мостика, ни коряжника не осталось — все было сметено мутным потоком. Изредка доносился шум падающих деревьев, подмытых водою.

Караван двигался еще медленнее, чем вчера. Не так звонко стучали топоры, реже кричали погонщики. Люди ослабели; мысли о пище не покидали нас. А до Фигуристых белков, где могла быть успешная охота, оставалось еще два дня пути.

Павел Назарович хотя и бодрился, но заметно осунулся. Вечером он жаловался на боль в пояснице, на слабость в ногах. Беспокоясь о его здоровье, я распорядился передать ему Маркизу, а груз, который она везла, распределить по вьюкам.

Старик заботливо осмотрел седло, привязал в торока свой домотканый зипун, сумку с табаком, а поверх седла вместо подушки положил завернутое в тонкое одеяло белье. Ехал он далеко позади каравана.

Поздно вечером мы остановились на небольшой поляне, покрытой пушистым ковром зеленой травы. Для лошадей наступило лучшее время, когда в тайге еще нет мошки и мало комара, а сочного корма много. Освободившись от вьюков, животные с удовольствием покатались по земле, затем разбрелись и до утра не появлялись в лагере.

Мы развели костер, а Павла Назаровича все еще ее было. Стемнело. Вскипел чай.

— Что-то неладное с ним. Не пойти ли на выручку? — забеспокоился Прокопий.

В это время послышались шаги, и из леса показался старик. Он шел без лошади и нес на плечах весь свой скарб.

— Вот и я приехал, — произнес он, подходя к костру. — Пропади она, эта Маркиза!.. Стал переезжать болото, а она возьми да и завались в самой глубине! Еле вылез, чуть не захлебнулся. Посмотрите, что наделала! — и он показал нам мокрое белье и сумку с табаком, с которой еще капала вода.

— А где лошадь? — вскочил Самбуев.

— Пропадать осталась в болоте твоя Маркиза. Тянул я ее, тянул, добром уговаривал, а она зубы скалит да губами шлепает..

— Идет! — крикнул из темноты Лебедев. — Она уже привыкла к вам, Павел Назарович, не отстанет..

Действительно, из леса показалась Маркиза.

Лошадь подошла к Павлу Назаровичу и остановилась.

— Уйди, проклятая,— отмахнулся он. — Не нужна ты мне такая...

И лошадь и старик были мокрые и одинаково вымазанные в грязи, недаром они купались в одном болоте.

Павел Назарович уверял, что мы недалеко от Паркиной речки. Там предполагалась длительная остановка, чтобы совершить восхождение на вершину Фигуристых белков и дожидаться отряда Пугачева, идущего сюда с гольца Чебулак.

Выступление назначили до завтрака. Мы полагали вскоре быть на Паркиной речке и рассчитывали, что она "ниспошлет" путешественникам из своих неисчерпаемых запасов десятка два хариусов для ухи.

За Долгим Ключом долина заметно сузилась. Ближе к реке подступили залесенные отроги. Совсем недалеко оказались высоченные гряды гольцов, прикрывающие проход в центральную часть Восточного Саяна. Еще двухдневный переход — и мы могли бы вступить в эту таинственную область скалистых нагромождений. Правда, прежде нам предстояло еще не менее интересное обследование Пезинского белогорья. При одной только мысли, что экспедиция находится так близко к цели, мы чувствовали прилив бодрости, и все лишения отступали на задний план.

В одиннадцать часов в облаках появились проталины, выглянуло солнце. Лошади тяжело шли по еле заметной звериной тропе. Ни стука топоров, ни крика погонщиков, люди отстали, растянулись — голод незаметно подтачивал наши силы. Еще километра два пути по тайге и мы подошли к Паркиной речке. Пока расседывали лошадей, организовали лагерь, я решил осмотреть местность.

При впадении в Кизир Паркина речка наметала огромный наносник. Река приносит туда ежегодно сотни деревьев, смытых с берегов. Стволы, громоздясь один на другой, так переплелись между собою, что не угадать, какому какая вершина принадлежит. Некоторые деревья стоят вверх корнями, другие наполовину замты песком. Но не этим замечателен наносник. Возле него то и дело всплескивается вода, — это хариусы. Кормясь насекомыми и различными личинками, рыба выскакивала на поверхность и мгновенно исчезала. Хариусы любят держаться в наноснике быстрых речек, а также под перекатами.

Невозможно было устоять от соблазна и не порыбачить.

Подаренная мне Павлом Назаровичем "обманка" была сделана очень просто. Маленький крючок до изгиба к жалу был обмотан красной ниткой с вплетенными медвежьими шерстинками, а в конце изгиба два цветных перышка кедровки. Получалось полное впечатление мушки. Подхваченная водою и удерживаемая тонкой леской мушка играет на воде, как живая.

Через час сумка наполнилась доверху чудесной рыбой.

Я присел на камень и долго осматривал Фигуристые белки. Теперь они были близко и просматривались хорошо. Их изорванные вершины спокойно дремали под охраной глубоких расщелин и потемневших скал. Многочисленные истоки Паркиной речки глубоко впитываются в откосы гольцов, морщина их склоны. Фигуристыми белками начиналась самая недоступная и длинная часть хребта Крыжина, протянувшаяся непрерывными зубцами на восток до пика Грандиозный. Курчавые вершины белков, глубокие цирки, окаймленные стенами недоступных скал с озерами на дне их, провалы — все это работа ледника, некогда покрывавшего хребет. Сколько же тысячелетий понадобилось ему, чтобы так изменить рельеф.

Пугающая крутизна преграждала путь к вершинам Фигуристых белков. А ведь туда нужно было вынести лес, цемент, песок, железо... Хватит ли сил у людей?

Пытаясь наметить подход, я продолжал сидеть на камне. Солнце припекало. Земля парилась. Кучились недавно поредевшие облака.

Мое внимание привлек внезапно налетевший шум. Это скопа, силясь оторваться от воды, громко хлопала крыльями. Несколько отчаянных взмахов -- и птица взлетела вместе с крупным хариусом. Зажатая в когтях рыба извивалась. Полет скопы был неровным.

Я пошел берегом, следя за птицей, и за поворотом увидел ее гнездо. Оно было устроено из толстых прутьев на сухой вершине кедра. Она с ходу уселась на сучок и стала клювом разрывать принесенную рыбу. Два еще не оперившихся птенца при ее появлении нетерпеливо пискнули и жадно стали хватать куски рыбы. Когда пища была поделена, скопа вытерла о веточку свой клюв, встряхнула перьями и улетела вниз по реке. А птенцы, положив на край гнезда головы, молча ждали ее возвращения.

Скопа всегда вьет гнездо на берегу и в таком месте, откуда хорошо видна река. С первых же дней появления на свет птенцы видят перед собой воду. Река — их родина. С детства они хорошо знают, что длительный голод наступает в период, когда вода в реке мутнеет и когда по ней плывет много коряжника. Мелкая же и чистая вода в реке, наоборот, сулит обилие пищи.

Когда я подошел к товарищам с полной сумкой хариусов, все засуетились, стали вырезать удилища, доставали лески, налаживали обманки.

— Ты куда собираешься? А обед кто будет варить? — удерживая Алексея за руку, спросил Мошков.

— Пантелеймон Алексеевич, ей-богу, на минуточку! Я только два раза заброшу и вернусь, — взмолился Алексей. — Ты ведь не рыбак и не поймешь, что за удовольствие удить хариусов...

— С каких это пор ты стал рыбаком? — допытывался Мошков.

— Душа-то у меня рыбацкая от рождения, только поздно определилась, -- бросил Алексей, скрываясь в чаще.

Когда обед был готов, я пошел звать рыбаков. Все они собрались на устье Паркиной речки. У тех, кто удил с берега, были разочарованные лица — рыба брала вяло, не "липала" к крючку. Зато Лебедев и Козлов, перебравшись на наносник, то и дело вытаскивали упруго трепещущих хариусов, сопровождая все это криком восторга, явно для того, чтобы подразнить неудачников на берегу.

Не у дел был только Алексей. Он оборвал мушку, не вытащив ни одного хариуса, и теперь приставал к Самбуеву.

— Слышишь, Шейсран, дай раз заброшу, — тянул он нараспев.

— Сам такой удовольствия надо... — ответил тот, хотя тоже за все время ни одного хариуса не поймал.

После обеда лагерь оживился. Отбирали груз, готовили вьюки для завтрашнего дня. С утра намечался шторм Фигуристых белков.

Я рассказал Павлу Назаровичу, что видел на реке скопу.

— Это хорошо, что близко у стоянки живет рыбак, — обрадовался он, -- птица поможет нам определить погоду, понаблюдать только надо за ней.

Трудовой день закончился. Солнце освещало изломанные макушки гор и редкие облака на небе. Свет, отраженный от них, падал в глубину долины, напрасно пытаясь задержать наступающий сумрак. Скоро все угомонилось: притихли птицы, застыл воздух, потух костер. На смену дневной суеты из чащи леса бесшумно выходили звери. Они всю ночь будут кормиться на полянках, нежась прохладой...

Утром мы завьючили лошадей и были готовы покинуть стоянку. Но погода снова испортилась: по небу ползли облака. Идти на галец было рискованно -- мог быть дождь. Я подумал, не отложить ли поход до следующего дня.

Павел Назарович только что вернулся с реки.

— Дождя не будет, — сказал он уверенно. — Скопа только один раз появилась и больше не прилетала. А непогоду чуяла — таскала бы рыбу. Надо идти.

А небо все темнело, и грознее кучились облака. Казалось, природа смирилась с тем, что будет дождь.

— Ну, Павел Назарович, если твоя правда и дождя сегодня не будет, мы соорудим тебе памятник на вершине Фигуристого и сделаем надпись: "Лучшему саянскому синоптику П. Н. Зудову", — сказал Прокопий.

— Кто его знает, соорудите или нет, но дождя не будет, — ответил старик.

Груз разместился в пяти вьюках. Самбуев должен был сегодня же возвратиться в лагерь с лошадьми и завтра принести" нам под голец свежей рыбы. Собираясь в поход, мы рано утром поставили сети.

Теперь мы перебрались на правый берег Паркиной речки и тронулись к Фигуристу. За узким проходом, по которому река пробивается к Кизиру, показалась широкая разложина, покрытая кедровой тайгой. Спускающиеся в нее крутые откосы гольца поросли кустарником, а выше лежали поля снега.

Наметив подъем, мы уже приближались к подножью Фигуристого, когда по ущелью гулко прокатились громовые раскаты. Павел Назарович, пораженный, оглянулся, еще не веря, что это настоящий гром. А из-за хребта уже навалилась черная туча, и за дождевой завесой скрылись вершины гор. Мы остановились.

— Дождь, Павел Назарович, — сказал Мошков.

— Может, и будет, — ответил старик угрюмо. — Обманула, значит, скопа. Зря тронулись...

Еще минута — и начался проливной дождь. Мы повернули назад и укрылись под скалою, у самого берега Паркиной речки. В ущелье было темно. Огневые стрелы, прорезая свод, обрисовывали на миг контуры грозных туч и ближних скал. Рев и грохот не прекращались. Казалось, взбунтовался голец и, преграждая нам путь, рушил скалы, заваливал обломками ущелья и проходы.

Мы прикрыли палаткой вьюки и сами спрятались под ней.

Через час грозовая туча отдалилась, стихли разряды. Посветлело. Но дождь все не унимался. Он не дал нам возможности заготовить дрова и поставить палатку. Наступила ночь.

Кто-то откинул борт палатки — и ахнул от испуга. Вода вышла из берегов и подбиралась к нам. Все вскочили и, не обращая внимания на дождь, стали перетаскивать вьюки выше, на россыпь. Туда же вывели лошадей.

Павел Назарович молчал. Мы слишком уважали старика, чтобы упрекать его за ошибку. Теперь надежда была на ветер, — только он мог разогнать тучи.

В полночь дождь действительно перестал. Коротали ночь на россыпи, так как пленившая нас река все еще бушевала по ущелью.

Только к утру вода спала, и мы смогли вернуться в лагерь. Павел Назарович с Лебедевым пошли смотреть сети.

Вскоре с реки послышался радостный крик Павла Назаровича:

— Не обманула! Не обманула! Идите все сюда! Скорее!

Не понимая, в чем дело, мы бросились к берегу. Над вытащенной из воды сетью стоял в раздумье Лебедев.

— Вот, смотрите!.. — и Павел Назарович развернул сеть.

В ней лежала мертвая скопа. Она, видимо, вчера утром запуталась в сети вместе с пойманным ею большим хариусом.

— Не обманула бы она, если бы не такое несчастье... — сказал Зудов. И лицо его повеселело.

Жизнь в горах, как и всякое путешествие, во многом зависит от погоды, а последнее время она нас не баловала — шли частые дожди. Но этот день обещал быть хорошим. Лучи только что пробудившегося солнца осветили небо, золотым блеском залили снежные громады гор и, прорвавшись между скученных вершин, упали на дно ущелья. Ночной туман вдруг закачался и на глазах стал исчезать.

Снова караван пробирался к подножью Фигуристых белков.

Хорошо бывает в лесу в начале июня. Обильно выпавшие в последние дни осадки пробудили к жизни растения. Будто споря между собою, незабудки, огоньки, ветреницы тянулись к солнцу и, разбросав по сторонам листья, старались забрать себе как можно больше теплых лучей. Кусты смородины, малины, бузины уже покрывались яркозелеными листьями. Черемуха и рябина оделись в пышный наряд и разносили далеко по лесу аромат своих цветов. Всюду попадались птицы: поползни, овсянки, мухоловки, пеночки, синехвостки, дрозды. Одни из них шныряли по кустам, добывая пищу, другие суетились, устраивая семейный уголок, а певчие птицы

безумолку свиристели, повторяя бессчетное количество раз один и тот же мотив. Тысячи насекомых, оживших после непогоды, кружились в воздухе.

В полдень мы достигли подножья Фигуристых белков и решили разбить здесь лагерь. Палаток не ставили, весь груз сложили под кедром. Лошадей сразу же отправили с Самбуевым обратно, а сами, нагрузившись тяжелыми побрякками, начали подниматься на вершину.

Подножье западного Фигуристого белка завалено крупными обломками, скатившимися сюда с откосов и сплошь затянутыми мясистыми листьями бадана. Корни приземистых кедров присосались к камням, расползались по щелям, образуя сплошную сетку узора. Как только мы миновали завал, сразу начался крутой подъем. Заросли низкорослого ольховника, карликовой березки, различных ив преграждали нам путь. Под их тенью и тут растет сплошным ковром бадан, местами уже выбрасывавший свои лилово-розовые цветы.

Чем выше, тем круче становился подъем. Кустарник редел, кучился. Под ногами, не выдерживая тяжести, рвался тонкий растительный покров, обнажая скользкую от сырости поверхность скалы. Все чаще на глаза стали попадаться лишайники и мхи.

Через три часа мы с трудом выбрались на первую террасу. Ноги устали и потеряли упругость. Плечи горели от лямок. Пот одолевал всех — это признак слабости. Присели передохнуть. Курящие сразу достали кисеты и, не торопясь, с наслаждением, понятным только им, стали закручивать цыгарки. Теперь все курят только свой табак, причем экономно, некоторые с примесью бадана. Для курцов наступают горькие дни. Запас махорки и на лабазе небольшой.

С нами на верх террасы поднялись несколько кедров и как бы в недоумении остановились у самого края излома. Все они маленькие, кривые, с обнаженными корнями и с тощими кронами, обращенными на полдень, согнулись в покорном поклоне белку. Они образуют верхнюю границу леса, которая здесь проходит на высоте 1500 метров. Одинокие деревья, еще более жалкие, виднелись впереди. Они не растут, а стелются, прильнув к шероховатой поверхности холодных скал, не смея поднять своих измятых вершин. Эти кедры напоминают собою разведчиков, пытающихся тайно проникнуть в царство мрачных курумов, чтобы поселить там жизнь.

Черная россыпь террасы украшена сложным рисунком разноцветных лишайников. За ней снова начался крутой скалистый подъем, местами прикрытый пятнами рыхлого снега. И тут мы видели карликовую березу да на редкость красивые ивы с бархатистыми листьями, у которых верхняя сторона окрашена в зеленый цвет, а нижняя в светлопепельный. Березки растут отдельно от ив, плотно прижавшись друг к другу, как бы понимая, что гак, обнявшись сообща, легче удерживаться на крутизне. За второй террасой крутизна смягчалась. До подножья белка оставалось километра три сравнительно доступного подъема. Здесь нет скал, все сглажено, затянуто россыпями да небольшими пятнами тундры. Топкие чашены, из которых берут начало многочисленные ручейки, местами завалены пожелтевшим снегом. На отопретой почве уже зеленеют альпийские лужайки. Но на них еще мало цветов. Редко увидишь оранжево-красный огонек или бледножелтую фиалку. Сюда проникает черемша — очень распространенное и приспособленное растение Саяна. Она хорошо чувствует себя на дне долин, где встречается всюду в травостое, на очень крутых склонах гор, главным образом солнцепеках, и растет даже в подгольцовой зоне. Еще не успеет растаять снег, а уже черная земля оцетинится зеленой черемшой.

Отряд медленно и тяжело продвигался по водораздельному отрогу. Далеко позади осталась тайга, зеленые лужайки, топи. С трудом пересекли очень узкую седловину, срезанную с боков скалистыми обрывами. Впереди — снежные поля, подпирающие белок. Идти по снегу легко, и мы взбираемся на верх отрога. Теперь перед нами открылась подгольцовая зона. Всюду выступы скал, напоминающие полуразрушенные минареты, серые потоки россыпей, сбегające длинными языками на дно узких лоцин, контуры глубоченных цирков да гладко отполированные

лавинами откосы, под которыми лежали остатки совсем недавних обвалов. Все здесь голо, разрушено, измято и сброшено в глубину провалов.

Отвесные стены скал, крепко спрессованный снег и толстый слой мха, покрывающего россыпи, оберегают на последнем подступе грозные вершины Фигуристых белков. Попробуй подступись, — говорит их вид. Но мы упорно ползли вверх. Опасности подстерегали всюду. То под ногами рвется мягкий ягель, и если не успеешь схватиться за выступ или куст, сползешь вниз. То камень, за который ухватишься, чтобы удержать равновесие, сорвется. Еще труднее взбираться по снегу, непосредственно примыкающему к вершине. Зимние ветры так отполировывают его, что поверхность делается скользкой, как лед.

Из-за ближайших гольцов стал вырисовываться горизонт. Показалась первая вершина Фигуристых. Еще с полчаса карабкались по уступам почти отвесной стены, пересекли последнюю седловину с миниатюрным цирком и, передохнув, начали штурм белка.

Из-под ног срывались камни. Они с шумом скатывались в бездну, увлекая за собою сбитые ими обломки. Руки с трудом удерживались за карнизы. То приходилось нагибаться, чтобы пролезть под нависшей над пропастью скалою, то ползти на четвереньках. Все здесь круто и предательски неустойчиво. Нужна большая осторожность, чтобы не упасть или не быть сбитым сорвавшейся глыбой. А внизу грохотали потоки камней, недовольно ворчали скалы, на дне цирка не смолкало эхо. Но вот сверху доносится крик восторга. Кто-то уже достиг вершины. Все оставшиеся подтянулись. Я поправил лямки на плечах и торопливо стал карабкаться по откосу. Не хватало воздуха для дыхания, уставшее тело не разгибалось. Наконец-то под нами вершина.

Вот она, горная страна, сокровищница Сибири! Всюду могучие хребты. Справа, за Базыбайскими гольцами, виднелся хребет Эргак-Торгак-Тайга, протянувшийся на сотни километров с востока на запад. Северные снежные склоны этих сумрачных гор дают начало бесчисленным ручейкам, питающим прозрачной водой Кизир. Человека поражают причудливые формы гор: то остроконечные пики, то мощные гольцы с тупыми, словно срезанными вершинами, то пилообразные, разрушенные временем отроги. Вечная тишина царит в этом краю. Разве только зимой долетит сюда отдаленный грохот снежных лавин да летом прогремит гроза. По северным склонам Фигуристых виднелись бесконечные ряды цирков. Ни единого деревца. Только россыпи, мох да лишайник. Но ниже виднелись альпийские луга с изумительной зеленью, украшающей отроги, вершины распадков и белогорья. Травы здесь никогда не вянут, не знают осени, — так и покрывает их снег в цвету. Ниже альпийской зоны луга мешаются с кедровым редколесьем и образуют непревзойденной красоты елани. Северные склоны Фигуристых белков хранят незабываемые следы грандиозных разрушений, причиненных им ледниками. Остатки их сохранились до наших дней в виде незначительных ледников, расположенных под белками восточнее нашей вершины.

Южные же отроги белка более доступны. Время сгладило их вершины, затянуло россыпи растительным покровом. Тут давно растаял снег, много тепла, сочной зелени — все, что манит зверей. На дне глубоких распадков и по крутым увалам можно легко встретиться с медведем, маралы в это время придерживаются травянистых мысов с кедровыми перелесками; а союжи спускаются с белогорий к границе леса, предпочитая весной питаться свежими листьями ерника, березки, голубики и других растений.

— У кого бинокль, посмотрите, что там за черная точка и, кажется, шевелится, — Прокопий показывал рукою на дно провала.

Все собрались у бровки и стали смотреть вниз. Я достал бинокль и увидел медведя. Он что-то копал в болоте на берегу небольшого озера. Козлов и Лебедев столкнули в пропасть огромный камень. Снова заворчали скалы, долго не смолкало эхо, но на Мишку грохот камней не произвел впечатления. Сбросили еще камень. Медведь вдруг посторонился, долго стоял неподвижно, повернув голову в нашу сторону. А в

это время в поле зрения бинокля снизу появился марал. Он ленивой походкой шел по направлению к озеру и уже был недалеко от хищника. Тот вдруг вздыбил и, вытягивая голову, стал прислушиваться. А марал, не замечая его, приближался к опасности. Мы замерли в ожидании роковой развязки. Каково же было наше разочарование. Медведь, круто повернувшись на задних ногах, неожиданно бросился наутек.

Мы не разгадали, за кого он принял марала, тотчас же исчезнувшего своим следом. Чтобы потешиться над медведем, люди стали кричать, свистеть, бросать камни. В горах поднялся невероятный гвалт, не на шутку перепугавший косолапого. В паническом бегстве, взбираясь по крутой стене цирка, он ни разу не остановился, не оглянулся, но его прыжки заметно сузились. Он чаще стал срываться с карнизов и все же выбрался до отвесного надува, прикрывающего седловину. Растопырив, как летяга, все четыре ноги и впиваясь когтями в заледеневший снег, медведь через несколько минут был наверху. Он оглянулся и, как бы посылая проклятья нам, исчез за скалой.

Появление марала и медведя растревожило дремавшую во мне охотничью страсть. Прокопий легко уговорил меня идти на охоту, а остальные спустились в лагерь, чтобы утром выйти на белок с очередным грузом.

Скалистым гребнем, что круто спадает с вершины белка в Базыбайскую долину, мы спустились к пологому отрогу. Шли осторожно, прощупывая взглядом шероховатую поверхность гор и внимательно приглядываясь к зеленому покрову склонов. Вдруг Прокопий остановился.

— Олени... — произнес он и показал на соседний отрог.

Внимательно присмотревшись, я действительно заметил там стадо сокжоев в шесть голов. До зверей было не более километра. Судя по рогам, которые хорошо были видны в бинокль, и по росту, можно было предположить, что в стаде две взрослые самки и три прошлогодних оленя. Шестым был старый бык. Его выдавали толстые, но короткие и сильно разветвленные рога, какие бывают у старых сокжоев. Он выделялся среди остальных и ростом. Это был крупный бык. За ним стоило поохотиться.

Пока Прокопий соображал, с какой стороны лучше подкрасться к быку, стадо несколько отдалилось и разбрелось по склону, но крупный зверь оставался все там же. Он часто поднимал настороженную голову и осматривался. С пригорка, где он кормился, хорошо были видны и распадок и лощина, по которым можно было подкрасться к нему.

Мы спустились по отрогу, обогнули скалистый мыс и подобрались к устью лощины. Солнце уже склонилось к горизонту, и тени прикрывали второстепенные вершины гор. Нужно было торопиться, иначе темнота опередит и нас постигнет горькое разочарование.

Прокопий осторожно шел впереди, нащупывая ногами твердую опору, и не сводил глаз с пригорка. Скоро мы поднялись к одинокому кедру, замеченному нами еще с соседнего отрога, и выглянули из-за него. Стадо паслось за пригорком, но бык спустился ниже. Он находился метрах в двухстах от нас. Мы видели только его спину да изредка рога, когда он поднимал голову. А тут, как на грех, солнце спряталось за горизонтом. Стало темнеть.

Прокопий снял ичиги, проверил бердану и, предложив мне тоже разуться, пополз дальше. Под его ногами бесшумно крошился сухой ягель, не ломались веточки, не трещал валежник. Охотник то выглядывал из-за камней, то, пригибаясь до земли, прятался за ерником. Потом лег на живот и осторожно пополз к кустам карликовой ивы.

Вдруг Прокопий замер, припав к земле. Я последовал его примеру.

— Видишь? — тихо спросил он, показывая глазами под куст ивы.

В двух метрах от себя я увидел небольшое животное светлорыжей масти, с длинными ушами, плотно прижатыми к шее. Оно затаилось под кустом, вытянувшись

и плотно прижавшись к земле. Ни единым движением животное не выдавало себя. Только черные глаза смотрели на нас с детским испугом. Так продолжалось с минуту. Прокопий, улыбаясь, протянул руку, как бы пытаясь поймать его, но одно мгновение, и тот вырвался из-под куста.

— Бек... Бек... — прокричал он и, разбрасывая ноги, помчался наверх.

Это был теленок-сокжой. Мы поспешили за ним на пригорок. Но там было пусто. Далеко впереди мы заметили серую полосу — перегоняя друг друга, удалялись звери. Первым мчался старый бык, а рядом с ним бежал теленок. Они выскочили на верх отрога и, не ослабляя бега, скрылись с глаз.

— Дьяволенок, угнал зверей! — с досадой сказал Прокопий.

У каждого зверя свои повадки. Самка снежного барана, например, никогда не покидает своего теленка. Уже в раннем возрасте он неотступно следует за ней по скалам, смело прыгает по уступам, преодолевает снежные перевалы. Детеныш кабарги видит свою мать днем только во время кормежки и ночью. Иначе складывается жизнь маленького сокжоя.

Обычно в первой половине мая самка дикого оленя уже находится поблизости от того места, где намерена телиться. Она выбирает вершины глухих ключей с пологими террасами, густо заросшими рододендронами, ивами, ольховником. Появившись на свет, теленок в первые дни плохо владеет ногами: уж больно они у него длинные и несуразные. Но природа, чтобы оградить беспомощного малыша от неприятности попасться на глаза хищнику, наделила его поразительной способностью прятаться. Теленку от рождения всего несколько часов. Услышав посторонний звук, он мгновенно припадает к земле, и, вытянувшись, положит головку на крошечные копытца передних ног, подберет под себя задние и прижмет уши. Такова неизменная поза спрятавшегося телка. При приближении опасности он мгновенно срывается с места и спасается бегством в чаще.

Теленок-сокжой первые дни жизни проводит в одиночестве. Чтобы не выдать своим присутствием малыша, мать обычно днем не бегаёт с ним. Он забирается в кусты или залегает в мох и терпеливо коротает день. Вы не услышите его крика, а если он и встанет, то всего на минуту и снова прячется. Редко кому приходится видеть в это время самку с теленком.

Когда же на горы ляжет вечерняя прохлада, невидимой тропой мать придет к малышу и пробудет с ним до утра. Ночные прогулки зверей очень коротки: будто самка боится оставить на траве след малыша.

Интересна еще одна особенность. Ни один из зверей так не боится гнуса, как дикий олень. Сокжои спасаются от паута бегством. Несколько километров они бегут по воде или тайге, затем бросаются на белогорье, носятся по отрогам или ложатся в снег. Так проходит весь день, пока не стихнет паут. Природа не зря наградила телят-сокжоев способностью прятаться. Малыши не смогли бы поспевать за матерью, когда она спасается от гнуса.

Еще до темноты спустились в ключ поближе к воде. После тяжелого и длительного перехода усталость взяла свое, и мы уснули, прикрывшись плащами. Жаркий костер сторожил наш сон.

А на следующий день с восходом солнца ушли снова к той разложине, где видели сокжоев.

На крутом увале, обросшем густой травой, нам попались две самки изюбров. Животные спокойно паслись, мы обошли их сторонкой и скрылись за узкой полоской кедрочей. Убивать их было жаль, потому что в это время года все самки уже имеют малышей.

На обратном пути, отбиваясь от назойливых комаров, мы поднялись на одну из вершин Фигуристых. Громадные непроницаемые серые облака ползли низко, задевая вершины гор. Какой-то хищник, видимо беркут, спокойно парил над горами. Облака были под ним и закрывали привычную горную панораму, но это не смущало его. Несколько позже мы, видели, как он, описывая в воздухе круги, медленно спустился и

исчез в непроницаемом тумане. Это поразило нас. Неужели зрение позволяет беркуту видеть предметы сквозь гущу облаков?!

Доказательством поразительной зоркости этого хищника служит тот факт, что птица не приземлилась к скалам, когда они были обнажены, и не села на один из торчащих вверх тумана пиков, а спустилась именно в туман.

Мы дождались, когда рассеется туман, и ушли к своим. Это и выручило нас тогда. Спустившись на дно седловины, туман совсем неожиданно поредел, и перед нами, словно выросший из земли, появился изюбр. Я еще не успел рассмотреть его, как раздался выстрел Прокопия. Зверь упал на землю. Это был молодой самец. Мы его освежевали и захватили по стегну.

Нас встретили радостно, и Алексей, уже давно не занимавшийся своим прямым делом, повеселел. Кто-то раздул огонь, появилась посуда, и скоро на огне забушевал котел, доверху наполненный мясом.

За время нашего отсутствия товарищи подняли на белок весь груз, кроме леса. На месте постройки лежали: куча битой щебенки, цемент, груды плоских камней и стояла форма для литья тура. Словом — все было готово, чтобы украсить гордую вершину Фигуристого белка геодезическим знаком.

Пользуясь хорошей видимостью, я наметил ряд вершин для посещения в ближайшие дни. С Фигуристых мы впервые увидели так близко Грандиозный. Он возвышался над всей горной панорамой и поражал взор своей мощностью, ребрами синеющих скал, да снежной белизною. Этим гольцом заканчивается хребет Крыжина у истоков Кизира. Левее внимание привлекал Двухглавый пик, расположенный в восточной оконечности Кинзимонского хребта. Его вершина напоминает приподнятые два пальца, чем он и приметен среди окружающих его многочисленных гольцов и мог послужить нам хорошим ориентиром для работы в центральной части Саяна. На стыке Пезинского и Канского белогорий хорошо виден Зарод, тот, что мы наблюдали с Мраморных гор. К нему-то и лежит наш очередной путь. Мне казалось, что с этого гольца откроются, пока что скрытые от нас, северные склоны белогорья, с долинами Пезо и Кана. Правее Зарода виднелась приплюснутая вершина Кальты, а за ней, еще правее, Пирамида -- наивысшая точка Канского белогорья. Таким образом, у Фигуристого белка мы увидели все нужные нам вершины.

На второй день к вечеру мы закончили работу на белке. Куда-то на запад умчались тучи. Солнце прощальными лучами освещало макушки гор. Еще полчаса, и на нашей пирамиде, что украшает и по сей день суровую вершину Фигуристого, погас последний луч заката.

Пришлось еще провести одну холодную ночь среди скал и утром покинуть белок. В три часа дня мы уже были в лагере. Наша надежда встретиться там с Пугачевым не сбылась, хотя его отряд должен был быть на устье Паркиной речки уже несколько дней назад.

— А у Гнедушки жеребенок родился, со звездочкой, — встречая нас, сообщил Самбуев.

Сколько радости было на лице табунщика! Мы всегда удивлялись его заботливости и привязанности к лошадям. Самбуев мог отдать свою лепешку любимому Горбачу и остаться на день голодным: из-за лошадей он был готов поссориться с каждым из нас.

У ЛАБАЗА

Схватка с медведем. На тропе мучная пыль. Наши запасы уничтожены. Идти вперед или отступить? Павел Назарович обиделся. Проводы товарищей.

Записка Пугачеву, оставленная нами на устье Паркиной речки, сообщала, что мы уходим к лабазу, в восточном направлении вдоль реки Кизира.

На лабазе хранилась одежда, обувь, мука, сахар, консервы. Это теперь для нас представляло необычайную ценность. Там предстояла и заслуженная передышка, обед с горячей лепешкой — ведь о хлебе мы давно мечтали, а те крохи, что давал

нам изредка повар Алексей, они, пожалуй, только раздражали аппетит. Курильщики еще на белке вытрусили остатки табака из карманов и кисетов, мечтая сегодня вечером наполнить их свежей махоркой. Только Павла Назаровича не покидала бережливость, и он, пожалуй, был самым богатым человеком. Его сумка с крепким домашним самосадом, правда, уже заметно отощавшая, выглядела еще очень соблазнительно, а трубка просто раздражала курящих. Часто к ней тянулась строго соблюдаемая всеми страдальцами очередь. Не успел старик докурить; как из трубки кто-нибудь уже тщательно вытряхивает пепел.

Курильщики меня заверяли, что пепел, перемешанный с сухими листьями бадана, придает им запах табака. И только позже, когда у Павла Назаровича в сумке почти ничего не осталось, выяснилось, что он, сочувствуя товарищам, нарочно недокуривал трубку.

Между тем наше продвижение продолжалось. Шли по залесенной долине вдали от Кизира. Стучали топоры, расчищая проход, далеко позади слышались крики погонщиков. Все с нетерпением ждали, что вот-вот появятся ведущие к лабазу затесы на деревьях, сделанные Кудрявцевым. Неожиданно слева у реки послышался отчаянный лай собак. Только теперь мы заметили отсутствие Левки и Черни. Спустя несколько минут ко мне подбежал Прокопий.

— Зверя держат!.. — крикнул он и бросился на лай.

Его длинные, словно ходули, ноги перелетали через колодник и ямы, а поляны он пересекал с быстротой козла, огромными прыжками. Я старался не отставать.

У толстого кедра Прокопий задержался, сорвал с ветки черный мох, выдернул одну нитку и, приподняв ее, стал наблюдать. Нитка, покачиваясь, заметно отклонялась вправо, показывая, в каком направлении движется воздух. Подбираться нужно было с противоположной стороны, чтобы зверь не мог учуять человека.

Сдерживая все нарастающее волнение мы приближались к Кизиру. Наконец сквозь поредевшие кусты тальника показался берег реки. Собаки продолжали неистовствовать. Глухо, злобно ревел зверь.

Прокопий остановился и, повернув ко мне голову, шепнул:

— Медведя держат...

А в это время послышались шум и грохот камней на косе. Мы приподнялись. Зверь, вырвавшись из-под наносника, бросился по гальке. Не успел он сделать два-три прыжка, как Левка, изловчившись, схватил его за правую заднюю ногу и отскочил. Зверь бросился за собакой, тогда вступил Черня. Медведь устремился за ним, но Левка, описав круг, снова оказался возле зверя. И так все время. Собаки поочередно хватили его, один справа, другой слева. Напрасно зверь ревел, метался из стороны в сторону, пытаясь отбиться от преследователей.

Схватка происходила в ста метрах от нас. Мы с Прокопием несколько раз прикладывали к плечу ружья, но не стреляли. Собаки и медведь кружились клубком. Летели камни, шерсть. Все же медведь сдался. Он присел на гальку и, пряча под себя искусанный собаками зад, стал отбиваться передними лапами. Это получилось так смешно, что мы невольно улыбнулись, а Левка и Черня продолжали наседать. Еще несколько неудачных попыток отпугнуть собак — и медведь, сорвавшись с места, бросился напролом к заливу.

Прокопий уловил момент, выстрелил. Зверь упал, но сейчас же вскочил. Волоча перебитую пулей заднюю ногу, он бросился в воду, намереваясь добраться до противоположного берега, но Левка и Черня опередили его. Завязалась борьба. Зверь безнадежно шлепал передними лапами по воде, мотал головой и ревел от боли.

Я попросил Прокопия не стрелять, а сам обежал залив и подкрался с фотоаппаратом к дерущимся. Медведь, в отчаянной попытке вырваться, набрасывался то на Черню, то на Левку, не выпуская его из воды. Напрасно он пугал их своей огромной пастью и окатывал водой. Собаки не отступали. Наоборот, с каждой минутой ими овладевал все больший азарт.

Левка, пренебрегая опасностью, добрался до морды зверя. Нельзя было медлить. Я вскинул штуцер, но тут медведь поймал Левку и вместе с ним погрузился в воду. На выручку подоспел Черня. Один отчаянный прыжок — и он на спине всплывшего зверя. Медведь вздыбил, но выстрел предупредил последующие события. Пуля пробила ему череп, и он затонул.

На поверхности показался Левка с разорванной шеей. Ища зверя, он глубоко запускал морду в воду, вертелся и от невероятной злобы лаял каким-то не своим, диким голосом. Припадок гнева у него продолжался несколько минут.

Не успели мы поднять медведя со дна залива, как подошел караван. Пока товарищи укладывали медвежье мясо во вьюки, я осмотрел желудок зверя (так мы делали всегда), чтобы составить представление, чем питается медведь. Каково же было общее удивление, когда в желудке, кроме муравьев, почек тальника и различной травы, мы нашли лоскут кожи от ботинка.

Прокопий долго рассматривал загадочную находку.

— Может, еще какая экспедиция тут бродит? — спросил он.

Вряд ли кто мог быть тогда в той части Восточного Саяна, кроме нас. Во всяком случае, признаков присутствия людей на Кизире мы не встречали. Но этот вывод почему-то расстроил Прокопия. Он стал торопить нас идти к лабазу, ни слова не говоря о своей догадке.

Прокопий шел впереди, часто останавливался и осматривался. После крутого поворота к горе мы вышли к долгожданному затесам. Значит, лабаз близко!

Неожиданно я заметил, что мы идем по тропе, уже кем-то проторенной, а листья, трава и стволы деревьев покрыты белой пылью.

"Ведь это мука", — с ужасом подумал я и тут же вспомнил о кожаном лоскуте, найденным в желудке медведя.

На тропе попалась консервная банка, затем клочок пергаментной бумаги от масла.

Еще несколько шагов — и мы остановились у разграбленного лабаза. Все, что хранилось здесь и долгое время было нашей надеждой, теперь лежало на земле затоптанным и раскиданным. Мука, цемент, масло, соль, махорка — все было перемешано, обильно смочено дождями и утопано лапами зверей. Одежда почти сгнила, всюду валялась изгрызанная обувь.

— Надо расседлать лошадей, — напомнил Мошков.

Товарищи молча провели караван к реке и там разбили лагерь. Я остался у лабаза.

Что же случилось? Лабаз был сделан прочно. Столбы, на которых стоял сруб, ошкурены и достаточно высоки, чтобы по ним могли забраться хищники. От мелких грызунов столбы спасали обивки из железа. Медведь вообще не трогает высокие лабазы, да ему и на метр не подняться по ошкуренному столбу. Но тем не менее сохранившиеся следы служили явным доказательством, что виновниками все же были медведи. Как же они могли попасть на лабаз и разорить его?

Доискиваясь причины, я увидел старую ель, сваленную бурей на сруб. По ней, видимо, поднялся первый смельчак; в этот же раз или позже он был захвачен другим медведем. Произошла драка. Вот тогда-то они и сломали лабаз. Все продукты оказались на земле в виде полусгнивших, никому не нужных остатков. Так погибли наши запасы, а ведь они в какой-то мере должны были обеспечить продвижение отряда в глубину гор.

Я присел на пень. Все это случилось совершенно неожиданно, будто упал занавес, преградив путь экспедиции. Мысли, самые невероятные нарождались, гасли, вытесняя одна другую. Горько стало вдруг — и огромный Кинзимонский голец, что стоит в клину слияния рек и как бы заслоняет вход во внутреннюю часть Саяна, показался мне совсем далеким и недоступным. Перед нами с еще большей остротой вновь встал мучительный вопрос: идти ли дальше, не имея ни одежды, ни продовольствия, или повернуть обратно? Страшно было подумать о возвращении. Ведь мы были у ворот самой интересной и малодоступной части Восточного Саяна. Вернуться, чтобы на следующий год снова пережить все трудности пройденного пути?! Это было почти сверх сил.

Продолжать путешествие — значит рисковать, и прежде всего людьми. Я не мог подвергнуть еще большим испытаниям своих товарищей. Ничего не оставалось, как вернуться, и чем скорее, тем лучше.

С таким решением я пришел в лагерь/Ворохом лежали неразобранные выюки. На стоянке не было обычной суеты, не горел костер, никто не собирался ставить палатки, будто все это стало ненужным для людей. Действительно, тяжело было всем сознавать, что бесцельно пропало столько усилий, бессонных ночей, голодовок. — Алексей, скоро ночь, надо ужин варить, — сказал Павел Назарович, доставая из выюка топор и направляясь к сушине.

Неохотно люди принялись устраивать ночлег.

Стемнело. В синеве неба сиротливо и ненужно мерцали тусклые звезды. На каменном перекате злобился седой Кизир. Слабо пахло влажной землей и молодой травой. Лагерь окружала сомкнутой стеною тайга. Никогда не забыть мне той ночи тяжелых раздумий и угрюмые лица спутников, озаренные пламенем костра.

Говорили откровенно, долго, обо всем. Одни предлагали срубить избушку и сложить в ней снаряжение, инструменты для следующего года, а самим разделить на два отряда. Одному увести лошадей к населенному пункту, а другому на лодках подняться насколько возможно по Кизиру с целью разведать проход к пику Грандиозный. Кто-то советовал пройти кратчайшим маршрутом через Саяны, отказавшись от геодезических работ и ограничившись лишь только обследованием для того, чтобы яснее представить эти горы и лучше организовать экспедицию в 1939 году.

Я молча прислушивался к разговору, стараясь определить настроение своих товарищей. Люди не хотели сдаваться, мысли о возвращении на них действовали гнетуще, и я почувствовал, что во мне ломается лед, появилась профессиональная, гордость. Позорно было отступить, сознаться в своем бессилии.

— А я вот думаю, — заговорил Алексей, — как наши великие землепроходцы ходили? Неужели они на годы запасались пельменями, молоком, сухарями? А ведь уходили далеко, край земли искали, боролись с вечными льдами и, может быть, не верили в свое возвращение. Вот это люди -- позавидуешь! И кто это выдумал слова "не дойдем", "не сделаем", или еще хуже: "вернемся"? — продолжал Алексей. — Нужно идти вперед. Ну, подумайте, приедем в Новосибирск — как будем выглядеть? Как мне отчитываться перед комсомолом? стыдно.

Все подняли головы. Кто-то подошел к костру, поправил огонь. Где-то высоко над нами метеорит огненной чертой пробороzdил небо. Шумел, не смолкая. Кизир.

— Никто еще не собирается бросать работу. Не так уж безнадежно наше положение, — вдруг обратился ко всем Мошков. — У других, наверное, и хуже бывает. Как ты думаешь, Павел Назарович?

— Кто его знает! Только без продуктов плохо будет, а с мясом что-то у нас не получается, — ответил старик.

— Да ведь мы же не охотимся, — вмешался в разговор Прокопий. — Все мимоходом только. Если заняться как следует, почему не добудем мяса? Зверя тут много...

— Дело еще не в том, что зверя много, а как сохранить мясо в такую жару? — возражал Павел Назарович.

— А помните, — обратился ко мне Мошков, — как нас на Охотском побережье звенки кормили мясными сухарями и вяленой рыбой? А какой вкусный суп мы ели из сушеной крови! Ведь это было летом, значит можно сохранить продукты.

— Конечно, дело тут добровольное, чего уговаривать, — сказал Алексей. — Кто не верит в свои силы — пусть возвращается, а я... — он окинул взглядом товарищей, — Степан, Кирилл, Тимофей Александрович, Самбуев, Прокопий, Кудрявцев...

Я встал, обнял Алексея.

— Довольно, друг! Ты, кажется, всех уже перечислил, но возвращаться кому-то придется...

Все взглянули на меня удивленно.

— Если вы решаетесь идти дальше, — сказал я, — то не следует подвергать всех тем испытаниям, которые неизбежно ждут нас впереди. Мы не можем ни в какой мере сравнить себя с великими землепроходцами, но и в нашей работе есть немалая доля того риска, какими прославили себя эти люди. Кому-то придется все же вернуться, чтобы организовать заброску нам продовольствия самолетами. Мы же пойдем дальше и будем продолжать свою работу. Следует еще серьезно подумать, как просуществовать до получения этого продовольствия, а самое главное — предугадать, сможем ли мы выбраться из этих гор, если почему-либо самолеты не обеспечат нас всем тем, на что сейчас рассчитываем, решаясь на такой шаг. Придется изменить весь распорядок нашей жизни и работы. А тебе, Алексей, предоставляется возможность показать свои способности. От тебя зависит многое. Подумай, чем заменить хлеб, как приготовить удобоваримую пищу без соли. Пользоваться поварским справочником не придется — там нет таких блюд. Сам подыщешь и названия кушаньям, которыми будешь нас кормить.

— Насчет приготовления не сомневайтесь, — улыбался Алексей, — а вот ежели затруднения будут с названиями, неужели не поможете?!

Все дружно рассмеялись. Было уже поздно, и товарищи стали укладываться спать. Мы с Мошковым еще долго сидели у костра.

— Тебе, Пантелеймон Алексеевич, придется возвращаться, — сказал я, -- и как можно скорее добраться до Новосибирска, доложить обо всем начальнику управления и, не задерживаясь, сразу же организовать заброску продовольствия, нужна и обувь и одежда, видишь, люди совсем обносились. Мы будем ждать тебя в вершине Кинзилюка. Посадить там самолет, думаю, нельзя -- все придется, сбрасывать.

— Я готов. Когда и с кем выезжать?

— Возьми Павла Назаровича, боюсь за старика — не выдержит и еще кого-нибудь. Поплывете на двух лодках. Мало ли какие случаи бывают, с водой шутить нельзя...

— Нужно торопиться, — сказал Мошков, пылливо заглядывая мне в лицо, — положение отряда незавидное. Сейчас вы рассчитываете, что там где-то в горах будет вам сброшено продовольствие, а если случится так, что не будет летной погоды или по другим причинам нам не удастся осуществить свой план, тогда что? Вы идете по меньшей мере на безумный риск. Если и на этот раз надежда обманет людей, тогда не выбраться вам отсюда. Вот об этом нужно хорошо подумать. Семь раз отмерь, а один раз отрежь — народная поговорка.

— Откровенно говоря, я не рассчитываю на помощь. Трудно будет разыскать нас в этих щелях, без предварительной связи, но надежда в людях должна жить. Есть другое, к чему нельзя оставаться равнодушным. Перед разговором, здесь у костра, я полагал, что многие проявят желание вернуться домой, и тогда мы ушли бы с теми, для кого отступление было бы невозможным. Но, как видишь, разногласий не получилось, — это замечательно. А ведь они понимают, что ожидает их впереди. Тут и голод, и неудачи, и опасность для жизни. Но люди идут, и с этим нельзя не считаться. Беззаветная любовь к родине и глубокая вера в ее дела — вот какое чувство руководит ими, это можно назвать шестым чувством советского человека. Это оно делает слабого сильным. Никто не хочет оставаться безучастным к делам своей страны. Поэтому мы и пойдем дальше. Я верю в искреннее желание своих товарищей преодолеть трудности. Ты только не забывай, Пантелеймон Алексеевич, с каким нетерпением мы будем ждать твоей помощи, и не обмани наших надежд.

— Все ясно... Но если что случится, где искать? Куда пойдете с вершины Кинзилюка, если не получите продовольствия — спросил он вкрадчиво, и его нависшие брови сомкнулись в раздумье.

— Будем пробиваться на север к Кану или Агулу.

Над горами поднималось солнце. В лагере все еще спали. Но вот пришел табун и с ним тысяча комаров. Они набросились на спящих. Так начался первый день того тяжелого периода, который пережила экспедиция в центральном узле Восточного Саяна.

Все, что осталось от наших запасов, мы собрали, провеяли и сложили, как драгоценность. Ни комочек, ни зернышко не осталось без внимания. Видно, лабаз был разграблен давно. Все попрело, зацвело, и только мешок овса, оставленный для лошадей, случайно сохранился между бревнами. Ни обуви, ни одежды не осталось. Ниже лагеря с утра застучали топоры, тесла, — это долбили лодки, вытесывали набои, упруги (*Упруга — деревянная полудуга к лодке). Я составлял докладную записку, чертил схему.

— За что же вы меня отправляете? — раздался вдруг голос Павла Назаровича.

Я взглянул на старика. Он стоял рядом, безнадежно опустив руки, крайне встревоженный.

— За ненадобностью, что ли? — продолжал он допытываться.

— Нет, Павел Назарович, только жалея вас. Ничего хорошего впереди не предвидится. Все труднее будет выдерживать испытания, которые ждут экспедицию. Возвращайтесь... Спасибо, большое спасибо, Павел Назарович, за все. — Я протянул ему руку. Но она так и повисла в воздухе.

— Уж лучше бы не брали меня сюда. Зачем мне жалость? — и кольчики его бороды заметно вздрогнули. — Правда, я немолод, но еще и не стар, чтобы стать бесполезным человеком, — продолжал он. — Алексей говорит: "Как он отчитываться перед комсомолом будет?" Совестно, значит. А разве во мне нет сознания? Ну, подумайте, если что случится с экспедицией, люди скажут: "Зудов хитрый, во-время убрался"... А я как раз и не хочу убираться, останусь с вами, может быть, и пригожусь, а пропаду... что ж дело наше общее.

— Ну, простите, если обидел. Мне казалось, что так лучше будет... Оставайтесь! — отвечал я ему.

Много упреков я выслушал и от других товарищей, сопровождающих Мошкова.

Отплывали они 12 июня. Утро было серое, неприветливое. Черные тучи медленно ползли, касаясь волнистой поверхности хребтов. Где-то на востоке, откуда надвигалась непогода, слышались раскаты грома. От ветра, что с утра гулял по низине, ощетинился Кизир и мутные волны непрерывно плескались о берег. Качаясь, шумела тайга.

Мы все собрались у реки. Две новенькие долбленки готовы были отправиться в далекий путь. Вьючный непромокаемый ящик с письмами, деньгами, и документами наглухо прибит к лодке, все остальные вещи хорошо уложены и привязаны к упругам. Сами долбленки покрыты корьем на тот случай, если захлеснет волною. Тогда вода не попадет в лодку, а скатится в реку.

В одну долбленку поместились Мошков и Околешников, в другую -- Богодухов и Берестов.

— Помни, Пантелеймон Алексеевич, — сказал я Мошкову, прощаясь. -- Самое большое через восемнадцать дней мы ждем тебя в вершине Кинзилюка, как условились на последней поляне, где ты и сбросишь нам продукты. Не забывай, что экспедиция будет находиться в таком районе Восточного Саяна, откуда непросто выйти... Ты знаешь обстановку, поэтому торопись.

— Я коммунист, — сказал он, отплывая. — Клянусь — сделаем все, и экспедиция получит продовольствие даже раньше, если будет летная погода. Разве что нас задержит река.

— Письмо-то мое не забудь, передай старушке, — говорил, волнуясь, Павел Назарович. — Да узнай, что там с Цеппелином, не заездили бы его сорванцы. Передай деду Степану, пусть близко не подпускает их к жеребцу.

— Сам зайду на конюшню, Павел Назарович, и слова твои дословно передам деду Степану, а на счет сорванцов — такие уж они у нас, ничего не поделаешь.

Мы расстались. Лодки, подхваченные течением, быстро удалялись.

— Не забудь письма сбросить! — кричали в один голос Алексей и Козлов.

— Непременно! — донесся издалека голос Мошкова.

ЗВЕРИНОЙ ТРОПОЙ НА ПЕЗИНСКОЕ БЕЛОГОРЬЕ

Ночью с ряжкой в Кизирских шиверах. Черня летит в пропасть. Дорожные мастера. Старый марал проводит стадо зверей. Павла Назаровича уносит поток. Воспоминания о дедушке Садире. Мы на Зароде. Гибель Звездочки. Кукушонок.

Жизнь экспедиции снова вошла в свое русло. Люди, кажется, смирились с трудностями и проявляли ко всему удивительную бережливость: одежда и обувь покрылись свежими латками, высушили и починили снаряжение. Только курящие в поисках заменителя табака ходили мрачными, вызывая у всех сочувствие. Дальнейшая судьба экспедиции зависела от наших охотников, от Черни и Левки да от щедрости природы. Мясо, рыба и черемша должны были заменить недостающие продукты. Мы договорились не двигаться дальше и не предпринимать никаких экскурсий, не имея во выюках и котомках трехдневного запаса пищи.

Нам предстояло очередное путешествие по Березовой речке на Пезинское белогорье. Всем идти не было смысла, — ведь переходы даже от привычного человека требуют больших физических затрат, а мы берегли силы для предстоящих более трудных маршрутов. К походу стали готовиться Лебедев, Козлов, Днепровский, Павел Назарович и я. Патрикеев и Лазарев оставались заготавливать мясо и рыбу.

Весь день прошел в суете. Я занимался техническими делами. Днепровский с Козловым ушли поохотиться за оленями на один из отрогов хребта Крыжина. Лебедев чинил сети. Остальные делали коптилку — вешала.

С каким нетерпением все мы ждали отряд Пугачева. Уже прошло несколько дней назначенного срока, а его все нет. Мысли одна мрачнее другой тревожили и не покидали меня. Путь у отряда далекий и не легкий, много переправ, а реки все еще продолжают дурить. Живы ли люди, может быть, нуждаются в нашей помощи? Порой обманчивый слух улавливал знакомые голоса, невольно настораживался, да напрасно — никого там не было.

Оказавшись в тяжелом положении с продовольствием, мы научились хорошо коптить мясо и рыбу. Причем делали все так быстро, что убитый утром зверь через сутки лежал во выюках в копченом виде. Это в основном и выручало нас, ведь летом в тайге очень сложно, а порой совсем невозможно сохранить мясо в свежем виде. Думаю, будет не лишне сказать несколько слов о том, как мы коптили, может быть, исследователям и юным путешественникам пригодится этот способ сохранения продуктов.

Коптилка делалась очень просто: навес на четырех столбах, размером, примерно, 1 : 2 метра, высотой 1,5, накрывали корьем или хвоей. Добытое мясо мы резали на тонкие ленточки и складывали на сырую кожу убитого зверя, солили, если была соль, и завертывали. За 4 — 5 часов оно успевало просолиться. Затем куски развешивали на тонкие палочки, уложенные между перекладин под крышей коптилки и разжигали под ними костер. Дрова для коптилки должны быть не смолистые, полусгнившие, преимущественно тополевые, которые не горели бы жарко, а дымно тлели. Таким же способом коптили и рыбу, предварительно выпотрошив ее и просолив. Подвешивали ее за хвосты. В такой несложной коптилке, под дымом, мясу и рыбе достаточно провисеть пятнадцать часов, чтобы получилась хорошая копченка, способная сохранять СБОИ вкусовые качества более десяти дней даже в жаркие дни июля. Нужно только почаще проветривать запасы.

К нашему счастью, уровень воды в Кизире к вечеру спал и мы решили порыбачить. Кажется, из всех способов ловли рыб в горных реках самая интересная и захватывающая, несомненно, — ночная ловля ряжкой. Лебедев у нас считался лучшим рыбаком и обладал поразительной способностью ориентироваться по темну на реке. Когда он заметил, что я готовлюсь рыбачить, серьезно сказал:

— Зря собираетесь, что у вас дела нет? Мы сплаваем с Курсиновым.

— Нет, не лишай меня такого удовольствия, поплаваем вдвоем, -- запротестовал я. С ним-то мы и провели на Кизире ту памятную для меня ночь.

Еще до заката солнца мы поднялись километра три вверх по Кизиру, стараясь запомнить: плеса, повороты и камни, торчащие из воды на перекатах. У скалы

задержались. Мокрец (*Мокрец — мелкое ядовитое насекомое) немилосердно жалил лицо и руки, пришлось развести дымокур. Расстилалась вечерняя мгла. В истоме угасающего дня тухла лиловая зорька. На листьях, на траве появились жемчужины холодной росы.

У слива, колыхая речную гладь, плескалась рыба.

— Лора? — спросил я рыбака.

— Не торопитесь, подождем, — ответил спокойно тот. — Вот как совсем стемнеет, рыба перестанет кормиться, тогда и начнем ряжевить.

Лебедев достал кiset и стал закуривать. Он медленно крутил папиросу, будто именно в этом процессе заключается наибольшее удовольствие.

— Ряжевку пускать будем вдоль струи. К ночи хариус поближе к берегу пробивается, любит он отдохнуть на мели. Как стукнем шестом, он спросонья бросится вглубь и попадет в сетку. Вот почему вдоль и пускается ряжевка. А вы когда-нибудь ряжевали, не боитесь?

— С тобою же на Олекме, не помнишь разве?

— А-а это когда тонули! Помню, — и он заулыбался. — Тут, пожалуй, попроворнее нужно, река быстрая, свалимся, досыта нахлебаешься, — добавил он, с упреком посмотрев на меня.

С востока давила туча. В темноту уплывали безымянные вершины гор, перестали плескаться рыбы. Встречая недобрую ночь, тревожно кричали кулички. Мы сели в лодку, бесшумно выплыли на середину реки. Несколько ниже в черном провале шумел, захлебываясь пеной, перекат. Лебедев стоял в корме, широко расставив слегка согнутые ноги и упираясь шестом о каменистое дно, еле-еле сдерживал на струе лодку.

— Бросай, — крикнул он.

С рук в темноту скользнула сеть. Замелькали бусинки березовых поплавок. Запела натянутая тетива. Кирилл Родионович, горбя спину, навалился грудью на шест, кряхтел от невероятного напряжения.

Лодка, вспахивая волну, дрожала.

— Все, — крикнул я, выпуская из рук конец сети и хватаясь за веревку.

Нас подхватило течение и бросило в безграничную тьму ночи. Ничего вокруг не видно. Навстречу вырывался предупреждающий рокот переката. Вдруг под нами беззвучно распахнулась речная зыбь. Лодка вздыбила и, зачерпнув кормой воды, скользнула по черным горбам волн. Справа, слева мелькали грозные силуэты камней. Лебедев, изгибаясь в натуге, бросал то вперед, то в сторону шест, направлял невзнузданного "коня" по узкому проходу.

Но вот шум оторвался от нас и лодка замедлила бег. Слетело минутное оцепенение. А вокруг еще больше потемнело от наседающих с востока туч. Я подтянул к себе конец сети, и мы, доверившись течению, поплыли вниз близ берега. Ряжевка шла, вытянувшись по струе, и только конец ее у лодки делал небольшую петлю. От легкого удара шеста о камни рыба в испуге бросалась вглубь — и там у сети вдруг всплеск, второй, третий, сердце забилося в приятной тревоге. Лодка чиркнула дном о камни, остановилась. Мы вытащили сеть, густо посеребренную трепещущими хариусами, и стали выбирать их. Не просто в темноте выпутать рыбу из глубоких кошелей ряжевки. Пока я вспоминал, как это делать, от Кирилла Родионовича беспрерывно летели в лодку упруго-холодные хариусы.

К реке прорвался сильный ветер и настолько холодный, что пробирал до костей. Позади во мраке вспыхивала далекая молния. На противоположном берегу всполошились гуси, и до слуха донеслись мерные шаги зверя по гальке.

— Видно где-то ниже брод есть, туда идет, — прошептал Лебедев.

Мы снова в лодке на струе. Опять скользнула из рук отяжелевшая ряжевка. Нас бросило в черное жерло переката. Смешались ночь, рев, ужас. От ощущения быстроты захватывало дыхание, что-то колючее подкатывалось к сердцу. Все вмиг забыто, — остались где-то позади жизнь, хлопоты, я не слышал даже, как хлестали

по лицу холодные брызги волн. И жутко, и хорошо, но так продолжалось недолго, иначе не выдержали бы нервы.

За перекатом нас ждала передышка, ленивая зыбь и все та же непроницаемая темнота. Вдруг по тучам хлестнула молния, на миг осветив вершины стрелчатых елей, нос лодки и каменистое дно реки. Оглушительные разряды грома потрясли землю и будто чья-то невидимая рука пронизала острием ножа все тело. Стало не по себе от наступившей тишины. Но вот снова огненный пунктир взрыл тучи. Над головами с грохотом ломался невидимый свод неба и словно из образовавшихся прорезей хлынули потоки холодного дождя. Нам ничего не оставалось, как подставить ему сгорбленные спины. А в ряжевке все гуще и сильнее плескались хариусы.

Дождь скоро поредел, но тучи набирали силы. Стало так темно, что я не видел самого себя и, если бы не шум надвигающейся шиверы, можно было поверить, что нас несет в бездонное пространство.

— Ишь ревет, как бы не захлестнуло, держитесь, — крикнул тревожным голосом Лебедев.

Лодка вздрогнула, нырнула и тяжело подняла нос. Позади затажно блеснула молния, распахнув мрак ночи и столкнув нас в пасть шиверы. От мигающего света кипела пучина раскаленным серебром. Вдруг веревка от плывущей впереди сети натянулась струной, я упал, но не выпустил конца. Лодка мгновенно повернулась носом навстречу волнам и замерла. В лицо ударило колючей струей.

— Задев! — вырвалось из моих уст.

Ряжевка зацепилась тетивой за камень и, чтобы удержаться на волне, нужна была геркулесовская сила. От напряжения у меня онемели руки. Вода хлынула через борт. Небо рушило на реку чудовищные раскаты грома. "Не удержать" — мелькнуло в голове.

— Крепи конец за лодку, выскакивай, — прорвался голос Лебедева, и я услышал всплески волны, стук шеста о каменистое дно и увидел исчезнувшую тень его.

Невероятными усилиями подтягиваю нос уже на половину затопленной лодки, привязываю конец веревки и, не задумываясь, бросаюсь в объятье волн. Меня сбила струя и отбросила вниз. Под ногами путались скользкие валуны. Мигающий свет молнии чертил пологий край берега. Скачу по волнам, падаю, захлебываюсь и все же выбираюсь на мель.

— Ниже спускайся, ниже, — кричит кормовщик брошенной лодки.

Наконец-то выхожу из воды. Выжимаю штаны, телогрейку. Слышу, как у Лебедева стучат челюсти и вырывается протяжный стон.

— Мешок-то с рыбой захватил, волоком по воде вытащил, — сказал он, взваливая мешок на плечи.

А дождь редкий, холодный барабанил по мокрой одежде. Ветер с воем гнул высоченные ели, трещал в чаще, ломая сухостой. Ночную тьму просверлил огонек — то наши, встревоженные непогодой, развели костер. Мы шли к нему. А позади, словно ради шутки, прорезалось звездное небо и из просвета насмешливо глядела на нас полная луна. Опять стало легко и просторно.

Товарищи помогли переодеться. На западе в тучах постукивал гром. Тепло костра вернуло нам бодрость. Кирилл Родионович, распахнув грудь перед пламенем, лукаво косился на меня, но вдруг разразился безудержным смехом.

— Чего это ты вспомнил?

— Вот вам и удовольствие, — сказал он и новый взрыв смеха разбудил тайгу.

— Ей-богу хорошо! — возразил я. — Ну, что из того, что мы вымокли, искупались, померзли. Человеку необходима такая встряска, когда и мышцы, и нервы, и слух, словом все, из чего сложен он, работают предельно, в единой связи. Тут-то и вырабатывается умение владеть собою. Хорошо и то, что мы не бросили лодку, не забыли про рыбу и выбрались из шиверы. Чем чаще будет проходить такая встряска, тем больше у нас будет сопротивляемости. Говорю хорошо! А посмеяться можно — и я присоединяюсь к общему смеху.

— А что случилось? — слышались голоса.

— Ничего особенного, — ответил, успокоившись, Лебедев. — В шивере ряжевка задела за камень, пришлось привязать к ней лодку и бросить ее, а самим брести.

— А с чего же смеялся? — допытывался кто-то.

— Это уж дело наше, — и Лебедев, взглянув на меня, словно растерялся.

Утром в лагере суета — готовились выступать на Пезинское белогорье. С нами шло под выюком шесть лошадей и Черня. Пугачева все еще не было. С собой мы уносили недоброе предчувствие и тревогу за судьбу его отряда.

Перебравшись через Кизир и распрощавшись со своими, направились искать ущелье, по которому Березовая речка вырывается из теснины. Километра четыре караван петлял по правобережной равнине, затянутой чащей высокоствольной тайги, пока не показался просвет между раздвинувшихся отрогов. Мы остановились и в поисках прохода разбрелись.

Река, миновав теснину, вдруг прекращает свой бешеный бег, течет устало в густой тени нависших крон берегового хвойного леса. И, как бы не желая слиться с Кизиром, поворачивает на запад вдоль крутых склонов гор.

Издали слышался голос Павла Назаровича, к нему мы все и направились.

— Тропу нашел, ею пойдём, — сказал он, показывая под ноги. На чуть заметной опытному глазу стрелке мы увидели глубоко вдавленные отпечатки копыт маралов. Совсем недавно два зверя пришли нашим направлением. Караван последовал за нами.

Вот и ворота — узкий проход, по которому Березовая вырывается из тисков скал к Кизиру. Тропа немного пробежала по руслу и стала круто взбираться по правому берегу на верх отрога. Я задержался, пораженный грандиозными водопадами, чередующимися почти непрерывно на протяжении более, чем километр. Река, пропилив себе проход, бешеными скачками летит по дну узкой щели. Она то резко вздымается на скалы, то с жутким стоном низвергается на дно глубоких воронок. Проходы завалены валунами, вода между ними бушует, кипит.

Тропа подвела нас к вторым воротам и затерялась по россыпи.

— Не может быть, чтобы она совсем пропала, — сказал Павел Назарович. — Тут где-то в лощинах попадетсЯ.

Лошади, преодолевая крупную россыпь и крутизну гор, били спины, крошили подковами камни, падали, но выбрались наверх. Там, за россыпью, тропа, снова попала на глаза. Обходя препятствия, она проделывала сложные петли, то подводила нас к реке, то тянулась зигзагами по травянистым мысам.

Чем дальше мы продвигались, тем шире становилась долина. Все открытые места там занимают таежные елани, которые, поистине, не имеют себе равных по красоте. Бесчисленное множество цветов, самых разнообразных по форме и окраске, покрывало эти елани. Травостой на них достигает метровой высоты, а отдельные растения и до двух метров. На более увлажненной почве растения превратились в настоящие заросли, в них с головой прячется конь.

В красочном наряде еланей чаще встречались широколиственные растения, больше из семейств зонтичных, они-то и определяют густоту луга. Дягель, дудник, борщевник, горная сныть в это время уже расцвели и, поднимаясь высоко над общим травяным покровом, украшают его своими крупными зубцеобразными листьями и зонтиками белых и зеленоватых цветов. Местами по еланям растут группами кустарники: ольха, малина, смородина и, почти не возвышающаяся над мощным травостоем, альпийская жимолость. В кругу этих темнозеленых кустов раскинулись березовые рощи, ласкающие взор белизной своих стволов.

Мы продолжали идти вверх по Березовой. Все чаще елани стали уступать место тайге, но совсем не исчезли. Переменяясь с лесом, они распространяются всюду по открытым пространствам и за границей леса приобретают черты чрезвычайно красочного субальпийского луга.

Тропа, по которой мы шли, не затерялась. От нижних Березовых порогов она проложена глубокой бороздой до вершины реки. Какое удивительное знание

местности обнаружили дорожные мастера, так удачно проложившие ее среди каменных нагромождений, глубоких лощин и безошибочно определившие броды через бурные потоки рек. Но странно, на тропе нет следов топора, лома, мы не видели остатков костров, биваков, вообще признаков пребывания там когда-нибудь человека. И все же чем дальше мы проникали в глубину долины, тем больше восхищались тропой. Кто же эти удивительно способные дорожные мастера?

Х Х Х

В 1939 году, продолжая гео-топографические работы на Восточном Саяне, мне посчастливилось, при необычных обстоятельствах, встретиться с этими "мастерами". Я должен был попасть на Пезинское белогорье со стороны Кольты -- верхний приток Кана. Моим спутником был известный саянский соболятник Василий Мищенко из поселка Агинск. Ехали мы по живописному Канскому ущелью. Торопились.

— Вон, видишь, сопочка, — сказал Василий, показывая рукой вперед. -- Там река раздвигается: влево идет Дикий Кан, а вправо — Прямой. Мы поедем по Прямому. — И он стал поторапливать свою лошадь.

Тропа скоро подвела нас к сопке, словно из земли выросшей посредине долины. Там мы остановились ночевать. Пока Василий возился у костра с приготовлением ужина, я поднялся на вершину сопки.

День заканчивался; тени гор спустились в долину. Мрачный хребет преграждал нам путь. Его опоясывали стены непрерывных скал, полосы вечных снегов да темные цирки, врезанные длинными коридорами в глубину хребта. На его крутых склонах всюду виднелись обломки пород, россыпи да следы зимних обвалов. На картах этот хребет называется Канским белогорьем.

Хребет казался совершенно недоступным не только для лошадей, но и для человека.

— Проедем, — спокойно сказал Василий.

— Но ведь ты же здесь никогда не ездил?

— Это неважно, главное — тропу не потерять, она сама приведет нас к перевалу.

Тропа виляла по кедровой тайге, разукрашенной березовыми перелесками. Она обходила крупные россыпи, опасные места, подводила нас к мелкому броду через реку и шла на подъем. Но чем ближе мы подбирались к величественному Канскому белогорью, перерезавшему нам путь, тем больше закрадывалось сомнений в успехе нашего путешествия. Проходы были загромождены недоступными скалами. Я иногда поглядывал на Василия, но, к моему удивлению, лицо его было спокойно. Поторапливая коня, он беспечно покачивался в седле, равнодушным взглядом осматривал горы.

А тропа будто на удивление становилась все торнее и торнее. Она подвела нас к хребту и раздвоилась. Мы повернули на запад вдоль левобережного отрога.

Верховья Прямого Кана в это время года еще были завалены снегом, под которым пряталась тропа. Но Василий ехал все также спокойно. На снегу была хорошо заметна глубокая стежка, протоптанная маралами, и мы по лей легко подвигались к Канско-Кальтинскому водораздельному хребту. Но подъем на перевал оказался очень крутым и каменистым. Взбираясь по нему, лошади срывались, падали, с трудом карабкались, пока не оказались на седловине.

Тропа, спускаясь в долину Кальты, не изменила своего западного направления, — это окончательно убедило нас в недоступности Канского белогорья, в той его части, где оно обнимает вершину Кана. К вечеру мы уже были в долине Кальты и совершенно неожиданно вышли на более торную тропу. Василий задержался. Он слез с лошади и стал осматривать следы, которыми была утоптана тропа.

— Ну, теперь можно быть уверенным, что завтра будем за Канским белогорьем, — сказал он, обращаясь ко мне. — Посмотрите, какая масса зверя прошла впереди нас! Он сел на лошадь, и мы поехали дальше. Теперь под нами была широкая тропа, словно проложенная по снегу дорога. Она круто повернула на юг. В зубчатом

горизонте белогорья чуть заметно обозначалась седловина. К ней-то и тянулась звериная тропа.

Только мы выехали на первую возвышенность, как Василий снова остановился и, приложив к глазам ладонь правой руки, долго всматривался в заснеженный склон седловины.

— Вот-те и попали за перевал! — промолвил он удивленно. — Придется обождать...

Я подъехал ближе к нему и тоже посмотрел в сторону теперь уже хорошо видневшейся седловины. Это был перевал. Под ним я заметил множество черных точек. Они двигались, то смешиваясь в одно пятно, то рассеиваясь по склону.

— Звери, — продолжал Василий, — не могут одолеть перевал, а мы с лошадьми — и подавно! Значит, рановато поехали, нужно было дней через десяток трогаться...

А я все продолжал осматривать седловину. Какая же масса скопилась там зверя!

— Не пойму, что гонит их туда за хребет, что за спешка, что им нужно там, — говорил Василий, удивленный поведением зверей.

Мы спустились к реке и лагерем расположились на берегу.

Мне очень хотелось увидеть, как маралы, пробиваясь через седловину, преодолеют десятиметровую толщу снега, обрывающегося стеной к Кальте. А Василия мучил другой вопрос: зачем спешат они туда, на южные склоны белогорья, в такую раннюю пору?

Два дня мы с утра до вечера сидели с биноклем на одной из возвышенностей, откуда открывался вид за перевал. Маралы пришли сюда из различных долин, расположенных севернее Канского белогорья. Молодняк и самки бродили по снегу или лежали, греясь на солнце. Быки топтались под самым перевалом и, пытаясь взобраться на верх отвесного надува, мяли ногами снег, прыгали, обрывались. Иногда все звери вдруг, словно встревоженные чем-то, сбивались в одно стадо и, повернув головы на юг, в сторону перевала, долго стояли неподвижно, будто прислушиваясь.

На третий день рано утром Василий, собиравший дрова для костра, вдруг позвал меня к себе.

— Смотри, старый зверь прошел, — сказал он, показывая на большой и необычно тупой след марала. — Этот бык наверняка проведет стадо через перевал, ишь как торопился! — и следопыт показал на длинный размах шага.

После завтрака я вышел на свой наблюдательный пост и был удивлен — под перевалом не было зверей.

— Поехали, — сказал уверенно Василий. И мы стали седлать лошадей.

Тропа, по которой пришлось продвигаться дальше, была проложена по глубокому снегу. Какая поразительная память у зверей! На проталинах снежная стежка маралов точно совпадала с материковой тропой. Следовательно, маралы шли строго над летней тропой, хотя ее и не было видно. Оказывается, стоит только один раз зверю пройти по новому месту, пусть это будет хотя бы в раннем его возрасте, он на всю жизнь запомнит этот проход. Даже больше: он не забудет, где перебродил реку, с какой стороны обходил колодник, скалы и где по пути кормился.

Хотя тропа была широкая и хорошо утоптанная, все же лошади грузли в снегу и часто заваливались. Мы были благодарны зверям, иначе нам ни за что не пробиться за перевал. Пришлось бы с неделю ждать, пока тепло сгонит снег.

Добравшись до надува, мы были поражены, с каким упорством маралы пробивали себе проход. Все там было утоптанно, взбито; словно на скотном дворе лежали кучи помета. Но перевал был взят совсем с другой стороны, левее того места, где топтались звери.

— Старый бык выручил... не иначе. Видно не все звери знают этот переход, — сказал Василий.

Действительно, от надува, который так упорно осаждался зверями, шла по снегу вправо глубокая борозда. Она была проложена по крутому откосу и обходила боковую сопку.

После больших усилий наши лошади оказались на верху надува. На дне перевальной седловины мы пересекли небольшое озеро, еще покрытое льдом, и через несколько минут перед нами развернулась во всей своей красе долина Березовой речки. В глубину ее сбегала извилистой бороздой тропа. Ее, как и многие другие, проложили звери. Нет иных переходов через Манское, Канское, Агульское белогорья, через дикие ущелья и могучую первобытную тайгу Восточного Саяна кроме тех, которые проложены необыкновенными дорожными мастерами — маралами, сожжоями, медведями. Даже центральная, более недоступная часть гор пересекается их тропами и существуют они там с незапамятных времен. Не бойся, выйдя на такую тропу, доверься ей, если она идет в нужном для тебя направлении. Трудно представить, каких усилий стоило бы человеку проникнуть в центр этих гор, если бы не было звериных троп.

Мы продвигались по седловине.

Поразительное различие существует в это время в растительном покрове противоположных склонов белогорий. Северная долина освещается солнцем гораздо слабее, поэтому снеготаяние значительно задерживается, тогда как южная, наоборот, находится под сильным влиянием солнечных лучей. Там отроги уже пестрят цветами, и ветер, налетающий из этих долин, несет с собою на северные склоны запах свежей зелени. Он-то и будоражит зверей, делая их нетерпеливыми. Вот почему, с таким упорством они рвутся в это время к солнечным долинам.

— Весна манит зверя, чует он зеленый корм, — говорит Василий, всматриваясь в позеленевшие склоны.

Мы спустились немного ниже и, действительно, увидели лужайку, покрытую недавно пробившейся зеленью. Мы услышали весеннюю песню проснувшихся ручейков. Вдруг кони все разом шарахнулись в сторону и стали вырываться. Я приготовил штуцер.

— Медведь что ли близко, — сказал Василий, успокаивая похрапывающих животных. Он остался с лошадьми, а я пошел вперед. У самого спуска в распадок лежал мертвый зверь. Подошел Василий и по следу, отпечатанному на мягкой траве, узнал в нем того быка, что прошел в последнюю ночь левее нашей стоянки. Это действительно был старый-престарый зверь. О его возрасте свидетельствовали, прежде всего рога, которые в глубокой старости не сменяются, то есть не отпадают. В этом возрасте они теряют свою симметричность и форму. У того мертвого быка были прошлогодние рога. Они не имели разветвлений и торчали как обрубки. Шуба на нем тоже, уже больше года, не сменялась.

— Вот она, звериная старость, на ходу умер... — грустно сказал Василий.

А я думал о другом. Наверное, жизнь этого марала прошла в долине Березовой речки, что лежала перед его потухшими глазами. Видимо, и родился он в одном из многочисленных цирков и под тенью душистой кашкары прошли первые дни его жизни. Там, на альпийских лугах, что украшают вершины этих сказочных гор, он проводил весну, лето и осень, питаясь сочной зеленью, нежась солнцем и прохладой. Но холодные зимы заставляли его ежегодно предпринимать длительные путешествия на север, в низовья реки Кан или Пезо, чтобы с наступлением тепла снова вернуться в родные места.

Так прошла его жизнь. И вот уже старый, возвращаясь последний раз с зимовки, он торопился, предчувствуя скорую смерть. Но желание еще раз взглянуть на те сказочные горы, что окружают любимую долину, вдохнуть теплый воздух и отведать свежей травы было превыше всего. Может быть, он действительно был тем нетерпеливым смельчаком, кто первым преодолел перевал. У него еще хватило сил добраться до зеленого пригорка, и, умирая, он, вероятно, видел перед собою родную долину и вдохнул аромат альпийских лугов.

Я склонился к голове марала и приоткрыл тощие губы. Между старых, расшатанных зубов торчала щепотка свежей травы.

Мы обвели стороной все еще похрапывающих лошадей и стали спускаться вниз к серебристой реке, что змейкой тянулась по темному фону кедровой тайги.

Поднимаясь к Березовой речке, наш караван к концу дня достиг правобережного притока, сбегаящего белоснежными скачками по крутому каменистому руслу. Тропа разбилась на множество мелких тропок и затерялась, и мы, не найдя брода, решили заночевать. Выбрали поляну, расседлали уставших лошадей, развели костер. Появилось полчище комаров, люди отбивались от гнуса руками, натягивали на головы сетки, но все это не избавляло от мучений и только ветерок, изредка забегавший в лагерь, приносил минутную передышку.

Из нашего меню совсем выпали хлеб, сахар, каши и консервированные продукты. Ужин состоял из копченого мяса и черемши, которую мы поедали в огромном количестве. Черемшу ели в походе, на временных остановках, словом при всяком удобном случае. Она должна была заполнять пустоту желудка и обманывать голод. После ужина еще оставалось много времени.

Кто мог воздержаться, не выйти в такой чудесный вечер на ближнюю возвышенность, чтобы с высоты не взглянуть вперед на предстоящий путь. Ведь с тропы мы видели только окружающую нас лесную чащу, изредка дно долины да боковые отроги гор — все это не давало представления о местности, которую отряд пересекал.

Со мною на вершину увязался Черня. Добравшись до первой разложины, мы стали подниматься по гребню, заваленному крупными обломками и прикрытому зеленым покровом из мясистых листьев бадана. Воздух до того был прозрачен, что терялось понятие о расстоянии. Недостигаемая глазу дневная даль приближалась вплотную, казалось, можно до нее дотронуться протянутой рукою. Прекрасен вечерний пейзаж. К сожалению, он еще не изучен художником, не воспет поэтом, хотя и хранит в себе много своеобразия, могущества дикой природы, несравнимый по изяществу этюд. В вечернем ландшафте нет ярких цветов, все завуалировано прозрачно-сиреневой дымкой надвигающихся сумерек. Но разве можно представить себе что-либо более привлекательное, нежели беспрерывные пространства кедровой тайги с латками цветистых еланей и, выглядывающими из глубины леса зазубренными утесами, со снежными пиками, нависшими над мрачными провалами. Кажется, задержал бы вечер и вечно любовался пейзажем Восточного Саяна, до того он прекрасен в непосредственной близости.

По вершинам гор уже расстился нежнолиловый отсвет заката. Снизу подкрадывалась тихая безмятежная ночь. Пернатые музыканты заканчивали хвалебный гимн убегающему дню. Все засыпало в приятной истоме, и только дым костра лениво клубился далеко внизу над стоянкой, да крепко тянуло душистой смолою, прелью скал и дуплом.

Мое внимание неожиданно привлек лай Черни. Я прислушался и удивился: на кого это он, разве соболя загнал в россыпь, больше некому быть тут на каменистом гребне? А лай скоро перешел в яростную схватку. Слух уловил возню, рычанье и взвизгивание от боли. От звонкого эха пробудилась долина, откликнулись угрюмые громады гор и, словно в испуге, начала торопливо гаснуть заря. Я в нерешительности стоял на возвышенности, напрасно пытаюсь разгадать, с кем связался Черня. Теперь было ясно, что это не соболь.

Лай вдруг сорвался с места, стал удаляться к видневшимся на косогоре скалам и там замер низкой нотой. Но скоро возобновился. Казалось, будто кто-то размеренно бил молотком по пустой бочке. Это озадачило меня. Я бросился вниз к скалам на помощь Черне. На ходу привел в готовность штуцер. Ноги скользили по листьям бадана, руки то и дело хватались за кусты, удерживая тело на крутизне. А в воображении уже выплывало то медвежья пасть с ржавыми клыками, то силуэт затаившейся рыси. По пути показалась альпийская лужайка, истоптанная следами. Стал рассматривать их и удивился: совсем недавно здесь паслись самка марала с теленком. Тут же я увидел и отпечатки лап кобеля.

Не было сомнения — Черня угнал маралов и, вероятно, уже расправился с теленком, в этом возрасте он еще не способен защищаться или спастись бегством. И как бы в

доказательство моей догадки лай стих. Бегу дальше, тороплюсь, еще надеюсь спасти малыша и ругаю себя за оплошность, что отпустил со шкворни кобеля. Вот уж и скалы вырвались неясным контуром из-за лохматых вершин деревьев. До слуха долетает возня, треск, хруст, грохот скатывающихся камней в пропасть. На ходу выламываю хворостину, хочется от всей души отстегать кобеля, чтобы и впредь не повадно было связываться с телятами. Спотыкаюсь по обломкам, кричу не своим голосом угрожая собаке и с тревогой посматриваю на потемневшее небо. В объятиях ночи уже затухла обманутая заря. Вот и край скалы. Вижу Черню под толстым кедром, оглядываюсь, вокруг никого нет, а собака с яростью грызет ствол дерева, прыгает на него и, падая, сталкивает обломки со скалы. Перевожу взгляд на вершину кедра и от неожиданности замираю. "Кто это там над сводом темных крон?" — мелькнуло в голове, и я поймал на себе две зеленоватых фары глаз. Они стали медленно сужаться, но не потухли, и до слуха донеслось гневное ворчание. Только внимательно присмотревшись, я увидел. черный комок и по рыжим пятнам на шерсти узнал крупную росомаху. Она животом повисла на сучке, опустив низко косматые лапы и пестрый хвост. Одно мгновение, я еще не успел сбросить с плеча штуцер, как хищник легким движением отбросил упругое туловище на край толстой ветки и с решительностью, свойственной только этому зверю, покатился по кронам вниз. Черня ловким прыжком поймал его на лету, и пошла потасовка. Оба противника обладали достаточной ловкостью, чтобы не сдаться друг другу. Схватка была смертельной. Замелькали разъяренные пасти, хвосты, лапы. Все же кобелю удалось свалить росомаху и стиснуть клыкастыми челюстями горло. Послышался предсмертный хрип, сопение. Но не успел я подскочить к дерущимся, как росомаха, изловчившись, сильным рывком задних ног перебросила собаку через голову и, не удержавшись, вместе с ней сорвалась со скалы. Грохот камней, сбитых падающим телами, был мне ответом в темноте.

Я подошел к обрыву и ужаснулся, увидев пустоту. Из: ее глубины все еще доносился шорох, непонятные вздохи, будто кто-то устраивал себе ночной покой. Затем все стихло. "Неужели погиб Черня?" — как молния поразила: меня эта мысль. Потерять так глупо собаку было непростительно. Кругом ночь, ни горизонта, ни дыма костра, только силуэты ближних кедров да темень. Куда идти? Решил выбираться к гребню — все равно не найти собаки. Шел ощупью, заслоняя руками лицо, а в голове боль, неразбериха от всего случившегося. Внизу у табора послышался выстрел — это наши обеспокоились моим отсутствием, подавали сигналы. И я, разрядив в воздух штуцер, зашагал бодрее.

В лагере никто не спал. Легкий ветерок трепал по темноте багровое пламя костра. Я рассказал подробно о случившемся и пережил молчаливый упрек товарищей за гибель любимой собаки. Решили рано утром сходить под скалу. На этом мы закончили первый день путешествия по Березовой речке.

Я долго не мог уснуть — к лицу липли комары, мешали мысли. Вспомнилась альпийская лужайка в кедрачах, где паслись маралы. Трудно было ошибиться, увидев там следы их и собаки, однако только теперь можно было представить, что произошло там. Возможно Черня: учуял зверей и бросился на запах, а в это время росомаха скрадывала телка и попалась Черне прежде, чем он достиг лужайки, иначе он не бросил бы маралов. В наших собаках живет непримиримая злоба ко всем хищникам, будь то медведь, рысь, соболь, вот почему он и связался с росомахой.

Ночью нас разбудил тревожный голос Павла Назаровича.

— Встаньте, собака воет, слышите!

Все вскочили. Из шума речного потока доносился затяжной вой Черни. Выл он тяжело, нутром обрывая звук на низкой ноте.

— Не иначе заблудился, — сказал кто-то.

Мы с Прокопием быстро оделись и бросились вверх по реке. Лунный свет полосами голубого дыма прорезал просветы между деревьев. Тускло серебрилась роса на травах, в цветах, под ногами. Мы бежали долго, изредка задерживаясь, чтобы уточнить направление, а вой слышался реже, тише. Вот и разложина, по которой

вечером я свернул на гребень. Постояли, послушали, не зная, куда бежать. Робкий рассвет золотил вершины гор. В чашу проникало утро с запахом цветущего луга, с песнями пробудившихся птиц, с затухающими звездами в голубом просторе неба.

— Где же он может быть? — произнес шепотом Прокопий, напряженно всматриваясь в сумрак леса.

Вдруг, совсем рядом, коротко взвыл кобель и на противоположной стороне луга, раздвигаясь, зашевелилась трава — это Черня волоком тащил по земле свой отбитый зад. Мы подбежали к нему. Собака, будто не замечая нас, взвизгивала от ужасной боли. Из открытого рта свисал сухой язык. Дышала она тяжело, как в жаркий день после утомительного бега. Нагрудная белая манишка пестрела засохшей кровью. Я склонился, и в его мутном взгляде уловил мольбу о помощи...

Совсем рассвело, когда мы принесли Черню в лагерь. К счастью, он отделался только ушибами, это радовало всех. Нам не удалось узнать, что же произошло с дерущимися под скалою. Да мы и не старались разгадать, обрадовавшись, что собака осталась жива. На ее груди мы не нашли ран, следовательно, кровь на манишке была росوماхи, которую он, видимо, так и не выпустил из мертвой схватки челюстей.

С выступлением пришлось задержаться. Сплели корзину для больного Черни, и он продолжал путешествовать на вьюке.

Я ушел вперед, чтобы без шума каравана созерцать окружающий нас мир, переполненный загадочностью, ароматом лугов, обилием красок. Когда остаешься один среди природы, да еще такой чудесной как Саянская, — все воспринимается легко, ярко запоминается. Загрубевшая в походах жизнь кажется бессмертной, легкой, ласковой. В этом одиноком свидании с природой она и открывается человеку более доверчиво. Шаг за шагом тропа уводила меня к зазубренным вершинам.

... Долина Березовой речки, пожалуй, одна из самых светлых и просторных долин, какие мы встречали в этой части Восточного Саяна. Наши лошади могли беспрепятственно передвигаться в необходимом направлении. Не нужно было прокладывать себе путь топором даже через могучий лес, местами покрывающий ложе долины в нижней ее части. Глазам открывалось необычное сочетание полян, леса и скал. Обширные елани были украшены рошицами белоснежных берез и полосками угрюмых кедров. Они прорезались с боков искрящимися ручейками, сбегаящими вниз по скалам. Лучи поднявшегося солнца, проникая сквозь разреженную крону деревьев, отбрасывали на ковер из диких цветов причудливые узоры теней.

К концу второго дня мы увидели перед собою верхнюю развилину Березовой речки. Одна тропа шла прямо через Кальтинский перевал, куда тянулась и светлая долина, перехваченная перелесками и цветастыми еланями. Вторая же, по которой нам нужно было идти, свернула влево и затерялась в узком ущелье.

— Торопитесь, — сказал Павел Назарович, с тревогой посматривая на затянутое облаками небо. — Дождь будет, вода придет — тогда не перебродить нам реку.

Он непременно хотел в этот же день попасть на противоположный берег Березовой. Караван тронулся и скоро скрылся в лесу, прикрывающем вход в ущелье.

Не прошли мы и пяти километров, как из-за поворота послышался шум порога. Слева надвинулись крутые горы и скалами оборвались у реки. Тропа, не изменяя направления, подвела нас к этим скалам и поползла наверх. Мы остановились. Слишком крут был подъем. Попытка перебродить реку ниже скал успеха не имела. Даже без дождя воды было много. Это свидетельствовало о наличии снега по лощинам южного склона Пезинского белогорья. Пришлось снова вернуться к тропе и осмотреть ее. Она обходит скалы верхом и метров через двести спускается к реке. Но в том месте, где начинается спуск, звери пробираются узким карнизом, по которому лошадям, да еще с вьюками, не пройти. Кроме того, чтобы попасть на карниз, нужно сделать примерно метровый прыжок вниз. Мы соорудили помост из бревен, расширили настилом карниз и только тогда, с большой осторожностью, провели расседланных лошадей. Но каково было наше разочарование, когда тропа

за спуском оборвалась у самого берега реки, а выше виднелись совершенно недоступные скалы. Место оказалось настолько узким, что негде даже поставить палатку.

— Эко досада, промазал, надо бы ниже поискать брод, а тут, пожалуй, не перейдешь, в порог затынет, — сокрушался Павел Назарович.

Надо бы вернуться, но уже было поздно, не успеть до темноты провести лошадей по карнизу. Оставалось одно: "ощупать" брод и в случае удачи перебраться с лошадьми на противоположный берег, а выюки оставить до утра здесь.

— Я ошибся, мне и исправлять, — сказал Павел Назарович.

— В чем же ваша ошибка? — спросил я его.

— Видишь, место какое неладное, надо бы разведать, а затем идти.

— Может еще переберемся. Степан, садись на Карьку и пробуй, — сказал я, обращаясь к Козлову.

Тот снял с ног ичиги, сбросил фуфайку и взял в руки повод.

— Стой, — подошел к нему Зудов, — поеду я.

Тон старика не допускал возражений.

Он отобрал у Козлова Карьку, подвел к берегу и стал разуваться. Содержимое карманов — табак, спички, трубку и всякую мелочь — он сложил в шапку-ушанку, глубоко натянул ее на голову и подвязал крепким узлом под подбородком, рубаху вобрал в засученные до колен штаны.

Мы с тревогой посматривали на бурлящий порог, обрывающийся ниже нас отвесной стеною в глубокую воронку. Упаси бог затынет... Хорошо, что ширина русла составляла не более двадцати пяти метров, но вода скатывалась валом с огромной быстротой.

— Будьте осторожны, — сказал я.

— Ничего, перебродим, — отвечал Павел Назарович, укладывая поверх седла полушубок.

Подтянув Карьке подпруги и водрузившись на коня, он спустился в воду. Река яростно набросилась на коня, стала жать его книзу. Карька заупрямился, полез на вал и, повинувшись седоку, рванулся к противоположному берегу. На середине реки конь вдруг застыл, упал, вода накрыла его. Еще секунда — и на поверхность всплыли вначале полушубок, затем Павел Назарович. А Карька, делая попытки найти опору, дважды прыгнул и повернул назад к нашему берегу, но поток снова отбросил его к скалам. Мы видели, как конь, пытаясь задержаться, бился о каменные глыбы, сопротивлялся течению, пока не попал в жерло порога и не был безжалостно сброшен в омут. Больше мы его не видели.

А в это время Павел Назарович с ичигами и брюками на шее, в фуфайке ловил полушубок. Мы подняли крик, пытаясь предупредить его о смертельной опасности, — ведь порог уже был близок, но наши голоса глохли в узкой щели скал, нависших над рекою. Я выстрелил из штуцера — и это не помогло. Наконец, старик поймал полушубок и, видно, только тогда понял весь ужас своего положения. Собрав все силы, он стал прибиваться к левому берегу, но вода тащила его вниз. Вот он уже у самого водопада, мелькнул полушубок, но рука успела схватиться за ветку черемухи, нагнувшейся над рекою.

Старик повис над водопадом, но полушубка не выпустил, зажав его ногами.

Кто-то побежал по тропе на верх скалы, остальные растерялись, и только Козлов в одно мгновение оказался в реке. Разрезая сильными руками волны, он добрался до противоположного берега и скоро был возле Павла Назаровича, все еще державшегося за ветку.

Мы видели, как Козлов вытащил старика на берег, и только тогда пришли в себя от волнения.

Заморосил дождь. На той стороне, где теперь находились наши товарищи, рос молодой лес. В нем нельзя было ни укрыться от дождя, ни развести костра. Пришлось браться за топоры и валить кедры, чтобы сделать кладки через русло. Деревья ломались, не доставали вершинами противоположного берега или падали

наискось в реку, и их уносила вода. Только шестой кедр лег удачно, упершись в берега. Мы перетащили по нему вещи и, прежде чем пошел сильный дождь, успели поставить палатку. Лошади остались на ночь привязанными к деревьям на другом берегу.

Павел Назарович лежал голый в моем спальном мешке и, постоянно вздрагивая, что-то бурчал. Когда ужин был готов и в палатке зажгли свет, он пробудился, отбросил капюшон и долго смотрел на нас каким-то странным свинцовым взглядом, точно не понимая, где он находится. Кружка горячего чая согрела старика. Он вылез из мешка, оделся и, не сказав ни слова, разыскал свой кисет. Все чувствовали себя виноватыми перед ним, а молчание, воцарившееся в палатке, только усугубляло напряженность. И действительно, мы были гораздо моложе, сильнее и не должны были разрешать ему первому переходить реку. Но теперь поздно исправлять ошибку.

— Это, Степа, тебе, — сказал Павел Назарович, подавая Козлову туго набитую чистым самосадом трубку. — Спасибо. Видно, суждено старику еще повидаться со старухой. Нынче ведь уже второй раз тону...

Лебедев с завистью смотрел на Степана. Даже мне, некурящему человеку, и то вдруг захотелось покурить из этой, казавшейся символической трубки. Последняя щепотка табаку была искренне преподнесена Козлову в знак благодарности.

— Зачем вам понадобилось ловить полушубок? Павел Назарович удивленно посмотрел на меня.

— Да ведь он же казенный, как же...

— А если бы погибли и вы вместе с полушубком, тогда что?

— Раз взялся, так уж нечего рассуждать: если бы да кабы. Что мог, то и спас. А то сказали бы — коня утопил, да еще полушубок казенный... А насчет утонуть, — добавил он: — смерти бояться — в тайгу нечего ходить.

Нам трудно было убедить Павла Назаровича, что такой риск из-за вещи никому не нужен. Но в то же время мы понимали, что дело тут не только в лошади и в казенном полушубке. Зудов не хотел терять авторитета бывалого таежника, боялся показаться старым и бессильным.

Думая о нем, я вспомнил историю о старом таежнике дедушке Сидоре.

Х Х Х

В 1936 году, возвращаясь с Охотского побережья, я заехал с Прокопием Днепровским на станцию Харагун, недалеко от Читы. Было это осенью, в середине октября. Мимо дома, где мы остановились, каждое утро шли промышленники с лошадьми, завьюченными туго набитыми мешками, с ружьями, собаками. И вот как-то утром я стоял за воротами и с завистью смотрел на большой караван охотников, пересекавший поселок.

— Чьи будете? — спросил хриплый голос.

На завалинке сидел старик с приподнятой рукой.

— Калашниковы, — ответил кто-то из охотников.

— За Онон?

— За Онон, дедушка, собирайся, догоняй!

Но у старика вдруг упала рука, низко опустилась голова.

Когда лошади прошли и пыль рассеялась, я подошел к нему и присел рядом. Старик плакал, но без слез, тихо всхлипывая. Невыносимо стало жаль его.

На нем была поношенная однорядка, подвязанная ветхим кушаком, на котором висели ножны от охотничьего ножа, а на ногах валенки, покрытые бесчисленными латками.

Глубокие морщины избородили его лицо. Глаза, маленькие, затянутые молочной мутью, были безжизненны, но в чертах лица сохранилось еще что-то приятное, то, что оставляет природа на лицах у людей, которые долго или в течение всей жизни соприкасаются с нею.

— О чем, дедушка, плачешь? — спросил я наконец.

— А зачем это тебе, ради забавы? — ответил тихий старческий голос.

— Я, дедушка, сейчас видел, как проходили белковщики, и слышал ваш разговор с ними, вот и подошел узнать, какое же горе связывает вас с этими охотниками.

— Ты чей же будешь?

— Нездешний, — ответил я.

— Нездешний... значит, издалека... Мое горе никому не нужно, паря, да и никому не понять его. Был Сидор охотником, тайгу ломал, медведя на рогатину брал, конские вьюки в поняжке носил, и не стало его — сотлел, высох... — И он задумался.

А в это время из переулка показались три человека и две завьюченные лошади; они еще не поравнялись с нами, а уж старик насторожился.

— Охотники? — спросил он меня.

— Да, — ответил я.

— Здравствуй, дедушка Сидор, — произнес подошедший к нам промышленник, — Мы Сахалтуевы, в хребет идем.

— Это Степана-то парни?

— Степана. Разреши нам нынче в твоём зимовье на Усмуне поселиться.

Старик вдруг спохватился, словно что-то вспомнив, закачал головою, как бы в знак согласия, и добавил.

— Смотрите, только не сожгите его. Огня зря не бросайте в тайге, берегите ее от пожара, да не растащите мои капканы-снасти, что на лабазе.

Охотник поблагодарил и скрылся за поворотом улицы. А я смотрел на старика и думал: "Неужели он еще собирается промышлять?"

— Раньше меня, бывало, никто на Усмун не попадал, — продолжал рассказывать все так же тихо дедушка Сидор. — Лучших соболей никто не ловил. На своих солонцах я бил таких пантачей — другим и не снилось. Вот этими ногами не одну тропу проложил по Усмунским хребтам, — и он, отбросив полы однорядки, показал на тонкие, как плети, ноги. — Ты спрашиваешь, какое у меня горе? Силу потерял, ослеп, ноги отказали, а тайгу все не могу забыть. Стоит она передо мною, как живая: с полянами, зимовьями, ловушками — и не освободиться мне от нее никогда. Люди идут в тайгу на промысел, а я сижу тут на завалинке, словно пришитый. И за что такие муки?..

— А сколько вам лет, дедушка? — спросил я после короткого молчания.

— Кажется, недавно, паря, минуло сто.

Х Х Х

И вот теперь Павел Назарович напомнил мне дедушку Сидора своею привязанностью к тайге, никогда не гаснущей к ней любовью.

А дождь мелкий, надоедливый шел и шел. По-над рекою медленно проползал в темноту туман. Время от времени в разрывах облаков появлялись ненадолго звезды. В природе приглушенный покой, только порог неумно ревел в щели, да изредка из недр промокшего леса доносился неодобрительный гул.

Козлов терпеливо дождался конца ужина и только тогда зажег трубку. Курил он жадно, а Лебедев умоляющим взглядом следил за ним.

— Ну, хватит, Степа, нас ведь двое, — просил он.

— Не приставай, сам знаю, когда дать, — и раз за разом затянулся.

Утром прорвалось солнце. Береговые скалы покрылись полосками ржавых подтеков. Земля, камни парились, и тучи снова грозились дождем. Мы с Павлом Назаровичем сразу же ушли вниз по реке искать Карьку, живого или мертвого. Уровень воды в реке поднялся за ночь почти на метр. Русло переполнилось, порог бушевал, страшно было смотреть. Конь, видимо, погиб, и его снесло далеко вниз. Вернулись ни с чем.

Товарищи уже перетаскивали груз к палатке, перевели на веревках через реку лошадей. Накормив животных, мы свернули лагерь и сопровождаемые дождем ушли к вершине Березовой речки. Трава, кустарник, хвоя гнулись под тяжестью влаги, почва до отказа напиталась водою. Лошади грузили. Редела тайга, все больше уступая место

луговинам. В невысоком травостое много черемши, красовалась алтайская фиалка, белые цветы троечника, душистый майник. Тропа неизменно сохраняла северное направление и вечером подвела нас к подножью Пезинского белогорья. Там проходит и граница леса, обозначенная толстыми кедрами-одиночками. Мы достигли зоны альпийских лугов, которые здесь перемежаются с полосами карликовой березки, ив, рододендронов.

Пезинское белогорье представляет собою небольшой довольно плоский горный барьер и служит продолжением Манского белогорья. На востоке оно упирается в Канские пикообразные гряды. В складках Пезинского белогорья и в озерах берет начало множество речек, в том числе Пезо, правые истоки Березовой, Тумановка. Главная вершина Пезинского белогорья Зарод, к которой мы стремились, расположена в восточной части белогорья. Под вершиной, с южной стороны, имеется слабо выраженный цирк. В глубине этого цирка лежит продолговатое озеро, из которого вытекает шумливый ключик — исток Березовой речки. На берегу его отряд и разбил свой последний лагерь.

Отпустив лошадей, мы наскоро поставили палатку и, укрывшись под ней, молча прислушивались, как по крыше барабанил дождь. Длительная непогода принесла сильное похолодание. Пошел снег. Бедные альпийцы, зима их застала в полном цвету, в благоухании. И что же случилось? Не осталось на поверхности фиалок, безнадежно склонили свои головки оранжевые огоньки, повяли зеленые ростки лука, осечки, окружавшие берега озера. А снег все шел, пока не упрятал под собою красочный покров полян.

Ночью я проснулся от стука топора — это Павел Назарович сутился у затухшего огня. Ни туч, ни тумана не осталось. Над нами светился звездный купол неба.

— Не могу уснуть без костра, — проклятая привычка. И дома мучаюсь, -- сказал старик, вздрагивая всем телом.

От лета не осталось и следа. Снег покрыл свинцовой белизною склоны белогорья, распадки и пушистыми гирляндами украсил кедры. Лишь озеро оставалось попрежнему темнобирюзового цвета и от чуть заметного волнения переливалось лунным блеском. Против палатки скучились, понурив головы, лошади. Казалось, только один ручеек, вытекающий из озера, продолжал жить. Пробиваясь по узкому руслу, он, не смолкая, тянет свою однотонную песню.

Восход солнца застал меня с Лебедевым поднимающимся на вершину гольца. Ноги мерзли, было холодно, и мы еле согревались ходом. Снежное покрывало сглаживало шероховатую поверхность белогорья. Ни тумана на горах, ни облаков в небе! Впереди нас ждало горькое разочарование — высота гольца оказалась незначительной. Ее перекрывали близко расположенные второстепенные гряды Канского белогорья и закрывали собою видимость на восток. Все старания найти хотя бы узкую щель между гольцами, в просвете которых, можно было бы увидеть далекий горизонт, оказались тщетными. Пришлось ограничиться изучением рельефа только Пезинского белогорья и зарисовками горизонтов. Так неудачно кончился наш поход.

К полдню снег согнало и снова запестрели лужайки. Расплылась теплынь. Появился комар. На Пезинском белогорье мы встретили довольно большие площади альпийской лишайниковой тундры. Отсутствие тундры на второстепенных отрогах обуславливается, видимо, наличием россыпей. Пятна тундры прикрыты мелкой щебенкой — это остатки валунов, разрушенных действием внешних агентов. Растительный покров тундры бедный. В основном здесь лишайники, местами они образуют пушистый ковер из нежно-бледного ягеля. Кустарник приземистый, корявый, чаще не смешанный друг с другом, и растет группами с преобладанием то одного, то другого вида. Наибольшее распространение имеет: брусника, кашкара, различные ивы, иногда крошечных размеров, березка круглолистная. Встречались синие колокольчики, горечавка, патриния с желтыми цветами, собранными в плотном щитковидном соцветии, смолевка, образующая густой дерновник, зубровка

алтайская и душистый колосок. Все эти растения селятся разрозненно на влажных местах и не составляют сплошного покрова.

На одной из седловин мы впервые, за все время нашего путешествия, начиная от поселка Черемшанка, увидели лиственницы Маленькие, исхлестанные ветрами, изувеченные стужей, они пришли сюда по северным склонам белогорья из глубокой долины Пезо. Выбравшись наверх, деревья как бы замерли в угрожающих позах. С противоположной стороны седловины лиственниц встречаются горбами старые кедры, не пропускающие их на жительство в солнечные долины. Именно там по северным граням Пезинского, Канского, Агульского белогорий и проходят южные границы распространения лиственницы (по отношению Центральной части Восточного Саяна). Отсутствие ее на Кизире и по всем многочисленным притокам, вероятно, объясняется только особенностями почвы. Ибо в борьбе с климатическими условиями это дерево более выносливое и имеет по Сибири наибольшее распространение.

В одиннадцать часов мы уже спускались вниз. Торопились, чтобы в тот же день переправиться на правый берег Березовой речки. Черня повеселел, но еще не мог ходить, ехал на вьюке. После снегопада уровень воды снизился и лошади благополучно миновали опасный брод. Но нас продолжали преследовать неприятности.

Оставалось перевести караван по карнизу. Дальше путь был свободен от препятствий. Лошадей расседлали, кроме кобылицы Звездочки, на которой были почти пустые сумы из-под продуктов да кухонная посуда, привязанная на верх седла. Вначале мы перетаскивали груз, затем перевели передового коня Соломона. Очередь дошла до Звездочки.

За карнизом, в том самом месте, где ей нужно было сделать небольшой прыжок на верх скалы, лошадь оступилась и повисла на карнизе. Она забилась передними ногами, пытаясь уцепиться за кромку скалы, но сорвалась в пропасть, сделала в воздухе сальто и у самой воды ударилась головою о сливной камень. Поток мгновенно подхватил лошадь и кинул в порог. Вместе с нею чуть не слетел туда и Козлов, пытавшийся удержать ее за повод.

Мы замешкались, затем бросились вниз по тропе с надеждой перехватить на перекате труп Звездочки. Оставшийся на скале Соломон, не видя возле себя лошадей, громко заржал.

Люди находились метрах в трехстах за порогом.

— Слышишь, сдается мне, конь кричит? — сказал остановившийся Лебедев.

— Да это наши на скале, — ответил я.

— Нет, прислушайтесь.

Действительно, из-под порога доносился какой-то странный крик, похожий на ржание. По тропе, догоняя нас, бежал Павел Назарович. Полы его кафтана развевались по ветру, он махал руками и о чем-то предупреждал.

— Звездочка-то жива, под порогом, — услышали мы.

— Не может быть.

— Кричит, ей-богу, кричит! — убеждал нас старик.

Мы повернули. Я не верил, чтобы кобылица могла остаться живой, падая с тридцатиметровой скалы, да еще на каменную площадку. И что же? Действительно, под самым порогом ржала лошадь, как бы отвечая на крик Соломона. Но попасть к ней было не так просто.

Порог проходит в узкой щели, и вода, падая с трехметровой высоты, образует широкий омут. Справа, где мы находились, в скале было большое углубление, охраняемое снизу и сверху неприступными скалами. Оттуда-то и доносился крик лошади. Попасть к ней можно было только вплавь, снизу, пользуясь обратным течением омута. Снова связали вьючки, и Козлов, раздевшись, поплыл с концом веревки. Мы очень волновались.

Через несколько минут из-за скалы показалась голова Козлова. Мы дружно потянули веревку.

— Да ведь это Карька! — крикнул Павел Назарович, и все остолбенели. Действительно, следом за Козловым плыл Карька, а не Звездочка, как мы ожидали. Теперь все стало понятным.

Карька, сбитый водой, как оказалось, не погиб в пороге, а был выброшен на берег в углубление скалы. Оттуда ему никогда бы не выбраться без помощи человека. Не подними крика Соломон, на который откликнулся Карька, мы прошли бы с караваном мимо, а конь остался бы, обреченный на голодную смерть. После осмотра оказалось, что у коня не было ни царапины, ни единого ушиба, но голод основательно подтянул ему бока.

Товарищи с лошадьми ушли вниз и должны были остановиться на ночь ниже развилины, а я с Прокопием направился вдоль реки искать Звездочку.

Вода умеет прятать свою добычу, но на одном из перекатов, в нескольких километрах ниже порога, мы нашли свои сумы. Лошади не было. Жаль было Звездочку, самую молодую нашу кобылицу.

Возвращались на стоянку береговой чащей, по чуть заметной тропе. Прокопий шел сзади. Оставалось метров пятьсот до палаток. Вдруг послышался его окрик. Я оглянулся. Нагнувшись к земле, он что-то рассматривал. Когда я подошел, он показал рукой на скорлупку от яиц и только что вылупившегося мертвого птенчика. А я ничего этого не видел, хотя проходил там же. Для следопыта найти мертвого птенца на тропе уже явление необычное, вызывающее желание разгадать, что за несчастье случилось с этим малышом.

— А вот и гнездо, — сказал я, показывая на круглый комочек, прилепившийся к развилине ветки над нашими головами. — Видно, упал... Пошли, — предложил я Прокопию.

Он отрицательно покачал головой.

— Птенец ведь только что вылупился ему не упасть самому... -- рассуждал следопыт.

— Ежели гнездо хищник разграбил, то как же он этого не подобрал? — Прокопий, не торопясь, снял котомку, приставил к березке свою бердану и стал взбираться на дерево.

Я наблюдал. Он добрался до гнезда, заглянул в него и вдруг округлил глаза и лицо вытянулось от удивления.

— Что там такое? — не выдержал я.

— Тут только один птенчик, но, он совсем не похож на" этот: какой-то смешной, большеротый, пузатый.

Над нами закружилась пара юрков. Они подняли панический крик, будто мы собирались отобрать их единственного птенца.

Прокопий походил по траве, осмотрел кусты, но второго гнезда не нашел, и мы отправились на стоянку.

Утром меня неожиданно разбудил Прокопий.

— Ты не спишь?

Я приподнялся и увидел в его руках гнездо с птенцом.

— Зачем же ты разорил его? — спросил я, вспомнив, как были обеспокоены родители.

— Принес только показать, ведь это он выбросил из гнезда другого птенчика.

Не понимая, в чем дело, я рассматривал малыша.

Ему нельзя было дать больше трех дней, и, несмотря на такой малый возраст, его уже обвиняли в братоубийстве. Гнездо было маленькое, один птенец занимал более половины всей площади, и поместиться здесь другому было трудно, не говоря уже о четырех или пяти, как это бывает у юрков. Бросалась в глаза необычно большая голова малыша, нехарактерная для этого вида птиц, и огромный шарообразный живот.

— Наверное, кукушонок, — сказал Прокопий.

Мы знали, что кукушка бездомница, своего гнезда не имеет и яйца откладывает в гнезда других птиц, поручая им же высидывать и выкармливать своих детей.

Мы задумались над тем, как кукушонок мог выбросить птенцов из такого глубокого гнезда, и решили попытаться определить, обладает ли только что народившийся подкидыш способностью вытолкнуть из гнезда птенцов или яйцо.

Мы скатали из лепешки шарик величиною с воробьиное яйцо, отполировали его и подложили под малыша. Опыт увенчался успехом.

Вначале птенец не реагировал на посторонний предмет. Но вот он начал жаться к одной стороне гнезда и одновременно выпихивал из-под себя мнимое яйцо. Потом бочком подлез под него. Еще одно движение — и, к нашему удивлению, шарик оказался у него на спине. Тогда птенец приподнял крылышки, казавшиеся беспомощными, и, удерживая ими на пологой спине жертву, стал задом пятиться к кромке гнезда. Наконец, "убийца" приподнял высоко спину и выбросил наружу груз.

Все это он делал уверенно и довольно быстро.

Таким инстинктом обладает кукушка с первых же дней рождения.

Описанный случай является ярким примером того, как хорошо быть человеком любознательным. Не будь у нас стремления к познанию различных явлений в природе, отнесись мы равнодушно ко всему, что встречалось по пути, мы многого не узнали бы, не научились бы отличать обычные явления от необычных.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КИЗИРЕ

Встреча с Пугачевым. Ночь на солонцах. Алексей бежит от марала. Панты. Разведка прохода на леднике Стальнова. Голод подтачивает силы.

В тот же день вечером в лагере на Кизире нас ожидала приятная новость: прибыл Трофим Васильевич с товарищами. Они закончили работу на Чебулаке, и теперь мы снова вместе.

За костром при вечерней прохладе Трофим Васильевич долго рассказывал про свое путешествие. Его путь, как и наш, лежал через многие препятствия, как правило, возникающие неожиданно и для преодоления которых требовались смелость, упорство и вера в свои силы. Большой опыт, неутомимая энергия позволили этому человеку вывести отряд из тяжелого положения и догнать нас. Теперь все мы вместе, и наше будущее не казалось совсем безнадежным.

Мы, в свою очередь, вспомнили про росомуху, "казенный" полушубок и про то, что Павлу Назаровичу неохота умирать, не повидавшись со старушкой. Слушатели смеялись от души, смеялся и старик.

Ночью из-за гор надвинулась непогода. Товарищи легли спать в палатках, а я решил переночевать у Павла Назаровича под елью. У него как всегда ночлег обставлен уютно, вещи прибраны, для одежды и обуви сделаны вешала, всю ночь, как в сказке, горит костер. В такой обстановке отдыхаешь с истинным наслаждением. Так вот, сидя у огня, обхватишь сцепленными руками колени и смотришь, как пламя пожирает головешки, а мысли бегут тихими ритмичными волнами как шелест травы, ласкаемой неслышным ветерком. Почему-то всегда такая ночь у костра, под сводами гигантских деревьев, мне напоминала естественную колыбель человека, от которой он давно бежал, но не освободился от ее притягательной прелести. Какое поистине неизъяснимое наслаждение быть среди природы, с ней засыпать, дышать спокойным ритмом ночи, пробуждаться с птицами и жить в полный размах сил. Тут свои театры, свои песни, свой замкнутый мир, невиданные полотнища картин.

Старик вскипятил чай. К нам подсел Кудрявцев, остававшийся на Кизире.

— Сегодня ходил вверх по реке, смотрел проход, — рассказывал он. -- Недалеко с той стороны впадает большая речка. Не Кинзилюк ли, Павел Назарович?

— За Березовой, помнится мне, других речек нет. Наверно, Кинзилюк, -- ответил старик.

— Пошел я берегом и наткнулся на звериную тропу, что твоя скотопрогонная дорога,

— продолжал Кудрявцев. — Дай, думаю, проверю, куда же она ведет. Оказалось, к солонцам. Посмотрели бы, сколько туда зверя ходит... Все объели, все вытоптали.

— А что же они там едят? — спросил я его.

— Тухлую грязь, вроде серный источник там.

Сообщение Кудрявцева было как нельзя кстати. На солонцах можно было легко добыть мясо, а главное — воспользоваться звериной тропой, чтобы пройти в глубь Восточного Саяна.

Солонцами обычно называются места в горах или тайге, куда приходят звери полакомиться солью. Они бывают природные и искусственные. К природным солонцам относятся места выхода мягкой породы, содержащей в своем составе соль, которую и едят звери. Искусственные солонцы устраивают охотники за пантами, специально насыщая землю соленым раствором. Сибирские промышленники солонцами называют минеральные источники, охотно посещаемые изюбрами. В хорошую погоду на солонцах легко добыть зверя.

Утром мы еще раз посоветовались, каким маршрутом проникнуть к пику Грандиозный. Павел Назарович не советовал идти по Кизиру.

— Не то что нам с лошадьми пройти, там черт голову сломит, — говорил он. — Место узкое, щеки, берега завалены камнями, а река, как змея, не подступись ни вброд, ни вплавь. Промышленнику зимою какая забота — сам да нарта, куда хошь пролезешь и то не хаживали. Бывало соболь уйдет туда, в трубу, ну и все, поворачивай восвояси, там его дом... Веретенем зовем это место.

— Может свернем по Кинзильюку? — спросил я старика.

Он долго молчал, теребя загрубевшими пальцами кончик бороды и вопросительно поглядывая на меня.

— Что же молчите, Павел Назарович?

— Не хаживал по этой речке, врать не буду, но слышал от бывалых -- пройти можно. Решайте сами, куда все, туда и я. Может по Кизиру проберемся, разведать надо.

Так и решили, задержаться на два-три дня, пощупать проходы по той и другой речке. К тому же нам нужно было и заготовить продовольствия на несколько Дней, чтобы в походе не отвлекаться и не задерживаться, пока не достигнем цели.

Лебедев готовился рыбачить, Пугачев строил коптилку, а я с Прокопием решили провести ночь на солонцах и поохотиться. У нас с ним все уже было готово, чтобы покинуть лагерь.

— И я с вами на солонцы, — подбежал Алексей.

— Ку-уда?! — переспросил Прокопий, недоуменным взглядом измеряя повара.

— Ты же давеча сам обещал взять меня, я и собрался, погляди, — и он повернулся на одной ноге.

Прокопий заулыбался. В руках у Алексея было ружье, сошки, сбоку, над патронташем, туго перехватывавшим живот, висел поварской нож, через плечо перекинут плащ, скатанный по-солдатски. В глазах нескрытая мольба.

— Ты бы, Алеша, белья захватил на всякий случай, ночь длинная будет, — кто-то язвительно посоветовал:

— Ей-богу не струшу и не просплю, даже не закашляю на солонцах. Возьмите! — настаивал он.

Пришлось задержаться и привести третью лошадь. Ехали левобережной стороной Кизира. Узкая звериная тропа, словно пунктир, то исчезала с глаз, то снова появлялась под ногами лошадей. Местами наш путь пересекал песчаный грунт, на котором нередко мы видели следы медведей и сокжоев, спасающихся здесь от гнуса. Иногда попадались полоски предательских болот, где лошади тонули до колен, с трудом вытаскивая ноги из вязкой грязи. А вдали в узком лесном коридоре нет-нет да и выткнется Кинзильюкский голец, грудастый, испещренный скалами да пятнами вечных снегов. Он стоит, как грозный страж на распутье в заветную часть Саяна. С его полуразвалившихся башен видно все: глубокие долины, серебристые реки, дно цирков и вершины далеких хребтов, отдыхающие в синеве неба. Справа за нами строго следили Фигуристые белки, пугающие человека своею недоступностью.

Снова показался широкий просвет — это Кинзильюкская долина, гостеприимно распахнувшая перед нами вход. На левом берегу Кизира увидели труппу могучих лиственниц, перекрывавших своей высотой плотно обступавшие их кедры.

Лиственниц немного, они растут всего на двух-трех гектарах земли и, пожалуй, больше нигде не встречаются в этой части Саян.

Перебравшись на правый берег Кизира мы остановились на крошечной поляне ниже устья Кинзилюка. Солнце опускалось в море лесов, подкрадывался мирный вечер, куковали кукушки. В тени дуплистого кедра, насупившись, дожидал ночь филин. Заметив нас, он нырнул в сумрак и, шарахаясь по просветам, исчез с глаз.

Мы договорились — Прокопий останется ночью с лошадьми, а мы с Алексеем уйдем караулить маралов. Пока мой спутники готовили ужин, я пошел осматривать солонцы.

В лесу попалась торная тропа. Она шла в нужном для меня направлении, присоединяя по пути боковые тропки и все глубже зарываясь в землю. Ею я и пришел к солонцам. Это обычный серный источник, отравляющий своим едким запахом воздух. Вода, просачиваясь сквозь щели плоской скалы, залегающей недалеко от берега Кинзилюка, образует небольшое болотце. Оно сильно взбито копытами зверей, в выемках, залитых водою, свежая муть. Со всех сторон к источнику проложены глубокие тропы. Значит маралы охотно посещают это место, земля черная, голая, как на скотном дворе, а окружающие деревья низкие, объединенные, изломанные и напоминают карликов, собирающих что-то на болоте.

Чтобы убить зверя, нужно было сделать скрадок. Марал — пугливый зверь и при посещении солонцов проявляет удивительную осторожность, видимо, там его нередко подкарауливают хищники. Приходит он туда потемну, а взрослые быки чаще в полночь. Но прежде чем появиться на солонцах, он непременно задержится поблизости, послушает, присмотрится, жадно обнюхает воздух и чуть что — шорох или подозрительная тень, исчезнет так же бесшумно, как и появится. Моей задачей являлось выбрать такое место для скрадка и так замаскировать его, чтобы зверь не мог обнаружить присутствие в нем человека.

Учитывая, что в ясную ночь течение воздуха, как правило, направлено вниз по долине или распадку, я нашел валежину на возвышенности, метрах в тридцати пониже болотца, огородил ее ветками и, чтобы мои движения были бесшумными, все под собою выстлал мохом. Но скрадок получился маленьким только на одного человека, поэтому Алексея я решил посадить на ближайшей тропинке, иначе от него не избавишься.

Над горами тускнел кровавый закат. Все засыпало убаюканное прохладой. Мы с Алексеем выпили по кружке чая и торопливо зашагали к солонцам. Я с собою взял Левку на тот случай, если придется ранить зверя, да и веселее с ним будет в скрадке. Ночь обгоняла охотников. В глубокой тишине леса четко и настороженно отдавались торопливые шаги. Слышно было дыхание соседа. У тропы задержались.

— Оставайся здесь, Алексей, караулить, — и я показал ему толстую валежину.

Он молча покосился на нее и почесал затылок.

— Что боязно? — Это от непривычки.

— Не то что боязно, а как-то неловко одному.

— За ночь привыкнешь. А если спать захочешь, тихонько свистни. Я отзовусь, и ты придешь ко мне.

— Что вы, неужто усну! — запротестовал он.

Мы расстались. Еще больше потемнело под сводами старого леса. Острее почувствовалось одиночество. Я уже подходил к солонцам, как послышался сдержанный свист. Через несколько минут он повторился громче. Потом тишину прорезал человеческий крик, в нем уже было отчаяние.

"Что же делать?" — подумал я и решил не отвечать. Алексею ничто не угрожало, кроме собственного воображения, пусть испытает до конца всю прелесть ночной охоты — может раскаться.

Добравшись до скрадка, я привязал Левку, примостившись поудобнее, замер. Кому приходилось проводить ночи на солонцах, тот знает, сколько тревожных минут вызывает малейший шорох или внезапный писк пробудившейся птицы. Охотнику кажется, что идет зверь, что слышны его шаги и даже виден силуэт. А зверь чаще

всего появляется на солонцах вдруг, совершенно бесшумно и нередко уходит незамеченным. Нужно иметь большой навык, чтобы не уснуть на солонцах и сквозь мрак ночи увидеть пришельца.

Левка улегся рядом. Собака непрерывно прятала острыми ушами, контролируя лесное пространство. Тишина подчеркивала малейший шорох, казалось, даже слышно было, как дышит свежестью хвоя, как плещется в болоте одинокая звезда, как копошатся в голове мысли, и звук налетевшего комара показался мне протяжным взрывом. Ожидание затянулось. Терялась связь событий.

Вдруг Левка заволновался. Он поднял морду и стал глубокими глотками втягивать воздух. Я взглянул на солонцы и руки сжали штуцер — там неизвестно откуда появилось темное пятно. Оно шевелилось и бесшумно, как привидение, подвигалось влево. "Какая удивительная осторожность" — подумал я. А в это время до слуха долетел всплеск, и кто-то раздавил отображенную в воде звезду. Это зверь выходил на середину болотца. Сердце, словно вырвавшись из плена, забилося в приятной тревоге. Присматриваюсь и не могу заметить рогов "наверное матка" — мелькнуло в голове, и я осторожно подал вперед штуцер на тот случай, если это не матка, а бык. Вдруг позади, у самого скрадка, испуганно рявкнул теленок. Случилось это так неожиданно, что я не помню, как вскочил, а Левка даже взвизгнул. От солонцов послышался тревожный крик самки, треск, шум, и все стихло.

Это действительно была самка. Она оставила своего теленка поодаль от источника, а тот случайно набрел на скрадок. Не знаю только, кто из нас больше испугался при неожиданной встрече.

Из-за ближайших гор появилась луна. Совсем посветлело. Алмазным блеском заиграла роса. Яснее обозначилось болотце и окружавшие его предметы. Снова надвинулась тишина.

Прошло более часа. Не выпуская из поля зрения источник, я продолжал любоваться игрой серебристых лучей. Все ожило, затрепетало в лунном блеске, и ночная сова, внезапно появившаяся над солонцами, показалась мне видением. В глубокой тишине четко и безудержно отдавался шум реки и ночь освежилась нежным туманом. Горько пахло серной водой, болотом и похолодавшим лесом. Но вот от реки долетел всплеск воды, я бы и не обратил внимания на него, но Левка вдруг насторожился, торчком подняв уши. Смутно вижу, как из-за скалы появился зверь. За ним второй. Молодые изюбры, самка и самец, постояли немного, осмотрелись, подошли к болотцу и стали пить. Я не стрелял — решил дождаться крупного пантача.

А в это время набежали тучи. За ними спряталась луна, и сейчас же погасли причудливые огоньки в каплях росы. В надвинувшейся темноте растворилось болотце, исчезли силуэты деревьев и контуры скал. Вдруг один из изюбров испуганно рявкнул, и звери разом бросились по лесу.

"Наверное, изменилось течение воздуха в связи с надвигающейся непогодой и звери учуяли нас", — думал я.

Прошло две, три минуты ожиданий. Собака, не успокоившись, продолжала молчаливыми движениями предупреждать меня о близости зверя. Вдруг неосторожная поступь и на болоте появилось огромное пятно, на этот раз с рогами. "Вот кто спугнул зверей", и я осторожно прижал к плечу штуцер. Все забыто, приглушено мгновенной вспышкой охотничьей страсти. Как на грех стало еще темнее и светящаяся мушка на штуцере не могла нащупать пятно на солонцах. Какая досада! Без ружья вижу, а как взгляну по планке — все сливается в темноте. А зверь, не торопясь, словно понимал, что находится вне опасности, шлепает ногами по болотцу и громко сосет тухлую воду. "Неужели уйдет?" — мелькнуло в голове. Снова прижимаю щеку к ложе, но предательская темнота прячет цель. От сознания того, что уходит от меня добыча, стало не по себе. Слышу зверь уже миновал болотце, вышел на тропу и его осторожные шаги затихли в ночи.

Вдруг оттуда, где сидел Алексей, раздался оглушительный выстрел, а затем и душераздирающий крик. "Что могло случиться?" — подумал я, и тревога уже не покидала меня.

Между тем на востоке появилась бледная полоска пробудившегося утра. Предвещающая дождь, черные тучи затянули небо, зашумела, покачивая вершинами, тайга. Пришлось покинуть солонцы и ни с чем идти на стоянку.

Каково же было мое удивление, когда я подошел к тому месту, где сидел Алексей. На тропе лежал, распластавшись, убитый марал. Роскошные восьмиконцовые рога — панты — свисли вместе с головою через колоду. Передние ноги до колен завязли в земле. На спине зверя еще лежали пятна зимней шерсти. Это и был тот бык, что ушел не стреляным с солонцов. Охотника нигде не оказалось, валялся только дробовик да шапка, отброшенная далеко в сторону. Вещи и убитый зверь подтверждали, что здесь что-то произошло с Алексеем, но что именно, я не смог разгадать.

Я быстро вспорол живот зверя и выпустил внутренности. Это делается всегда немедленно, иначе брюшина вспучится и мясо испортится. Затем отрезал голову с пантами и, нагрузившись, пошел на стоянку.

Прокопий не спал. У затухшего костра, свернувшись, лежал Алексей, весь в грязи, с исцарапанным лицом и руками.

Прокопий, заметив мой недоуменный взгляд, рассмеялся.

— Ночью блудил, — кивнул он головой на спящего и стал осматривать панты.

— Алексей рассказывал подробности? — спросил я.

— Нет.

— Ведь это он убил быка.

Прокопий вдруг выпрямился и вопросительно посмотрел на меня.

— Он ничего не знает.

— Убил? — спросил Алексей, просыпаясь и протирая глаза. Затем, будто что-то вспомнив, добавил: — Вечером-то, только вы отошли от меня, какая-то птичка начала свистеть, прямо как человек! Свистит и свистит!..

— А потом филин прокричал, тоже как человек, слышал? — засмеялся я.

Алексей безнадежно махнул рукой.

— Видно, не выйдет из меня охотника — врать не умею, — произнес он виновато и, довольный признанием, заулыбался.

— А ты помнишь, в кого стрелял? — спросил я. Он с недоверием покосился на голову изюбра и только теперь заметил в моих руках свой дробовик.

— Узнаешь? — допытывался я, показывая на голову.

— Неужели?! — просиял Алексей. — Ей-богу, я убил, все помню, — и стал рассказывать: — Когда вы ушли, какая-то робость навалилась. Страшно одному показалось в лесу, ну, я, как условились, потихоньку свистнул, а вы не отозвались. Вот, думаю, попал Алеша! Куда идти? Кругом темно... Прижался я к колоде, ни живой, ни мертвый. Букашка какая зашуршит или сам пошевелюсь, кажется — медведь подкрадывается, вот-вот схватит, хотя бы насмерть не задрал, думаю, а сердце тук... тук... тук...

Сдерживая смех, мы слушали молодого охотника.

— Кое-как до полуночи досидел, — продолжал Алексей. — Луна взошла, попривыкнул маленько, да ненадолго. Как потемнело, опять зашуршали букашки, всякая чепуха, полезла в голову, и вижу — что-то черное надвигается прямо на меня. Ну, думаю, конец! Из ружья-то пальнул и давай ходу. А дальше — не помню. И где костюм свой испачкал, не знаю.

— Видно, не в ту сторону бежал... — заметил Прокопий.

Мы заседлали лошадей и пошли к убитому зверю. Алексей долго рассматривал его и, увидев на траве свой след, рассмеялся.

— Вот это да... прыжок! Посмотри, Прокопий! — Он отмерил от колоды три крупных шага и показал на глубокий отпечаток ботинка. — Позавидовал бы чемпион!

— Это хорошо, Алексей, что зверь за тобою не погнался, вторым прыжком ты перекрыл бы свой рекорд раз в десять, — ответил Прокопий.

Сложив на лошадей мясо, мы ушли в лагерь. Алексей вел переднего коня, на котором поверх вьюка привязали голову с пантами. И откуда только у него взялась

такая: важная походка! От тревоги и страха, пережитых ночью, не осталось и признака; наоборот, охотник, казалось, был всем доволен. Такому трофею позавидовал бы любой промышленник. Даже Прокопий, не выдержав, заметил:

— Посмотрела бы твоя Труня, какого ты пантача свалил.

Алексей заулыбался, выпрямился и быстрее зашагал. Как-то особенно кстати теперь болтался у него за поясом поварской нож, а пятна грязи на одежде свидетельствовали о совершенном подвиге.

— А ведь у меня охотничья сноровка есть, — сказал он несколько позже, обращаясь к Прокопию. — С первого выстрела попал.

Прокопий улыбнулся и ничего не ответил.

Скоро мы оказались в лагере, и Алексей сразу же объявил:

— Вот посмотрите, на что способен ваш повар!

Нас окружили. Одни осматривали панты, другие развьючивали лошадей. Начались расспросы. Прокопий сразу приступил к обработке пантов.

XXX

Панты — это молодые рога у маралов и пятнистых оленей. Интенсивный рост их происходит в период с апреля по июнь. В это время панты — будущие рога — бывают мягкие, нежные, а кожа на них покрыта мелкими, но густыми волосками темносерого цвета. Панты представляют хрящевидную массу, внутри которой проходит сеть кровеносных сосудов. В период роста много беспокойства приносят рога самцам. Малейшее прикосновение веточки, капли дождя, даже холодная струя воздуха вызывают у зверя болезненные ощущения. Мы всегда удивлялись, с какой поразительной ловкостью пантач проносит свои рога сквозь чащу леса, когда удирает от врага...

Позже, во второй половине июля, панты под действием солей костенеют, все меньше поступает в них кровь, отваливается кожа. В первых числах сентября, во время гона у оленей, голова самца бывает украшена настоящими рогами, крепкими, способными к защите и нападению. После гона начинается последний процесс: в середине зимы эти красивые, порой огромных размеров, рога отпадают. Ежегодная смена рогов происходит у всех видов оленей, лосей и у некоторых других парнокопытных животных.

В лечебной практике китайской медицины с давних лет панты применяются для лечения самых различных заболеваний и считаются лучшим средством, освежающим организм человека. В Советском Союзе давно ведутся исследования целебных свойств пантов, в результате чего и появился общеизвестный препарат "пантокрин".

Чтобы сохранить панты убитого изюбра на долгое время, их заваривают. У нас имелся для этой цели лист железа, из которого мы сделали ванну. Установили ее на камнях, а под ней развели костер, причем начинали заваривать панты с оснований, постепенно доходя до отростков. Тогда кровь свертывается у выходных сосудов и не вытекает.

Опуская на какую-то долю минуты то одну сторону пантов, то другую в кипяток, Прокопий хорошо прогрел их. Потом он сдул с рогов пар и осторожно уложил их на толстый слой мха, приготовленного заранее. Минут через двадцать пять он проделал с пантами то же самое и до следующего дня подвесил их в тени под елью. Эта процедура повторялась дней десять. Панты постепенно теряли вес, уменьшались в объеме и так с шерстью засохли. В таком виде они могли сохраняться много лет.

XXX

Появившиеся ночью облака не рассеялись, спустились ниже, а в полдень снова разразились дождем. Кизир, выйдя из берегов, вынудил нас снять лагерь и отойти к горам.

Прежде чем тронуться дальше, мы решили проявить осторожность в выборе маршрута, ибо для исправления ошибок у людей уже не было сил. Отсутствие в нашем рационе хлеба, соли, сахара с каждым днем становилось все более ощутительным для организма. Теперь нужно было идти наверняка, избегать столкновения с природой, меньше рисковать, чтобы неудачами не поколебать веру в успех дела. Я с Павлом Назаровичем и Козловым направился верхами обследовать проход по Кизиру, а Пугачев с Бурмакиным уехали по Кинзилюку с той же целью. Затем решим, каким путем будем продвигаться дальше в глубину их.

Устьем Кинзилюка заканчивается широкое ложе долины Кизира. Дальше она постепенно переходит в ущелье. Реку сжимают горы. Справа, по ходу, где-то в облаках спрятались вершины Фигуристых белков, а слева, теснясь к реке, виднелся все тот же грозный Кинзилюкский голец. Как только мы сравнялись с ним, почувствовали, что вступаем в преддверье суровой и малоизвестной страны, и были захвачены особым, может быть, даже торжественным чувством, которое так хорошо понятно исследователям. Нас сопровождал непрерывный рев перекатов да мелких порогов. Местами из воды торчали скатанные камни, и мутная вода, наваливаясь на них, разбивалась в брызги и пену.

Плохо проторенная звериная тропа идет левым берегом Кизира по тайге, и здесь в просветах леса нас поджидали топи да ключи, сбегаящие со склонов шумными потоками. Скалистые отроги отвесными уступами подходят все ближе и ближе к реке, местами они нависают над буйным Кизиром. За каждым поворотом становилось все теснее, безнадежнее.

На второй день добрались до реки Белой. Это название соответствует молочному цвету воды в ней. Я не мог устоять перед соблазном, не посетить истоки Белой, где еще сохранились остатки грандиозного ледника, некогда покрывавшего хребет Крыжина. Ему-то и обязан рельеф этих гор своими курчавыми вершинами, цирками, выпаханнами в коренных породах, и глубокими троговыми ущельями. Со мною идет Козлов, а Павел Назарович решил проехать дальше, чтобы дополнить наши впечатления о Кизире, кстати сказать, не очень лестные.

Через час по выходе со стана мы вступили в полосу совершенно дикой природы, в царство хаоса. Какому дьявольскому разрушению подвергались северные склоны Фигуристых белков! Что-то из них сохранилось и торчит высоко в виде зазубрин со срезанными боками, другое провалилось, измялось и повисло. Нашему желанию двигаться вперед мешала растительность как живая, так и отмершая, беснующиеся ручьи, тенистые скалы, расписанные лишайниками. То мы, карабкаясь по россыпи, взбирались на уступы и по узким карнизам, нависшим над провалами, проползали вперед, то неожиданно под ногами появлялась звериная тропа, она вводила нас в сторону и обычно терялась. Послав проклятье ей, мы сворачивали и искали проход среди нагромождений и зарослей.

Наконец, мы достигли первой террасы главного истока Белой. Тут просторно, сыро, россыпи затянуты карликовой березкой, ольхой и ивой. Зеленые полянки пестрели альпийцами. Река, будто притомившись, лениво плескалась между крупных валунов, но у края площадки, словно вдруг пробудившись, начала свой бешеный бег в пропасть. По берегам холодного истока трава выше, пышнее. Всюду толпятся разноцветные лютики, желтые маки. Сухие склоны убраны нежным цветом фиалок, голубыми бокалами горечавки, тут и мелкий папоротник и бадан.

За террасой подъем стал круче. Под ногами неустойчивая россыпь, пустота.

Мы взобрались на широкий прилавок и на минуту задержались. С востока, толкая друг друга, бежали тучи. На противоположной стороне четко, грозно высились стены Кинзилюкского хребта, усеянные измятыми вершинами. На скалах виднелись ржавые подтеки и следы недавних обвалов. Хребет тянется вдоль правого берега реки Кизира широким разметом вздыбленных вершин, но у устья Кинзилюка выклинивается, внезапно обрываясь туполобым гольцом, по высоте мало или вовсе не уступающим другим вершинам. В его суровом облике, есть что-то манящее, неразгаданное, оберегаемое недоступностью скал.

Солнце уже перевалило за полдень, а мы еще только подбирались к истоку Белой. Нарастала крутизна, путь казался невероятно тяжелым. Мяса уже не хотелось. Тогда я впервые почувствовал физическую расслабленность -- результат длительного недоедания. Козлов отставал, шел тише меня. На последней остановке, а они неизменно учащались, я видел, как он безвольно опустился на камень, по привычке достал кисет, но скрутить цыгарку не смог — Дрожали руки. "Неужели Степан сдался?" — мелькнуло в голове. Ведь он был лучшим ходоком у нас. Присмотревшись, я заметил бледность на его лице, что-то печальное в глазах, а неравномерное дыхание выдавало слабость. Штанина на Козлове была разорвана, из прорехи выглядывали исцарапанные ноги, вдоль правой щеки лежал багровый ушиб. Эта картина вдруг породила во мне страшные мысли: дойдем ли мы до вершины Кинзилюка, не переоценили ли мы свои силы? С этого дня тревога за судьбу людей экспедиции не покидала меня до конца событий.

Идем дальше. Теряя последние силы, почти на четвереньках выбрались на край верхней террасы и здесь отдохнули. Из глубины цирка нет-нет да и дыхнет ледяной сыростью. Далеко позади остался лес. С нами карабкались по каменистому склону рододендроны да крошечные ивы, влачившие жалкое существование по прилавкам. При выходе на террасу мы увидели крошечную полянку, окруженную с трех сторон снежным полем и покрытую низкорослыми альпийскими цветами. Какое поразительное впечатление от этого сказочного контраста! Колокольцы водосборов, карликовые маки, разноцветные лютики, фиалки праздновали свою весну среди снегов, и хотелось спросить: кто занес вас в этот, еще совсем неустроенный мир, в область постоянных туманов, сырости и зачем? Эти отважные пионеры растительного царства поднялись сюда тайными тропами, чтобы поселить жизнь по бесплодным скалам вблизи вечных снегов. Какими малютками кажутся они среди обломков и стен, нависших над ними. И все же цветы полны гордости за то, что отвоевали у мертвой природы, как бы для опытов, клочок земли и своим присутствием освежали ее.

На террасе, куда мы вышли, лежит большое озеро, вправленное в каменистое дно молочно-зеленоватого оттенка. Такой цвет воде придает ледниковая муть, приносимая ручьем, вытекающим из обширного цирка, нависающего над террасой с запада. С боковых полуразрушенных стен озерной впадины непрерывными водопадами сбегает ручьи из верхних карровых озер. В восточной стороне террасы имеется ясно выраженный "бараний лоб", с характерными царапинами и шлифовкой. Под ним мы нашли давно сложенный из камней тур высотой в рост человека. Его, видимо, выложил геолог Стальнов, первым посетивший этот ледник и давший его описание.

Еще небольшое усилие, и мы, преодолев ступеньки, вышли на вал -- древние моренные отложения цирка. Высоченные стены из сланцевых скал хранят следы грандиозных разрушений. Было сыро и мертво в этой замкнутой с трех сторон чаще. Всюду развалины, обломки, "свежие" галечные отложения. Цирк врезается глубоким коридором в одну из мощных вершин Фигуристых белков. Она имеет абсолютную отметку 2591 метр. В верхней части он заполнен снегом и ледником, стекающими крутым потоком с белка и разделенными ниже на два самостоятельных языка. Лед слоистый синий, а в тенистых местах почти черный.

Козлов остался в цирке починить штаны, а я, сбросив с плечей котомку, штуцер и собрав остатки сил, ушел наверх. Редкие облака сомкнулись над горами плотным сводом. Дождь опередил меня, но он шел недолго, оставив после себя сгусток тумана на дне цирка. Видимость была хорошая, я присел на снег, достал бусоль, записную книжку, долго любовался горной панорамой.

От ледника, где я находился, на восток, захватывая все большее пространство, убегают изорванные гребни холодных скал с угрюмыми вершинами, горделиво поднятыми в синь неба.

Водораздельная линия хребта отмечена наибольшими разрушениями, на юг от этой линии виднелось большое приподнятое пространство, изрезанное ущельями рек

Базыбая Китата и Прорвы. Там все загромождено гольцами, соединенными между собою извилистыми гребнями, и украшено величественными скалами, образующими зубчатый горизонт. Отдельные высоты белков в этой части достигают 2500 метров. Под их тенистыми откосами лежат пятна вечных снегов. Другую картину представляют северные склоны Фигуристых белков. Они то падают вниз, теряясь в провалах, то длинными языками тянутся к Кизиру и поднимаются над ним черными пугающими стенами. Всюду, как истуканы, торчат каменные столбы. В верхних обрывах ютятся глубокие цирки, словно гнезда доисторических птиц. Нужно немного воображения, чтобы в контурах торчащих скал увидеть и самих птиц, они тут же над цирками, одни сидят у самого края с приподнятыми в небо разлохмаченными головами, другие, растопырив крылья, вот-вот взлетят. Местами виднелись пятна снега — это, вероятно, фирновые поля, заполняющие цирки и прикрывающие седловины.

Кажется, нигде на Саяне ледники не подвергли такому поистине грандиозному разрушению горы как именно здесь, в восточной оконечности хребта Крыжина. Вряд ли кто из пытливых разведчиков проникал в гущу нагромождений Фигуристых белков. Трудно поверить, чтобы туда могли пройти и звери. С болью и сожалением пройдем мимо и мы, зная заранее, что этого никогда не простишь себе. Не случись с нами продовольственной беды и не будь мы связаны с Мошковым местом и временем встречи, непременно попытались бы подняться в те цирки, куда стекают языки снежных полей, чтобы узнать, не остатки ли это ледников, взобрались бы и на грозные вершины. Еще много лет Фигуристые белки будут дразнить пытливых натуралистов, разведчиков, туристов, а те, кто проберется туда, унесут неизгладимое впечатление о Саянской природе.

Надвинувшийся из щелей туман прикрыв горы. Заморосил дождь, пришлось спуститься в цирк. Вечер сырой и прохладный застал нас на нижней террасе. Вернуться к Павлу Назаровичу нам не удалось. Заночевали в верхней границы леса, которая здесь проходит на высоте примерно 1500 метров.

Мы здорово устали, голод продолжал строить козни. Воспользовавшись светом небольшого костра, я решил записать свои впечатления.

— Вы слышите запах, откуда это его набрасывает? — сказал Козлов, вставая и с любопытством вытягивая голову навстречу вечернему ветерку, набегавшему случайно снизу.

Я тоже встал. Прохладный воздух был переполнен ароматом каких-то цветов, поглотивших в окружающей среде запаха сырости, мхов, обветшавших скал. В нем мешалась ванильная пряность с гвоздичной свежестью и еще с чем-то незнакомым, но очень приятным.

— И родится же этакий пахучий цветок, что духи, — заключил Степан, усаживаясь к костру и принимаясь за сушку листьев бадана... Их он курил, примешивая крошки тополевой коры, но, накурившись, долго отплевывался и чертыхался в адрес медведя, разорившего наш лабаз.

Рано утром мы спускались в глубину ущелья Белой. Опять набросило тот же запах. Мы стали присматриваться и увидели мелкие кустики высотой 30 — 40 сантиметров с мелкими листьями и светло— и темнорозовыми цветами. Они-то и были наделены тем самым ароматом, которым мы вечером восхищались. Это душистый рододендрон из вечнозеленых. Растет он в подгольцовой зоне, преимущественно по крупным россыпям, и местами образует сплошные заросли, вытесняя другие виды растений. В солнечные дни запах цветов душистого рододендрона распространяется далеко за пределы зарослей.

Мы наломали прутиков с цветами и принесли Павлу Назаровичу.

— Да ведь это белогорский чай, куда лучше лавочного. Чего же так мало принесли! — сокрушался старик.

Действительно, заваренный кипятком прутик передавал свой запах воде. С этого дня "белогорский чай" прочно занял место в нашем меню и люди не упускали случая собирать его.

На четвертый день мы пришли в лагерь. Пугачев уже вернулся с Кинзильюка.

У Трофима Васильевича после разведки создалось благоприятное впечатление о Кинзильюкском ущелье, чего не привезли мы о Кизире. После недолгих раздумий решили утром выступать. Наши продовольственные запасы пополнились копченым мясом и рыбой. Путь лежал на восток по Кинзильюку до ее вершины, где мы должны были дожидаться самолета.

— Неужели Мошков не догадается банку спирту прихватить, ну и устроили бы пир! — говорил Алексей, а в голосе сомнение.

Прошло уже много дней с тех пор, как были доедены крошки последней галеты, давно нет соли. Какой-то незначительный запас муки и сахара хранился во вьюке Алексея, но это на тот случай, если кто заболит. Трудно привыкнуть к несоленой пище, тем более если она однообразна.

Теперь не было необходимости собираться нам за трапезой: мясо висело в коптилке, и каждый мог подойти, взять сколько ему нужно и когда захочет. Черемша же свежая и вареная вызывала отвращение. Но самое страшное, что я заметил, возвратясь с Белой, — в лагере не стало обычного оживления. Люди замкнулись. К этому привели голод, угрюмая природа и неизвестность, что поджидала нас впереди.

Над горами сгущался сизый сумрак вечера. Побагровели тучи. По Кизиру расплзался туман, щедро разливал прохладу.

Костер давно догорел и, распавшись на угли, угасал. Все переговорили. Завтра выступаем.

— Ну, а ежели Мошков не подбросит продуктов, тогда что делать будем? С Кинзильюка, поди, далеко до Жилухи? — спросил Курсинов, самый старейший из рабочих, повернув в мою сторону суровое лицо, изъеденное комарами.

Товарищи насторожились. Наступило тягостное молчание. Этот вопрос мучил всех, в том числе и меня. Я верил Мошкову в его преданность делу, в его честность, но я не мог заглянуть вперед и на минуту времени. Мы должны были ко всему подготовиться, а самое главное не потерять надежду, которая еще жила в людях.

— Не может быть, чтобы Мошков забыл про клятву. Он коммунист, с него спросят, — ответил я, стараясь придать своему голосу наибольшую уверенность. — При всех случаях наш путь в жилуху лежит только через вершину Кинзильюка. Туда и пойдем. Сейчас еще рано давать оценку этому решению, как и равно сомневаться в успехе этого предприятия. В нашем распоряжении неделя, будем верить, что все обойдется благополучно.

— Живой о живом думает. Это правда, как и то, что все мы ослабли, и уже — не работники. Вот я и спрашиваю, что делать будем, если Мошков подведет. Пантелея знаю лучше всех, вместе росли, хваткий он мужик, а руки могут оказаться короткими: либо самолета не дадут, либо погода подведет. Не лучше ли нам сейчас бросить часть груза на устье, освободить под верх лошадей шесть, а потом приехать за ним: легче будет идти, — продолжал Курсинов при общем молчании.

— Это дельное предложение, Александр, так и сделаем. И уж, если Мошков не прилетит, тогда бросим все на Кинзильюке до следующего года и верхами будем пробираться в Жилуху. Как видите, не такое уж безнадежное наше положение, — сказал я и сам почувствовал облегчение.

— Закуривай, Шейсран, чего зажурился, — слышался голос Лебедева.

Он достал из-за голенища кисет, расшитый ярким узором, стал крутить цыгарку. Люди оживились, вспыхнули подсунутые в огонь головешки. В просветах облаков теплилось небо.

Дежурил Алексей. Он помыл посуду, сходил на реку за водой и ушел к лошадям. Палатка была открыта, легкий ветерок временами надувал ее приятной прохладой и безмолвием ночи. На землю текли бледные лучи разгоревшихся звезд. В полумраке сказочная картина: в лесу, вокруг костра танцевали черные силуэты, их тени бесшумно скользили по колоннам стволов гигантских деревьев, ложились на истоптанную траву, куда-то убегали, возвращались, падали на палатку и исчезали, чтобы снова начать свою пляску. Вдруг оттуда, где, забавляя ночь, играл колокольчик,

донесся грустный мотив — это Алексей играл на губной гармошке. Видно вспомнилось ему, что где-то далеко, далеко, куда бежал притомившийся Кизир, в маленькой кроватке спит сын, а рядом Груня — ласковая, желанная. Вспомнилось и защемило сердце, да некуда податься. Выручила гармошка — с ней легче грустится. Никто не спал. У каждого гармоника пробудила свои тайные думы, нахлынули воспоминания. Все, что было оставлено позади: семья, друзья, уют, городская суэта, вдруг вывернулось глыбой и заслонило действительность. По-детски захотелось передышки и маленького кусочка хлеба, хотя бы черствого, но хлеба. В открытую палатку просачивался запах пригорелой корки. Не было сил сопротивляться соблазну. Я встал, плеснул в лицо горсть холодной воды и снова улегся.

Вдруг протяжный свист и кто-то отчаянно крикнул:

— Перестань, слышишь, Алексей, перестань.

Гармонь смолкла. Лежавший рядом Прокопий облегченно вздохнул, и ночь звездная, безмятежно пленила тайгу.

ВО ВЛАСТИ ДИКИХ ГОР

Ночная тревога. У истоков Верхней Белой. Семейство маралов. К вершине Кинзилюка. Ожидание самолета. На подступах к Двуглавному пику. Куда идти?

23 июня свернули лагерь. На месте стоянки остался лабаз с небольшим грузом, а освободившиеся лошади были переданы более слабым товарищам. Река Кинзилюк при устье образует широкий залесенный проход, им мы и воспользовались. Караван вышел на звериную тропу, миновал серный источник и углубился в суровое ущелье, прикрытое могучей саянской тайгой. Справа, теперь провожая нас, высился толстенный Кинзилюкский голец. Черные сырые склоны, ступеньками спадающие к основанию, придавали ему все тот же мрачный вид.

Чем дальше мы продвигались по Кинзилюку, тем живописнее становилась долина. Она то сужалась, и над нами нависали скалы, то вдруг горы отступали, долина расширялась, и мы попадали в молчаливую тайгу, где плотный зеленый свод из ветвей столетних деревьев создает постоянную дневную тень. Всюду сумрачно, и только длинные клочья лишайника украшают свою сединою темный фон леса. Под ногами гигантский папоротник, а в воздухе сырость и запах гниющих деревьев. Мы старались, как можно скорее, пересечь эту чащу и обрадовались вдруг показавшемуся впереди просвету.

Ночевать остановились на лесной лужайке у ключа. Отпущенные лошади долго катались по траве, затем стали кормиться, только жеребенок улегся у палаток, а Бурка и Рыжка сторожили его.

С тех пор как он появился на свет, жизнь табуна несколько изменилась. Кони стали проявлять родительскую заботу о малыше. Пожалуй, мать меньше беспокоилась о нем, чем другие. Стоило только на минуту остановиться каравану, как Горбач и Санчо начинали ржать и ломали строй, ища жеребенка. Мы наблюдали такие картины: жеребенок ляжет отдохнуть, мать Гнедушка отойдет к другим лошадям, а Бурка останется возле него. Жеребенок проголодается и поднимет крик, разыскивая мать, и вдруг все лошади бросятся к нему, окружат и начнут непонятными звуками выражать свое беспокойство. Больше всех этому радовался Самбуев. У него только и разговору было о Воронке, — так назвал он жеребенка.

Вечерело быстро. Дым костра, поднимаясь над лесом, грязнил небо. Природа, как бы притомившись, засыпала в сладостном покое. Сон сковывал глаза уставших людей, и скоро в лагере все угомонилось. Темная звездная ночь прикрыла ущелье.

В поздний час, когда над рекою навис туман, а густая роса посеребрила траву, Левка и Черня подняли лай. Мы вскочили и, не зная, в чем дело, столпились у костра. Собаки, пытаясь сорваться со свор, бросились по направлению к дальнему углу поляны. Оттуда же доносился дружный бег табуна.

— Воронко!.. Воронко!.. — крикнул Самбуев, исчезая в темноте. За ним, заряжая на ходу бердану, бросился Прокопий. Трофим Васильевич отпустил собак.

— Улю-лю... Бери его!.. — доносился голос Прокопия.

А у огня появился жеребенок. Он был весь в крови. Лошади, обступив его, еще больше храпели. Теперь к голосу Прокопия присоединился и голос Самбуева. Мы с Лебедевым бросились на помощь. В темноте трудно было понять, что творилось. Собаки и какое-то черное животное катались по траве. Тогда Лебедев содрал с березы кору и, свернув трубочкой, зажег ее. Яркий факел осветил угол поляны. На траве лежала, сваленная собаками, крупная россомаха. Справа сопел Левка, впившись зубами в горло зверю, а Черня с другой стороны, упираясь передними лапами в бок россомахи, рвал ей грудь.

Мертвого хищника мы утащили в лагерь.

У жеребенка была прокушена с двух сторон спина и разорвано горло. Он лежал недалеко от костра. Лошади от него не отходили. Утром Воронко умер.

Мы продвигались все дальше по долине. С левой стороны ее оконтуривает близко подступивший к реке Кинзилюкский хребет. Это очень суровые горы. На какую бы часть его мы ни взглянули, всюду лежали глубокие щели, забитые почти никогда не тающим снегом, да светлые полосы — следы недавних обвалов. Вершины голые, безжизненные. Средняя часть хребта между Кинзилюкским гольцом и Двуглавым пиком несколько понижена и по высоте не превышает двух тысяч метров над уровнем моря. Природа украсила хребет причудливыми башнями и разнообразными фигурами. Северный склон его крут, мало озеленен, по расщелинам шумят водопады.

Чем дальше по Кинзилюку, тем живописнее долины. За каждым поворотом нас ждал новый пейзаж. Горы становились круче. В полдень слева показалось ущелье. Это Малая Белая — первый правобережный приток на нашем пути. С какой бешеной силой вода плещется по валунам, сжатая тисками береговых уступов. Ее предупреждающий рев слышен далеко и только у слияния с Кинзилюком замирает усмиренная старшей рекою. Караван подошел к берегу и в поисках площадки для ночлега остановился.

— Как бы опять дождя не было, — говорил Павел Назарович, осматривая горизонт.

— Вишь, вечерняя заря потускнела. Это — к перемене.

Действительно, на западе, там, где скрылось солнце, появились темные полосы, а затем я увидел на груди Кинзилюкского гольца клочья тумана.

— Что же делать будем? — спросил я старика.

— Переправляться надо, после дождя придет вода, тогда не переправиться, — ответил он.

Наметив брод, мы расседлали Бурку и загнали его в воду. Конь упрямылся, не шел, пугливо прислушиваясь к грохоту реки, но после внушительных уговоров направился к противоположному берегу, осторожно нащупывая ногами опору. На середине русла вода навалилась на него. Вздрыбил конь, полез на волны и вдруг спотыкнулся и упал. Мелькнули ноги, голова. Огромным прыжком Бурка все же вырвался из стрежня, выскочил на каменистый берег и долго трясясь в нервном припадке.

Пришлось подняться выше. Уже потемну перебродили реку на более мелком перекате. В небе бушевала гроза, лил дождь, но мы успели поставить палатку. Утром действительно Малая Белая выплеснулась из берегов и была совершенно недоступной.

Караван продолжал путь, направляясь к вершине Кинзилюка. После ночного дождя в долине долго было влажно, держался туман.

В солнечные дни мы обычно останавливались под тенью кедров, на краю поляны или на берегу ручья. В пасмурные дни, когда свирепствовал гнус, предпочитали отдыхать у реки. Там всегда есть течение воздуха и гнус не так назойлив. Нужно отметить, что на Саяне комара, мошки, мокреца годами бывает много и он приносит не мало страданий обитателям гор, достается от него и человеку.

Теперь мы находились в самой недоступной части Восточного Саяна. По крутым зеленым отрогам, что подступают близко к реке, изредка попадались на глаза изюбры. Одни из них, не замечая нас, продолжали кормиться, другие,

потревоженные шумом каравана, пугливо удирали. В полдень, когда мы вышли на поляну и уже подумывали о привале, Павел Назарович вдруг схватил меня за руку.

— Медведь!

По поляне, не торопясь, бежал черный зверь. Он неожиданно остановился, приподнялся на задних лапах, но вдруг рявкнул повелительно, зло. Из травы выскочило два медвежонка, они мигом взобрались на кедр и затаились между сучьями. Медведица решила, что малышам не грозит опасность, ленивыми прыжками скрылась в чаще.

Мы подошли к дереву, с опаской поглядывая по сторонам и держа ружья наготове. Два маленьких зверька, одинаково черных, с белыми галстуками через шею смотрели на нас с высоты. Они словно наросты прилипли к вершине. Вдруг позади словно рявкнул зверь, не на шутку испугав нас. Оказалось медведица незаметно подкралась к нам и уже готова была наказать нарушителей ее семейного покоя, но помешал ветерок. Он набросил на нее запах человека, и мы увидели, как она, рявкнув от страха, стала удирать, забыв на этот миг даже про малышей. Человек за свое существование так насолил всем зверям, что запах его вызывает инстинктивный страх даже у такого свирепого животного, как медведица, больше того, он способен парализовать в ней материнский инстинкт.

Медвежат мы не тронули.

К двенадцати часам караван достиг устья Верхней Белой. Мы должны были здесь задержаться, но не успели разбить лагерь, как навалился гнус. Его появилась такая масса, что даже лошади не отходили от дымокура.

Нам было известно, что территорию, расположенную севернее Кинзилюка, до Канского белогорья, еще не посещал человек. Бушующая река, мрачные ущелья, усеянные громадами скал, и остроглавые гребни, пересекающие белогорья, были серьезным предупреждением нашим дерзким намерениям проникнуть туда. Человек упорен в своих стремлениях познать природу, и чем сложнее его путь, тем сильнее желание.

Мы с Прокопием накинули на плечи рюкзаки с трехдневным запасом продовольствия и ушли в глубь ущелья Белой. Хотелось выйти на одну из главных вершин, побывать в верховьях реки и составить себе представление об этом интересном районе.

Под ногами вилась чуть заметная звериная тропа, указывая нам путь. Кедровая тайга, словно волнистое море, покрывала долину, убранную по склонам черными и красными скалами. Но лес карабкался выше, к обнаженным грядам прихотливых отрогов. А дальше, сквозь синеющую пелену изумительной линией вырисовывались гребни сурового Канского белогорья. Их изорванные вершины, то узкие, вытянутые к небу, то приземистые, словно сплюснутые, были залиты отблеском скрывающегося за горизонтом солнца. Эти мертвые великаны теснили долину и делали ее при вечернем освещении еще более мрачной, еще более таинственной.

Когда остановились ночевать, над горами реял вечерний сумрак. У костра, под шатром густых крон было тепло и уютно.

Утреннее солнце застало нас в пути. Продолжать путешествие по дну долины было скучно и однообразно. Надо было выбраться на верх бокового отрога, где просторнее и шире горизонт. Там в это время на открытых местах держатся и звери. Случайно попала тропа, по которой мы и направились. Она шла, обходя каменные нагромождения и круто взбираясь на террасы.

За правой террасой показалась широкая котловина. В ее глубине покоилось озеро изумительной красоты, какие часто встречаются на Восточном Саяне. Вытянутой формы, по направлению вытекающего ручья, оно заполнено светлобирюзовой водою. Дно устлано крупными камнями, дрсвою да затонувшими деревьями. Спокойна недвижимая гладь, вечная тишина вокруг. Изредка пролетит пестрая бабочка и, коснувшись воды, всколыхнет водоем, да легкий ветерок, шурша, пробежит по озеру то рябью, то стрелою.

За озером резкой границей кончился лес. Широкое снежное поле, расположенное на северном склоне котловины, краем своим покрывало и дно. Мы еще не подошли к

нему, как оттуда выскочили две взрослые самки марала. Они выбежали на первый пригорок и, остановившись, с явным любопытством осматривали нас. Мы же, будто не замечая их, продолжали подниматься по котловине. Тогда животные переместились на соседний пригорок, но не скрылись. Вытянув шеи и насторожив свои длинные уши, они следили за нами. Это-то их и выдавало. Мы знали, что где-то в береговых зарослях спрятаны телята. Такие котловины, расположенные под белогорьем, с зеленым кормом, снегом и зарослями кашкары, являются излюбленным местом для отела маралов.

Подойдя к снежному полю, мы увидели лежки зверей и множество паутов. Одни из них еле ползали по снегу, большинство же лежало на спинах, безнадежно махая лапками. Эти кровопийцы, приносящие летом столько мучений животным, совершенно не выдерживают холодного воздуха. Достаточно сокжоею или маралу прибежать к снегу, как пауты теряют активность и в полубморочном состоянии валяются на снег. Вот почему летом звери в Саянах живут в подгольцовой зоне хребтов. Там, помимо зеленого корма, всегда прохладно. Самцы же в жаркие дни, когда особенно свирепствует паут и мошка, пробираются даже в цирк к вечным снегам, куда совершенно не залетает гнус.

В тот день, вечером, мы выбрались на одну из вершин хребта, расположенного в междуречье Нижней и Верхней Белой. Перед нами открылась самая суровая часть Канского белогорья. Отсюда нам еще раз пришлось взглянуть на Кинзильюкский хребет, на Фигуристые белки, впервые увидеть Орзагайскую группу гольцов и еще раз прочувствовать всю дикую красоту гор Восточного Саяна. Несомненно, все, что лежит южнее Канского белогорья и прорезается реками Кинзильюком, Кизиром и их многочисленными притоками, является еще нетронутым уголком Сибири.

Нас окружали лужайки, еще более красочные, чем таежные елани. Они разбросаны всюду: между скал, россыпей, по седловинам. Высокотравные растения здесь встречаются редко, их сменяют истинные альпийцы. Они низкорослы, и чем выше, тем ярче и крупнее их цветы. Тут и яркофиолетовые огоньки с еще более крупными цветами, чем по субальпийскому лугу, белые зонтики ветрениц, темноглубые змееголовники, мытники. Между камней живописные лужайки фиалок, небольших приземистых растений, с необычно крупными желто-фиолетовыми цветами. Взор приковывают поляны луков, невысокие осочки да совсем крошечные ивки, едва достигающие нескольких сантиметров высоты.

Среди расщелин и даже в холодных, никогда не отогреваемых солнцем, местах растут рододендроновые. Они селятся под обломками скал, на россыпях, но непременно там, где есть хотя бы горсточка почвы.

В подгольцовой зоне хребтов находит себе приют кабарга; там живет бесчисленное количество медведей, сокжоев и много маралов. Для них природа создала исключительно благоприятные условия. В течение всего лета, по мере таяния снегов, появляются на горах все новые и новые лужайки зеленой травы. Маралы идут за снегом и, питаясь сочными кормами, поднимаются все выше и выше. В августе их часто встречаешь в альпийской зоне. Помимо прекрасного корма, здесь минеральные источники, охотно посещаемые дикими животными.

В одном из левобережных ущелий Белой мы наткнулись на большое количество следов изюбров и сокжоев. Наше предположение, что этим ущельем звери пользуются, кочуя с вершины Агула к Белой, оказалось ошибочным. Диких животных привлекал тухлокислый источник, к которому нас и привели следы. Источник просачивался по щелям почти горизонтальной скалы. На ней мы увидели пять воронок, глубиной более дециметра, с тщательно отполированными стенками и доверху наполненных водою. Казалось, что кто-то нарочно выточил их, иначе — как могли образоваться в монолитной скале эти, совершенно одинаковые, чашки.

— Мне кажется, что это гнезда более мягких пород, когда-то вкрапленных в скалу и позже размытых водою, — сказал я Прокопию.

Тот двинул плечами и продолжал просматривать воронки.

— А знаешь, я думаю, — их вылизали маралы.

Я удивился.

— А вот присмотрись хорошенько, ведь чашки-то по размеру как раз соответствуют мордочке зверя, к тому же они образовались там, где больше поступает воды.

Может быть, Прокопий и был прав. Если тысячелетиями маралы пили воду из тех мест на скале, где ее можно было всасывать непрерывными глотками, то в этом случае, они, несомненно, могли губами "выточить" углубления. Такой вывод напрашивался еще и потому, что все чашечки были поразительно похожи одна на другую, будто делал их один мастер.

Пересекая одну из разложин правобережного хребта, мы были удивлены странной находкой. На тропе лежало множество марального помета необычного, красноватого цвета. Шарики помета были такими гладкими, будто отполированными.

— Да ведь это чистейшая глина, — удивленно заметил Прокопий, рассматривая шарики.

Я не поверил. Попытался разломить шарик, но он оказался крепко сцементированным и действительно состоящим из красной глины, без какой-либо примеси растительного корма.

— Неужели марал ест глину? Вот чудо, никогда не слышал, — продолжал Прокопий.

Пошли дальше тропой, рассчитывая, что она поможет нам найти разгадку. Километра через два к ней присоединилась еще одна тропа, которая и привела нас к подножью тупого отрога. На его склоне мы увидели красную полосу обнаженной глины. Это были солонцы. К ним со всех сторон тянулись тропы. Сама же глина была изрыта лунками. На пыльной земле мы видели совсем свежий отпечаток копыт маралов. Видимо, глина в своем составе содержала соль, что и привлекло животных. День заканчивался. Ради любопытства мы решили провести ночь у солонцов. Старый кедр, растущий внизу, у самого излома отрога, прикрыл нас своей густой кроной, а маленький скрадок позволил нам незамеченными наблюдать за солонцами. В эту ночь нам повезло — мы наблюдали семейство маралов. Еще не успело солнце скрыться за макушками гор, как к нам в скрадок прикатился камешек. Мы насторожились и стали внимательно следить за склоном отрога. Не более как через минуту оттуда скатилось еще несколько камешков, и мы увидели выше солонцов быка марала. Он находился от нас метрах в восьмидесяти, что позволяло осмотреть его даже при вечерних сумерках. Голову зверя украшали строго симметричные десятиконцовые панты. Он был одет в летний рыжий наряд и казался выточенным. Бык осмотрел внимательно место, втянул воздух, пытаясь уловить подозрительный запах, а затем осторожно спустился к солонцам. Теперь его внимание сосредоточилось на лунках, выеденных маралами по всему склону горы. Он запускал глубоко в яму голову, но, видимо, панты не позволяли добраться до глины, и зверь поворачивал их то в одну, то в другую сторону, прижимал к спине, причем делал это очень осторожно, стараясь ничем не задеть болезненно чувствительные рога. Но вот он опустил на колени и, повернув к нам зад, прикрытый желтым фартуком, стал есть.

Мы затаили дыхание и страшно сожалели, что так быстро гасла вечерняя заря. Вдруг марал всполошился. Он вскочил и замер в такой позе, которая позволяла ему мгновенно отпрыгнуть от солонцов и спастись бегством. Зверь стоял вполоборота к горе, а голова была повернута вправо, откуда он, видимо, ожидал опасности. Вот он потянул в себя воздух. Еще раз. Только тогда напряженность заметно спала. Бык повернулся всем корпусом вправо и стал ждать.

Неизвестно откуда появилась самка. Это было грациозное животное. Голова, ноги, даже бесшумная походка — все в ней вызывало восхищение. Звери какую-то долю минуты стояли неподвижно, осматривая друг друга, затем оба сразу подошли к одной лунке.

Самка стала копытить и есть солонец. А бык стоял рядом и продолжал осматривать ее. Мы так внимательно следили за ним, что и не заметили, как у солонцов появился маленький теленок. Он встретился взглядом с быком, и оба замерли. Один — огромный зверь, уже в расцвете сил и красоты, а второй -- крошечный, еще ничего не

знающий, кроме материнской ласки, стояли друг против друга. Меньший робко подался вперед, намереваясь обнюхать незнакомца.

Бык угрожающе потряс рогами. На теленка этот жест не произвел никакого впечатления. Он потянулся ближе, все с тем же намерением обнюхать быка. Самец подставил рога, но не ударил, а осторожно, почти нежно коснулся теленка. Малыш обошел зверя с другой стороны, и когда тот подставил второй рог, теленок боязливо обнюхал его и стал добираться до морды.

За это время самка наелась глины и, не задерживаясь, тронулась вместе с малышом на верх отрога. Следом за ними пошел бык. Он на ходу вытягивал шею, обнюхивал крошечного, себе подобного зверя. Малыш вдруг повернулся и угрожающе потряс головой, но это получилось как-то по-детски.

Три дня, что мы провели, исследуя южные отроги Канского белогорья, оставили у нас большое впечатление о красоте, о мощи Саянской природы. У нас не было ни времени, ни сил подняться на самые вершины белогорья, но то, что мы видели, что пережили, позволило составить представление об этом очень интересном горном районе. Здесь налицо грандиозная работа ледников, оставивших после себя зазубренные вершины, обширные цирки, многочисленные карревые озера. Альпийские лужайки изумительной расцветки проникают высоко в область безжизненных курумов и снегов. Ключи, переполненные чистой как слеза водою прорезают тенистую кедровую тайгу. Ничто не напоминает о пребывании здесь когда-нибудь человека, все первобытно, дико. Это край непуганых зверей, где еще природа вольна распоряжаться всем.

Из трех горных нагромождений: Фигуристые белки, Кинзилюкская гряда и Канское белогорье, последнее, пожалуй, самое доступное, благодаря наличию хорошего подхода к нему со стороны рек Кана и Малого Агула.

В лагерь вернулись поздно вечером усталыми, разбитыми. На ногах мы принесли жалкие остатки обуви. Этот маршрут вымотал из нас последние силы и, если бы не надежда, что впереди нас ждет изобилие продуктов, трудно было бы продолжать наше продвижение в глубь гор. Теперь мы были далеко и совершенно изолированы от населенных мест. Голод продолжал строить козни.

На второй день к обеду мы достигли устья левобережного притока Сурунца. Это небольшая, но бурная река, берет начало в центральной части Кинзилюкского хребта и отсекает своим течением его северо-восточную часть, высунувшуюся в виде придатка. До устья Сурунца река Кинзилюк обходит почти правильным полукругом этот горный придаток, изолируя его от Агульского белогорья глубоким ущельем.

Погода на редкость благоприятствовала нам; мы торопились, еще два дня и могут появиться самолеты.

Много времени прошло с тех пор, как уплыл Мошков с товарищами, много передумано, пересмотрено — об этом знают только костер да бессонные ночи. Мы попрежнему испытывали чувство гордости за то, что не отступали, что неудачи, которые преследовали нас в течение всего путешествия, не сломили упорства. Это позволяло нам смело смотреть в будущее, каким бы оно неожиданным не было. Но все это давалось тяжело, мысли за судьбу людей не покидали меня.

Уже неделя как Алексей перестал выдавать ту мизерную порцию лепешки, которые он выпекал из мучного мусора, что собрали под разоренным лабазом. Он варил хороший суп из черемши и жирного медвежьего или маральего мяса, но до приторности пресный. Мы предпочитали сырую печенку и мозги из костей, употребляя все это с кислой ягодой жимолости. Кислота отбивает пресноту мяса.

Плохо было с обувью. Мы ходили в поршнях, сделанных из сырой маральей или медвежьей кожи. В солнечные дни наша обувь так высыхала, что мешала двигаться. Тогда ее снимали и несли за плечами. Зато в ненастье поршни размокали до того, что в одном можно было поместить обе ноги. Одежда наша была до того залатана, что посторонний затруднился бы определить первоначальный материал, из которого она была сшита.

Мы уже находились в пределах центральной части Восточного Саяна, и то, что совсем недавно казалось несбыточным, стало действительностью. Упорство людей победило. Но посмотрел бы кто-нибудь со стороны, какими измученными выглядели все мы. На лицах, на одежде, в молчаливом настроении участников экспедиции, во всем лежал отпечаток пройденного пути.

Еще немного терпения — и нам сбросят с самолетов продукты, одежду, газеты и письма. Снова все повеселеем и полностью отдадимся своей любимой работе. Мы узнаем, что делается там, за гранью суровых гор, в родной стране, и еще раз переживем счастливую минуту сознания, что мы не одиноки.

Недалеко от устья Сурунца была предпоследняя остановка. До вершины Кинзилюка оставалось несколько ходовых часов. Как только хлопоты по устройству лагеря были закончены, все собрались вокруг костра. В ожидании появления самолетов люди все больше предавались мечтаниям.

— Алеша, с воздуха-то махоркой набрасывает, чуешь? Ты бы прочистил трубку, давно она у тебя бездействует, — подшутил Курсинов над поваром.

А Павел Назарович, услышав разговор о махорке, машинально схватил рукою карман зипуна, где лежала пустая сумка от табака, и, почесав задумчиво бородку, добавил:

— Покурить бы хорошо; наверное, сбросят...

— А тебе, Тимофей Александрович, еще ничего оттуда не набрасывает? -- и повар кивнул головой на небо. — Не сдается ли, что там письмо от моего сына-грамотея, а?

— И Алексей вдруг задумался. На его слегка похудевшее лицо легла тонкая пелена грусти.

— Ничего, Алеша, не горюй, и письмо идет, и махорка, мука, сахар -- словом, все, успевай только варить да поджаривать, — говорил громко Курсинов. — Боюсь, хватит ли на все у нас аппетита.

— А я ведь горчичку для этого заказал Пантелеймону Алексеевичу, он не забудет, — оторвавшись от дум, вдруг вспомнил Алексей.

Все это было серьезно, все ждали, верили, что вот, вот кончатся тяжелые дни.

Между тем уже давно погасла вечерняя заря, и полная луна, поднимаясь из-за гор, залила долину необычно мутно-серебристым светом. Прикрываясь легкой дымкой ночного тумана, утопал в тенистой зелени кедровый лес.

Мертвая тишина. Даже листья березок замерли: на поляне не шевелились колосья пырея и белоснежные зонтики цветов. А лучи поднимавшейся луны все настойчивее проникали в темные уголки густого леса, но им не пробудить природу, уснувшую после знойного дня. Все отдыhalo. Дневная усталость усыпила и нас. Погас осиротевший костер.

30 июня мы миновали последний правобережный ключ. Тропа неизменно тянулась вдоль берега реки к вершине. Через три километра вдруг лес оборвался у края первой поляны, стало просторно, и мы увидели близко впереди гряды Агульского белогорья. Ехали луговинами, украшенными цветами высокотравья и рассеченными бесконтурными перелесками. На фоне мрачных гор долина была поистине чудесным уголком. Здесь выше устья Сурунца и заканчивается теснина Кинзилюка.

Отряд расположился на одной из больших полян у подножья двуглавого пика. Палатки поставили близ реки. Алексею из корья сделали навес для кухни, устроили печь для выпечки хлеба и в берегу вырыли подвальчик для скоропортящихся продуктов, которые сегодня-завтра должен был сбросить нам Мошков. Словом, там мы решили организовать главный стан экспедиции и после получения продуктов проникнуть до пика Грандиозного, побывать в верховьях Казыра — в общем обследовать весь центральный узел Восточного Саяна.

На поляне товарищи выложили из березовой коры знак "Т" и все время держали костры, чтобы летчикам было легко обнаружить нас. Так началось томительное ожидание.

Восхождение на Двуглавый пик отложили до прилета самолетов. Дни тянулись страшно медленно.

— Сегодня непременно прилетят, уж куда лучше погода, — говорил Алексей, поглядывая на голубое небо, словно нарочито безоблачное, прозрачное. — Без дела — как без рук, — продолжал он. — Теперь бы уж лепешек напек, кашу сварил, с маслом куда лучше черемши. Ох, и надоела же она!..

— Давеча паутину на лету поймал, — сказал Павел Назарович, — значит воздух сухой, погода не должна задержать самолеты. Чего же это их нет?

На его вопрос уже никто не ответил.

— Слушайте, летят, ей-богу летят! — вдруг крикнет кто-нибудь.

Все поднимутся, прислушаются, а на лицах неизменно безнадежность.

— Померещилось, а может мимо пролетел, — скажет кто-нибудь с обидой.

Прошли назначенные сроки, наступил июль. Все чаще стали гаснуть на поляне сигнальные костры. Притупилась надежда.

— Не может быть, чтобы Мошков забыл про нас, — уверял всех Алексей. — Ну, как ты думаешь, Прокопий, ведь ты-то вырос с ним?

Тот медленно поводит плечами, качал отрицательно головой.

— Может, найти не могут...

Но это было неубедительно.

Каких только предположений не высказали, чего только не передумали мы за последние дни, но самолеты не появлялись. Настало время покончить с иллюзиями и серьезно подумать о том, как вырваться из этого заколдованного круга.

Была глубокая ночь. Лунный свет, прорезая редколесье, серебрил луговину, густо крапленную росой. Все спали, но это уже был не сон, а полузабытье, в котором не обрывались события дня и тревожные мысли. Я сидел у костра с Пугачевым. Беззвучно тлели головешки. В дремотной тишине над нами склонил вершину Двуглавый пик. Все, что осталось позади, не вызывало сомнения, а тем более сожаления. Предусмотренные планом работы на этой территории были закончены и собранные материалы хранились в наших вьюках -- это было достойной наградой за все испытания. Меня и Трофима Васильевича теперь как никогда раньше тревожил один вопрос: что действительно делать дальше? Куда идти, каким направлением легче выйти в жилые места. Павел Назарович дальше этих мест не бывал, и имевшаяся карта 1 : 1000000 масштаба не давала ответа. Продолжать работы было безумием. Воспоминание о Мошкове у всех у нас вызывало отвратительное чувство, и мы старались не думать о нем. Казалось, ничто не могло оправдать его беспечность и то, что он оставил нас голодными так далеко среди суровой природы.

— Дальше ждать бесполезно, — сказал, Пугачев после долгого раздумья. — Пока ноги еще носят, давайте выйдем с вами на пик, наметим с него очередные пункты и на этом закончим. А постройку отложим на следующий год, теперь людям не поднимать туда лес да и остальной груз.

— Если у тебя хватит сил, пойдем завтра на пик. Но прежде чем покинуть Кинзилюк, нужно будет разведать проход. Где-то близко Арзагай и вершина Малого Агула. Осторожность и предусмотрительность теперь не должны покидать нас.

Так в ту памятную ночь решено было выбираться из Саяна. Горько и обидно было думать, что покидаешь, не закончив работы, центральную часть, куда дойти стоило стольких усилий и лишений.

Утром 4 июля мы с Трофимом Васильевичем перешли вброд Кинзилюк, протекающий здесь нешироким потоком, и стали подниматься на виднеющийся впереди скалистый гребень пика. За плечами у каждого рюкзак с инструментами, за поясом "кошки", в руках посох.

Шли тяжело, медленно, молча. Теперь груз казался во много раз тяжелее своего истинного веса. Да и сами как-то отяжелели. А подъем становился все круче, но мы старались отдыхать редко. Когда вышли на выступ террасы глубокого цирка, над которым высится Двуглавый пик, был уже полдень. Я оглянулся. Внизу лежала широкая долина, заросшая хвойным лесом и окаймленная по бокам крутыми горами. Наш лагерь с высоты казался совсем крошечным, но как он был кстати там, на поляне, вправленный в рамку из густых кедров! Казалось, на этом гладком зеленом

поле как раз не хватало черных и белых пятен, чтобы долина похорошела. Дымок тонкой струйкой вился в небо, напоминая о присутствии в горах человека.

Впереди лежал цирк почти правильной полусферической формы, обращенный выходом на северо-запад. Дно его завалено крупными обломками, под которыми чуть слышно переливается вода. Она вытекает из маленького озера и сбегает в Кинзильюк небольшим ручейком, по которому мы поднимались. Крошечные альпийские лужайки как бы пытаются украсить своими яркими цветами мрачное убежище. Стены цирка скалистые, местами поднимаются более чем на 150 метров. Их подошва завалена свежими осыпями — следы продолжающихся разрушений.

Отдохнув, мы направились в глубину цирка. В нем холодно, солнце почти не заглядывает сюда, как и бури. Поднявшиеся с нами комары немедленно убрались восвояси. Воздух сырой, в нем запах обветшалых скал, прошлогоднего снега и иногда непродуваемых ветром заплесневелых щелей. Вдруг справа послышался шум скатывающихся камней. От нас удирала пара маралов. Они поднимались по крутому откосу и с поразительной легкостью прыгали по карнизам.

— Смотрите, смотрите, кто там? — крикнул идущий впереди Пугачев, указывая на противоположный склон.

Там бежала медведица. Она часто останавливалась, иногда даже возвращалась, чтобы поторопить своих непослушных медвежат, которые, как шарики, катились следом за ней. Это семейство, видимо, отдыхало в цирке и, убегая от нас, вспугнуло лежащего под снежным завалом крупного быка. Он бросился вверх и скрылся за седловиной.

Мы подошли к озеру. Оно маленькое и напоминало кусочек упавшего неба в выпавшую котловину. Справа у самого берега толпились карликовые ивki, склонившись над водой, они как бы любовались своим отображением. Слева озеро поджимало небольшое снежное поле, ноздреватое и пожелтевшее от времени. На нем лежали отпечатки лап медведицы и малыша. Несколько дальше мы были совершенно обескуражены выскочившим из-под ног зайцем. Уж никак не ожидали встретиться здесь с "косым". Да и он не меньше нас был удивлен. Заметив, что за ним никто не гонится, он остановился, поднялся на задние лапы, и мы долго рассматривали друг друга. Заяц как заяц, с длинными ушами, с мордой, перекошенной испугом, заяц, какие встречаются всюду на равнине, в степи, в лесах. Но что он делает здесь среди мрачных скал в камнях? Ведь внизу чудесные поляны, там и корм и простор. Видимо, его, как и копытных зверей, тут приманивают лужайки со свежей зеленью, только что появившейся после снега.

Мы бродили по цирку по-над скалами, пытаясь подняться на отрог к седловине. Нам ни за что бы не выйти на отрог, если бы не вспомнили про медведицу. Ведь она где-то обошла эти скалы?

Мы нашли ее след. По бесконечным выступам и щелям он вел на верх отрога. Идти было трудно. Ноги скользили по мокрым от растаявшего снега уступам, не хватало сил взбираться на крутизну. Шли с большими передышками и до заката солнца достигли седловины.

Ночевали под обломками скал. После чая, который с трудом вскипятили на костре из моха, спали крепко, даже холод не в силах был разбудить нас. Но утром, как только посветлело, мы уже были на ногах и продолжали подъем по западному отрогу Двуглавого пика.

В другое время, чтобы преодолеть расстояние от седловины до пика, потребовалось бы менее часа, а в этот раз шли очень долго. Силы с каждым днем заметно истощались. Каково же было наше разочарование, когда, выбравшись на последний гребень, мы рядом увидели двуглавую вершину, но она была отделена от нас узким гребешком зазубренной скалы, спадающей в цирк, по которой не рискнули идти, да и незачем было. Пик возвышался над горами двумя высокими столбами на общем постаменте и был совершенно недоступен для нас с западной стороны. Гребень, на котором мы стояли, уступал пику по высоте всего лишь метров на тридцать. С него открывалась широкая панорама центральной части Восточного Саяна.

Какую изобретательность проявила природа в нагромождений хребтов! Обнаженные зазубренные вершины выглядывали из глубоких долин, на склонах которых рядом с зеленью лежали остатки снежных лавин. Прихотливые ущелья бороздили эти хребты. На дне их серебрились ленты горных ручейков. А сколько озер! Будто разбросанные небрежной рукой бриллианты покоятся они на дне расщелин и цирков.

Рассматривая горы, мы окончательно убедились, что непрерывного Саянского хребта не существует. Все, что было видно с пика, разбросано в беспорядке, и трудно сказать, где такой хребет начинается и где и какими отрогами кончается.

За пиком Грандиозным и несколько левее, километрах в семидесяти от нас виднелись большие горы. На их южных склонах берут свое начало реки Систы-Хем, Хамсара. Там родина Енисея, великой сибирской реки. Она пробилась себе путь через цепи гор и широким потоком ушла по тайге в океан. Мы находились вблизи линии большого водораздела. Реки, берущие начало с южного склона Агульского белогорья, стекают в Енисей, а с северного склона — в другую, не менее прославленную реку — Ангару. Истоки этих рек часто зарождаются из одного поля снега, только стекают в совершенно противоположных направлениях.

Мы находились в центральной части Восточного Саяна, но это был только его северный край, а мечты уносили нас дальше в глубину этих сказочных гор, что открылись нам во всей грандиозности, в блеске солнечного дня и были близки, доступны. С какой неповторимой болью в душе мы должны были отступить, не достигнув вершин и не воздвигнув на них намеченных пунктов; отступить, заплатив за путь сюда столькими лишениями. Снова вспомнился Мошков. Как мог он так безжалостно поступить с нами. Неужели я ошибся в нем, в его партийности, честности, в его душевной простоте, которой завидовал. Теперь мы уже не прислушивались к тишине. Слух не обманывал гул моторов, никто не верил в помощь.

Тогда на пике, присматриваясь к суровому облику хребтов, к хаосу скал, ущелий, я все же решил задержаться на Кинзилюке дней пять. Я не мог отказать себе попытаться проникнуть с кем-нибудь вдвоем к пику Грандиозный и к вершине Прямого Кизира, чтобы представить более ясно этот горный район, подходы к значительным по высоте вершинам и объем работ, который мы должны были осуществить там на следующий 1939 год. А где-то в глубине сознания копошилась надежда, что Мошков может быть за это время появиться.

Наша с Пугачевым задача была выйти на Двуглавый пик, чтобы определить возможность постройки на нем пункта. Именно в этом районе, где мы находимся, нам нужно было подыскать такую вершину, с которой открывался бы горизонт в радиусе не менее сорока километров, куда можно будет вынести строительный материал, тяжелые высокоточные инструменты, и которая своим местоположением отвечала бы техническим требованиям построения первоклассного геодезического ряда.

Наблюдая Двуглавый пик с Фигуристых белков и Зарода, нам казалось, что он полностью отвечает нашим требованиям, и вдруг такая неожиданность -- нельзя подняться на его столбы! Прежде, чем окончательно отказаться от пика и искать тут же в этом районе другую вершину, мы решили более основательно обследовать его восточный склон. Туда я и направился. Трофим Васильевич остался определить высоту гребня и зарисовать горизонт на тот случай, если моя разведка не увенчается успехом и мы должны будем решить о возможности использования вершины гребня под пункт.

Южный склон гребня, за скалами, пологий прикрыт крупной россыпью. Отсутствие на ней растительного покрова свидетельствует о неустойчивости россыпи и еще продолжающемся движении вниз к реке Сурунцы. Кое-как выбрался на верхний край стены, за которой начинается глубочайший цирк, подпирающий пик с восточной стороны. На дне его большое озеро, продолговатой формы, такое же голубое как и небо. Его окружают черные скалы, навевающие уныние, да ржавый снег, спасающийся от солнца под тенью стен. Это одно из самых крупных озер, расположенных в гольцовой зоне Кинзилюкского хребта. Поднимался на пик по

узкому гребню, круто сбегающему от него вниз. Приходилось двигаться где ползком, где прыгая с уступа на уступ или пробираясь между глыб, чудом удерживающихся над провалами. Наконец-то я у цели, руки касаются отвесной грани столбов, и тут постигает меня последнее разочарование — двойная вершина пика оказалась так разломаченной, что нечего было и думать построить на ней пункт, да и вытащить наверх лес почти невозможно без приспособлений. Нужно было искать другую вершину. С этим решением я и вернулся к Пугачеву.

Судя по зарисовкам, сделанным Трофимом Васильевичем, с гребня видны: пик Грандиозный, пирамиды на Фигуристом белке, на Кубаре, вершина Кальта, Зарода, голец над рекой Янга, Орзагайская группа гольцов. Этого было достаточно, чтобы решить положительно вопрос об использовании гребня под геодезический пункт. Он был назван Кинзильюкский пик.

На основании полученных инструментальных данных позже были определены высоты этого пика и связанных с ним видимостью соседних вершин. Оказалось: западная вершина Кинзильюкского гольца, что возвышается над слиянием Кинзильюка с Кизиром, равна 2158 метров над уровнем моря, ниже вершины, на которой мы стояли, всего на 13 метров. Наивысшая отметка Кинзильюкского хребта 2219 метров — Фомкин голец, из-под которого вытекает Фомкина речка. Пирамида — главная вершина Канского белогорья — имеет 2258 метров, ледник Кусургашева — Арзагайская группа 2426 метров. Некоторые вершины Фигуристых белков достигают 2550 метров, наивысшие гребни этих белков группируются между вершин Прорвы и Кизира.

По абсолютным отметкам Кинзильюкский хребет уступает соседним, но по дикости и разрушениям он мало отличается от них.

Мы выложили на вершине тур, оставили под ним в березовом конверте технические данные для будущих строителей и наблюдателей, спустились в лагерь. Теперь мои мысли были заняты предстоящей поездкой на Казыр и к Грандиозному.

За время, пока я буду в отлучке, Кудрявцев с двумя рабочими должен будет съездить на девяти лошадях на Кизир за грузом, а Пугачев с остальными займется заготовкой мяса на обратный путь в жилые места, и сделает лабаз для груза. Со мной поедут Днепровский и Лебедев.

От безделья в лагере стало скучно. Вечером долго засиделись у костра. Самбуев починял седло. Павел Назарович на голой ноге сучил дратву, Алексей крошил черемшу для завтрака. У его ног примостился Курсинов. Он снял вконец порванный поршень, безнадежно осмотрел его, затем стал ремнями стягивать дыры. Остальные бесцельно следили, как огонь пожирал сушник.

— Ты послушай, Алеша, куда зашли, — сказал Курсинов, отбрасывая поршень и поворачивая голову к повару, — а получается вроде напрасно. Эх, Мошков, Мошков, какую тебе казнь придумать!! — добавил он гневно.

— А я не верю, Тимофей Александрович, чтобы он просто забыл про нас, — ответил Алексей равнодушно. — Сердца, что ли у него вдруг не стало, может, запил или еще лучше с ума сошел — другого ничего не придумаешь. Простить ему и по-моему нельзя. Чего доброго и не выберемся отсюда.

Ночью случилась совершенно необычная история, вызвавшая у нас много разговоров. Лагерь наш стоял на главной звериной тропе, по которой мы пришли. День и ночь по ней ходят медведи, маралы. Левку и Черню мы держали на цепи, иначе они совсем не жили бы в лагере. И вот в полночь, когда все спали, вдруг к лагерю прибежали табуном лошади и пугливо стали храпеть. Собаки подняли лай, долго неистовствовали, пытаясь сорваться с привязи. Днепровский выстрелил в ночную темноту, и все стихло. Собаки успокоились, лошади разошлись по поляне. Утром Алексей пошел к болоту, где у него в дерновой почве было спрятано ведро с мясом, но вернулся с пустыми руками.

— Ребята, кто взял котел? — спросил он, обращаясь ко всем, думая, что кто-то подшутил над ним.

Ему никто не ответил. Кому нужен был его котел! Пошли на болото, увидели медвежий след, тогда только вспомнили про ночную тревогу. Но где же ведро? Не мог же медведь унести его с собою. Стали искать. Оно оказалось на тропе, и мы увидели на нем возле ушек две ясные вмятины от зубов хищника. Они служили бесспорным доказательством проделки медведя. Мясо он съел, а ведро бросил. Все это совершенно не вязалось с нашим понятием об этом звере. Неужели его не пугал звук железа, лай собак, костер и наконец людской говор? Каковы бы ни были наши сомнения, а факт остался фактом — ведро с мясом стащил ночной гость.

К ИСТОКАМ ПРЯМОГО КАЗЫРА

Звериной тропой в глубь гор. Медведь спасается от комаров. Слышим гул самолета. На Фомкином гольце. Белые мраморные гольцы. Вот и Казыр! Пирамида на Кинзилюкском хребте. В горы по туману.

Было раннее утро, когда мы покинули лагерь. Где-то за уступами гор торжественно поднималось солнце. Серебрились суровые вершины Кинзилюкского хребта, но в цирках еще копился мрак и на дне ущелья лежал затяжной утренний туман. Лохматые кедры, цветистые травы, сырые от росы камни — все дышало свежестью убежавшей ночи. Ни комара, ни мошки. Хорошо здесь ранним утром в часы общего примирения.

За поляной звериная тропа раздвоилась. Мы поехали правой, более торной. Она привела нас к броду через Кинзилюк и завияляла вдоль берега к вершине.

Наш караван состоял из пяти лошадей, две из них шли под вьюками. Шествие замыкал Черня, привязанный к седлу коня, на котором сидел Прокопий. Я ехал на своем любимце — Бурке. Нервно похрустывая удилами, конь просил повод. Тонкие упругие ноги месили влажную траву и вдрызг ломали скалы, отраженные в лужах. А уши непрерывно пряли, сторожко прислушиваясь к сумрачному лесу. Чуть шорох или посторонний звук, и он, вмиг встрепенувшись, шарахался в сторону или бросался вперед, увлекая за собой остальных лошадей.

Тропа, как и река, полукругом огибает крутые склоны Кинзилюкского хребта. Ущелье постепенно расширяется, светлеет, лес начинает редеть, уступая место полянам, с буйным высокотравьем. Впереди, в просветах кедров и берез, неожиданно блеснуло зеркало небольшого озера, с каменистым дном. Тропа перевела нас через реку, протекавшую здесь небольшим ручьем, и потянулась на юг к показавшемуся впереди перевалу.

— Тсс... — донесся до слуха предупреждающий шепот Лебедева, ехавшего следом за мною.

Я оглянулся и задержал коня. Слева на седловине хребта появился крупный бык-марал. Он подошел к снежному пятну и замер как бы в раздумье, не зная, куда идти. С высоты ему лучше были видны: долина, прикрытая теплой шубой лесов, распадки, украшенные альпийскими цветами, и кормистые мысы, простеганные кедровыми перелесками. Не замечая нас, он вдруг повернулся всем корпусом влево, постоял, пощипал траву и, не задерживаясь, направился по травянистому склону к вершине, куда пробирались и мы. Судя по его размашистым шагам, по тому, как высоко он нес свою голову, убрannую зрелыми пантами, можно было предположить, что под ногами у него торная тропа. Если это так, то она идет из Орзагайской долины куда-то на юг, может быть, даже нашим направлением. Это открытие обрадовало нас. Мы тронулись дальше.

Справа, в глубоком разрезе скал, хорошо виден край цирка, подпирающий с востока Двуглавый пик с большим озером, описанным мною раньше. С его почти отвесной кромки вырывается бурлящим потоком ручей. Какое чудесное зрелище: вода, падая с огромной высоты, то скользит по отвесным скалам, то скачет затыжными прыжками по уступам, пока не достигнет россыпи у подножья хребта.

Мелкая, липкая мошка лезла в рот, уши, пробиралась под одежду, комары, несмотря на жару, присасывались к лицу, к рукам и своим монотонным жужжанием издевались

над нами на расстоянии.

Скоро слева подошла тропа, на ней мы увидели следы только что прошедшего впереди марала-быка. Теперь не было сомнения в наличии прохода с Кинзилюка на Орзагай. Дальше от нас, вправо, стали отделяться мелкие тропки, и мы подъехали к реке, протекающей здесь узким потоком по дну глубокого русла. Сюда подходят несколько троп и с противоположной стороны Кинзилюка. Тут оказался источник с явным запахом сероводорода, с тухлой на вкус водою, которую охотно пьют маралы. Она вытекает из щелей наклонной к руслу левобережной скалы и имеет совсем незначительный дебит.

Караван, не задерживаясь, продолжал свой путь. Высокотравье сменила субальпийская растительность. По склонам Кинзилюкского хребта не зажившим рубцом виднелся след весеннего обвала. Внизу под ним скопился гармошкой снег, вперемежку с камнями, кустарником и черной землей, содранный обвалом со склона. Его обступила буйная трава, яркозеленая, цветистая. Странно было видеть зиму и лето вместе.

Мы уже проехали остатки лавины, как впереди галопом промелькнул небольшой медведь. Он так был чем-то озабочен, что даже не заметил нас. Зверь двумя прыжками пересек Кинзилюк, выскочил на снег и упал на него. Тут только мы догадались, что он спасается от гнуса. Лебедев свистнул, но зверю, видимо, было не до нас. В это время медведь почти голый, и каким бы он терпением ни обладал, мошка и комар допекают его, как говорится, до белого каления. Так мы и уехали, а медведь остался лежать, зарывшись в снег.

Под перевалом все тропы долины, как ручейки, сливаются в одну хорошо заметную звериную дорогу. Она идет далеко на юг к Казыру, а возможно и дальше, на хребет Эргак-Торгак-Тайга, к истокам Уды. По пути от нее откалывается множество тропок, убегающих по сложному рельефу на белогорья в глубину ущелий, в цирки, где звери любят в жару спасаться от гнуса. Нужно отдать должное маралам в отношении троп на Восточном Саяне. Лучших проходов не найти здесь, чем те, которые проложили они в этой горной теснине. Что и говорить, замечательные дорожные мастера, и люди здесь еще долгое время будут пользоваться их тропами.

Единственное препятствие на пути к перевалу — надувной снег, прикрывающий край седловины. Сколько же его здесь скапливается за зиму, если в начале июля он лежит 2 — 3-метровой толщей!.. Лошадей пришлось развьючить. Вперед пустили Бурку. Конь, привыкший прокладывать дорогу, смело полез на стену надува. Он поднимался на дыбы, падал, сползал вниз, но вскакивал и обозленный неудачей снова лез на стену, месил ногами мокрый снег. Так он и выбрался на перевал, а за ним вышли туда и остальные.

Через полчаса мы уже спускались по зеленым лужайкам в Фомкину речку. Справа, в юго-восточном направлении, тянутся скалистые вершины Кинзилюкского хребта. В просветах между ними изредка виден далекий горн-зонтик. Слева даль закрывают высокие мысы западных склонов Агульского белогорья. В глубоком провале долины, прикрытом темной кедровой тайгой, скачет по крутым валунам неутомимая река. Она берет начало недалеко от следующего перевала, где-то в восточных цирках Кинзилюкского хребта, и течет нам навстречу в северо-западном направлении. Но там, где в нее вливается ключ, от перевала, который мы только что миновали, река круто, почти под прямым углом поворачивает на юго-запад, рассекает черной щелью Кинзилюкский хребет, уходит к Кизиру, все более отклоняясь на юг.

Тропа идет косогором, смягчая крутизну, и как бы намеренно не желая спускаться на дно ущелья. Но миновать ей русло не удалось — в два часа дня мы вышли на реку. Дальше путь шел по топкому дну долины главного истока, в том же направлении: на юго-восток. Скоро река осталась вправо, а тропа стала взбираться по узкому гребню, и мы вышли на перевал.

Мы не поехали тропой, решили подняться как можно выше по речке и там заночевать. Трудно было продолжать путь, не взглянув на местность, которую пересекали. Тут сказалась привычка геодезиста — зримо представлять рельеф и

видеть перед собою открытый горизонт. Иначе у нас не сложилось бы того незабываемого впечатления, какое в действительности производит на человека центральная часть Восточного Саяна своею грандиозностью.

Мы остановились недалеко от истока, на зеленой лужайке, под крутым склоном Кинзилюкского хребта. Наскоро пожевав сухого мяса и запив кипятком, мы с Прокопием покинули лагерь, намереваясь выйти на одну из вершин хребта, а Лебедев остался с лошадьми. Поднимались по истоку, спадающему каскадами в долину с большой высоты. А вокруг все шире раздвигался горизонт, вырисовывались новые и новые вершины, открывались дали. Мы же старались всего этого не замечать, хотелось одним долгим, запоминающим взглядом насладиться панорамой. На дне цирка, под защитой мрачных скал, покоится небольшое озеро, из которого берет начало Фомкина речка. И тут смелые альпийцы толпятся по берегам ручья, по сглаженным площадкам и даже по россыпям. Как приятно среди холодных, каменных громад видеть крошечные лужайки, покрытые ковром ярких альпийских цветов. Колокольцы водосбора, розовые полоски горлянки, красный мытник, желтый лютик, маки праздновали свое короткое лето. Ни единый звук не нарушал безмолвия цирка, разве снизу случайный ветерок донесет с духотой летнего дня шум водопада, да иногда сорвется сверху камень, падая он разбудит скалы, перекликнутся они, поворчат и снова наступит длительная тишина.

На вершину гольца взбирались по кромке цирка. Из-за ближних скал надвинулась черная туча, она проглотила солнце и угрожающе повисла над нами. Налетел сырой ветер. Нужно было торопиться, но теперь мы не могли одним приемом преодолеть крутизну, как это делали раньше. Голод подтачивал наши силы, ноги теряли упругость, в глазах не рассеивался рой звезд. Если бы не профессиональное самолюбие, мы бы непременно повернули обратно.

— Слышите, самолет гудит! — крикнул Прокопий, хватая меня за руку.

Мы долго прислушивались. Из глубины потемневшего неба доносился какой-то затаенный звук. Был ли это самолет — мы не определили, но страшно хотелось верить, что наконец-то прилетел Мошков, ведь все мы до крайности измучились ожиданиями и раздумьем.

За гребнем, на который мы с трудом вышли, показался другой гребень, еще более недоступный. Но впереди уже обозначилась лохматая вершина гольца и это поддержало нас. Еще небольшое усилие и мы выбрались на снежное поле. Идти стало легче. Уже оставалось не более сотни метров до цели, как с противоположной стороны воровски подкрался туман. Он прикрыл голец и окутал, нас беспросветной мглой. Какая досада! Нужно же было этому случиться у самой вершины, после стольких усилий, потраченных нами на подъем.

— Видно и удачи от нас отвернулись, — сокрушался Прокопий.

Вершина, на которой мы находились, названа Фомкин голец. Это самая высокая точка Кинзилюкского хребта, ее отметка 2213 метров. Здесь и заканчивается хребет, круто обрываясь на дно Второй Фомкиной речки. Дальше к Казыру протянулся хребет Вала.

Уже стало темнеть, когда мы покинули вершину и, словно обреченные, шагали по россыпи. Ветер набрасывал из ущелья запах отогретых скал, смешанный с запахом хвойных лесов, альпийских полей, топей. Туман стал быстро редеть. Дождь догнал нас на крутом спуске и, словно за какую-то провинность, так исхлестал, что нитки сухой не осталось на нашей одежде.

В лагерь пришли потемну, усталые, разбитые и после ужина сразу уснули. Нужно было хорошо отдохнуть, чтобы на следующий день добраться до истоков Прямого Казыра,

Утром мы вернулись своим следом к тропе. Она вывела нас по узкому, залесенному хребтику на широкую седловину, разъединяющую Агульское белогорье с Кинзилюкским хребтом и являющуюся перевалом во Вторую Фомкину речку.

Здесь я должен буду прервать свое повествование и сказать несколько слов о названиях рек и хребтов этой части Восточного Саяна.

С давних лет Саяны славятся соболем. До революции жители прилегающих к горам поселков в основном занимались соболиным промыслом. Охотничьи угодья были строго распределены между районами. Вся территория, омываемая реками Казыром и Кизиром и их многочисленными притоками, принадлежала до революции минусинцам (*Минусинцы — жители Минусинского уезда, Енисейской губернии). Граница угодий проходила по Манскому, Пезинскому, Канскому, Агульскому белогорьям и далее по водораздельной линии до верховья Уды. Тафалары и саянцы, ныне жители Саянского района Красноярского края, владели территорией, расположенной на север и восток от этой границы. Беда промышленнику, если его ловили на чужой территории. Не унести ему тогда своей добычи, а то и головы! Но пантовать в верховья Кизира и Казыра ездили саянцы и тафалары, поскольку путь туда летом для них был более доступен, нежели для минусинцев. Это обстоятельство породило двойное название рек в этом районе. Одна и та же речка у саянцев имела одно название, а у минусинцев другое. При обработке материалов наши топографы и географы оказались в затруднительном положении — какие названия окончательно присвоить рекам? Скажем, у саянцев имеются названия Сурунца, Ванькин ключ, Белая Вала, Большая Вала; эти же реки минусинцы, соответственно, называют: Кинзилюк, Фомкина речка, Вторая Фомкина речка и Прямой Казыр. Саянцы убеждены, что Сурунца берет начало у перевала в Ванькин ключ и впадает в Кинзилюк, тогда как в действительности это и есть Кинзилюк, а речка Сурунца, как я уже писал, впадает в Кинзилюк гораздо ниже, с левой стороны. После тщательного просмотра материала, на последних картах были указаны названия рек по их устьям, то есть минусинские, соответственно были оставлены названия гольцов и хребтов. Этими названиями я и пользуюсь при описании своего путешествия.

Миновав широкую перевальную площадку, покрытую камнями и пестрым узором цветов, мы стали спускаться во Вторую Фомкину речку. Она отсекает своим холодным лезвием хребет Вала от Кинзилюкского и уходит глубокой щелью к Кизиру. Слева причудливыми нагромождениями тянулась Орзагайская группа гольцов. Мы любовались изумительными по красоте вершинами, сложенными из почти белого мрамора и как бы нависающими над восточными истоками Второй Фомкиной речки. Это незабываемое зрелище не имеет себе равного по красоте, и забыть его, кажется, невозможно. Из всех долин, которые мы посетили за время своего путешествия, долина этой речки, пожалуй, самая красивая. Все здесь сливается в одну красочную гармонию и, кажется, ничего нельзя прибавить, или убрать, чтобы не испортить строгого пейзажа. Нужно было остановиться и осмотреть местность, хотя бы с второстепенной вершины, но нас погоняла туча.

От перевала тропа спускается вдоль ключа в глубину долины, и по левому истоку, минуя восточные ключи, поднимается к его вершине. Понукая лошадой и поглядывая на тучи, караван легко выбрался на перевальную перемышку и, не задерживаясь, стал спускаться в долину Прямого Казыра. Эта река образуется из слияния двух основных истоков: западного, берущего свое начало с восточных склонов хребта Вала, и северного, вытекающего из цирка высокого туповерхого гольца, все той же Орзагайской группы. Широкая долина, по которой мы спускались, местами перехвачена топлями, кустарниковыми зарослями и кедровыми перелесками.

Над нами, заслоняя солнце, шла, раскрылатившись, бурая туча, курились грозные вершины гор. Невыносимо наседали гнус. Где-то за левобережным хребтом лениво постукивал гром. Дождь нагнал нас за поворотом. Мы еще не успели укрыться под кедром, как на долину обрушились грозные разряды. Молния крестила темный свод неба. Земля вздрагивала от тяжелых ударов. Мы уже хотели расседлывать лошадей, но на западе неожиданно прорезалась полоска света. Из образовавшейся в туче прорехи выглянуло солнце.

Мы снова в седлах. Встречный ветерок смахнул с зеленого покрова дремоту, все вдруг оживило, обрадовалось, запело, славя на все голоса свое существование. Наш путь шел левым берегом вниз по Казыру.

На всем нашем пути от Кинзилюка мы не видели следов пребывания здесь человека — ни порубки, ни остатков костров. Окружающая нас природа носила ясный отпечаток своей первобытности. Она здесь еще сама управляет животным и растительным миром. Обитателями этого уединенного уголка гор являются маралы, сожжои, медведи. Их следы и лежки всюду попадались на глаза. Часто мы видели и самих зверей. То они отдыхали в тени под кедрами, или на террасах близ снега, то паслись на мысах, или альпийских лужайках. Увидев караван, они настораживались, стараясь угадать, опасно это или нет. Но звери, которые обнаруживали чутьем наше присутствие, спасались в паническом бегстве, не щадя себя на россыпях, в чаще.

— Эко приволье какое зверю, ничто его тут не тревожит, живет сам по себе! — воскликнул Прокопий, поднимаясь на стременах и посматривая на зеленые елани, на мысы, перелески.

Вдруг Бурка подо мною вздрогнул и со всех ног шарахнулся в сторону. Я натянул повод, силясь остановить коня. Взбудоражились и остальные лошади. Быстро наводим порядок, но лошади фыркают, храпят, отказываются идти вперед. Там что-то мелькнуло бурое. Это нам навстречу по тропе шла медведица с малышами. Она так была чем-то озабочена, что и не заметила караван. Но вот послышался ее повелительный окрик, застыла, не шевелясь, возле нее трава. Какую-то долю минуты неподвижно стояли и мы. Затем медведица приподнялась на задние лапы и, сбочив голову, рассматривала нас. Видно не привычно ей уступать кому-нибудь тропу, в тайге медведю все подвластно. Неожиданно налетел ветерок, набросив на нее запах человека. Словно ужаленная, медведица бросилась по лугу, грозным окриком предупредив малышей следовать за ней. Черня поднял лай и, натягивая поводок, рвался вдогонку.

Тропа раскололась, более широкая пошла влево к возвышенности.

— Чего это она свернула, вроде впереди нет прижима, — сказал Прокопий.

Я остановил коня. Действительно, почему ушла к сопкам тропа? Куда же ехать? Решили разделиться: Днепровский и Лебедев поехали вниз по Казыру искать место для ночевки, а я свернул широкой тропой к сопкам. Она повела меня вдоль маленького ключика, стекающего в Казыр, к заболоченной площадке. Ветерок набросил тяжелый запах серного источника. Что тут наделали звери! Все взбито копытами маралов, объедено, в лужах свежая муть. В болото со всех сторон вонзаются черные тропы. Животных соблазняет тухлая вода, обильно напитавшая почву. Как можно было удержаться не посидеть ночь на этих "солонцах"?! Такие случаи не часто бывают в жизни охотника. Не слезая с коня, я выбрал место для сидки и не медля повернул к своим.

Впереди тонкая струйка дыма сверлила небо. Там, где остановились мои спутники, стояла избушка с плоской крышей, а рядом развалившийся берестяной балаган. Встретить в этих диких горах жилье человека было, по меньшей мере, неожиданностью. "Может быть, источник, обладает необыкновенным целебным свойством и люди, не считаясь с трудностями, заходят сюда, чтобы избавиться от немощи?" — подумал я, подъезжая к лагерю.

— Коптилка, — сказал Прокопий, показывая на избушку. — Где-то солонцы есть.

— Серный источник с километр отсюда.

— Я так и знал. И звери ходят? — спросил он. — Посидим ночью?

Изба была без окон, на стене висело что-то похожее на корыто для варки пантов, сделанное из железа, на земле лежали вешала для копчения мяса. Все стало понятно: охотники проникали сюда за пантами, подкарауливая маралов-быков у источника. Следов недавнего их пребывания мы не нашли.

Эту ночь мы решили посвятить охоте. Караулить маралов будем мы с Прокопием, а Лебедев останется в лагере, чтобы ночью поддержать костер. Мы боялись, как бы медведи не разогнали лошадей.

Старый кедр, свалившийся на землю много лет назад, послужил нам скрадком. Он лежал несколько ниже топкой площадки, где было больше следов маралов. Мы намостили под себя травы, устроили заслон из веток. Чтобы наблюдать за течением

воздуха, повесили над головой тонкую ниточку, и она, колеблясь, клонилась к устью распадка, следовательно, наше присутствие звери с площадки не могли обнаружить. Заканчивая суету, засыпал огромный край. Слух улавливал тончайшие звуки наступившей ночи. Повернется ли букашка под засохшим листом, вспорхнет ли птица, отдыхающая в чаще, или прилетит еще не уснувший комар, — ничто не ускользает от напряженного внимания. Но, несмотря на поразительную ясность звуков, звери чаще всего появляются на солонцах вдруг, совершенно бесшумно и нередко уходят незамеченными охотником.

На вершины сопок, на одинокие деревья, на болото и скрадок падал из синей бездны мертвенный свет далеких звезд. Из скрадка было видно только крохотный кусочек неба источник да край леса, отступивший от болота. Мы сидели молча, слившись с тишиною и погрузившись в свои думы. Вдруг справа подозрительный всплеск — будто кто-то осторожно коснулся болота. Он приковывает внимание. Слух настораживается, глаза ищут в сумраке крупную тень.

— Соболь... — шепчет на ухо Прокопий.

Я вижу, как маленькая длинная тень скользнула по сгнившей колоде и замерла настороженным комочком. Но до слуха ясно доносится шорох. Присматриваюсь — там же, возле колоды, копошатся маленькие соболята. Их трое. Они что-то подбирают в грязи, чмокают, бегают друг за другом. Вдруг ясно слышится тревожный окрик соболихи: фырт... фырт... и малыши мигом исчезли. Один спрятался под колоду, второй затаился в старом следу зверя, а третий — поближе к матери тоже замер, сгорбив спину. Но через минуту снова слышится возня, чмокание и сдержанный писк.

— Солонцуют, грязь серную едят, — поясняет Прокопий еле уловимым шепотом.

— Шлеп... шлеп... шлеп — как гром доносятся шаги зверя по болоту.

Соболи мигом убрались вправо. У меня по телу пробежал холодок. Я смотрю на нитку, она попрежнему клонится к устью распадка. Значит болото свободно от нашего запаха. Прижимаю к плечу ложе штуцера, всматриваюсь в темноту. Два небольших марала четко выкроились на фоне склона. Прокопий пальцем предупреждает меня не стрелять. Хорошо слышно, как звери шагают по липкой грязи, как сосут воду, чмокают губами и все ближе подходят к скрадку. С трудом сдерживаю волнение. Казалось, минуты замедлили свой бег. А маралы уже рядом, нас разделяют 15 — 18 метров. Не замечая смертельной опасности, они спокойно проходят скрадок и, как только оказываются позади, слышится крик.

— Бек... бек... бек...

Самка бросилась влево, а пантач вправо, но сейчас же повернул к ней и исчез в темноте.

— Ишь, как духа-то человеческого боятся, чего доброго в этакой темноте и напорятся, — сказал Прокопий, облегченно вздохнув.

— Ладно ли, что не стреляли? — спросил я.

— Ночи еще много. Может быть, постарше заявится, у этого видел панты — два отростка, пусть живет, — ответил он.

Мы постояли, размяли онемевшие конечности и снова затаились в скрадке.

На западе посветлело. Из темноты постепенно прорезались скалистые контуры Валу, посеребренные луною. Свет сиреневой дымкой сползал по склонам гольцов в ущелье. Наконец показалась и сама луна... Она усмирила дерзкий блеск звезд, зажгла тысячи разноцветных фонариков на хвое, траве и, заглянув в болото, так и повисла, залюбовавшись своим отображением. Все утопало в прозрачности, в нежном мерцании, в тонком колорите. Какое неизъяснимое наслаждение быть в плену у первобытной природы, зримо ощущать ее величие, чувствовать ее прикосновение, дышать ее жизнью! Знаю: для человека, любящего природу и в какой-то степени понимающего ее, такое сближение приносит величайшее наслаждение.

Ночная птица, тихо разгребая воздух крыльями, вернула меня к действительности. Скучно тянулось время томительных ожиданий. Усталость от дневного перехода слепила глаза. Все труднее становилось бороться со сном. Но уступить место

Прокопию не хотелось. Вокруг по-прежнему тихо, как в могиле. Стрелка часов миновала двенадцать. Какой-то неясный шорох заставляет насторожиться. Присматриваюсь и вижу, как в тени леса движется силуэт зверя медленно, бесшумно. Вот он остановился, и в полосе лунного света ясно вырисовываются его огромные панты.

"Бык", — мелькнуло у меня в голове, и я подтянул штуцер.

Пантач продолжает стоять. Проходит минута, вторая... уж не веришь, что это зверь. Вдруг с противоположной стороны кто-то бесцеремонно вваливается в болото и громко шлепает по грязи. Это небольшая самка. Только теперь пантач медленно вышел из тени.

"Какая осторожность", — подумал я, не отрывая взгляда от пантача.

Звери, и тот и другой, были видны хорошо. Они непродолжительное время смотрели друг на друга, затем начали громко пить воду. Но пантача не покидала осторожность. Он время от времени, поднимал свою тяжелую голову и поворачивал ее то в одну, то в другую стороны, прислушивался.

Я все время "держу" его на мушке, но не стреляю. А волнение росло, и чем ближе подходил к скрадку пантач, тем тревожнее билось сердце. Я уже хорошо видел пухлые отростки рогов, его глаза, уши. Вот он повернул голову и, вытянув заднюю ногу, копытом почесал основания пантов. Еще пьет воду, пьет медленно, с каким-то наслаждением. Наконец он делает несколько шагов и поворачивается к нам боком. Выстрел разорвал тишину. Далеко откликнулись разбуженные скалы.

Пантач упал, но тотчас вскочил и бросился вверх по распадку. На горе рывкнул зверь, вспугнутый выстрелом... Где-то выше и левее загремели камни. Через минуту все снова стихло, но без зверей, кедры и горы потеряли свою сказочную прелесть.

— Хорошо, что не наповал убил, он мог панты сломать,— сказал Прокопий, заглядывая через скрадок на болото.

— А если уйдет, лучше?

— Не должно быть. Падал-то он не от голка (*Голк — звук), а от пули. В прошлом году в Забайкалье промышляли, так же вот на солонцах, быку угодил пулей прямо по сердцу. Упал он да и изломал рога... Нельзя насмерть стрелять пантача.

Прокопий докурил папироску, и мы решили немного уснуть. Охота была закончена. Оставалось только дожидаться утра и найти зверя. "Неужели умирая он изломает панты?" — сокрушался я, засыпая.

В период роста панты очень нежны и чувствительны. Я уже писал, что много беспокойства приносят они самцу: малейшее прикосновение к ним веточки, падающие на панты капли дождя, даже холодная струя воздуха вызывают болезненное состояние. Мы всегда удивлялись бережливости, с какой марал выращивает свои рога. Редко когда на них увидишь следы ударов, укусов паутов, мошки или царапины. В период их роста зверь избегает чащу и предпочитает открытые места. А если отдыхает, примостившись где-нибудь у края скалы, или под тенью кедра, то не положит панты на землю, а будет держать их на весу, или в лучшем случае, опустит на спину. Промышленники считают, что раненый марал, даже умирая, как бы ни бился в предсмертной агонии, все же сохранит свои панты целенькими. Вот почему Прокопий и был доволен, что не убил наповал зверя.

Нас разбудили отдаленные раскаты грома. Мы вскочили. Совсем неожиданно погода изменилась. С востока надвигались черные тучи. В воздухе было сыро.

— Дождь будет, надо поторапливаться, — сказал Прокопий, и мы покинули скрадок.

На том месте, где я стрелял зверя, мы нашли два кусочка нутряного сала, но крови не было. Это нас удивило.

Прокопий долго рассматривал находку.

— Ума не приложу, сало нашли, а крови нет, — сказал он.

Идем следом пантача по болоту. Удирая, зверь глубоко вдавливал копытами грязь, оставляя в лужах муть, — она-то и показывала нам направление, каким ушел пантач. Выбравшись из болота на сухой борт, зверь пробежал короткими прыжками метров двести по тропе, но вдруг свернул влево на увал, и его след затерялся среди

многочисленных следов маралов. Мы остановились, не зная, куда идти.

— Вот тебе и не бей наповал! — невольно вырвалось у меня.

— Не торопитесь, найдем, зверь тяжело ранен, разве вот дождь, -- ответил он, с беспокойством поглядывая на хмурое небо.

Пришлось вернуться к тому месту, где пантач свернул с тропы и возобновить поиски. Теперь мы шли шаг за шагом, не выпуская из поля зрения след зверя. Пантач уходил вверх по хребтику, и лицо Прокопия заметно мрачнело.

— Странно. Тяжело раненный зверь не должен бы идти в гору, неужели плохо попал?

— Он взглянул на меня с явным упреком.

Начал накрапывать дождь. В мутной завесе непогоды растворились вершины гор. Надежда на успех покидала нас, и я готов был упрекнуть себя за неудачный выстрел.

— Кровь! — крикнул Прокопий.

Мы стояли у края россыпи. Пантач, видимо, взбираясь на нее, сделал прыжок, и от резкого движения жировая пробка, закупорившая рану, прорвалась, хлынула кровь и залила кусты кашкары, камни.

— Опять сало, — сказал охотник, подбирая с земли кусочки жира. -- Наверное попал по почкам, сало и затянуло рану.

Зверь, как только стал терять кровь, свернул влево и направился вниз. Мы шли его следом, а дождь, как на грех, усилился и скоро перешел в ливень. След окончательно затерялся. Пришлось ни с чем возвращаться в лагерь. Теперь вся надежда на Черню.

— Зверя не нашел, а сала на суп принесли, вот чудо! — сказал Прокопий, обращаясь к Лебедеву и сбрасывая с плеч промокшую одежду.

— Так не бывает, — ответил тот, не сводя с нас любопытных глаз.

— Не веришь? — и охотник достал из кармана кусочки собранного сала.

Тот внимательно осмотрел их и повел плечами.

— Действительно чудо, сало нутряное, а где же зверь?

Пока завтракали, дождь перестал. Захватив Черню, мы все трое ушли к болоту. Трудно было поверить, чтобы спустя полсуток после выстрела, да еще после дождя, собака могла уловить запах раненого марала. Но это была последняя наша попытка разыскать зверя. Жаль было упустить такие роскошные панты.

Мы подвели собаку к тому месту на солонцах, где я стрелял зверя. Черня внимательно обнюхал взбитую грязь и спокойно потянул к борту. Выйдя на тропу, он еще больше замедлил ход. С какой-то кропотливостью собака обнюхивала веточки, камни, былинки травы, к которым дотрагивался ногами зверь. Иногда она возвращалась и восполняла что-то пропущенное, более тщательно разбираясь в запахах. Когда же мы подошли к тому месту, откуда шел кровавый след, Черня заволновался, заиграли норки, сильнее натянулся поводок. Кровь хотя и была смыта дождем, но кое-где сохранилась под листиками, на стенках камней, и прекрасное чутье лайки легко улавливало ее. По тому, как уверенно она вела нас, по ее горячности, мы догадывались, что собака на верном следу.

— Отпускай, Кирилл, кобеля, так он скорее найдет, — предложил Прокопий.

Несколько прыжков — и Черня исчез с глаз. Мы бросились за ним и еще не успели спуститься в распадок, как послышался яростный лай.

— Держит!.. — крикнул кто-то, и все разом свернули на лай.

Мы уже были близко у цели. До слуха долетал приглушенный рев зверя. Кобель неистовствовал, метался, явно лез напролом и порой его лай переходил в злобное рычание. Последующие события были полны неожиданностей.

Позади послышался грозный окрик Лебедева.

— Медведь!..

Нас разделяло мгновение. Мои ноги запутались в чаще и я, разрядив в воздух штуцер, упал под зверя. Раздался второй выстрел, крик, лай кобеля. Медведь, не меньше нас ошеломленный неожиданной встречей, перепрыгнул через меня и с треском бросился в чащу. Следом за ним ушел и Черня.

Все это произошло буквально за несколько секунд и мы не сразу пришли в себя. Я встал, с ужасом посмотрел на разорванную штанину и мы вышли на поляну. Здесь-то нас и ждало разочарование. Под толстым кедром лежал марал, но без рогов. Раньше нас его нашел медведь, он-то и съел драгоценные панты.

Этого и нужно было ожидать. Обычно все хищники: медведь, россомаха, рысь и другие, поймав зверя, прежде всего добираются до его внутренностей, лакомясь почками, печенкой, жиром, или съедают мясистый зад. Но если им посчастливится наткнуться на убитого или раненого марала, а то и поймать его, то они, по непонятному нам влечению, вначале съедают панты. Даже ворон, оказавшись у такой добычи, забывает про излюбленные глаза, которые он первым делом выклевывает, а принимается за панты и поедает, главным образом, самые нежные их части — концы.

Так неудачно закончилась наша охота, принеся много волнений. Мы освежевали зверя, развесили мясо и ушли в лагерь. Но и здесь нас ждала неприятность — на поляне не оказалось лошадей, их разогнал медведь, и нам пришлось потратить много времени на розыски. Весь этот день был переполнен неприятностями.

Вечером мы с Лебедевым поехали за мясом. В наше отсутствие, под кедром, судя по следам, побывали два соболя, но как ни странно, они даже не дотронулись до жирных кишок, до печенки, до сгустков крови, лежавших там же на поляне. Отправляясь в свое убежище, после сытного обеда, хищники оставили небольшую лунку, выеденную ими в земле.

— Что они тут нашли съедобное? — сказал Лебедев, приседая на корточки возле лунки.

Это было любопытно. Пришлось заняться расследованием и мы оказались свидетелями очень странного загадочного явления в жизни этих зверьков. Лунка была выедена на том месте, где лежала голова марала. Когда медведь ел панты, кровь, заполняющая их сосуды, стекая, впитывалась почвой, ее-то соболи и ели вместе с землей. Почему у них такое тяготение к рогам марала? Какая притягательная сила заключена в них? Все это очень загадочно. И не этот ли факт жадного отношения хищников к пантам навел китайских медиков на мысль, что панты обладают необыкновенными целебными свойствами?

Пока добирались до лагеря, ночь черным крылом прикрыла долину, но небо оставалось еще легким и просторным. Ветер, шелестя травой, бежал с гор. На хвое, на цветах копилась холодная роса.

Мы долго сидели у костра. Над огнем метелицей играли бабочки. Под кедром крепко спал только что прибежавший Черня. Он и во сне все еще продолжал атаковать медведя и изредка лаял, вздрагивая всем телом. Мои спутники резали мясо для копчения. Я сидел за дневником.

— "Природа и здесь остается такой же дикой, угрюмой, но она более величественна, нежели на Кинзилюке" — писал я тогда в дневнике. "Долина прямого Казыра просторная, светлая, вытянулась почти прямолинейно на юго-восток. Как только мы попали сюда, не могли не заметить различие в растительном покрове по сравнению с соседними долинами истоков Казыра. Невидимая рука сеятеля здесь оказалась более щедрой, а почва менее капризной. Тут, будто на удивление, растут сосны с ржавыми стволами, с пряным запахом хвои, напоминающим что-то далекое, родное. Сюда проникли сучковатые лиственницы и крепко обосновались на дне долины и по склонам гор. А сколько берез! Их мягкий, как бы задумчивый контур, в сочетании с суровыми отрогами, несказанно ласкает взор. По сопкам левобережья Казыра — большие поляны земляники, как бывает на залежах. Более разнообразный здесь и травостой. Но больше всего нас поразило обилие пресмыкающихся — ящериц, маленьких сереньких, очень любознательных, бесцеремонно заползающих в одежду, в постели и непрерывно шныряющих по лагерю".

Была ночь, когда я закрыл дневник и, подсунув в огонь головешки, забрался в спальный мешок. Над головой мерцало темносиней бездной нарядное небо. От реки

тянуло влажным дыханием. Загадочные горы, огромные, сдвинулись в сумраке ночи и придавили уснувший мир...

Нам нужно было как можно скорее вернуться на Кинзилюк к своим. Тревожные мысли за судьбу людей не покидали меня. О Мошкове я стал забывать, горько упрекая себя за излишнюю доверчивость, за то, что не научился распознавать людей.

Но прежде чем отправиться в обратный путь, мы должны были выйти на господствующую вершину хребта Вала, чтобы разобраться в рельефе Центральной части Восточного Саяна и наметить план работ для следующего года. Это и была цель нашего заезда сюда. День обещал быть солнечным, и мы с Прокопием рано утром покинули стоянку. Лебедев должен был в наше отсутствие закоптить мясо.

Оказалось не так просто перебрести Казыр. Страшно смотреть, как скачет он по крутым валунам, сжимаясь в узких берегах и низвергая все, что попытается помериться с ним силой. Удивительно, как не надоедает ему сокрушительный бег, рев и вечная злоба! Пришлось сесть на лошадей и, рискуя быть сбитым, переезжать реку.

Зная, что нам предстоит тяжелый подъем и боясь чрезмерного напряжения сил, решили брать высоту в два приема, с длительной передышкой на верху первого отрога. Шли по просветам леса, залитым лучами только что поднявшегося солнца. Нужно было торопиться, да где взять сил?! Путь становился бесконечным. Лавируя по крутому склону, обходя обломки, небольшие снежные пятна, мы все же выбрались на площадку под гольцом. Прокопий устало сбросил котомку, раздавил на лице рукавом грязные крупинки пота и, опустившись на камень, сидел с закрытыми глазами. Его длинные худые руки, сцепленные в кистях и закинутае за голову, как бы поддерживали готовое упасть тело. На широких скулах лоснилась загорелая кожа, губы высохли, подбородок заострился. Что-то новое появилось в чертах его продолговатого лица, в движениях, в молчании. Я смотрел, и вдруг меня охватило хорошее, большое чувство, ведь Прокопий полуграмотный человек, не представляющий технологии геодезических работ, топографии, сложных процессов картографирования, он полюбил все это, со свойственным ему откровением и с гордостью сильного человека переносил лишения во имя карты. Он был голодный, обессиленный, это, несомненно, угнетало его, но ни единого слова раскаяния или упрека, не сорвалось с его уст.

— Теперь бы хорошо сладкого чая выпить с лепешкой... Неправда, доживем, и на нашей улице будет праздник! — сказал Прокопки подбадривающим тоном, развязывая котомку и доставая из нее горсть сухого мяса. — А эта преснина надоела, не смотрел бы, да что поделаешь! Закусив, мы поплелись дальше. Начался крутой подъем, затянутый каменной россыпью. Но и здесь, на увлажненной почве, на крошечных террасах пестрели ярко-желтые лютики, крупные синие водосборы, камнеломки. На выравненных, защищенных от ветра участках фиалки образуют очень красочные альпийские лужайки, особенно влекущие к себе здесь, среди безжизненных курумов и унылой мохово-лишайниковой тундры.

Взбираемся на последний гребень, сложенный из крупных каменных глыб. Сил уже нет продолжать путь, голова кружится, все тело невероятно отяжелело, даже мысли стали тягостными. Но вот впереди близко высунулась тупая вершина хребта. Все вмиг забыто, из неведомых источников в организм вливается сила, и мы идем дальше... Я отстаю. Прокопий горбя спину, выходит первым на гольц. Но и здесь нас поджидало разочарование: с вершины не открывался полностью горизонт, а то что было видно, не давало представления о местности. Западнее от нас, примерно в трех километрах, высились развалины мощного гольца. Его подпирают с боков скалистые гребни, они-то и закрывали вид на пик Грандиозный и Фигуристые белки. За этим гольцом прятался и исток Кизира. Прокопий, раздвинув широко ноги и склонившись на посох, молча осматривал вершину, а на уставшем лице так и застыла обида.

— Не везет нам, где тонко — там и рвется, — сказал он, тяжело опустившись на камень.

Мы долго сидели молча. Прокопий достал из шапки иголку с ниткой, стал чинить штаны. Я, откинувшись на спину, бесцельно смотрел на небо, наполовину затянутое тучей. Состояние безразличия овладевало мною. Не хотелось думать, смотреть на окружающий мир, больно было сознавать физическое бессилие. Ненужным показалось голубое небо, вершины гор, исток Кизира, захотелось съесть что-то острое, чтобы избавиться от проклятой тошноты в желудке, и тогда бы уснуть: не важно, что под боком холодная грань камня. Мысли слабели, расплывались. Чья-то невидимая рука закрывала глаза, расправляла ноги, заботливо укладывала в мягкую постель... Но вдруг откуда-то из бездны прорвалось грозное предупреждение: встань, не поддавайся, иначе гибель!

Я вскочил. В ушах далекий звон колокола, вокруг все та же унылая картина каменных гребней. Прокопий спускался с вершины, направляясь дальше к соседнему гольцу. "Остановить и возвращаться в лагерь!" — мелькнуло в голове, но послушные ноги уже шагали следом за Прокопием.

В четыре часа мы вышли на главную вершину хребта Валы. Негостеприимная природа Саяна смилостивилась над нами, открыв взору тайны своего рельефа. Усевшись поудобнее на край плиты, я достал из кармана записную книжку, карандаш, но разве до записей было тогда! Впервые мы осматривали такой обширный горизонт, замкнутый причудливыми очертаниями гор. Забыты житейская суета, голод, усталость, все кажется ничтожным по сравнению с грандиозной природой, вдруг оказавшейся под тобою. Ваш взгляд здесь пугают грозные великаны, примостившиеся у края горизонта, и глубокие пропасти, оберегающие недоступность гор.

Против нас, левее убежавшего солнца, чудовищными взмахами земли застыли вершины Фигуристых белков. Все там изломано, перепутано или выброшено высоко, в виде конусов, столбов и длинных извилистых гребней. Вся эта приподнятая часть хребта Крыжина долго еще будет дразнить любопытство исследователей, туристов, и мне снова пришлось пережить горечь обиды за то, что я прошел мимо, не побывал там.

Взор привлекает Орзагайская группа гольцов, нагромождениями скал и расчлененностью рельефа. Особенно красивы здесь белые, как снег, мраморные горы, упирающиеся вершинами в синь неба.

В пятнадцати километрах от нас был виден пик Грандиозный, возвышающийся над всей округой и обрывающийся крутыми откосами в троговую долину, обращенную к Кизиру. На его седловинах, между ближних к нему вершин, виднелись два небольших ледника — свидетели древнего обледенения Саяна. В нижнем крае они урезаются отвесными и очень высокими стенами темного льда, нависающего над скалами, что опоясывают подножья пиков. Вытекающие из-под ледников потоки воды падают с огромной высоты на дно долины. Абсолютная отметка пика Грандиозного — 2922 метра.

Пик действительно производит грандиозное впечатление своим внешним обликом, высотой, поднимаясь на 400 — 500 и более метров над окружающими его вершинами. Этот пик принято считать главной вершиной центральной части Восточного Саяна. Так считали и мы до последнего дня, пока не вышли на хребет Вала и не увидели обширное горное пространство на восток от нас, где зарождается Казыр, впиваясь своими многочисленными истоками в скалистые корпуса хребтов. Даже издали эта группа гольцов производит более мощное впечатление, чем те, которые мы видели и на которые взбирались до сих пор. Она расположена на Казыро-Удинском водоразделе, в клину слияний: с западной стороны Левого Казыра с Перевальной речкой, а с востока — Уды с Чело-Монго. Позже мне удалось проникнуть туда и окончательно убедиться, что самые интересные и самые дикие горы центральной части Восточного Саяна, именно там, у истоков Левого Казыра и Уды. Главная вершина этой горной группы -- голец Поднебесный — имеет абсолютную отметку 2926 метров, всего на два метра выше пика Грандиозный. Но не по этому признаку я сделал свои выводы. Грандиозный окружен вершинами ниже его

на 400 — 500 метров, поэтому-то он хорошо и виден на большом расстоянии. Поднебесный же, да и соседний с ним пик Триангуляторов, мало заметны среди множества вершин, незначительно уступающих им по высоте. Это-то и дает основания считать район с пиком Поднебесным — самым приподнятым.

Голец, на котором мы стояли, имеет абсолютную отметку 2423 метра. С западной стороны он обрывается крутыми уступами к Кизиру. Немного южнее, на дне глубокой водораздельной седловины расположено большое озеро овальной формы, из него-то и вытекает эта бурная река. Она пропилила мрачную щель между хребтами Крыжина и Кинзилюкским и ушла прямой трубой к далеким низинам, ворча и гневаясь на нависшие над ней скалы. С противоположной стороны седловины течет на юг, параллельно Прямому Казыру, река Проходная. Главный исток ее берется из озера большого цирка, расположенного в восточном склоне правобережного хребта. Над истоками этих двух рек, Кизира и Проходной, обрывается хребет Крыжина, достигнув в этой части наибольшей высоты.

Где-то над Агульскими белками в тучах бушевал гром. Я оглянулся, и наши с Прокопием взгляды встретились.

— Пирамида на Кинзилюкском пике, ей-богу, пирамида, смотри! — крикнул он, подавая мне бинокль и весь загораясь детским восторгом.

Я подошел к нему и долго присматривался к знакомому силуэту пика. Действительно, что-то маячило на том месте, где мы с Пугачевым намечали построить пункт. Надвинувшийся из ущелья туман оборвал мои наблюдения.

— Провалиться мне на этом месте, если Мошков не прилетал! — вдруг крикнул Прокопий, всплеснув руками от радости. — Голодным людям ни за что не вынести лес на пик... Значит верно, на Фомкином гольце мы слышали гул моторов. — Он обхватил меня худыми длинными руками, и мы закружились в каком-то диком экстазе.

Кажется, это были самые счастливые минуты в нашей жизни. Представьте себе крошечную площадку, возвышающуюся над пропастью, среди развалившихся скал, и два человека на ней, обросшие бородами, в лохмотьях, истощенные голодом, обнявшись подпрыгивают, поддерживая друг друга и, как сумасшедшие, что-то невнятное кричат! Вы, наверное, подумали бы, что это горные духи поднялись на голец размять давно бездействующие мышцы и прочистить голоса. Нет! Это был танец обреченных, к которым вернулась жизнь. Мы вдруг поверили, что про нас не забыли, что мы можем остаться здесь, чтобы продолжить свою работу, и унылая природа гор теперь показалась ласковой, гостеприимной, а нехорошие мысли о Мошкове — ничем не оправданными.

Какая неизъяснимая радость должна была охватить людей, которые, после длительной упорной борьбы, принуждены были отступить, не достигнув цели, но вдруг получили подкрепление и могут продолжить борьбу. В моих мыслях росла гордость за своих спутников, за то, что они безропотно выдержали все испытания и дождались этого счастливого дня, и — и мы с Прокопием, по-детски искренне, радовались наступившему перелому.

Пришлось задержаться. Теперь нужно более подробно изучить рельеф и наметить вершины гольцов, которые придется посетить в ближайшее время.

На потускневший закат давили тучи. Неизменно спокойно, бесстрастно, надвигалась ночь. За работой мы и не заметили, как из ущелий выполз туман. Пожирая отроги, хребты и вершины, он, словно нахлынувшее море, снивелировал пространство. На его белесоватой поверхности остались только мы да пик Грандиозный, возвышавшийся как бы памятником безвозвратно минувшим векам. От легкого дуновения ветерка туман качнулся и прикрыл нас непроницаемой мглой. Пришлось покинуть вершину.

Шли без ориентира, наугад, придерживаясь спуска. Место оказалось незнакомым, но нас это не тревожило: мы были уверены, что спускаемся на седло, за которым небольшой подъем на верх отрога, а затем пойдет общий спуск в долину Казыра. Вот

и долгожданное седло. Но откуда взялся снег, его же не было? Пришлось остановиться и разобраться.

— Это, кажется, не наш путь, бог знает, куда уведет, еще и не выберемся, — сказал Прокопий, бросая беспокойный взгляд по сторонам. — Что же делать будем?

— Придется вернуться на голец и исправлять ошибку.

— Надо бы сразу, как попали в незнакомые места, не впервые ведь! -- досадовал он. Мы повернули обратно и стали взбираться на гребень. Стемнело. Густел туман. Только и видно было — под ногами россыпь. Шли молча, словно приговоренные. Меня шатало от усталости. Прокопий часто останавливался, наваливался грудью на посох, дышал тяжело, порывисто и мне становилось жаль его. Он, вероятно, так же, как и я, подбадривал себя: еще немного усилий, терпения и мы вернемся к своим друзьям и будем вознаграждены за все испытания.

Опять пошла незнакомая крутизна, чужие, неприветливые скалы. Будто невидимая рука нарочито уводила нас в сторону от нужного направления. Остановились, но вернуться обратно на голец у нас уже не было сил. Из развалившихся поршней выглядывали окровавленные пальцы, мышцы потеряли упругость, ослабли, и ко всему этому заморосил холодный, липкий дождь.

— Надо к лесу спускаться, иначе тут пропасть можно в такую погоду, произнес тревожно Прокопий, и под его торопливыми шагами загремела россыпь.

Спускались куда-то в бездну. Я уже не различал в темноте идущего впереди Прокопия. Вдруг отчаянный крик разорвал тишину, и послышался грохот ящика с теодолитом, который он нес за плечами. Грохот быстро удалялся, словно проваливаясь в подземелье и там стих. Ни эхо, ни крика о помощи, все предательски затаилось. От этого стало не по себе. Жуткое одиночество на миг овладело мною. Я зажег спичку и отшатнулся — под ногами, в разорвавшейся темноте, тускло белело снежное поле, сбегающее почти отвесно в провал.

— У лю-лю?... — вырвалось у меня.

Никакого ответа. Не отозвались и скалы. Между нами легла тишина. Неужели Прокопий погиб? Эта страшная мысль пронизывает меня. Что же делать? Спускаться по снегу — круто, скользко и страшно, оттого, что неизвестно, какая ловушка прячется под ним. Решаюсь обойти снег слева. Иду наощупь и чувствую, как меня затягивает куда-то в пропасть. Присматриваюсь, под ногами край скалы, еще шаг — и я бы слетел. Поворачиваю назад. Хочу крикнуть, но из груди вырывается хрип. С трудом возвращаюсь к снегу, нахожу след Прокопия и на минуту задерживаюсь, не зная, что делать.

Дождь усилился. Одежда намочила, отяжелела, мучит беспомощность и мутный хмель тоски. Неужели в этой проклятой щели должен оборваться наш путь, оборваться нелепо, когда, казалось, все уладилось, можно было жить и работать...

Вдруг снизу доносится непонятный звук: не то шорох камней, не то стон. Слетело раздумье. Еще окончательно не созрело решение — что делать,— а ноги уже стояли на краю снежного поля. Невозможно отступить перед товарищеским долгом, и я стал спускаться на звук.

Сползаю, прижавшись животом к мокрому снегу, нащупываю ногами опору в темноте. Все труднее становится удерживаться на крутизне. Но вот под ногами образовалась пустота и я повис, впившись в снег истертыми до крови пальцами. "Конец!" — мелькнуло в голове. А жизнь вдруг выплеснулась из тайников и заупрямилась. Прилипли коленки к кромке излома, затвердели от предельного напряжения мышцы на руках. Мне удалось продвинуться в верх сантиметров на пять, и этого хватило, чтобы закрепиться. Несколько секунд передышки, два-три глотка сырого воздуха, еще усилие и я отполз от обрыва. Снизу донесся протяжный стон. С трудом зажег спичку. Подо мною опять скала, но правее, над ней навис снежный надув, упирающийся в дно лощины. Не задумываясь я подполз к нему и, вытянувшись во всю длину, скользнул в бездну, прикрыв лицо ладонями. Удар о что-то мягкое, скачок — и я приподнялся на четвереньки. Начал кричать не своим, диким голосом.

Прокопий лежал тут же, рядом, на окровавленном снегу, разбросав безвольно руки и поджав глубоко под себя полуголые ноги. Наклоняюсь к нему и вижу его мученически изможденное лицо, с багровым подтеком на скуле, со свежей раной во весь лоб. Отрываю от полы телогрейки пришитый бинт в непромокаемом пакете, с кровоостанавливающей ватой, прикладываю ее к его ране, бинтую. В полузакрытых глазах больного застыл ужас последней минуты. Нужно было немедленно укрыться от дождя и восставшей против нас природы. Но где?! Кругом только россыпь, снег да мокрая ночь.

Хорошо, что жизнь не терпит равнодушия, и я, подчиняясь ее зову, встаю. По телу гуляет колючий озноб, с неумолимой силой хочется прижаться к теплу, передохнуть. Уже далеко за полночь. Попрежнему темно, сквозь туман падает дождь. Нас сторожат черные выступы скал, словно мертвецы, поднявшиеся из могилы. Я брожу между ними, жгу спички, ощупываю гранит, пока не нахожу карниз под скалой. Он маленький, узкий, к тому же и наклонный, но под ним сухо. Возвращаюсь к Прокопию. В его молчании, в сжатых губах, нестерпимая боль. Я приподнимаю его и тащу волоком по угловатым камням и стараюсь не слышать душераздирающего крика. Через два-три метра отдыхаю.

— Больно, не могу... Брось меня тут, иди сам, — слышу его приглушенный голос.

— Потерпи, Прокопий, сухое место нашел, как-нибудь дождемся утра.

— Не нужно, оставь меня.

Чтобы не свалиться с карниза, пришлось его подмостить. Затем я выжал свою и Прокопия телогрейки, одну подстелил, другой, укрыл больного.

Сажу у самого края карниза, в мокрой рубашке, прижавшись к шероховатой поверхности скалы. Усталость давит тяжелой глыбой, слипаются глаза, но не уснуть! По скале за воротник рубашки стекает холодным лезвием вода. На коленку, которую некуда убрать, льет дождь, все тело дрожит от озноба. Мучительно пошевелиться. Ни тревоги, ни желаний, не стал чувствовать себя, кажется все обледенело и ничего не осталось в моей власти. "Не нужно, оставь меня..." воскресают в памяти слова Прокопия. Да, не нужно... — повторяет за меня чей-то голос, и вдруг стало легко, легко...

Вижу, как сторожившие нас черные останки скал вдруг зашевелились, стали прятаться в могилы. Раскинулся туман и под огромным кедром я увидел берлогу. Из нее выглядывает медведь, широко улыбается, растягивает угловатый рот, машет лохматой лапой, манит к себе. Из берлоги наносит желанным теплом и едким запахом поджаренной пищи. Хочу встать и не могу. А зверь подходит ко мне, добродушный, ласковый, берет за руку, ведет к себе. В берлоге хорошо: пол выстлан мхом, посередине костер, на окнах ажурные занавесочки, в углу ворохом навалены румяные лепешки. Хватаю одну, но обжигаясь, до того она горячая. Слышу рядом шорох, это два медвежонка катят бочку с медом и тоже смеются. На них рваные штанишки. Они лакают мед, он течет по штанишкам, копится на полу. Медвежата приглашают меня присоединиться к ним. Я запускаю обе руки глубоко в бочку, пригоршней черпаю мед, липну к нему губами, но опаливаю рот горечью, отплеываюсь. Медвежата хохочут, радуются — обманули! Но есть хочется. Вижу — ларь. Тут все: ветчина, колбасы, рыба, груды сахара, но ларь весь стеклянный, без крышки, не добраться до продуктов. Надо бы разбить его, да не догадался. А медведь тут как тут. Берет за руку и ведет дальше, где виден розовый свет спальни. Он заботливо укладывает меня в мягкую, теплую постель. Наконец-то можно отдохнуть, но я чувствую, как зверь глубоко запускает острые когти в мою черепную коробку... как с треском лопаются на ней швы. Физическое ощущение боли пронизывает всего меня. Силюсь приподняться, вырваться из-под навалившейся тяжести и не могу.

Вдруг стон. Я пробудился. Бессознательно хватаюсь за голову, ощупываю ее, в испуге осматриваюсь. Ночь. Туман. Прокопий, приподнявшись на локти, смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Поверни на другой бок, все онемело... — просит он.

"Какой мучительный конец должен быть у замерзающего человека" -- подумал я, поворачивая Прокопия и наблюдая, как он дрожит и бьется от холода на краю карниза.

Дождь перестал, за воротник не стала литься вода. В тумане нарождалось серое, неприветливое утро. Не чувствую себя, все чужое, липкое, холодное. С трудом сползаю с карниза. Подпрыгиваю, угрожаю кулаками небу, пославшему на нас дождь, а в голове бочка с медом, румяные лепешки и досада, что не разбил ларь. Кажется полжизни отдал бы за костер! Без него нам не выбраться из западни. Решаюсь спуститься за дровами. Объявляю об этом Прокопию. Он молчит, в глазах тревога: а вдруг заблудится, что будет с ним тогда?

— Не беспокойся, непременно вернусь... — успокаиваю его.

Спускаюсь по россыпи. Через каждые, примерно, десять шагов переворачиваю камень нижней, темной стороной вверх. Так их хорошо заметно и они помогут мне не сбиться с направления на обратном пути. Не помню, сколько времени шел, как во сне обходил мелкие скалы, сползал по снежным откосам, и все же добрался до границы леса. Разжег костер. Кажется, не может быть большего наслаждения у человека, нежели то, что пережил я, увидев огонь, пожирающий сушник и излучающий живительное тепло.

Стаскиваю с себя рубашку, протягиваю костлявые руки к пламени, глотаю горячий воздух и радуюсь, как ребенок, увидевший любимую игрушку. Счастья без горя не бывает! И мне вдруг стали дороги лохмотья, и истоптанные поршни, и ночь, пережитая с Прокопием под скалою, без них вряд ли было бы так радостно и хорошо! Сон свалил на землю расслабевшее тело, не было сил сопротивляться, да и зачем, так приятно уснуть возле костра! Но вдруг вспомнился больной, под мокрой телогрейкой, провожающий меня тревожным взглядом. Я вскочил. Ввалил на плечи сушник и отправился в обратный путь. Уже давно день, пора быть на месте, да что поделаешь, если нет сил.

В природе попржнему покой. Дремал седой туман, прижавшись к россыпям. Прокопий сидел под скалой, почерневший от холода. Я разжег костер, помог больному спуститься с карниза. Он свободным вздохом набирал полную грудь воздуха и, наверное, так же как и я, думал, что жизнь прекрасна, потому что в ней есть радости. Так с этими мыслями он и уснул. Я подложил в костер дров, присел к огню и, отягощенный всем пережитым, с наслаждением забылся. Бывают минуты, когда сознание хочет покоя, чтобы ничего не помнить, не знать, не слышать...

Проснулись поздно. От костра остались лишь догоревшие головешки. Что делать дальше? Жизнь Прокопия была уже вне опасности, но идти он еще не мог, болела ушибленная спина. Решили переждать до утра. Мы доели остатки сухого мяса, и я уже собрался идти за дровами для ночи, как сверху донесся стук камней под чьими-то тяжелыми шагами.

— Медведь! Его еще не доставало! Кто знает, с каким намерением он идет нашим следом? — забеспокоился Прокопий.

Вдруг оттуда же, сверху, глухо прорвался выстрел.

— Кирилл нас ищет, — сказал я, обрадованный, и стал кричать, звать его к себе.

Через несколько минут на снежное поле откоса выкатился черный шарик и стал приближаться к нам. Это — Черня. Он подбежал ко мне, стал ласкаться, визжать, выражая свою собачью радость. Следом за кобелем спустился и Лебедев.

— Что за чутье у него, привел, нигде не сбился, иначе разве нашел бы вас тут! — сказал он, кивнув головой на Черню.

Теперь были все вместе. Оказалось, что мы находились не так далеко от вершины гольца. После короткого разговора решили идти в лагерь. Шли своим следом, выбирая в снегу ступеньки и поддерживая с двух сторон Прокопия. Туман рассеялся. В горах стало светло и просторно.

Как только добрались до стоянки, Прокопий уснул. Рядом с ним спал Черня. Мы с Кириллом долго сидели у костра. Я рассказал ему про пирамиду на Кинзилюкском пике, о Мошкове и снова захотелось горячих лепешек. А вокруг, в сумраке ночи,

простирался безграничный край суровых гор. Слабый ветерок проносился, шевеля траву и разбрасывая аромат цветов. Теперь в нем чувствовался мир и успокоение.

МЫ НЕ УШЛИ ИЗ САЯНА

Восхождение на Орзагайский гонец. Ночь на россыпях. Выстрел. В лагере без изменений. Отступление. Избушка на Мугое. Встреча с людьми. Непоправимая утрата.

До восхода солнца караван покинул гостеприимный стан. Почуввав обратный путь, лошади торопились. В утреннем запахе хвои, цветов, скал теперь жил запах горячей лепешки, дразнивший наш аппетит. Ни о чем мы так не тосковали, как о хлебе. Что по сравнению с ним мясо, торты, шоколад, яйца, сливки, рыба! Какая сила заключена в нем. Само слово — хлеб — мы произносим, как нечто святое, что для нас превыше всего. Казалось, за пригорелую корку отдал бы все: Бурку, последнюю одежду, тропу... Чем дальше мы уходили от прямого Казыра, тем сильнее терзало любопытство. Где-то в глубине сознания еще копошилось сомнение, еще не верилось, что и на нашей улице наконец-то наступил праздник.

Во второй половине дня, выбравшись на перевал к Фомкиной речке, мы решили отдохнуть. Нужно было покормить лошадей и самим утолить голод. Я остался варить чай, а Лебедев с Днепровским пошли на верх бокового отрога посмотреть, действительно ли на Кинзилюкском пике отстроен пункт. Они скоро вернулись с добрыми вестями.

— Зря ходили, говорил же, что пирамида на пике. Так и есть, простым глазом видно. Ребята льют тур, — сказал Днепровский, взглянув на меня с упреком.

— Так что Мошков не подвел, что-то задержало его, — добавил Лебедев.

В голове снова рой мыслей: что в первую очередь делать? Каким направлением вести работу? Сбросил ли Мошков гвозди, цемент? Целесообразнее было бы экспедиции разделиться на два отряда, мне с пятью человеками вернуться к Грандиозному, а Пугачеву с остальными пробраться в верховья Орзагая и Большого Агула. Но, прежде чем идти ему туда, нужно было мне лично обследовать горные нагромождения в том районе и определить наивысшую точку среди многочисленных гольцов. И тут пришла в голову мысль: отправить Лебедева с вьючными лошадьми в лагерь на Кинзилюк, а нам с Днепровским на двух лошадях попытаться перевалить с Фомкиной речки на Орзагай. Такой маршрут мог занять у нас 2 — 3 дня, но зато он внес бы ясность в план предстоящих работ. Так мы и сделали, а голоду пришлось потесниться.

Спустившись до правобережного притока, впадающего в Фомкину речку у крутой излучины, мы разделились. Лебедев отправился тропой на Кинзилюк, а мы свернули ключом к Агульскому белогорью.

Еле заметная звериная тропа вывела нас на седловину и круто ушла вниз, в широкую Орзагайскую долину. Там она соединилась с большой левобережной тропой, идущей снизу и сильно утопанной следами маралов. Мы свернули по ней вправо к видневшимся впереди гольцам, замыкающим долину. На их скалистых вершинах угасал отблеск далекой зари. Лошади, да и мы, устали, пришлось искать место для ночевки.

Спали долго. Уже и птицы пропели хвалебный гимн наступившему утру, скрылись хищники в темных убежищах, ушли в чащу после ночной кормежки звери, наконец поднялось и солнце. На стоянку пришли лошади, а с ними полчища комаров, и нам пришлось подниматься:

С отрогов в долину сползал редяющий туман. Все уже жило, бегало, летало, заполняя суетою летний день. Мы ехали торной звериной тропой по светлой Орзагайской долине, пробираясь к истокам реки. Здесь много листовенниц, путь перехватывают заросли кустарников, топи и широкие луговины, затянутые цветущим высокотравьем. Языки темных перелесков поднимаются высоко под гольцы и там теряются по чащам. В десять часов мы проехали высокий мыс, нависающий над

долиной справа. За ним горы поднимаются и принимают более курчавое очертание. Отсюда начинается Орзагайская группа гольцов, которой мы недавно любовались. Тропа неизменно шла левым берегом, и чем ближе подбирались мы к вершине реки, долина глубже зарывалась между гор, принимая корытообразную форму. Главный исток Орзагай вылетает бурным ручьем из огромного цирка, врезанного в мощный голец у изголовья реки.

После полудня мы подъехали к броду через Орзагай, протекающий здесь нешироким потоком по каменистому дну. Дальше путь шел правым берегом. Долина и здесь, несмотря на высокие хребты, сопровождающие ее, остается просторной и светлой. Тропа, отдаляясь от русла, шла косогором, набирая крутизну, и скоро вывела нас на водораздельную седловину. Там мы разбили последний свой лагерь.

Тропа уходит дальше в широкую залесенную долину Тоенка, хорошо видневшуюся с перевала и протекающую в северо-восточном направлении от него. На седловине, сохранились остатки стойбища тафаларов, заходивших сюда с оленями, видимо, на пантовку. Седловина была истоптана следами маралов, она, вероятно, является главным проходом для зверей, кочующих из района истоков Большого Агула в Орзагай и обратно.

Прокопий еще не поправился и не мог идти со мною на вершину гольца. Пошел один. От перевала сразу начался крутой подъем. Небольшие террасы, прилавки с альпийскими лужайками, россыпи, затянутые долговечными лишайниками, чередовались на пути. Я подобрался к краю огромного цирка и остановился, пораженный незабываемым зрелищем. Сверху к нему круто сползает ледник, нависая над краем черным бордюром, из-под которого вырывается мутноватый поток. Шероховатые скалы гигантскими уступами спадают на дно цирка. Снизу они подбиты пожелтевшим снегом и осыпями. Собранный в одно русло исток каскадами сбегает вниз на дно долины.

Чем выше, тем труднее было идти. Путь преграждали "скалы, россыпи, сложенные из крупных угловатых камней, и мне приходилось делать сложные петли, в поисках прохода. А солнце не ждало. Я явно не поспевал, но отступить не хотелось, понимая, что на следующий день мне уже не повторить этого подъема. Шел как во сне, цепляясь руками за выступы и отдыхая на каждом прилавке.

Вот и вершина! Подъем отбирает у меня остаток сил. Если бы еще нужно было пройти хотя бы сто метров, то их пришлось бы преодолевать на четвереньках. Ноги не в состоянии были держать ослабевшее тело, в глазах опять рой звезд. Но вот проходит минута оцепенения, прорезается синь горизонта, виднеется безграничное море хребтов, убегающих в позолоченное закатом пространство. Подо мною Орзагайский ледник имени Кусургашева. Абсолютная отметка вершины 2426 метров. Она доминирует по высоте над всей группой окружающих ее гольцов, но не перекрывает Агульские гребни. Видимость с нее на восток и на северо-восток частично перекрывается более высокими гольцами, расположенными веерообразно в этом небольшом диапазоне. Это не позволяло использовать, вершину Орзагайского гольца под пункт. Нужно было продолжить обследование высоких вершин ближе к истокам Большого Агула, но на это не было ни сил, ни времени, и я ограничился тем, что наметил маршрут будущего обследования,

Солнце раскаленным шаром въедалось в курчавый горизонт. По темному небу табуном бежали легкие облака. В ущельях стекалась прохладная синь вечерних сумерек. Надо было торопиться на стоянку. Но хотелось пройти на край гребня и осмотреть местность, лежащую под ним.

Шел долго. Гребень уходит далеко, и я, боясь запоздать, решил повернуть обратно. Свернул к табору, намереваясь косогором выйти на свой след. Густой вечерний сумрак окутывал горы. Гасла заря. По пути мне попала медвежья тропа. Я пошел ею. Медведи на своих тропах ходят строго след в след, как волки, поэтому их дороги не имеют непрерывной борозды, а лишь лунки, выбитые ступенями и расположенные друг от друга на расстоянии шага взрослого зверя. Тропа увела меня вниз к скалам и затерялась по узким карнизам. При первой же попытке спуститься на

дно котловины, я почувствовал страшную слабость в ногах, закружилась голова, земля вдруг потеряла устойчивость. Хватаясь руками за выступ, я тяжело опустился на камень.

"Куда же идти?" — мелькнуло в голове. "Надо вернуться до верхней террасы и ею выходить на след". Поднимаюсь. Ноги не хотят упираться. По телу разлилась истома. Захотелось прилечь, свернуться в комочек и надолго забыться. Но внутренний голос гонит прочь сомненья, и я иду вперед. Иду тяжелыми шагами и не помню: была ли под ногами медвежья тропа. Слабость усилилась, и вдруг поползли передо мною россыпи, скалы, закачалось небо, все вмиг перевернулось, и связь с окружающим миром оборвалась...

Я пробудился от выстрела. Перед глазами посветлевший свод неба, под боком крутой каменистый склон. На лбу свежий кровавый шрам. Приподнимаюсь на локти и ловлю па себе умный взгляд сидящего рядом Черни. Силюсь вспомнить, где я, как попал на эту холодную россыпь, почему лежу поперек склона? И вдруг широко распахнулась память, вернув меня к действительности. Хватаю Черню, подтаскиваю к себе, обнимаю до боли. "Спасибо, милый Черня, пришел за мной!" — шепчу ему. Я встал, нашел скатившийся вниз посох и пошел следом за кобелем Алел восток. Над головою тухли звезды. Выстрел повторился.

— Слава богу, нашлись, — встретил меня на последнем спуске обрадованный Прокопий. — А я уж думал, конец, сорвался со скалы. Чуть свет пошел искать. Сюда дошел и ослаб, ни туда ни сюда не могу идти. Чего задержался?

— Тоже ослаб и потерял сознание.

— Значит больше не ходить нам по горам, нужно отдохнуть. Сны начали одолевать и все с едой, то шанежки, то булки, во какие здоровенные, да пахучие, а проснешься — только горечь во рту. Скорее бы доехать до своих, уж Алексей поди лепешек напек... Через час мы по Орзагайской долине возвращались в лагерь. Лошади шли ходко. Казалось, еще один небольшой потуг и мы будем в лагере. Там нас ждет настоящий обед и письма. Эти мысли крепко засели в голове и требовали разрядки.

Мы не поехали своим следом в Фомкину речку, уж очень крутой подъем от Орзагая на перевал. Спустившись ниже до ключа Сурунца, попали на хорошую звериную тропу, она вывела нас к озеру под перевалом и крутым каменистым подъемом выбралась на седловину. Мы оказались на том месте, где несколько дней назад видели быкамарала. Впереди, по дну знакомой долины, серебрился Кинзилюк.

На реке часок передохнули и тронулись дальше. Стемнело. Лошади уверенно шагали по хорошо заметной тропе. Далеко, не доезжая до стоянки, послышался басистый лай Левки.

Лагерь спал. У костра в глубоком раздумье сидел Павел Назарович, обхватив руками согнутые в коленках ноги, склонив низко голову. Услышав шаги, он подбросил в огонь дров и, приподнявшись, с трудом выпрямил спину. Вспыхнувшее пламя осветило фигуру старика. Не узнать было его опухшего лица, потускневшего взгляда, истлевшей на плечах рубашки, и я понял, что не было ни самолета, ни Мошкова, ни пирамиды на Двуглавом пике, — все это лишь наше досужее воображение. Мы даже не поздоровались. Не помню, как я слез с коня, как расседлал его. В голове со всей — ясностью созрело решение: скорее бежать из этих негостеприимных гор, отнявших у нас последние силы.

Из палатки появлялись люди в жалкой одежде, измученные голодом. Они молча окружали костер, ни о чем не спрашивали, будто ничто уже их не интересовало. Больно было видеть этих, поистине отважных и доверчивых людей обманутыми, изнуренными сомнениями, и с моих уст готово было сорваться проклятие в адрес Мошкова.

— Мы ведь торопились к горячим лепешкам, верили, что прилетели самолеты, что построили пирамиду на пике, — сказал я, задерживая свой взгляд на Пугачеве.

— Пирамиду построили, а насчет самолета ошиблись, — ответил он чуть слышным голосом.

— Это безумие, Трофим Васильевич, как мог ты пойти на этот шаг, зная, что силы нужно беречь, чтобы выбраться отсюда? Посмотри на себя и на товарищей, что осталось от вас после этой работы?!

— Он тут ни причем, все решали, всем и ответ держать, — сказал Курсинов, тяжело переступая с ноги на ногу и морща от дыма изъеденное комарами лицо. — Уж коль наметили пункт, неужели оставлять его неотстроенным! — добавил он.

— В этом не было необходимости, а теперь как пойдем, одежку последнюю дорвали, на ногах ничего нет, вот о чем нужно было подумать.

— Теперь уже поздно, не исправишь, да и какая же вина в том, что люди отстроили пирамиду? — вмешался в разговор Павел Назарович. — Ослабли от того, что есть нечего. Не привези Кирилл Родионович позавчера мяса — хуже было бы, а сами не можем добыть зверя. Какая близко держалась животина -- сбежала. Идти надо. Тропу нашел я через Аргульский перевал, как-нибудь доберемся до жилья.

— Идти, идти!!! — в один голос заговорили все.

Так и порешили — выступать. Для починки одежды пришлось пожертвовать палатку. Хуже было с обувью. У большинства ничего не было на ногах, а босиком не могли идти. Единственный выход — пристрелить Маркизу и использовать на обувь шкуру, которая еще украшала ее костлявое тело.

Последний день, проведенный в Кинзилюкской долине, прошел в хлопотах и сборах. Нужно было заняться починкой, сшить поршни, сделать лабаз, в котором решили оставить цемент, железо, часть снаряжения. Маркизе и на этот раз повезло. Утром, когда она, приговоренная к смерти, стояла привязанная к кедру, на одном из правобережных мысов, появился медведь. Мы отпустили Левку и Черню. Зверь, заметив их, насторожился, но вдруг бросился наутек, да разве мог он уйти от собак, коль те заметили его! Не успел косолапый добраться до перелеска, а уж Левка насел на зад. Взревел владыка, бросился на кобеля. Но тут подоспел Черня. В два-три прыжка он вцепился в "галифе". Гневу медведя, кажется, не было предела, не успел он кинуться на Черню, как Левка снова возле зада, и так все закружилось, завертелось. Носился зверь по поляне, да не поймать ему ловких собак!

А тем временем, по закрайку, сгорбившись подкрадывался Прокопий. Мы все с нетерпением ждали развязки. Вот он вылез на пригорок, выглянул, переместился правее. Еще раз выглянул, воткнул в землю сошки, положил на них бердану, долго целился. Вместе с выстрелом блеснул дымок и страшный рев зверя потряс долину. Три черных точки на мысу слились в одну, и все стихло. По лицу Самбуева расплылась довольная улыбка, он подошел к Маркизе и, отпуская ее на корм, сказал: — Смотри, дуреха, норовиться будешь — опять застрелим.

Как мы ни голодали, а медвежатину никто есть не стал. В это время года медведь бывает страшно худой, а мясо пропитано псиной, даже собаки близко не подходили к нему. Но шкурой мы воспользовались, хотя и она в это время бывает почти голая и очень тонкая.

Люди, заканчивая работу, расходились по палаткам. Из расщелин сочилась прохлада. Угомонились комары. Тишину тревожил далекий колокольчик. В лучах заката носились белоснежные стрижи. Пара за парой они то взлетали высоко, теряясь в лазури неба, то с легким шелестом проносились над нами, проделывая сложные виражи. Мы долго любовались их стремительным полетом, их вольностью, и с сожалением думали: почему у нас нет крыльев, чтобы перенестись за белогорья, и почему мы должны шагами отмерять свой путь?

Лагерь проснулся рано. Утренний холод заставил всех собраться у огня. На людях пестрела заплатами одежда, у многих на ногах были поршни, сшитые из медвежьей шкуры. Под брезентом лежали упакованные выюки. После чая сняли палатки, пригнали лошадей, и лагерь опустел. На месте долгой стоянки остались: пепелище костра, лохмотья истлевшей одежды да куча изношенной обуви. На старом кедре товарищи сделали надпись:

Последний лагерь

Саянской экспедиции.

Прощайте, горы!

1938 год.

Дальше следовали подписи: Бехтерев, Днепровский, Зудов, Курсинов, Кудрявцев, Козлов, Лазарев, Лебедев, Пугачев, Патрикеев, Самбуев, Федосеев.

Когда караван выстроился в ожидании команды "трогаться", Павел Назарович вдруг засуетился. Он подошел к пепелищу, отбросил все таганы и, выбрав из них самый большой, воткнул его в землю. Затем подставил к нему сошки и на конце сделал двенадцать зарубок.

— Это для чего? — спросил Алексей.

— Неужто не знаешь? Тогда смотри: таган воткнут так, что тонкий конец его направлен по нашему пути, показывает, куда люди уехали, а количество людей обозначено зарубками. Так всегда делали старики-соболятники.

— А я могу свою фамилию подписать, ведь таган-то мой?! — спросил Алексей.

— Зачем? — удивился старик.

— Видишь, Павел Назарович, начальника экспедиции и так узнают, а фамилию повара по зарубкам не прочтешь, — и, стесав бок тагана, он вывел карандашом: "в том числе и повар Алексей Лазарев".

Солнце, осветив величественные горы, заглянуло в долину, и караван покинул стоянку.

Любо было смотреть на лошадей — так замечательно они поправились. Лучшего приволья, чем в Саянах, им не найти, и если бы не гнус, было бы совсем хорошо. Труды Самбуева и погонщиков не пропали даром. Теперь наш караван двигался, имея только головного проводника. Каждая лошадь знала хорошо свое место и не нарушала строя.

Мы поднялись вверх по Кинзилюку и его последним левобережным притоком свернули влево, на верх Агульского белогорья. Шли в северо-западном направлении, по хорошо заметной звериной тропе, мягко набирая высоту. За границей леса идут кустарниковые заросли вперемежку с луговинами, а выше раскинулись субальпийские луга, усеянные по склонам распадка обломками развалившихся скал. Перед перевалом тропа подвела караван к крутой каменистой гряде, и по ней стали взбираться наверх. В опасных местах лошадей переводим поодиночке, придерживая за хвост и за повод. Мы уже заканчивали эту опасную переправу, как сорвалась Маркиза. Замелькали по откосу скалы голова, ноги, загремели ведра, привязанные к вьюку, и лошадь исчезла в провале.

— Вечная память, родимая, теперь и тебе и нам легче будет, — сказал Павел Назарович, заглядывая в глубину расщелины, откуда неожиданно донеслось жалобное ржание. Пришлось остановиться, не бросать же лошадь, раз она живая! Самбуев и Патрикеев побежали вниз по тропе. Пользуясь вынужденной остановкой, я решил выйти на седловину, попрощаться с горами, которые мы покидали с болью в сердце.

— "Тяжело расставаться с Саяном, с его дикой природой, с курчавыми хребтами и с мрачными ущельями, по дну которых бегут неумные ключи. Наша первая цель — проникнуть в глубину этих гор — достигнута. Но обстоятельства сложились не в нашу пользу, и мы должны прервать свое путешествие, хотя для продолжения работы и наступило лучшее время. Многое остается незаконченным, неисследованным, а самое интересное и таинственное, кажется, прячется там, куда мы не смогли пробраться. Но не все потеряно. Предстоит большая, более сложная работа по освоению этих гор. Саяны для советского человека — край неисчерпанных возможностей, нетронутых богатств. Много еще придется поработать тем, на долю кого выпадет задача обуздать дикую природу и отобрать для народа сокровища, хранимые в Саянах. При мысли, что нам, быть может, не придется вернуться сюда, чтобы продолжать борьбу, стало грустно. Прощайте, Саяны! Мы уносим отсюда неизгладимые воспоминания. Вы покорили нас своими каменными громадами вершин, суровыми цирками, с бирюзовыми озерами на дне их, альпийскими лугами, непуганым зверем, грохотом водопадов, сумраком кедровых лесов. Мы не отступили,

а лишь проявили осторожность. И не голод был самой главной причиной, мы ведь привыкли к сухому, пресному мясу, к черемше, но у нас совершенно не было одежды и обуви. Мы до неузнаваемости были изъедены комарами, мошкой, они приносили нам страшные муки. Все это еще не закончилось, немало потребуется усилий, выдержки и терпения, пока мы выберемся в жилое место. Но наша борьба и усилие не пропали даром, и, может быть, они послужат примером тем, кому придется столкнуться с природой центральной части Восточного Саяна".

Эти строки были записаны мною на Агульском перевале, когда я последний раз смотрел на пройденный путь. Я пошел по следу каравана.

С перевала тропа, виляя по крутому спуску, увела нас в глубокую троговую долину реки Малый Агул. Чем ниже, тем положе спуск. Склон затянут высоким травостоем и редколесьем. Тропа затерялась, но путь был хорошо виден, и мы скоро достигли дна долины. Никак не ожидали в таких горах встретиться с типичной тундровой марью, покрытой буграми, лишайниками, мхами да чахлыми листовницами. Свернули вправо к горам и там, пробираясь по кромке болота, случайно увидели срубленное деревцо. Несколько ниже мы нашли и признаки жилья — полусгнившие пятиножки от дымокуров для оленей.

Горы заметно теряли высоту и все больше закутывались в темные полы кедровой тайги. Шире открывался горизонт. Хотя мы и имели на два человека одну верховую лошадь, все же шли медленно. За тундрой путь перерезала старая гарь. Тут мы и заночевали.

День прошел без тревожных волнений, и это ободряло нас. Но мы не были уверены, что тропа, по которой шли, доведет нас до населенного пункта, судя по следам — ею пользовались только звери. Страшно было подумать, что она может затеряться и тогда нам придется самим прокладывать проход по совершенно незнакомым горам.

На второй день, 17 июля, караван перешел Агул, и тропа подвела нас к речке Мугой — левобережному притоку Агула. На ее берегу стояло охотничье зимовье.

— Слава богу, до жилья добрались, теперь не пропадем, — сказал Павел Назарович, слезая с коня.

От зимовья тропа раздвоилась: одна пошла вверх по Мугою, а вторая, поднявшись на береговую возвышенность, убежала на север. Мы не знали, какой ехать, поэтому решили остановиться.

Зимовье было не старое, с большим навесом перед входной дверью. Внутри стояла железная печь, на низких нарах лежала еще не пожелтевшая хвоя, на земле свежие стружки, окурки, остатки трапезы. В углу висела железная чаша, вернее, глубокий противень для варки маральных рогов. Видно в зимовье совсем недавно жили охотники за пантами.

— Куда же они уехали? — произнес Лебедев.

— А вот читайте, — сказал Павел Назарович, показывая на воткнутый в землю таган.

— Их было двое, и уехали они в северном направлении.

Алексей поднял таган и мы увидели на конце две свежие зарубки.

— Написано ясным почерком, — сказал он, отбрасывая таган в сторону.

Старик вдруг переменялся.

— Будто и грамотный ты человек, Алексей, читать умеешь, а обращаться с письменностью не можешь. Не для тебя одного оставили люди эти заметки. Может быть, тут их товарищи промышляют. Приедут, таган найдут, а куда ехать, не узнают и скажут: какие-то вредники тут были.

Старик бережно воткнул таган на прежнее место. Алексей, чувствуя за собой вину, принес камней и укрепил его.

Прежде чем трогаться дальше, решили произвести рекогносцировку обеих троп.

Трофим Васильевич с Лебедевым уехали по Мугою, а я с Козловым — на север.

Через три километра тропа привела нас к искусственным солонцам, сделанным в горе, и ушла дальше по распадку. Теперь на тропе, кроме звериных следов, были и конские. Мы продолжали ею ехать на север и скоро оказались в долине реки Малый Мугой. День уже был на исходе. Пришлось заночевать.

Собирая на ночь дрова, Козлов неожиданно наткнулся на срубленный пень, окликнул меня.

— Вот диво, ведь в прошлую осень кто-то был тут, — показывал он на сваленное дерево. — Его не промышленники срубили, видишь кругом обрублено, по-женски. Орехи добывали девчата.

Козлов был прав, кедр был срублен неопытной рукой. Это открытие окрылило наши надежды.

Утром, продолжая путь, обследовали северный склон горы, под которой ночевали, и там тоже обнаружили такую же порубку. Спустились ниже. Тропа неожиданно расширилась, и на ней мы увидели свежий отпечаток конских копыт и след волокуши. — Где-то близко люди живут, охотнику волокуша зачем? — говорил Козлов, поторапливая коня.

Спустились на дно сухого распадка. Вдруг к нам выскочила мохнатая собачонка. От неожиданности она остановилась, ее обвислые уши насторожились, она взвизгнула и стала улепетывать своим следом.

Сомнений не было — близко жилье. И действительно, вскоре впереди показалась струйка дыма.

— Люди!.. — крикнул Козлов.

За поворотом перед нами словно вырос барак, и сейчас же неистово залаяла все та же лохматая собачонка. Мы остановились, слезли с лошадей. В открытой двери показалась женщина, да так и застыла в страхе.

— Не бойтесь: свои!.. — крикнул я.

А женщина оцепенела. Она хотела крикнуть, но звука не получилось. Из руки упало на пол блюдо, и разбилось.

— Мы свои, — повторил я, поднимаясь на крыльцо.

Женщина пропустила пас внутрь помещения.

В углу, освещенном небольшим пучком света, падающего из окна, сидело за столом четверо мужчин.

— Здравствуйте!.. — произнес Козлов.

Сидящие за столом повернулись и тоже замерли в недоумении.

Наша встреча оказалась обоюдонеожиданной, и какую-то долю минуты мы молча рассматривали друг друга.

— Документы у вас есть? — послышался голос низкого тона, в котором явно прозвучала растерянность.

— Мы из экспедиции, — с трудом произнес я и нахлынувшая вдруг радость перехватила горло, от запаха чего-то вкусного, жарившегося на плите, у меня помутнело в глазах. Мужчины продолжали испытующе осматривать нас с головы до ног.

Только теперь, взглянув на них и на свою одежду, я все понял. На пас были трикотажные рубашки, совершенно выцветшие от солнца, дождя и костров, украшенные множеством заплат, а вместо брюк — настолько странное одеяние, что для него невозможно было придумать названия. Худые, истощенные лица и обнаженные части тела до крови были изъедены мошкой и комарами. На ногах поршни, наружу шерстью, а у пояса — охотничьи ножи. Мы скорее напоминали пещерных людей, случайно попавших в барак, или бродяг, чем участников экспедиции.

— Какие документы, мы вот уже месяц хлеба не ели, — процедил сквозь зубы Козлов.

Мужчины поднялись, стали приглашать к столу, но все еще с опаской поглядывали на нас. Я снял с плеча штуцер, отстегнул ремень с ножом и все это оставил в углу барака. Атмосфера недоверия сразу исчезла. Разве можно было устоять против соблазна, не присесть за стол, не отведать хлеба, того самого хлеба, что так долго мучил наше воображение; яичницы, распластанной на сковородке, отказаться от сахара, от соли. От одной обстановки человеческого жилья кружилась голова. Трудно

передать состояние, какое охватило нас, и мы, буквально опьяненные этой неожиданной встречей, присели к столу.

Хозяйка подошла к нам и убрала все съестное.

— Голодному человеку много есть нельзя. Я сейчас приготовлю, минутку подождите, — и она подала нам по стакану сладкого чая и по кусочку хлеба, намазанного маслом. После первого глотка пропал аппетит, хлеб показался горьким, захотелось спать.

Как оказалось, мы вышли на реку Негота, приток малого Агула, где жили две семьи старателей. Кроме них, в бараке находился начальник Караганского приискового управления и сборщик золота. Я коротко рассказал о судьбе экспедиции, о наших скитаниях, о том, что на Мугое осталось десять человек, изнуренных недоеданием и не знающих, что так близко живут люди.

Скоро мы уснули, обогретье радушным приемом.

— Вставайте, уже третий раз завтрак подогреваю, — услышали мы голос хозяйки, возившейся у летней печи. — Мужчины давно ушли к вашим.

— Как к нашим, в дождь? — переспросил ее Козлов.

— А дождь-то что им, не размокнут. Товарищи-то ваши голодные.

— Почему же нас не разбудили, я бы пошел с ними.

— Они и сами найдут, — ответила женщина, махнув рукой в сторону убежавшей тропы на юг.

К нам подошел начальник Приискового Управления.

— Мы сейчас отъезжаем. Что вам нужно, чтобы продолжать работу? -- спросил он, вытаскивая из кармана объемистый блокнот.

— Если мы будем иметь продукты, обувь и одежду, то вернемся в Саяны, — ответил я. С новой силой воскресла надежда, потянуло в горы, к борьбе.

Через час мы обо всем договорились. Я написал телеграмму в Управление, в Новосибирск, с краткой информацией, запросил, где Мошков, и сообщил о намерении вернуться в горы и продолжать работу. Начальник Приискового Управления заверил меня, что продовольствие будет нам доставлено через пять-семь дней из ближнего прииска Тукша, и мы распрощались.

...Через день на берегу Неготы был разбит большой лагерь. Мы с Трофимом Васильевичем занялись обработкой накопившегося материала, составляли маршрут предстоящего похода. Товарищи же после трехдневного отдыха помогали гостеприимным старателям мыть золото.

— Давай, давай, бутара простаивает, — часто доносился до слуха голос Алексея, уже успевшего освоить старательское дело. Иногда и мы с Трофимом Васильевичем брались за тачки или кирки. За работой время текло незаметно. А вечером, когда над залесенной долиной реял сумрак, просыпалась губная гармошка, текли по пространству звуки знакомых напевов. К людям вернулась жизнерадостность.

21 июля прибыл приисковый транспорт с продовольствием и одеждой. Наконец-то мы сбросили с своих плеч одежду, испытавшую на себе силу солнца, дождей, костров и чащи. Мы готовились вернуться в центральную часть Восточного Саяна.

В последний вечер к лагерю подъехал нарочный.

— Мошков-то ваш... с Околешниковым погибли... Вот тут подробно... — и он передал мне пакет.

В пакете, помимо письма начальника Управления, было несколько телеграмм. Одна из них следующего содержания: "Из Новосибирска прииск Караган Саянская Экспедиция Федосееву. Мошков и Околешников шестнадцатого июня погибли порогах Кизира тчк Богодухов и Берестов тяжелом состоянии доставлены рыбаками больницу поселок Ольховка зпт сообщению врача их здоровье улучшается тчк самолеты вас не застали Кинзилюке".

— Вот оно что, братцы, случилось... Я же говорил Мошков не забудет своей клятвы...

— сказал Алексей и, отвернувшись, заплакал. Все встали.

— Промахнулись где-то, — вздохнул Павел Назарович.

Это была тяжелая утрата для экспедиции и большое горе для всех нас. Мы глубоко переживали гибель Мошкова. Ушел близкий человек, разделявший с нами много лет труда и скитания по неисследованным просторам Сибири. Хорошим товарищем был и Околешников.

Подробности их гибели мы узнали позднее от оставшегося в живых Богодухова. Как оказалось, они благополучно миновали верхние два порога и уже проплывали Семеновскую шиверу. Это, пожалуй, самый опасный участок на Кизире. Там река, прорезав себе путь в граните, то набрасывается на скалы, сдавившие ее с двух сторон, то, взбесившись, неудержимо пронесется между крутых валунов, то вдруг рассыпается по перекату или по каменистой гряде. На каждом шагу здесь человека подстерегает опасность. Прозевай повернуть нос лодки или отбросить корму — и конец.

Семеновская шивера тянется на шесть километров. Много ценностей хранит она: соболиных шкурок, личных вещей промышленников. Не один смельчак погиб в этой холодной речной расщелине.

Мошков и Околешников плыли впереди. Они знали, по рассказам Павла Назаровича, что где-то близко самое опасное место в шивере под названием "Баня". Там река делает крутой поворот влево и со страшной быстротой набрасывается на торчащий посредине русла огромный камень. Влево от него -- скала, вправо — все забито обломками. Лодка, проплыв небольшой перекат, неожиданно оказалась за этим роковым поворотом. Впереди словно выросла скала, перерезав реку. Камень остался вправо. Мошков понял — гибель неизбежна, но вспомнив, что сзади товарищи, крикнул: — Баня! Берите вправо!..

Не повернись он, чтобы предупредить товарищей, используй эти две-три роковые секунды на то, чтобы отвернуть нос лодки от опасной скалы, куда их нес неумолимый поток, они бы с Околешниковым спаслись, но погибли бы двое других, однако Мошков остался верен себе, и это был его последний товарищеский долг!

Богодухов и Берестов налегли на весла, стали жаться к берегу, но течение несло их в горло поворота. Оставалось метров пятьдесят, когда лодка ударилась о валун и переломилась. Они бросились вплавь и с трудом миновали камень. А в это время лодка с Мошковым и Околешниковым налетела на скалу, и оба исчезли навсегда.

Богодухов и Берестов добрались до берега. У первого был поврежден позвоночник, у второго ноги. Ни спичек, ни кусочка хлеба. Сначала они еле передвигались, поддерживая друг друга, кричали, звали товарищей. Потом у Берестова опухли ноги, раны без перевязки кровоточили, а у Богодухова усилилась боль в спине, не позволявшая ему вставать. И все-таки они продвигались, как могли, ползком, вперед! Они считали своим долгом сообщить о нас в поселок.

На восьмой день их подобрала рыбаки, уже со слабыми признаками жизни, и доставили в больницу...

Утром следующего дня экспедиция покинула Неготу и гостеприимных старателей. Наш путь шел на юг. От Мугоя Трофим Васильевич с семью товарищами направился к Кальте, надеясь по этой реке выйти на Канское белогорье, а я с остальными — к вершинам Казыра, туда, где, украшая горизонт, величественно возвышаются над всей горной страной: пик Грандиозный, Агульские белки и Орзагайские гряды гольцов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В тот год, поздно осенью, когда в тайге смолкли брачные песни маралов, отлетели птицы и по Саянам загуляли снежные бураны, экспедиция вышла к Нижнеудинску. Второй маршрут был закончен. Нам снова удалось проникнуть к восточной оконечности хребта Крыжина, побывать в верховьях Казыра, на Агульском озере.

Путь был тяжелым. На гольцах нас часто заваливал снег, а в солнечные дни мы изнывали от жары и гнуса. Преодолевая малодоступные перевалы, мы поднимали на

себе вьюки и вытаскивали на веревках лошадей. Часто ливни не давали покоя, ночные грозы угоняли лошадей далеко от лагеря.

В том совершенно изолированном районе Восточного Саяна мы наблюдали жизнь диких животных, встречались с медведем, сожжоями, маралами.

Проходя через один из глухих ключей, впадающих в Казыр, мы случайно наткнулись на следы некогда существовавшей там землянки. Ее сруб и крыша давно упали и сгнили. Осталась только печь, сложенная из камней. На полу землянки вырос кедр толщиной в двадцать два сантиметра.

Оставленный когда-то людьми лом острым концом упирался в камень, а тупым глубоко врос в ель, к которой когда-то был прислонен Имена смельчаков, посетивших отдаленный район, остались неизвестными, но лом нам подсказал, что это были искатели золота. Видимо, в середине прошлого столетия верховья Казыра, то есть центральную часть Восточного Саяна, посетили старатели, эти своеобразные сибирские землепроходцы.

Из Саяна мы привезли большой материал, который лег в основу высокоточной карты и открыл широкий путь к освоению этих суровых гор.

Что же случилось с участниками нашей экспедиции?

Алексей Лазарев, наш повар, в 1941 году ушел добровольцем на фронт и погиб в борьбе с фашистами при героической защите Сталинграда.

Прокопий Днепровский после окончания войны демобилизовался и вернулся в экспедицию. Мы работали с ним в северных районах. Но состояние здоровья не позволило ему дальше путешествовать, и он уехал в родной поселок Харагун Читинской области, где живет до настоящего времени.

Трофим Пугачев и Кирилл Лебедев безотлучно работают в экспедиции. Они самостоятельно ведут геодезические работы, исполняя обязанности инженеров. Вместе с ними работают Михаил Бурмакин и Василий Мищенко — тот, кто привез в Неготу весть о гибели Мошкова и Околешникова. Мищенко был нашим проводником во втором маршруте, да так после этого и остался при экспедиции.

Степан Козлов и Тимофей Курсинов погибли в результате несчастного случая.

Павел Назарович Зудов после окончания работы в Саянах вернулся в свой колхоз, в поселок Можарку, Ольховского района, Красноярского края. После опубликования моих записок в журнале "Сибирские Огни" он писал мне:

"...Журналы получил, спасибо, что не забываешь старика. Живу ни в деревне, ни в тайге, а как бы посредине между ними, на пасеке. В горы не хожу — ноги давно отказали, но иногда во сне то соболя погоняю, то проберусь на лыжах за маралом, Вот и все. Словом стар стал, а все тянет в тайгу. Ведь знаю: не бывать мне в ней больше, да что поделаешь — привычка, люблю ее. Теперь уже в который раз перечитываю журналы и думаю: мог ли можарский мужичок раньше со своим именем и фамилией попасть в книгу? А вот я до этого дожил при советской власти. Правда, старушка не верит, что это про меня пишут, но на всякий случай стала называть меня не Павлом, как раньше, а Назарычем, да еще и на "вы".

Остальные товарищи — Ш. Самбуев, А. Кудрявцев, А. Патрикеев, И. Бехтерев и другие — были участниками нескольких экспедиций, а затем вернулись в свои колхозы и на производство.

Завершаются первоочередные планы преобразования природы. Воля и настойчивость советских людей побеждают и суровую сибирскую тайгу, и могучие горы, и бурные реки. Каждый шаг в деле покорения природы приближает нас к светлому коммунистическому будущему.

 [В начало](#)

© 2003 [Камиль Зиганшин](#) (кругосветные путешествия, книги о старовеерах, защита диких животных, фотографии дикой природы, писатель натуралист).

AV Weddings [свадьба Уфа](#)

"Лидер Поиска" - поисковое [продвижение сайтов](#) в Уфе.